
4·44
Денис Пожидаев
18+

Денис Пожидаев
4:44

https://litres.ru/73940186
SelfPub; 2026

Аннотация

Каждое утро в 4:44 мир на мгновение забывает, как должен работать. Лестницы ведут не туда, тени живут отдельно, а древний замок Каэля больше не узнаёт тех, кто внутри. Каэль — ошибка, пережившая века, — привык к чудовищам, но теперь сама реальность начала писать сценарий его гибели. И где-то под камнем просыпается то, что помнит, зачем он был создан.

Содержание

Глава 1. Замок не знал 4
Глава 2. Проблема с тако 23
Глава 3. Передача «Сдохни или ответь» 269
Глава 4. Таможенный пункт чужого завтра 341
Глава 5. Океан в подвале 387
Глава 6. Зоопарк нереализованных завтрашних дней 581
Глава 7. Игрушечный диктатор 651
Глава 8. Апорт 785
Глава 9. Реквием в калибре 12,7 848
Конец ознакомительного фрагмента. 873

Денис Пожидаев
4:44

Глава 1. Замок не знал

Сначала возвращается запах. Пыль, перетёртая веками в сухую серую пудру. Жжёный дуб. И тяжёлый, почти металлический аромат выдержанного вина.

Каэль открыл глаза. Темнота библиотеки ощущалась плотной, как мокрый бархат. Он сидел в огромном кожаном кресле, глубоко запрокинув голову. В правой руке — хрустальный бокал, зажатый между длинными бледными пальцами. В левой — открытая книга в переплёте из почерневшей кожи. Он даже не помнил, на каком языке её читал. И зачем вообще открывал.

Угли в гигантском камине мерцали тусклым, больным рубиновым светом. В тишине раздался звук. Глухой, влажный скрежет камня о камень. Замок медленно выдохнул. Стены слабо скрипели, словно глубоко внутри кладки перекатывалось что-то огромное, перестраивая собственные позвонки.

Каэль поднёс бокал к губам. Вино было тёплым. Слишком тёплым для напитка, который простоял на холодном сквозняке не меньше пяти часов. Законы термодинамики в этом месте давно сдались и вышли в окно. Он сделал глоток. Вкус

старой крови, смешанной с терпким виноградом и пряностями. Идеально. Бессмысленно.

За высокими, от пола до потолка, стрельчатыми окнами висел туман. Не просто ночная дымка — густая, жирная, серая масса, пожирающая горные склоны. Где-то далеко внизу, сквозь разрывы в облаках, мерцал Кито. Огни человеческого города казались россыпью гниющих фосфорных искр на дне тёмного океана. Люди там спали. Тревожились о налогах. Занимались сексом. Умирали. Абсолютно не подозревая, что прямо над их головами, скрытая туманом и аномалиями, висит чудовищная каменная туша, которой вообще не должно существовать.

Каэль захлопнул книгу. Пыль взвилась в воздух крошечными мёртвыми галактиками. Он поднялся. Тело двигалось с пугающей, жидкой грацией хищника, который даже спросонья способен вырвать человеку позвоночник за долю секунды. Но рвать было некого. Была только тоска. Тяжёлая, как свинец, изношенность существа, прожившего слишком долго, чтобы удивляться собственному существованию.

Он вышел в коридор. Пространство за тяжёлыми дубовыми дверями пахло сыростью и старым железом. Свет здесь никогда не падал прямо. Тени казались длиннее объектов, которые их отбрасывали, и иногда отставали от них на доли секунды.

Шаг. Ещё один. Архитектура замка начала вести себя неправильно. Сначала — едва заметно.

Тридцать ступеней вниз по спиральной лестнице северного крыла. Вчера их было двадцать шесть. Каэль даже не сбил дыхание. Каблуки его сапог методично отбивали ритм по влажному камню. Он просто спускался дальше, пока ступени не перестали множиться под ногами.

Внизу, в переходе к галерее, стало холоднее. Дверь в оружейный зал всегда находилась слева от гобелена с изображением сожжённых святых. Сейчас её там не было. На месте старого дерева зияла идеально ровная стена. Сама дверь бесшумно переехала на три метра правее.

Каэль скользнул по ней равнодушным взглядом. В галерее на него смотрели лица. Масляные краски, заключён-

ные в массивные золотые рамы. Портрет слепого кардинала. Обычно старик смотрел прямо перед собой, сжимая чётки. Сегодня кардинал отвернулся к стене. На холсте была видна только напряжённая, вжатая в плечи шея и затылок. Было слышно, как сухо шуршит краска, когда фигура на портрете дрожит. Кардинал избегал взгляда Каэля. Или того, что шло за ним по пятам.

Каэль остановился напротив картины. Допил вино. — Спокойной ночи, Ваше Высокопреосвященство, — тихо произнёс он. Голос прозвучал сухо, с лёгкой хрипотой бессмертного сарказма.

Кардинал на холсте нервно дёрнул плечом, но так и не повернулся.

Каэль пошёл дальше. Никакого удивления. Никакого страха. Для людей это было бы абсолютным безумием, поводом выжечь это место дотла. Для него это была рутина. Дом снова менял планировку, потому что ему, вероятно, стало скучно.

Желудок напомнил о себе коротким спазмом. Жажда. Не кровавая истерика обычных упырей из низших Родов, а спокойное, гурманское желание съесть чего-нибудь горячего, вредного и очень человеческого.

Каэль свернул в сторону кухонного крыла. Оттуда уже тянуло запахом жареного мяса и специй. А ещё оттуда доносились звуки. Кто-то яростно матерился, угрожая расправой кухонной утвари. Утро начиналось нормально.

* * *

Кухня встретила его жаром. Пространство было размером с небольшой собор. Чёрный камень, закопчённые своды, массивные железные цепи, уходящие под потолок.

Пахло розмарином, чесноком и свежей кровью. Под потолком, среди почерневших балок, шебуршали мелкие теневые твари. Они сбивались в кучи, напоминая клубки грязной паутины, и нервно перешёптывались, когда внизу что-то лязгало.

Слева, на огромном ржавом крюке, висела освежёванная туша. Слишком много суставов для обычного животного. Слишком длинные рёбра. С мяса медленно, тяжёлыми каплями, срывалась тёмная жидкость, с шипением испаряясь на раскалённой решётке стока.

Каэль прошёл мимо дубового стола. На разделочной доске лежал свежий хлеб. Корочка была золотистой, идеальной. Хлеб медленно, ритмично вздымался и опускался. Он дышал. Рядом, в сушилке для посуды, тихо перешёптывались керамические кружки.

— Ещё один дюйм, — раздался ядовитый голос из угла. — Ещё один дюйм, и я переплавлю тебя в ночной горшок для Бруно. А он, поверь мне, не отличается меткостью.

Морра стояла на чугунном табурете. Поверх старинного чёрного платья из тяжёлого кружева был небрежно повязан

фартук в розовый горошек, перепачканный мукой и чьей-то сизой жёлчью. В руке она сжимала длинную серебряную вилку для мяса. Она целилась в вентиляционную решётку.

Там, вцепившись тонкими железными паучьими лапками в кирпичную кладку, висел пузатый медный чайник. Он отчаянно пытался протиснуться в узкую щель вентиляции. Из его носика вырывался панический, прерывистый пар.

— Ты травмируешь посуду, — спокойно заметил Каэль, останавливаясь у стола.

Морра резко обернулась. Её глаза — обычно тёмные, как безлунная ночь, — сейчас полыхнули раздражённым золотом.

— Эта медная дрянь отказывается кипятить воду, — прошипела она. — Он утверждает, что огонь ранит его чувства. — Он чайник. — Вот именно! — Морра ткнула вилкой в сторону беглеца. — А ну живо на плиту!

Чайник издал тонкий свист, разжал лапки и с обречённым звоном рухнул на чугунную поверхность плиты. Подогнул под себя железные конечности и затих, испуганно пуская пар.

Морра спрыгнула с табурета. Её движения были слишком плавными, лишёнными человеческой инерции. Она скользнула к столу, выхватила тесак и одним точным, чудовищно сильным ударом отсекла кусок от дышащего хлеба. Хлеб издал тихий вздох и перестал шевелиться. Стал просто хлебом.

Каэль сел за стол. Морра с грохотом опустила перед ним

тяжёлую керамическую тарелку. Стейк. Идеальной прожарки. Сочащийся горячим красным соком, покрытый крупной солью и перцем. Рядом — запечённый картофель и тот самый ломоть хлеба.

Каэль посмотрел на еду. Внутри разлилось странное, глубоко человеческое предвкушение. Он взял нож. Металл легко прошёл сквозь плоть. Мясо было нежным, горячим. Острый вкус специй ударил по рецепторам.

Он жевал медленно, закрыв глаза. Для большинства его сородичей человеческая еда была пеплом. В лучшем случае — безвкусной глиной, вызывающей рвоту. Каэль же чувствовал её вкус острее, чем любой смертный. И это была ещё одна неправильность его существования, о которой в Цитадели предпочли бы не знать.

— Выглядишь так, будто тебя выкопали, — сообщила Морра, опираясь на стол. Она смотрела на него не мигая. Взгляд снова стал почти полностью чёрным. Изучающим. Острым.

— Вино было неудачным, — Каэль проглотил мясо, потянулся за бокалом воды. — Кровь донора. Вторая отрицательная, смешанная с мерло восьмидесятого года. — И что не так? — Вторая отрицательная делает танины слишком резкими. Оставляет на языке привкус ржавчины и сожалений. Нужно было брать третью положительную. У неё мягче финиш.

Морра фыркнула. — Эстет хренов. В следующий раз я

просто выжму для тебя бродягу в графин.

— Я ценю твою заботу о моём рационе, — Каэль отрезал ещё кусок. — Но бродяги обычно отдают отчаянием и дешёвым джином. У меня от них изжога.

Морра не улыбнулась. Она наклонилась ближе. От неё пахло сахаром, карамелью и застарелым запахом озона — так пахнет воздух за секунду до удара молнии.

— Ты не спал. Это не было вопросом. Каэль перестал жевать. Медленно отложил нож. Звон серебра о керамику показался слишком громким.

— Я дремал в библиотеке, — ровным тоном ответил он. — Не ври мне. — Тонкие пальцы Морры, заканчивающиеся острыми, как скальпели, когтями, легли на край стола. Дерево под ними едва заметно почернело. — Замок скрипел всю ночь. Он чувствует тебя. Твою тревогу. Комнаты в восточном крыле опять поменялись местами. Я утром не могла найти кладовую со специями.

Каэль поднял на неё взгляд. Спокойный. Пугающе пустой. — Значит, восточное крыло решило размяться. Оставь дом в покое.

Морра открыла рот, чтобы сказать что-то ядовитое, но в этот момент с улицы донёсся звук. Глухой, тяжёлый удар. Затем скрежет гнущегося железа. И рычание, от которого задрожала вода в стакане.

Кружки в сушилке мгновенно заткнулись. Теневые твари на потолке вжались в трещины, сливаясь с копотью.

— Гаш и Бруно, — вздохнул Каэль, чувствуя, как внутри нарастает привычная, тяжёлая усталость. — Что на этот раз?

Морра выпрямилась. В её глазах мелькнуло раздражённое предвкушение. — Кажется, кто-то пришёл к главным воротам. И наши идиоты опять забыли, что им нельзя есть гостей до десерта.

Каэль посмотрел на недоеденный стейк. Мясо медленно остывало. Он вздохнул. Поднялся из-за стола, накидывая на плечи тяжёлое пальто. Утро окончательно перестало быть нормальным.

* * *

Туман во внутреннем дворе был густым, как прокисшее молоко. Он оседал на тяжёлом шерстяном пальто Каэля холодной, липкой росой. Главные кованые ворота замка, выдерживавшие когда-то артиллерийские удары смертных армий, сейчас были выгнуты наружу.

У основания левой створки сидели стражи. Бруно и Гаш. Два огромных, трёхметровых гибрида оборотня и мертвеца. От них разило мокрой псиной, болотной гнилью и старой медью.

Бруно задумчиво жевал человеческую руку. Его собственный сломанный позвоночник издавал влажный хруст при каждом движении массивных челюстей. Сквозь дыры в свалявшейся серо-чёрной шерсти проглядывали желтоватые

рёбра. Гаш сидел на корточках чуть поодаль. В отличие от Бруно, он был тощее, а нижняя половина его челюсти тускло поблёскивала хирургическим металлом.

Между ними на мокрой брусчатке лежало то, что осталось от Курьера Ночи. Курьер был определённо мёртв. В основном потому, что его грудная клетка была вывернута наизнанку, а голова отсутствовала.

— Он должен был назвать пароль, — буркнул Бруно, выплёвывая оторванный манжет чёрной курьерской формы. — Ему было трудно назвать пароль, Бруно, — голос Гаша звучал так, будто внутри его горла лопались пузыри с кровью. — У него не было головы. — А где она? — Ты её съел. — Да? — Бруно почесал гниющее ухо. — На вкус как кожа и формальность.

Гаш наклонился к изувеченному трупу. — Сэр, — булькающе произнёс он, постучав когтем по тому месту, где у курьера раньше было сердце. — Нам всё ещё нужна ваша подпись в журнале. В противном случае мы не сможем принять груз. Сэр?

Мёртвый курьер, естественно, не ответил.

— Доброе утро, — голос Каэля разрезал туман, тихий, но отчётливый, как щелчок взводимого курка.

Гаш медленно повернул голову. Его жёлтые глаза тускло светились во мраке. — Хозяин. Он споткнулся. — Восемь раз? — Каэль подошёл ближе, равнодушно скользя взглядом по залитой кровью брусчатке. — Земля скользкая, — мелан-

холично согласился Гаш.

Бруно уставился на Каэля. В его пустом, наполовину сгнившем мозгу что-то щёлкнуло. Инстинкты мертвеца и животного, вечно конфликтующие внутри искажённого тела, внезапно замкнуло. Запах свежей крови курьера и раздражение хозяина стали спусковым крючком.

Жёлтый глаз Бруно сузился. Он выронил недоеденную руку. Глухой, утробный рык вырвался из разорванной пасти. Это не было осознанным нападением. Это был биологический сбой. Слепая, чудовищная ярость трёхсот килограммов мёртвых мышц.

Бруно рванул вперёд. Камень под его когтями треснул. Огромная тень заслонила небо.

Каэль не принял боевую стойку. Не отступил ни на шаг. Мир вокруг просто замедлился до состояния густой смолы.

В ту секунду, когда гниющая пасть оборотня оказалась в дюйме от его лица, Каэль шагнул навстречу. Его рука взметнулась невидимой тенью. Бледные пальцы с нечеловеческой силой впились в горло Бруно, пробивая шерсть и плоть до самых позвонков. Каэль не просто остановил рывок — он перенаправил чудовищную массу зверя.

Удар. Каэль впечатал монстра в кованые ворота. Железо жалобно заскрежетало, прогибаясь под весом тела. Резкий, хирургически точный поворот кисти.

Хрясь. Звук ломающихся шейных позвонков Бруно прозвучал как выстрел в тишине двора. Шея твари сместилась

под невозможным углом. Оборотень рухнул на брусчатку бесформенной грудой мяса и костей, содрогаясь в конвульсиях.

Каэль спокойно достал из кармана пальто тёмно-бордовый шёлковый платок. Медленно, методично вытер пальцы от густой чёрной крови стража.

Бруно на земле заскулил. Его шея уже начала издавать влажные, чавкающие звуки — мёртвая регенерация с хрустом возвращала позвонки на место. Через пару минут он снова встанет, напрочь забыв, почему вообще упал.

Гаш проводил тело напарника флегматичным взглядом. — Он был неправ, — констатировал Гаш. — Где посылка? — холодно спросил Каэль, убирая платок.

Гаш порылся в изодранной сумке курьера и вытащил небольшой, обтянутый чёрной кожей свёрток. От свёртка пахло мёртвой пылью и запекшейся кровью.

Каэль забрал пакет. Вес был странным. Слишком лёгким. Внутри что-то тихо, едва слышно тикало. Не как бомба. Как маленькое механическое сердце.

Он собирался вскрыть кожу, но воздух во дворе внезапно изменился. Запах влажной шерсти и гнили перебило чем-то другим. Запахом горелой полыни. Серебра. И старой крови.

В замке был кто-то ещё. И этот кто-то сейчас очень внимательно наблюдал за ним сквозь туман.

* * *

Запах пепла и полыни вёл его через анфиладу пустых гостевых залов. Каэль шёл бесшумно, его шаги поглощались вековыми персидскими коврами. В замке стало слишком тихо. Даже портреты в восточной галерее перестали перешёптываться и притворились обычными кусками старого холста. Замок затаил дыхание, наблюдая за хищником, который проник внутрь.

И пах этот хищник усталостью, серебром и человеческой кровью.

Каэль остановился посреди Оружейного зала. Вдоль стен тускло поблёскивали древние доспехи существ, о которых Цитадель давно выжгла все упоминания. Свет из высоких узких окон падал на пол косыми серыми лезвиями.

В одной из теней, там, где свет не ложился по законам физики, пылинки двигались неправильно.

— Ты оставила каплю крови у статуи третьего лорда, — произнёс Каэль, глядя прямо в абсолютную темноту угла. — Либо ты теряешь хватку, либо решила устроить мне экскурсию по моему же дому.

Тень отслоилась от стены. Звука не было. Ни скрипа половиц, ни шороха ткани. Нериса просто появилась из пространства, в котором секунду назад не было ничего.

— Если бы я теряла хватку, эта капля была бы твоей, — её голос прозвучал сухо, с лёгкой хрипотцой человека, который спал три часа за последние двое суток.

Она сделала шаг на свет. Тёмно-рыжие волосы туго стянуты, бледная кожа покрыта едва заметной сетью ритуальных шрамов-печатей, которые сейчас тускло мерцали из-под воротника. Её глаза — серо-золотые — смотрели на него с тем абсолютным, ледяным контролем, который бывает только у существ, привыкших убивать тех, кто намного сильнее. Зрачки всё ещё оставались вертикальными — остаточный эффект от режима химеры. Она недавно дралась. И дралась насмерть.

В её правой руке, опущенной вдоль бедра, покоился длинный костяной клинок ордена Вельсайр. Оружие, способное остановить регенерацию даже высшего демона.

— Выглядишь отвратительно, — заметил Каэль. — Взаимно, — Нериса небрежно крутнула клинок, пряча его в ножны на бедре. — Твои псины у ворот опять сожрали курьера.

— Технически, только половину, — Каэль медленно пошёл по кругу, сокращая дистанцию. Его тело двигалось с обманчивой, гипнотической ленью. — Зачем ты здесь, Нериса? Если ты пришла меня убить, то выбрала плохое утро. У меня изжога, а Морра забыла купить нормальный кофе. Я буду не в настроении умирать.

Нериса не сдвинулась с места. Когда Каэль оказался на расстоянии вытянутой руки, она даже не моргнула. Но воздух между ними мгновенно стал плотным, тяжёлым. Напряжение было почти физическим, как статическое электриче-

ство.

Она понимала, что он может оторвать ей голову быстрее, чем она успеет вдохнуть. Он понимал, что если он попытается, её алхимическая кровь сожжёт его изнутри.

Им обоим это чертовски нравилось.

Каэль остановился. Вдохнул её запах. Полынь, холодный металл и терпкая, хищная человечность. Нериса подняла глаза. Взгляд золотой радужки скользнул по его лицу — без страха, без трепета. Только острая, почти интимная оценка угрозы.

— Замок болен, — произнесла она, нарушая зрительный контакт и переводя взгляд на стену.

Каэль слегка склонил голову. — Он просто перестраивается. — Нет, — Нериса сняла кожаную перчатку и приложила ладонь к холодному камню колонны. — Я заходила через нижний коллектор. Три уровня назад там были прямые коридоры. Сегодня я шла через спирали, которых не существует в трёхмерном пространстве. Твой дом не перестраивается, Каэль. Он паникует.

Под её пальцами камень едва заметно вздрогнул. Она убрала руку.

— Что-то сводит его с ума, — продолжила охотница, поворачиваясь к нему. Её голос потерял саркастичные нотки. Осталась только звенящая, холодная тревога. — Я видела следы искажений в Кито. Улицы в Старом городе становятся длиннее. Люди видят одинаковые кошмары. А здесь, у тебя

геометрия буквально кровоточит.

Каэль молчал. Он чувствовал это. Чувствовал всю ночь. Ощущение надвигающегося давления. Будто кто-то медленно, неумолимо закручивал гигантскую пружину прямо под фундаментом реальности.

— Ты пришла предупредить меня? — тихо спросил он. — Я пришла убедиться, что это не ты сходишь с ума и не тащишь город за собой, — отрезала Нериса. Она шагнула к нему, сократив дистанцию до невозможного. Ему даже не пришлось опускать взгляд — она смотрела прямо, жёстко. — Потому что если это ты

Она не договорила. Им не нужно было это обсуждать. Оба знали: однажды она попытается его уничтожить. Это был фундамент их доверия. Единственная честная вещь в мире, который состоял из лжи и забытого прошлого.

Каэль хотел ответить, но внезапно слова застряли в горле. Свет из окон изменился. Серый туман за стеклами вдруг стал тяжёлым. Острым. Воздух в Оружейном зале заледенел.

Нериса резко обернулась к окну, её рука рефлекторно легла на рукоять костяного револьвера. Каэль почувствовал, как по позвоночнику скользнул первобытный, неконтролируемый холод. Это начиналось.

Время.

* * *

Воздух в Оружейном зале потерял вес. Стало физически тяжело дышать, словно атмосферное давление рухнуло за долю секунды. Пылинки, висевшие в лучах света, замерли.

Каэль повернул голову к окну. Ночь не перешла в утро. Она просто закончилась. Без рассветных сумерек. Без медленного просветления горизонта. Туман за стеклом дёрнулся, как порванная киноплёнка, и мгновенно сменил цвет с угольно-чёрного на больной, воспалённый серый рассвет. Тени от доспехов на полу резко, с неестественной скоростью, перепрыгнули в другую сторону, меняя угол. Будто кто-то нажал выключатель реальности.

В зале повисла абсолютная, звенящая тишина. Механическое сердцебиение внутри свёртка курьера, который Каэль держал в левой руке, оборвалось.

Каэль медленно, стараясь не делать резких движений, опустил свободную руку в карман пальто. Достал серебряные карманные часы. Они не шли. Секундная стрелка замерла, слегка подрагивая, словно пыталась пробиться сквозь невидимую, непреодолимую преграду в самом механизме времени. 4:44.

Он поднял взгляд. В дальнем конце галереи стояли напольные астрономические часы из чёрного дерева. Их внутренности заржавели и осыпались трухой ещё в прошлом веке. Морра собиралась пустить их на дрова лет сорок назад. У них даже не было маятника. Стрелки на покрытом слоем пыли циферблате показывали 4:44.

И тогда из-под пола пришёл звук. Он зародился где-то немыслимо глубоко. Под винными погребами. Под механическими уровнями Грума. Под катакомбами и запечатанными лабиринтами плоти. Тяжёлый, глухой, металлический стон. Будто во тьме проворачивался колоссальный, размером с город, заржавевший замок. Вибрация прошла сквозь камень, ударила по подошвам сапог, поднялась по костям прямо в череп. Каэль почувствовал этот звук зубами. Замок под его ногами не просто скрипел. Он дрожал. Как огромное животное, осознавшее, что оно заперто в клетке с чем-то бесконечно хищным.

Каэль резко обернулся. — Нериса.

Имя повисло в мёртвом воздухе. Её не было. Каэль не слышал шагов. Не слышал хлопка телепортации, запаха алхимического пороха или шороха теневого перехода. Воздух не сместился, чтобы заполнить пустоту на её месте. Её хищный запах исчез, словно его вырезали из пространства. Она не ушла. Она просто перестала существовать в этой комнате.

Каэль замер. Внутри его грудной клетки, там, где у смертных билось сердце, начал распускаться первобытный, сосущий холод. Эмоция, которую он не испытывал уже очень, очень давно. Страх. Не перед врагом. Не перед болью или охотниками Цитадели. Страх перед тем, что мир вокруг больше не имеет смысла.

Сзади раздался тихий влажный звук. Каэль медленно повернулся обратно к высокому витражному окну.

Из-за неестественного перепада температуры стекло покрылось плотным слоем конденсата. Прямо по центру, на мокром стекле, были выведены слова. Влага всё ещё собиралась в капли и стекала вниз от неровных, торопливых букв. Надпись была сделана изнутри.

«ТЫ ТОЖЕ ЭТО ВИДИШЬ?»

Каэль неотрывно смотрел на мокрые буквы, пока мутная капля воды не сорвалась с вопросительного знака, оставив на стекле длинный прозрачный шрам. Он прислушался к дому. К его тёмным коридорам, скрытым комнатам, гудящим трубам и бесконечным, уходящим во тьму подземельям. И понял самое страшное.

Впервые за двести лет замок не знал, кто находится внутри.

Глава 2. Проблема с тако

Утро в замке никогда не наступало естественно.

Оно не приходило с мягким светом или пением птиц. Оно вваливалось в окна, как тяжелая, влажная туша. Рассвет над Кито всегда был цвета старого синяка — мутно-лиловый, переходящий в болезненный серый. Туман сползал с Анд, цеплялся за черные шпили замка, затекал в щели между древними камнями и оставлял на витражах маслянистую испарину.

В обеденном зале стояла тишина.

Не та тишина, которая бывает в пустых комнатах. Это была плотная, тяжелая тишина места, которое помнило слишком много криков и теперь намеренно задерживало дыхание. Пространство здесь было огромным. Сводчатый потолок терялся во мраке, куда не доставал бледный утренний свет. Вдоль стен выстроились высокие узкие окна, забранные коваными решетками, чьи узоры напоминали переплетенные человеческие ребра.

Посреди зала тянулся стол. Тридцатиметровый монолит из мореного дуба, настолько старого, что дерево казалось черным камнем. За этим столом могли бы пировать короли исчезнувших империй, генералы забытых войн или высшие иерархи нечисти.

Но сейчас за ним сидел только Каэль.

Он находился во главе стола. Одинокая фигура в идеаль-

но сидящем темном костюме, который казался слишком современным и слишком дорогим для этого склепа.

Каэль медленно поднес к губам фарфоровую чашку.

Фарфор был тонким, почти прозрачным, с едва заметной трещиной у края. Кофе внутри — черным, густым и обжигающе горячим. Температура жидкости была такой, что человек получил бы ожог гортани третьей степени, но для Каэля это было лишь легким, приятным теплом.

Он сделал глоток. Горький, кислотный вкус ударил по рецепторам.

Бессмертие — странная вещь. Большинство тех, кто пережил хотя бы пару веков, переставали чувствовать вкус. Их рецепторы выгорали, атрофировались, требовали все более экстремальных раздражителей: ферментированной крови, живой плоти, алхимических кислот. Но тело Каэля отказывалось деградировать. Напротив, оно работало с пугающей, избыточной остротой. Он чувствовал ноты пережженного сахара в кофейных зернах, чувствовал привкус железа в воде, которую Малёк набирал из подземных источников замка. Он даже чувствовал запах озона, который всегда оставался в воздухе после того, как часы пробивали 4:44.

Цикл завершился всего несколько часов назад. Мир снова моргнул, пересобрался, и, как обычно, сделал это с ошибками. Каэль чувствовал эту неправильность кожей. Она ощущалась как статический заряд на кончиках пальцев. Как слабое, едва уловимое давление в висках.

Он опустил чашку на блюдце.

Звук — сухое, резкое *клик* — разнесся по пустом залу, отразился от каменных стен и улетел под своды.

Каэль медленно, почти лениво, опустил веки.

В темноте под веками не было покоя. Там пульсировала его собственная, невозможная кровь. Там билось осознание того, что он существует, но не имеет причин для существования. Нет родословной. Нет архивов. Нет прошлого, которое можно было бы потрогать. Только этот замок, который дышал вокруг него, как гигантский каменный пес, ожидающий команды.

Каэль открыл глаза.

* * *

На другом конце стола, метрах в двух от него, сидели люди.

Семья.

Четыре человека. Отец, мать, мальчик и девочка.

Каэль не вздрогнул. Его пульс не участился ни на один удар. Мышцы лица остались полностью расслабленными. Он просто чуть наклонил голову вбок, рассматривая появившуюся аномалию с тем же отстраненным любопытством, с каким энтомолог рассматривает жука, выползшего из-под обоев.

Они выглядели так, словно сошли с рекламного плаката

тысяча девятьсот двадцатых годов. Идеальная, тошнотворно правильная композиция.

Отец — в строгом шерстяном костюме-тройке, с гладко зачесанными назад волосами, блестящими от бриолина. Мать — в кремовом платье с заниженной талией, на шее — нитка жемчуга, на голове аккуратная шляпка-клош. Дети сидели по бокам. Мальчик в матроске, девочка в крахмальном платьице с огромным бантом.

Они не были прозрачными. Они не светились призрачным светом. Они обладали чистой, стопроцентной плотностью. Каэль видел, как утренний свет из окна падает на плечо отца, подчеркивая текстуру плотной шерстяной ткани. Он чувствовал запах, исходящий от них — запах нафталина, дешевого лавандового мыла, табака и влажной пыли.

Семья завтракала.

Проблема заключалась в том, что перед ними не было никакой еды. Стол в их части зала был совершенно пуст. Ни тарелок, ни приборов, ни стаканов.

Но они этого не замечали.

Отец элегантным движением взял невидимый нож и невидимую вилку. Он с усилием разрезал пустоту над столешницей, наколол невидимый кусок на зубцы и отправил в рот. Его челюсти начали ритмично двигаться. Он жевал воздух, и на его лице сияла широкая, благостная улыбка.

Мать аккуратно, двумя пальцами, подняла невидимую чашку. Оттопырив мизинец, она сделала глоток пустоты,

мягко промокнула губы невидимой салфеткой и с любовью посмотрела на мужа.

Дети послушно резали воздух своими невидимыми приборами, улыбаясь так широко, что это казалось анатомически невозможным. Их лица были застывшими масками чистого, искусственного счастья.

Они не издавали ни звука.

Движения губ, трение одежды, дыхание — все это отсутствовало. Сцена разворачивалась в абсолютном, вакуумном беззвучии. Это была идеальная, стерильная пантомима, вы-

резанная из чужого прошлого и вклеенная в реальность обеденного зала Каэля.

«Архивный сбой,» — подумал Каэль, лениво проводя подушечкой указательного пальца по краю своей фарфоровой чашки. — «Или замок снова наелся чьих-то воспоминаний и теперь срыгивает их в гостиной.»

В мире нечисти подобное случалось. Пространство истончалось. Иногда комнаты помнили то, чего в них никогда не происходило. Иногда время давало трещину, и в нее проваливались фрагменты чужих эпох. Для большинства существ это было поводом для паники. Для Каэля это было просто вторником.

Он снова поднес чашку к губам. Кофе начал остывать. Это раздражало его гораздо больше, чем семья фантомов на другом конце стола.

* * *

Каэль моргнул во второй раз.

Тьма сомкнулась и разомкнулась со скоростью затвора камеры. Доля секунды.

Но когда свет снова коснулся его сетчатки, стерильная идеальность сцены исчезла.

Они продолжали свой беззвучный завтрак. Отец всё так же резал невидимое мясо. Мать всё так же пила невидимый чай. Дети улыбались. Их движения не изменились ни на

миллиметр. Они всё ещё играли свою идеальную рекламную роль.

Но их биология начала ломаться.

Прямо на глазах Каэля, внутри застывшего утреннего времени, начался стремительный, чудовищный процесс распада.

Отец поднес невидимую вилку ко рту. Он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. И в этот момент его правая щека провалилась внутрь.

Звук, который до этого отсутствовал, внезапно прорвался в реальность. Это был влажный, липкий треск рвущейся фасции и лопающейся кожи. Щека мужчины треснула от уголка губ до самого уха. Кожа, утратив эластичность, разошлась в стороны, как старый пергамент.

Каэль, не отрывая взгляда, сделал медленный глоток кофе.

Он видел анатомию распада в мельчайших деталях. Под разошедшейся кожей отца не было свежей крови. Там обнажились желтоватые комки подкожного жира, посеревшие, мертвые волокна жевательной мышцы и желтая кость нижней челюсти.

Мужчина продолжал жевать пустоту.

С каждым движением его челюсти оторванные мышцы натягивались и лопались с омерзительным хрустом. *Хрясь. Хлюп. Хрясь.* Сустав вышел из паза, и челюсть перекосило. Теперь улыбка отца стала кривой, атрофированной грима-

сой. В дыру на щеке был виден серый, сухой язык, который ворочался во рту, пытаясь протолкнуть в горло несуществующую пищу. Из разорванной слюнной железы потекла густая гнойная сукровица. Она капала на его идеальный белый воротничок, оставляя грязные желтые пятна.

Каэль перевел взгляд на мать.

Ее распад был более изящным. Менее механическим, более химическим. Она изящно промокнула губы невидимой салфеткой. Когда она опустила руку, Каэль увидел, как по ее алебастровой шее поползли трупные пятна.

Ливор мортис.

Сначала это были крошечные фиолетовые точки. За секунду они слились в огромные, синюшно-черные кляксы. Кровь, лишенная циркуляции, подчинилась гравитации и начала скапливаться под кожей. Ее лицо стремительно осунулось. Ткани теряли влагу. Глаза глубоко запали в орбиты, а губы высохли и оттянулись назад, обнажив десны.

Она повернула голову к мужу. Улыбнулась ему своей новой, обнаженной улыбкой черепа. Ее шея тонко, сухо скрипнула, как несмазанная дверная петля. Клоки волос начали выпадать из-под аккуратной шляпки-клош, осыпаясь на кремовое платье вместе с кусочками высохшего скальпа.

Воздух в обеденном зале изменился.

Запах нафталина и лаванды исчез. Его смыло тяжелой, удушливой волной запаха гниющего мяса, застоявшейся воды и сладковатой химической вони формалина. Этот запах

был настолько плотным, что его можно было резать ножом.

Каэль втянул воздух ноздрями. Запах был отвратительным, но он не вызвал у него тошноты. Для нечисти запах гнили — это просто еще один вид информации. Он сообщил Каэлю, что эти сущности мертвы уже очень, очень давно. Проблема была лишь в том, почему они решили догнивать именно за его обеденным столом.

* * *

Он перевел взгляд на детей.

Мальчик и девочка не гнили так явно, как родители. Их кожа оставалась гладкой, а матроска и платье с бантом — безупречно чистыми. Но их лица исказились. Застывшие улыбки превратились в судорожные оскалы, словно невидимые крючья растягивали им губы в стороны.

Они сидели прямо, не шевелясь. И вдруг из их глаз потекли слезы.

Но это не была соленая вода.

Из их слезных протоков начала выталкиваться густая, маслянистая черная слизь. Она была похожа на сырую нефть, смешанную с жидкой смолой. Слизь медленно перекатывалась через нижние веки, пачкала щеки и тяжелыми, тягучими каплями падала на древний дуб стола.

Кап.

Кап.

Звук падения этих капель был неестественно громким в гулкой тишине зала. Каждая капля, касаясь дерева, начинала шипеть. Черная слизь прожигала дуб, которому было восемь сотен лет. В воздух поднялись тонкие струйки едкого, зеленоватого дыма. Дерево под каплями обугливалось, покрывалось пузырями и расползалось, как кислотный ожог на живой коже.

Слизь текла из их глаз все быстрее. Мальчик и девочка продолжали сидеть с разинутыми в судороге ртами, пока черная субстанция заливала их белые воротнички, превращая их в грязные, дымящиеся лохмотья.

«Забавно,» — подумал Каэль. Он чувствовал, как едкий дым щиплет глаза. — «Они не просто воспоминание. Они агрессивны. Это какая-то онтологическая инфекция.»

Он не потянулся за оружием. В этом не было смысла. Вы не можете застрелить ошибку реальности. Вы не можете перерезать горло тому, чье горло уже сгнило сто лет назад.

Каэль просто сидел и смотрел.

Он был древним. Настолько древним, что даже его собственные воспоминания превратились в пыль, осевшую на дне сознания. Он видел, как империи стирались с лица земли. Видел, как боги сходили с ума и превращались в сгустки голодной плоти. Видел, как существа, чьи имена было запрещено произносить, молили о смерти.

Поэтому гниющая семья за завтраком не могла его напугать.

Она могла его только утомить.

Это было напоминанием. Ежедневным, мелким, раздражающим напоминанием о том, что мир болен. Что реальность — это не монолитный блок камня, а ржавое решето, сквозь которое протекает время, память и смысл. И каждый день в 4:44 кто-то или что-то встряхивает это решето, заставляя гниль всплывать на поверхность.

Иногда эта гниль принимала форму монстров, которых нужно было убить.

Иногда — форму забытых комнат в подземельях замка.

А сегодня — форму семьи из двадцатых годов, которая решила позавтракать на его столе.

* * *

Внезапно пантомима прекратилась.

Отец остановил свою сломанную челюсть. Мать опустила невидимую чашку. Дети перестали растягивать губы в судороге.

Синхронно, с механической точностью, все четверо повернули головы.

Они уставились на Каэля.

Физика их движения была неправильной. Головы повернулись слишком быстро, без учета инерции и веса костей.

Просто в один кадр они смотрели в пустоту перед собой, а в следующий — их лица были обращены к нему.

Отец смотрел на него одним уцелевшим глазом, в то время как второй вывалился из орбиты и повис на глазном нерве, покачиваясь над дырой в щеке. Мать смотрела черными, запавшими провалами, из которых сочилась сукровица. Дети смотрели сквозь потоки шипящей черной слизи.

В их взгляде не было злобы. Не было угрозы. Не было даже осознанности.

Там была только абсолютная, космическая пустота. Холод пространства между звездами. Вакуум, который образуется там, где должна быть душа, но ее вырвали с корнем.

Этот взгляд давил. Он имел физический вес. Каэль почувствовал, как температура в его части зала упала на несколько градусов. Пар над его кофейной чашкой исчез. Ткань его пиджака покрылась тончайшей изморозью. Стены замка вокруг него слабо, тревожно задрожали, словно огромный зверь почуял присутствие паразита и попытался сбросить его с себя.

Тишина стала звенящей. Она давила на барабанные перепонки, заставляя кровь шуметь в ушах.

Они молчали. Они гнили. Они смотрели.

Каэль встретил их взгляд. Его темные глаза оставались безмятежно спокойными, холодными, почти скучающими. Он не отвел взгляд. Он не позволил давлению их пустоты сломать свою волю. Он был тем, кто стоял вне их правил. Он

был аномалией, которая оказалась сильнее их собственной.

Секунды растягивались в минуты. Черная слизь прожигала стол. Гной капал на белые воротники.

Каэль поднял чашку с блюдца. Медленно. Демонстративно.

Он поднес ее к губам, не разрывая зрительного контакта с гниющим отцом семейства.

Кофе окончательно остыл. На вкус он теперь напоминал пепел, смешанный с ледяной водой. Отвратительно.

Каэль проглотил жидкость, опустил чашку и мягко, почти интимно, произнес в звенящую тишину зала:

— Доброе утро. Мы гнием.

Его голос, низкий, бархатистый, лишенный малейших признаков страха, разрезал напряжение в комнате, как скальпель — натянутую кожу.

Семья не ответила. Они продолжали смотреть.

За спиной Каэля раздались тяжелые, ритмичные шаги. Кто-то шел по коридору, приближаясь к высоким дверям обеденного зала. Звон металла, скрип кожи, легкий запах оружейного масла и свежей дождевой воды.

Реальность готовилась нанести следующий удар, но пока она лишь топталась на пороге. Каэль вздохнул. Его вторник начинался исключительно паршиво. И единственным, что могло исправить это утро, была хорошая мексиканская еда.

Он откинулся на спинку антикварного кресла, сложил руки на груди и приготовился к диалогу. Мухи в его доме

уже начали раздражать. Охотница, которая сейчас войдет в дверь, наверняка попытается их убить. И это будет смешно, потому что мертвых убить нельзя. Их можно только переварить.

* * *

Массивные дубовые двери обеденного зала не открылись — они неохотно поддались, издав низкий, вибрирующий стон, который эхом прокатился по каменным сводам. Замок Каэля не любил, когда в него входили без приглашения. И еще больше он не любил тех, кто не испытывал перед ним страха.

Нериса вошла внутрь так, словно этот склеп принадлежал ей.

Звук ее шагов был тяжелым, ритмичным. Армейские ботинки на толстой подошве оставляли на древнем каменном полу влажные следы. На улице Сан-Маркос, глубоко внизу, под горами, шел дождь. Типичный утренний дождь Кито — холодный, мелкий, пропитанный выхлопными газами и запахом мокрого бетона.

Нериса принесла этот город с собой.

От ее длинного плаща, сшитого из плотной, почти черной ткани, пахло озоном, мокрым асфальтом и едва уловимым, металлическим ароматом свежей крови. Вода стекала по ее темно-рыжим волосам, собираясь каплями на острых

скулах и падая на воротник. Она двигалась с той специфической, текучей грацией, которая выдавала в ней хищника. В каждом ее движении, даже самом обыденном, скрывалась сжатая пружина. Готовность в любую долю секунды броситься вперед, выпустить костяные лезвия или разорвать дистанцию.

Она не была человеком. И никогда им не была, несмотря на то, что ее силуэт казался человеческим. Орден Вельсайр собирал своих охотников, как конструктор, сшивая их волю с магией и звериными инстинктами.

Каэль наблюдал за ней, не меняя позы.

Нериса прошла мимо длинного стола, даже не взглянув в ту сторону, где сидела гниющая семья из двадцатых годов. Она подошла к массивному буфету из черного дерева, на котором стоял хрустальный графин с водой.

С тихим, стеклянным звоном она сняла тяжелую крышку графина.

Ее левая рука была занята. Пальцы, испачканные чем-то темным и густым, крепко сжимали длинный ритуальный клинок. Сталь была тусклой, покрытой сложной вязью защитных печатей, которые сейчас пульсировали слабым, едва заметным багровым светом. Клинок явно только что использовался по назначению.

Нериса налила воду в стакан, поставила графин и подняла стакан к губам.

Она пила жадно. Каэль слышал звук каждого ее глотка.

Слышал, как вода течет по ее пищеводу. Слышал, как ее сердце бьется ровным, идеальным, холодным ритмом. Девяносто ударов в минуту. Никакого стресса. Никакого всплеска адреналина.

Опустив стакан, она достала из внутреннего кармана плаща кусок грубой ткани, пропитанной оружейным маслом. Запах химии и металла смешался с вонью формалина и гнили, исходившей от фантомной семьи.

Нериса начала методично протирать лезвие клинка.

Движения были резкими, отточенными. Сталь тихо шипела под тканью. Черная кровь — очевидно, нечеловеческая — стиралась с рун, возвращая металлу его мертвенный блеск.

Для Каэля эта картина была чистым, неразбавленным сюрреализмом.

Слева от него — мертвецы из чужой эпохи, плачущие кислотной слизью и жующие пустоту разорванными челюстями. Справа от него — живая химера, стирающая чужую жизнь со своего ножа, пахнущая дождем и полным спокойствием. И посередине он, древняя ошибка реальности, пьющая остывший кофе.

Каэль медленно опустил руки на подлокотники кресла.

* * *

— Утро было продуктивным? — голос Каэля прозвучал ровно, без малейшего намека на интонацию.

Нериса не остановилась. Она провела тканью по лезвию от гарды до острия, проверяя чистоту металла.

— Смотря для кого, — ответила она. Ее голос был низким, чуть хрипловатым от усталости, с той специфической резкостью, которая появляется у людей, привыкших отдавать приказы под дулом пистолета. — Для меня — вполне. Для стаи уличных морфаров в Нижнем Секторе — не очень. Они решили, что могут открыть охоту на туристов прямо под камерами. Пришлось объяснить им, почему Орден Вельсайр так не любит плохой пиар.

— Успешно?

— Два уничтожены. Один запечатан. Остальные вспомнили, что у них есть срочные дела в канализации.

Она убрала клинок в ножны, скрытые под плащом. Звук металла, скользящего по коже, был тихим, но весомым. Затем она повернулась к столу. Ее серо-золотые глаза мазнули по Каэлю, оценивая его состояние. Зрачки на долю секунды сузились в вертикальные щели — инстинкт хищника, проверяющего, представляет ли субъект угрозу, — и тут же вернулись в норму.

— А ты, я смотрю, снова занимаешься своим любимым делом, — Нериса подошла ближе, опираясь бедром о край стола, в нескольких метрах от сидящего Каэля. — Сидишь в темноте, пьешь дрянной кофе и изображаешь из себя готического лорда в депрессии.

Она стояла ровно там, где, по мнению Каэля, находилась

правая рука гниющего мальчика в матроске.

Мальчик никак не отреагировал на вторжение в его личное пространство. Его судорожная улыбка оставалась неизменной. Черная слизь продолжала течь из его глаз, капая на стол.

Но Нериса не замечала ни слизи, ни запаха, ни самого ребенка.

Она видела только пустой дубовый стол.

Каэль чуть наклонил голову, изучая эту композицию. Пространство явно наслаивалось друг на друга, отказываясь взаимодействовать. Два разных мира занимали одни и те же координаты, игнорируя базовые законы физики.

— Кто эти люди? — спокойно спросил Каэль.

Он не стал указывать пальцем. Он просто перевел взгляд на семью, которая продолжала свой беззвучный, тошнотворный завтрак.

Нериса замерла. Она медленно повернула голову, проследив за его взглядом. Секунду она молчала, ее лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло раздражение.

Она посмотрела на дальний конец зала. На высокие двери. На тени в углах.

— Бруно и Гаш? — наконец произнесла она, изогнув бровь. Ее тон был пропитан сарказмом. — Они грызут ковер в южном коридоре. Тот самый, персидский. Я пыталась объяснить им, что шерсть вызывает заворот кишок у мертвецов, но Гаш сказал, что узор напоминает ему лицо его бывшей

жены. Я решила не вмешиваться в их психотерапию.

— Я не про моих собак, Нериса, — голос Каэля стал на полтона тише.

Он по-прежнему не двигался.

— Я про семью. Которая сидит. За моим столом.

* * *

Нериса повернулась полностью.

Она подошла ближе, оказавшись ровно напротив того места, где сидела мертвая мать в кремовом платье.

Каэль наблюдал за этим с почти клиническим интересом.

Нериса стояла вплотную к столу. Ее глаза — внимательные, острые, сканирующие каждый дюйм пространства на предмет магии, скрытых печатей или физической угрозы — смотрели прямо перед собой.

Она смотрела ровно сквозь гниющую женщину.

Для Каэля визуальный ряд складывался в тошнотворный абсурд. Линия взгляда Нерисы проходила точно сквозь пустую, черную глазницу трупа. На фоне бледной, запавшей щеки фантома Каэль видел профиль химеры. Тонкий шрам на подбородке Нерисы визуально накладывался на рваную плоть мертвой женщины.

Мать в клоше продолжала улыбаться своим обнаженным черепом. Из ее порванной губы вывалился кусок серого мяса. Он упал прямо сквозь рукав плаща Нерисы и растворил-

ся, не долетев до пола.

Нериса ничего не почувствовала.

Она не вздрогнула от запаха формалина. Она не ощутила ледяного вакуума, исходящего от сущностей. Ее обоняние, способное учуять каплю крови морфара за три квартала в проливной дождь, сейчас было совершенно слепым.

Она смотрела на пустой стул.

Затем она перевела взгляд обратно на Каэля. В ее серо-золотых глазах не было страха. Там была только холодная, тяжелая усталость человека, которому приходится иметь дело с неадекватным существом.

— Там. Никого. Нет. Каэль, — произнесла она медленно, разделяя слова, словно говорила с ребенком или клиническим идиотом.

Она скрестила руки на груди. Ткань ее плаща скользнула сквозь плечо гниющего отца семейства.

— Ты окончательно поехал, — констатировала Нериса. В ее тоне не было сочувствия. Только сухая фиксация факта. — Я говорила тебе, что рано или поздно это произойдет. Это деменция бессмертных. Твой мозг наконец-то понял, что он перегружен, и начал выдумывать себе компанию.

Она подошла к столу, вытащила из кармана серебряную зажигалку и начала машинально крутить ее в пальцах. Металл тихо щелкал.

— Хочешь, я вызову доктора Сира? — предложила она ядовито. — Он пришьет тебе третье полушарие. Говорят,

это помогает от галлюцинаций. Правда, побочным эффектом является желание съесть собственные руки, но это всяко лучше, чем разговаривать с пустыми стульями.

Каэль смотрел на нее.

Потом он посмотрел на стол перед мальчиком в матроске.

Дуб там продолжал тлеть. Черная кислотная слизь выедала древесину, оставляя глубокие, уродливые кратеры. Дым все еще поднимался вверх, но когда он достигал лица Нерисы, он просто исчезал, не вызывая у нее ни кашля, ни слезотечения.

Аномалия была направленной.

Она не существовала в объективной реальности замка. Она существовала исключительно в интерфейсе восприятия Каэля. Мир сломался лично для него.

Это было тревожно. Это означало, что проблема не в замке, не в случайном временном разломе и не в заблудившемся призраке. Проблема была внутри его собственной связи с реальностью.

— Они едят, — задумчиво произнес Каэль, игнорируя сарказм Нерисы. — Точнее, делают вид. Их анатомия уже не позволяет им проглатывать пищу. Правая щека отца порвана. Слюнные железы атрофированы. На матери платье покроя тысяча девятьсот двадцать четвертого года.

Нериса остановила зажигалку. Металлический щелчок повис в воздухе.

Она посмотрела на Каэля долгим, тяжелым взглядом.

Ее шутливый тон исчез. Химера внутри нее почувствовала странность. Не магию, не физическую угрозу, а именно искривление нормальности, которое всегда исходило от этого вампира.

— Ты сейчас серьезно? — ее голос упал на октаву. Рука машинально скользнула ближе к рукояти клинка под плащом. Это было рефлекторное движение. Она не собиралась атаковать, но ее тело готовилось к неизвестности.

— Абсолютно, — Каэль слегка наклонился вперед, положив локти на подлокотники. — Я вижу их так же ясно, как тебя. Я вижу, как у них вываливаются глаза. Я чувствую вонь нафталина и гниющего жира. Но если ты их не видишь... значит, мы находимся в разных слоях пространства.

Он замолчал, анализируя ситуацию.

— 4:44, — тихо произнес он. — Это началось после цикла. Опять.

* * *

Каэль знал, что феномен 4:44 каждый раз оставляет шрамы на теле мира. Но обычно это были фоновые искажения. Часы, идущие вспять. Двери, ведущие в несуществующие коридоры. Архивы, забывающие имена целых родов.

Но чтобы иллюзия плоти имела физический вес, звук и запах только для него одного? Это было что-то новое. И это означало, что болезнь реальности прогрессирует.

Семья фантомов все еще смотрела на него.

Их неподвижность больше не казалась пантомимой. Теперь это было похоже на ожидание. Словно они были поставлены на паузу и ждали, когда оператор нажмет кнопку воспроизведения.

Каэль почувствовал слабое покалывание в глазных яблоках. Словно давление воздуха в зале внезапно изменилось, ударив по барабанным перепонкам и глазному дну.

Он моргнул в третий раз.

Физиология этого моргания была неестественной. Веки опустились слишком медленно. Тьма накрыла его зрение, и в этой тьме он услышал звук.

Глухой, далекий скрежет. Будто гигантские каменные плиты терлись друг о друга где-то глубоко под землей. Будто сама ось мира провернулась со скрипом несмазанного механизма.

Когда Каэль открыл глаза, освещение в зале изменилось.

Утренний свет стал жестким, пересвеченным, как на старой кинопленке. Тени удлинились, приобретя резкие, зазубренные края.

Семья больше не сидела ровно.

Их тела исказились. Позвоночники выгнулись под неестественными углами, словно на них давила огромная, невидимая гравитация. Мать завалилась набок, ее шея сломалась с отчетливым треском, а голова повисла под прямым углом, упираясь в плечо. Дети вжались в стулья, их конечно-

сти неестественно вытянулись, кости предплечий прорвали рукава матроски и платья.

Они выглядели так, будто их засунули в пресс, который медленно, неумолимо сдавливал их тела со всех сторон.

Но хуже всего был отец.

Мужчина подался вперед. Его руки, покрытые трупными пятнами, вцепились в край дубового стола с такой силой, что ногти обломались, оставив на дереве кровавые борозды. Его уцелевший глаз бешено вращался в орбите.

Гравитация аномалии ударила по нему сильнее всего.

Его нижняя челюсть, которая до этого висела на остатках мышц, не выдержала давления. Сустав окончательно хрустнул. Челюстная кость отвалилась. Она с глухим, влажным стуком упала на стол, перекатившись по дубовой поверхности, словно кусок выброшенного мусора.

На месте лица мужчины зияла огромная, черная дыра, переходящая прямо в разорванное горло.

* * *

Нериса стояла рядом и ничего не замечала.

Она хмурилась, глядя на Каэля, ее рука все еще лежала на рукояти клинка. Она видела лишь вампира, который неподвижно смотрит в пустоту, и чьи глаза внезапно потемнели, став похожими на два колодца с черной водой.

— Каэль, — ее голос прорвался сквозь звон в его ушах.

Резкий. Требовательный. — Прекрати играть в гляделки с воздухом. Если здесь есть аномалия, скажи мне, что нужно убить.

Но Каэль не мог ответить.

Потому что из дыры, которая когда-то была лицом отца, начал вырываться звук.

Это не было похоже на человеческий голос. У мертвеца не было голосовых связок, не было языка, не было губ, чтобы формировать звуки. Этот голос формировался самой вибрацией пустоты внутри его разорванной гортани.

Это был звук рвущегося металла, смешанный с шипением радиопомех и бульканьем крови в пробитом легком. Он был тихим, но он заполнял череп Каэля, резонируя в костях.

Труп отца подался еще дальше вперед, его пустая глазница смотрела прямо в душу Каэля.

Воздух втиснулся в гниющую плоть, и сущность с чудовищным усилием выдавила из себя слова. Слова, которые растягивались, ломаясь на слоги, искажаясь из-за невозможного давления:

— Нас...

Грудная клетка трупа хрустнула. Два ребра сломались внутрь, проткнув пиджак.

— Свернули...

Воздух вокруг семьи пошел рябью, как над раскаленным асфальтом. Пространство визуально искажалось, сжимаясь вокруг их силуэтов.

— В рулон.

Звук оборвался так же резко, как начался.

Рябь в воздухе вспыхнула, и в следующее мгновение стул оказался пуст.

Ни отца. Ни матери. Ни детей.

Только тишина обеденного зала, холодный свет утра и Нериса, которая раздраженно постукивала пальцами по дубовому столу.

Каэль медленно выдохнул.

Он опустил взгляд на стол. Кровавых борозд от ногтей трупа там не было. Отвалившейся челюсти тоже не было. Но вот черные кратеры, прожженные кислотными слезами в древнем дубе, остались. Дерево все еще слабо дымилось.

«Нас свернули в рулон».

Фраза была настолько абсурдной, настолько лишенной пафоса, что ее нельзя было списать на бред или игру воображения. Призраки не жалуются на то, что их свернули в рулон. Призраки жалуются на проклятия, на месть, на незавершенные дела.

А эта фраза звучала как техническая констатация факта.

Геометрическая жалоба.

Пространство не просто выкинуло их из другой эпохи. Пространство было физически деформировано. Кто-то или что-то взяло кусок реальности, в котором находились эти люди, и сжало его. Раздавило. Спрессовало, как кусок дешевых обоев.

И они пришли к нему. Почему к нему? Потому что он был единственной точкой в этом мире, чья гравитация была достаточно сильной, чтобы притягивать ошибки реальности.

Каэль медленно провел рукой по лицу, стирая несуществующую паутину. Абсурдность ситуации начинала вызывать у него нечто вроде темного, извращенного восторга.

Он поднял взгляд на Нерису. Охотница уже перестала держать руку на оружии, но ее глаза оставались напряженными.

— Ты со мной разговариваешь или все еще слушаешь радиостанции для шизофреников? — ядовито спросила она.

Каэль оттолкнулся от подлокотников и плавно, без единого лишнего движения, поднялся на ноги. Его рост позволял ему смотреть на Нерису чуть сверху вниз. Его лицо было спокойным, но в глубине темных глаз появилось то самое выражение, которое всегда предшествовало катастрофе.

— Нериса, — произнес Каэль мягко. — Кажется, у нас архитектурная проблема.

— Архитектурная? — она сузила глаза. — Замок снова отрастил крыльцо на потолке?

— Нет, — Каэль поправил манжеты пиджака, не сводя взгляда с прожженных дыр на столе. — Кажется, кто-то занимается незаконной геометрией в черте города.

Он прошел мимо нее, направляясь к выходу из зала. Его шаги, в отличие от шагов Нерисы, были полностью бесшумными. Он двигался как тень, отделившаяся от стены.

— И куда мы направляемся? — бросила Нериса ему в спи-

ну.

Каэль остановился у массивных дверей. Он не обернулся. В его животе внезапно заурчало — человеческая, абсурдно обыденная реакция тела, которое требовало энергии.

— Сегодня вторник, — произнес Каэль так, словно это объясняло устройство вселенной. — Я хочу тако. Поедем к Хуану.

— К Хуану на Сан-Маркос? В этот дождь?

— Именно туда. Мне нужно очень много сальсы. И мне кажется, Хуану скоро понадобится наша помощь.

Он толкнул дверь, выходя в темный, гудящий коридор замка. Нериса тяжело вздохнула, посмотрела на потолок, словно прося у богов терпения, которого у нее никогда не было, и пошла следом.

В обеденном зале остался лишь пустой стол, остывший кофе и слабый, въедливый запах гнили, который теперь уже не мог исчезнуть.

* * *

Дорога от замка до Кито всегда занимала разное время.

Иногда это были пятнадцать минут по извилистому горному серпантину. Иногда — сорок, если замок решал, что ему не хочется отпускать гостей, и незаметно удлинял асфальт, закручивая его в ленивые петли.

Сегодня они спустились быстро. Реальность вокруг, каза-

лось, спешила избавиться от них, выталкивая тяжелый внедорожник Нерисы из зоны тумана прямо в мокрые, пульсирующие неоном артерии города.

Кито тонул в дожде.

Это был не легкий романтичный бриз. Это была тяжелая, холодная, почти свинцовая вода, которая падала сплошной стеной, смывая с улиц грязь, человеческий пот и запахи ночной нечисти. Капли с пулеметным треском колотили по крыше машины. Дворники ритмично, с резиновым скрипом, смахивали воду с лобового стекла, размазывая отражения красных и синих вывесок.

Внутри салона пахло мокрой кожей, оружейной смазкой и слабым, едва уловимым ароматом озона — вечным спутником Нерисы.

Каэль сидел на пассажирском сиденье. Его длинное темное пальто было идеально сухим, воротник поднят. Он смотрел в окно, наблюдая, как городские огни растягиваются в длинные, дрожащие линии на мокром стекле.

Он был голоден.

Это был не тот голод, который заставлял классических вампиров впадать в безумие, рвать глотки случайным прохожим и упиваться горячей кровью. Классический вампиризм был скучным, предсказуемым процессом гидравлики. Тело Каэля работало иначе. Его метаболизм был черной дырой, которая требовала вкуса, текстуры, плотности.

И сегодня был вторник.

— Ты уверен, что нам нужно именно туда? — Нериса плавно вывернула руль, обходя глубокую лужу, в которой отражалась мигающая вывеска подпольной аптеки. — Весь Нижний Сектор сейчас на нервах. Цитадель проводит зачистку среди полукровок, Исполнители патрулируют улицы. Если мы столкнемся с патрулем Ордена Пепла, я не буду объяснять им, почему древний мутант спустился с горы посреди ночи. Я просто начну стрелять.

— Не придется, — Каэль не отвернулся от окна. — Мы едем в Сан-Маркос. Это старый район. Там живут пенсионеры, контрабандисты средней руки и призраки католических священников. Исполнителям там делать нечего.

— И что такого важного в Сан-Маркос в два часа ночи в проливной дождь? — Нериса бросила на него быстрый, раздраженный взгляд.

— Хуан, — просто ответил Каэль.

— Кто такой Хуан?

— Хуан — это художник. Гений биохимии. Магистр баланса.

Нериса нахмурилась, ее зрачки снова на долю секунды стали вертикальными.

— Алхимик? Торговец запрещенной кровью? Варильщик пепельной соли?

— Он делает тако, Нериса, — голос Каэля был абсолютно серьезным. В нем звучало глубокое, почти религиозное уважение. — Аль пастор. Свинина маринуется двенадцать

часов. Ананасы обжариваются до идеальной карамелизации. Но главное — это его зеленая сальса. Он добавляет туда ровно столько халапеньо и кинзы, чтобы это выжигало рецепторы, но оставляло место для вкуса лайма. Это единственное блюдо в этом городе, которое я действительно чувствую.

Нериса резко нажала на тормоз. Внедорожник остановился на красном светофоре.

Она медленно повернула голову к Каэлю. Дождь барабанил по крыше. Свет от светофора заливал салон кроваво-красным.

— То есть, — произнесла она, тщательно артикулируя каждое слово. — Ты заставил меня спуститься в город в самый разгар зачистки. После того как в твоем замке материализовалась семья гниющих призраков, плачущих кислотой. Чтобы. Поесть. Свинины.

— Сегодня вторник, — повторил Каэль, словно это был фундаментальный закон физики, не требующий дальнейших доказательств. — По вторникам Хуан добавляет в сальсу копченый чеснок. Я не пропускаю копченый чеснок.

Светофор переключился на зеленый. Нериса смотрела на него еще секунду, ее лицо было непроницаемым. Затем она молча вдавила педаль газа в пол. Машина рванула вперед, поднимая веер грязной воды.

* * *

Они оставили машину на границе Неонового Сектора и пошли пешком.

Сан-Маркос был колониальной частью Кито. Здесь не было стекла и бетона. Здесь царил камень, мох, узкие мощеные улочки и старинные католические церкви, чьи кресты терялись в низких, набухших влагой облаках. Архитектура здесь была тяжелой, подавляющей. Дома стояли вплотную друг к другу, образуя каменные ущелья.

Дождь смыл с улиц всех людей. Даже бездомные собаки спрятались в подворотнях.

Стук их шагов гулким эхом отражался от стен. Ботинки Нерисы печатали ритм, туфли Каэля ступали бесшумно, не оставляя брызг.

Каэль шел чуть впереди. Он знал этот маршрут наизусть. Третий поворот после статуи слепого ангела, затем прямо по улице, мимо заброшенного монастыря, и там, на углу, под желтым светом старого фонаря, должен стоять железный фургон Хуана. Запах жареного мяса и кукурузной муки обычно чувствовался уже здесь.

Но сегодня что-то было не так.

Первой это поняла Нериса. Химера внутри нее всегда реагировала на отсутствие правильных раздражителей.

Она резко остановилась. Ее рука привычным жестом скользнула под плащ, пальцы легли на рукоять ритуального клинка.

— Стоп, — тихо сказала она.

Каэль остановился на полшага позже. Он не обернулся.

— Что? — его голос был спокойным, но в нем появилось легкое напряжение.

— Воздух, — Нериса втянула носом влажную ночную прохладу. Ее ноздри чуть расширились. — Он пустой.

Каэль принюхался.

Она была права. В городе, особенно в таком древнем и плотном, как Кито, воздух никогда не бывает пустым. Он всегда состоит из слоев: запах озона от дождя, вонь канализации, выхлопы далеких машин, аромат прелых листьев, запах старого камня, сладковатый душок разложения из подвалов, где прячутся мелкие упыри.

Но сейчас впереди, по ходу их движения, не пахло ничем.

Абсолютно ничем.

Словно пространство там было простерилизовано. Словно кто-то взял огромный кусок вакуума и вставил его посреди улицы. Не было ни запаха жареной свинины Хуана, ни запаха мокрого асфальта.

Отсутствовал даже звук. Шум дождя, который барабанил по крышам домов позади них, впереди обрывался, словно наталкивался на невидимую звукоизоляционную стену.

Каэль сделал шаг вперед. Затем еще один.

Его плащ слегка колыхнулся. Он завернул за угол, прошел мимо статуи слепого ангела, свернул на нужную улицу.

И остановился.

Нериса, вышедшая из-за угла следом за ним, замерла, не

донеся ногу до мостовой.

* * *

Улицы не было.

Там, где должен был продолжаться узкий мощеный переулок с двухэтажными колониальными домами, чугунными балконами и старым фонарем на углу, не было ничего, кроме стены.

Это не был обвал. Это не было новое здание, построенное поперек дороги.

Это была абсолютно гладкая, серая, монолитная плоскость.

Она перегораживала улицу от стены одного дома до стены другого. Она уходила вверх, теряясь в дождевой мгле, и уходила вниз, сливаясь с мостовой.

Ее текстура была невозможной. Это не был бетон, не был камень, не был металл. Она выглядела как материал без свойств. Серая масса, лишенная пор, трещин, швов или царапин. Она не отражала свет далеких неоновых вывесок. Она поглощала его.

Дождь, падающий с неба, не разбивался об эту стену. Капли просто касались ее и бесследно исчезали, словно впитываясь в губку.

Но самым страшным была не сама стена. Самым страшным была граница.

Она не была пристроена к соседним домам. Она разрезала их.

Каэль подошел ближе. Его лицо не выражало эмоций, но глаза потемнели, впитывая детали катастрофы.

Слева от них стоял старый доходный дом. Стена из серого монолита проходила прямо сквозь него. Это выглядело так, словно кто-то опустил гигантскую гильотину. Половина окна осталась в реальном мире: за стеклом виднелась часть старого кресла, кусок ковра, половина цветочного горшка на подоконнике. Земля в горшке была разрезана ровно пополам, и из среза торчал аккуратно разделенный надвое дождевой червь, который даже не успел понять, что умер.

Справа стена разрезала водосточную трубу. Из половины трубы лилась вода, падая на мостовую, а другая половина трубы просто не существовала.

Мостовая под их ногами заканчивалась так же. Один из булыжников был разрезан точно посередине. Гладкий, зеркальный срез камня без единой крошки.

Это не было разрушением.

Это было удалением.

Хирургическим, математически идеальным удалением огромного куска пространства из реальности.

* * *

Нериса медленно подошла к границе.

Она не убрала клинок. Наоборот, она перехватила его удобнее, ее тело сжалось, готовое к прыжку. Ее дыхание стало бесшумным.

Она посмотрела на стену, затем на разрезанный горшок в окне.

Она вытянула левую, свободную руку. Ее пальцы, покрытые тонкими шрамами, задвигались в воздухе, рисуя сложный, ломаный узор. Вокруг ее кисти вспыхнул тусклый, багрово-золотой свет — магия крови Ордена Вельсайр, предназначенная для выявления иллюзий, барьеров и скрытых аномалий.

Свет сорвался с ее пальцев и ударил в серую стену.

Ничего не произошло. Свет не отразился, не рассеялся и не вспыхнул. Он просто перестал существовать в момент касания.

— Это не магия, — голос Нерисы был тихим, хриплым. В нем впервые за ночь прозвучала подлинная, холодная тревога.

Она сделала еще один шаг, оказавшись в дюйме от монолита. Медленно, преодолевая инстинкты хищника, кричащие ей бежать от этого места, она прижала ладонь к серой поверхности.

Она не почувствовала ни холода, ни тепла. Ни твердости, ни мягкости.

— Она не существует, — прошептала Нериса, убирая руку. Ее пальцы слегка дрожали. — Это не стена, Каэль. Это

отсутствие. Здесь нет пространства. Улица не перегорожена. Она просто... закончилась. Весь квартал. Его вырезали.

Она повернулась к нему. В ее глазах отражалась городская паранойя.

— Квартал Сан-Маркос — это тридцать жилых домов. Две церкви. Подземелья. Сотни людей. Десятки нечисти. И их нет. Их не перенесли, не взорвали. Их стерли из геометрии Кито. Это уровень угрозы «Катастрофическая». Это работа не монстра, Каэль. Это слом реальности. Если Цитадель об этом узнает...

Она замолчала, понимая, что Цитадель, скорее всего, уже знает. Или, что еще хуже, Цитадель сама это сделала.

* * *

Каэль не слушал ее.

Он стоял в метре от серой плоскости. Дождь медленно пропитывал его волосы, стекал по острому профилю, падал на безупречный воротник пальто.

Его взгляд скользил по идеальному срезу водосточной трубы. По мертвому червю в разрезанном горшке. По гладкому, как стекло, булыжнику под ногами.

Он анализировал данные.

Квартала не было. Огромный кусок архитектуры, вместе с биологией, историей и временем, был хирургически изъят из ткани мира. Для любого существа, понимающего масштаб

происходящего, это был повод для экзистенциального ужаса. Это было доказательством того, что мир «4:44» не просто трещит по швам — он начал распадаться на куски.

Но Каэль не был обычным существом.

И его реакция была, пугающе неправильной.

Он засунул руки в карманы пальто. Медленно перевел взгляд серых, лишенных малейшего намека на панику глаз на Нерису.

В его голосе не было ни страха, ни философской тоски. Там была только глубокая, смертельная, ледяная усталость человека, чьи планы на вечер были грубо и бесцеремонно нарушены.

— Там был Хуан, — произнес Каэль. Его голос был безмятежно мертвым. Ровным. Без единой эмоции.

Нериса моргнула, сбитая с толку резким диссонансом.

— Что? Каэль, ты меня слышишь? Целого района нет!

— Хуан, — повторил Каэль, делая шаг к стене и глядя прямо в серую, небытийную массу. — Стоял ровно в тридцати метрах от этой линии. Со своим железным фургоном. У него была жаровня. У него была свинина.

Он медленно повернул голову к охотнице. Его глаза потемнели, превратившись в два куска обсидиана.

— Он делал лучшую сальсу в Кито, Нериса. С копченым чесноком. По вторникам.

Каэль вытащил правую руку из кармана и коснулся невидимой границы пространства.

— И кто-то, — его голос упал до тихого, угрожающего шепота, от которого завибрировали капли дождя в воздухе, — украл мою сальсу.

* * *

Дождь над Кито усилился. Теперь это были не просто тяжелые капли, а сплошной, ревущий поток ледяной воды, который пытался утопить город в его собственных грехах и нечистотах. Вода с шумом хлестала по мостовой, бурлила в стоках, срывалась с уцелевшей половины водосточной трубы и с размаху разбивалась о булыжники.

Но около серой стены стояла абсолютная, противоестественная тишина.

Нериса не сдавалась. Для нее, как для профессиональной охотницы Ордена Вельсайр, любая аномалия была задачей. Уравнением, которое нужно было решить, чтобы понять, как убить его создателя.

Она отошла от края монолита на три шага. Скинула с плеча промокший плащ, оставшись в плотной, облегающей тактической куртке. Дождь мгновенно облепил ее, но химера даже не вздрогнула. Ее тело генерировало достаточно внутреннего тепла, чтобы вода испарялась с ее плеч легким паром.

Она опустилась на одно колено.

Ее пальцы, с удлинившимися, заостренными ногтями,

коснулись мокрой мостовой. Она закрыла глаза и начала считывать остаточный фон. Это не была магия в человеческом понимании. Это был хищный, биологический радар, который мог учуять разложение эктропии, след телепортации, запах демонической серы или привкус пространственной гнили.

Каэль наблюдал за ней, не двигаясь.

Нериса провела когтями по камню, высекая тусклые искры. Затем она достала из внутреннего кармана стеклянную ампулу с густой, фосфоресцирующей зеленой жидкостью — реагент Вельсайр, созданный из вытяжки спинномозговой жидкости троллей и пепла сожженных ведьм. Эта дрянь реагировала на любое пространственное искажение, вскипая и меняя цвет.

Она раздавила ампулу пальцами.

Стекло хрустнуло, жидкость вылилась на мостовую в сантиметре от линии среза.

Ничего.

Жидкость просто смешалась с дождевой водой и утекла в щели между камнями. Она не изменила цвет. Она не вскипела. Реальность здесь считала себя совершенно нормальной.

— Никакого магического следа, — процедила Нериса, поднимаясь. Ее голос был полон злой, холодной фрустрации. Она пнула половину булыжника тяжелым армейским ботинком. — Никаких остаточных портальных частиц. Никакого демонического фона.

Она подошла к самой стене и ударила по ней рукоятью ритуального клинка.

Звука не было. Не было глухого стука, звона или вибрации отдачи. Кинетическая энергия удара просто исчезла, поглощенная серой массой.

— Это место хирургически стерильно, — Нериса повернулась к Каэлю, тяжело дыша. Дождь смывал с ее лица капли пота, выступившие от напряжения. — Кто бы ни вырезал этот квартал, он не использовал магию. И не использовал технологии. Он просто взял кусок геометрии и вынул его из мира. Это как если бы ты выделил текст в документе и нажал «Удалить». А на место текста вставил серый блок.

Каэль молчал.

Его взгляд скользил по поверхности не-стены.

Он понимал, что ищет Нериса. Она искала след преступника. Она искала дверь, или трещину, или вектор направления, по которому утащили тысячи тонн камня, земли и живой плоти.

Но Каэль знал: когда мир ломается, нельзя искать следы на поверхности излома.

* * *

Дождь, шум города, дыхание раздраженной химеры — все это вдруг показалось Каэлю слишком громким, слишком навязчивым.

Это был информационный шум. Мусор.

Он стоял неподвижно, засунув руки глубоко в карманы пальто. Вода стекала по его лицу, но он не моргал. Внутри него, под толщей его собственной древней, неправильной крови, начало пульсировать знакомое давление. То самое давление, которое он чувствовал сегодня утром, ровно в 4:44. То самое, которое привело гниющую семью из двадцатых годов за его обеденный стол.

Если квартал был стерт физически, значит, в физическом мире ответов нет.

Но мир «4:44» никогда не исчезал бесследно. Память пространства всегда оставалась. Если ты вырвешь зуб, боль в пустой десне продолжит напоминать о нем. Если ты вырежешь кусок города, его фантомная боль будет кричать. Нужно только знать, как слушать.

Каэль медленно, очень медленно, опустил веки.

Реальность выключилась.

Это не было похоже на то, как человек закрывает глаза. Когда человек закрывает глаза, он видит темноту, вспышки света на сетчатке, остаточные контуры ярких предметов.

Когда Каэль закрывал глаза, он отсекал сенсорный ввод мира. Он отключал зрение, слух, осязание, обоняние. Он погружался в кристальный, ледяной вакуум собственного сознания.

Шум дождя пропал.

Запах озона от Нерисы исчез.

Холод воды на коже перестал существовать.

Осталась только темнота. Бесконечная, глубокая, как океанская впадина.

И в этой темноте начало проступать нечто иное.

Сначала это был запах. Не свежий городской дождь. А сухой, удушливый запах старой бумаги, нафталина, высохшего жира и костной пыли. Запах, который уже пропитал сегодня утром его обеденный зал.

Затем появилось давление.

Оно не было атмосферным. Это было геометрическое давление. Словно Каэля поместили в невидимый куб, и стены этого куба начали медленно, неотвратимо сдвигаться, сжимая пространство внутри. Воздух стал плотным, как желатин. Дышать здесь было невозможно, да Каэль и не пытался.

Он просто смотрел в темноту под своими веками.

И из этой темноты, из этой геометрической агонии, начали проступать силуэты.

* * *

Они вернулись.

Семья.

Но теперь от них почти ничего не осталось.

Процесс гниения, который начался утром за его столом,

завершился. Перед ним в темноте висели четыре скелета.

Но они не были мертвы. И они не были неподвижны.

Одежда тысяча девятьсот двадцатых годов превратилась в грязные, истлевшие лоскуты, которые висели на их костях, как паутина. Кожи не было. Мяса не было. Только желтоватые, пористые кости, покрытые сеткой микротрещин.

Отец, мать, мальчик и девочка.

Они были спрессованы.

Пространство вокруг них сжималось так сильно, что их кости ломались и переплетались друг с другом. Это была отвратительная, гротескная скульптура из переломанных ребер, пробитых черепов и вывернутых суставов.

Нога матери была вбита в грудную клетку отца, пронзив его позвоночник. Череп мальчика был сплющен с двух сторон, височные кости треснули и вошли внутрь мозга, которого уже не было. Девочка была изогнута в невозможную дугу, ее шейные позвонки выскочили из пазов, а челюсть была впечатана в собственную ключицу.

Они висели в пустоте, зажатые в невидимые тиски. И они содрогались.

Это не была судорога биологической жизни. Это была вибрация пространства, которое пыталось раздавить их до состояния сингулярности, но не могло стереть окончательно.

Каэль наблюдал за этой анатомией катастрофы с прежним ледяным спокойствием.

Он понимал, что он видит.

Это не были конкретные люди. Это была проекция. Эхо. Память самого квартала Сан-Маркос, которая приняла форму того, что было когда-то связано с этим местом. Возможно, эта семья жила здесь сто лет назад. Возможно, они умерли здесь в какой-то забытой катастрофе. И когда квартал вырезали и сжали, их остаточная энергия стала голосом этой боли.

Они плакали.

Но теперь из пустых глазниц черепов текли не черные кислотные слезы. Теперь оттуда сыпался мелкий, серый песок. Песок стертого времени и уничтоженной истории.

Каэль не пытался им помочь. Он знал, что они — лишь интерфейс. Оболочка, через которую транслировалась информация.

Он ждал.

И давление куба вокруг них усилилось.

Кости начали трещать. Этот звук — сухой, звонкий, как ломающиеся сухие ветки в зимнем лесу — заполнил сознание Каэля. Ребра крошились. Фаланги пальцев отрывались и плавали в плотной, желеобразной темноте, сжатые невидимым стеклом.

Скелет отца, чья нижняя челюсть отсутствовала еще с утра, внезапно дернулся.

Его череп с жутким скрипом повернулся к Каэлю. Пустые глазницы, полные серого песка, впились в его сознание.

* * *

Звук не пришел снаружи. Он родился внутри черепа Каэля, завибрировав прямо в основании его спинного мозга.

Это был шепот.

Но шепот, состоящий из тысяч голосов. В нем был плач детей, визг автомобильных тормозов, шум дождя по крышам, стук посуды в кафе Хуана, лай собак и скрип старых дверей. Вся фоновая акустика исчезнувшего квартала слилась в единый, сдавленный, хрипящий хор, который транслировался через сломанный череп фантома.

— Мяяясной... рынок... — выдавил из себя невидимый хор.

Вибрация была такой силы, что Каэль почувствовал фантомную боль в собственных зубах.

Скелет матери дернулся, ее локтевая кость с хрустом переломилась пополам, не выдержав давления невидимой стены.

— Ангаар... четыре...

Череп отца подался вперед. Кости его шеи начали рассыпаться в труху, не выдерживая пространственной перегрузки. Песок посыпался из его глазниц быстрее, образуя в темноте серые водопады.

— Нас... держат...

Скелет мальчика беззвучно закричал, его раздавленный череп раскрылся, как треснувшее яйцо.

— В банке...

Эхо последнего слова ударило по сознанию Каэля, как взрывная волна.

В БАНКЕ.

Концепция была настолько же абсурдной, насколько и ужасающей. Тысячи тонн камня, сотни людей, время, геометрия, история — все это было вырезано, сжато невозможным образом и помещено в стеклянную оболочку. Макрокосм, низведенный до уровня консервированных овощей.

Это была не просто кража. Это был боди-хоррор в масштабах архитектуры. Это было издевательство над физикой.

Костяная инсталляция в темноте под веками Каэля начала рассыпаться. Не выдержав последней стадии сжатия, скелеты превратились в белую пыль, которая закружилась в невидимом водовороте и исчезла, поглощенная кристальным вакуумом.

Давление спало. Запах нафталина рассеялся.

Трансляция закончилась.

* * *

Каэль не открывал глаз.

Он продолжал стоять перед серой монолитной стеной на улице Сан-Маркос, впитывая полученную информацию.

Для него картина сложилась. Утренняя галлюцинация за завтраком. Сломанные призраки. Фраза «Нас свернули в ру-

лон». Вырезанный квартал.

Кто-то начал торговать пространством. Черные рынки Кито всегда славились экзотикой: органы богов, запрещенные воспоминания, кровь ангелов. Но кража целых жилых кварталов вместе с обитателями и упаковка их в тару — это был выход на совершенно новый уровень контрабанды. И уровень безумия.

Справа от него раздался резкий, раздраженный голос Нерисы.

— Каэль.

Она стояла совсем рядом. Каэль слышал, как вода капает с ее плаща.

— Ты дышать перестал, — в ее тоне сквозила холодная, злая обеспокоенность. — Ты стоишь так уже две минуты. У тебя температура тела упала. Если ты сейчас снова начнешь рассказывать мне про невидимых людей, я клянусь, я засуну тебе в глотку алхимический стимулятор, чтобы перезапустить твой мозг.

Каэль медленно, очень медленно открыл глаза.

Сенсорный ввод мира вернулся мгновенно. Холодный ливень, бьющий по лицу. Желтый свет далеких неоновых вывесок, отражающийся в лужах. Запах озона. Твердый, разрезанный пополам булыжник под ногами.

Он повернул голову к Нерисе.

Ее лицо было бледным от напряжения, глаза сузились, сканируя его на предмет одержимости. Рука по-прежнему

лежала на рукояти клинка. Она не доверяла ему в такие моменты. И правильно делала.

Каэль смотрел на нее своим обычным, мертвым, невозмутимым взглядом.

Он не стал объяснять ей физику передачи данных через призраков. Он не стал описывать ей хруст костей сжимаемой семьи. Он не стал говорить о том, что реальность мира только что была законсервирована.

Он просто выдал инструкции.

— Вези меня в Ла Бока, — его голос был ровным, тихим, но в нем звучал металл, который не допускал возражений. — Ангар номер четыре.

Нериса замерла.

Ее мозг, привыкший к тактическому анализу, мгновенно обработал информацию. Ла Бока. Самый грязный, самый опасный подпольный район Кито. Территория черных архитекторов, мясников и торговцев невозможным.

Она посмотрела на серую стену перед ними, затем снова на Каэля.

— Ла Бока? — переспросила она, и ее губы искривились в недоверчивой, саркастичной усмешке. — Серьезно? Ты две минуты стоял с закрытыми глазами под проливным дождем, изображая статую, и теперь внезапно знаешь, где находится похищенный квартал?

— Я знаю, где Хуан, — спокойно поправил ее Каэль.

— Хуан, — повторила Нериса, и в ее голосе зазвучала от-

крытая злость. — Твой мексиканец.

— Да.

— Как ты это узнал? Ты не использовал магию. Ты не читал следы. Ты просто стоял и молчал!

Каэль поправил воротник пальто, стряхивая с него ледяную воду. Он посмотрел вглубь улицы, туда, где должен был стоять железный фургон с лучшим аль пастор во всем Эквадоре.

— Я разговаривал с ним, Нериса, — ответил Каэль, и в его сухом, монотонном голосе не было ни капли иронии.

— С поваром?

— С призраком его квартала. Точнее, с его костным остатком, который транслировал информацию прямо мне в череп.

Нериса отшатнулась на полшага. Она смотрела на Каэля как на существо, которое только что окончательно утратило связь с объективной реальностью.

— Ты разговариваешь с пустотой, — констатировала она. Это был не вопрос. Это был диагноз. — Ты принимаешь тактические решения на основе бреда, который шепчет тебе воздух.

Каэль повернулся и медленно пошел прочь от серой стены, возвращаясь к тому месту, где они оставили внедорожник.

— Я разговариваю с ингредиентами, Нериса, — бросил он через плечо, не ускоряя шага. — И они сказали, что их маринуют не в тех условиях. Поехали. Если мы опоздаем,

сальса испортится, а я этого не прощу ни черному рынку, ни Цитадели.

Нериса осталась стоять перед монолитной не-стеной. Дождь барабанил по ее плечам. Она смотрела в спину удаляющегося Каэля, и в этот момент она искренне, всем своим химерическим существом, ненавидела его.

Но она развернулась и пошла следом. Потому что, несмотря на весь абсурд, Каэль еще ни разу не ошибся, когда дело касалось безумия.

* * *

Салон тяжелого внедорожника Нерисы ощущался как герметичная капсула, летящая сквозь враждебный космос.

Снаружи Кито ревел, захлебываясь ледяным дождем. Вода заливала лобовое стекло сплошным неровным потоком, искажая геометрию улиц. Свет неоновых вывесок — кислотно-пурпурный, ядовито-зеленый, кроваво-красный — пробивался сквозь водяную пленку, превращаясь в размытые, пульсирующие пятна. Дворники метались по стеклу с агрессивным, ритмичным скрипом, который напоминал звук ножа, скребущего по мокрой кости.

Внутри машины пахло нагретым пластиком, сухим воздухом из климат-контроля, мокрой шерстью пальто Каэля и тем металлическим, хищным запахом адреналина, который всегда исходил от Нерисы перед боем.

Двигатель глухо, мощно рычал. Нериса вела машину так, как привыкла делать всё в своей жизни: быстро, жестко и не оставляя места для компромиссов. Тяжелый автомобиль резал лужи, подбрасывая фонтаны грязной воды, игнорировал дорожные знаки и проскакивал перекрестки за миллисекунды до того, как зажигался красный.

Она крепко сжимала обтянутый кожей руль. Ее костяшки побелели. Глаза безостановочно сканировали дорогу, зеркала заднего вида, тени в подворотнях. Она искала угрозу в объективной реальности. Патрули Исполнителей, засады низшей нечисти, полицейские кордоны.

Каэль сидел на пассажирском сиденье.

Он не смотрел на дорогу. Он не проверял зеркала. Он сидел идеально ровно, откинув голову на подголовник. Его руки спокойно покоились на бедрах.

Его глаза были плотно закрыты.

И он не собирался их открывать.

Для Нерисы это выглядело как изощренная форма издевательства. Они ехали в Ла Бока — в самый гнилой, беспредельный и опасный район теневого Кито. Туда, где законы Цитадели работали только тогда, когда Исполнители приходили с огнеметами. А древний, невозможный мутант, чья сила могла бы снести половину этого района, сидел рядом с ней в позе медитирующего монаха, игнорируя реальность.

— Если ты уснул, — бросила Нериса, резко выворачивая руль, чтобы объехать остов сгоревшей машины на обочине,

— я выкину тебя прямо на ходу.

Каэль не ответил.

Он даже не шелохнулся. Его грудная клетка поднималась и опускалась в неестественно медленном, почти незаметном ритме.

Нериса стиснула зубы. Химера внутри нее глухо, раздраженно зарычала. Ей нужен был визуальный контроль. Ей нужен был партнер, который хотя бы делает вид, что следит за периметром. А вместо этого она везла бомбу замедленного действия, которая отключила свои сенсоры.

Но Каэль не спал.

Он работал.

Он держал связь, и эта связь требовала от него абсолютной, тотальной изоляции от внешнего мира.

* * *

Под закрытыми веками Каэля не было темноты.

Там была геометрия.

Он провалился в нее в тот момент, когда отвернулся от серой монолитной стены на улице Сан-Маркос. Это был не магический транс. Это было слияние с частотой катастрофы. Мир «4:44» всегда оставлял открытые каналы там, где ломалась реальность. И Каэль, чья природа сама по себе была фундаментальной ошибкой, мог подключаться к этим каналам.

Сейчас он находился внутри банки.

Разумеется, физически его тело сидело на мягком кожаном сиденье внедорожника. Он чувствовал вибрацию мотора, тепло от печки, слышал скрип дворников. Но его сознание было растянуто, как тонкая пленка, и натянуто на стенки невозможного пространства.

То, что он чувствовал, было невыносимым.

Это была клаустрофобия, возведенная в абсолют. Представьте себе целый городской квартал. Десятки каменных домов. Узкие улицы. Подвалы. Трубы канализации. Магазины. Квартиры с мебелью. Машины. И сотни живых существ. Люди, кошки, крысы, несколько упырей, прячущихся на чердаках.

А теперь представьте, что огромная, невидимая рука сгребла всё это в кулак и сжала до размеров трехлитровой банки.

Пространство внутри не уменьшилось пропорционально. Оно скомкалось. Свернулось в немыслимую, тошнотворную спираль.

Каэль «видел» это не глазами, а чистым восприятием.

Дома были вдавлены друг в друга. Крыша католической церкви пробила фундамент соседнего жилого здания и застряла в чьей-то гостиной. Асфальт выгнулся дугой и свернулся в трубку. Кирпичная кладка крошилась, превращаясь в пыль, но этой пыли некуда было падать — она просто висела в спрессованном воздухе.

А воздух... Воздух здесь был твердым.

Его сжали до состояния жидкости, а затем почти до состояния камня. Давление атмосферы внутри стеклянной тюрьмы было таким, что легкие живых существ просто отказывались работать.

Люди внутри не были мертвы. Во всяком случае, пока. Архитектор, укравший квартал, применил временную стазис-печать. Время внутри банки текло в сотни раз медленнее. Для обитателей Сан-Маркос прошла, возможно, всего пара секунд с момента похищения.

Но эти секунды были наполнены совершенным, парализующим ужасом.

Они чувствовали, как стены их домов сдвигаются. Как потолки опускаются. Как невидимое стекло давит на само небо над их головами.

Каэль чувствовал их панику. Она билась о его сознание, как рой обезумевших ос. Вкус железа во рту, запах разорванного бетона, тихий треск лопающихся водопроводных труб.

И среди всего этого хаоса снова прорезался голос.

* * *

Голос не был человеческим.

Это снова был тот самый мальчик в матроске, чья фантомная проекция плакала кислотной слизью за обеденным столом Каэля. Он был эхом, алгоритмом боли, который квартал

использовал для связи с внешним миром.

— Нам... больно... — прохрипел голос.

Он звучал не в ушах Каэля. Он вибрировал в его спинном мозге, скрежетал по черепу изнутри. Звук напоминал скрежет двух кусков битого стекла, которые трутся друг о друга под большим давлением.

В сознании Каэля вспыхнул образ.

Сжатая улица. Покореженный железный фургон Хуана, вдавленный в стену аптеки. Сам Хуан, застывший с поднятой лопаткой над жаровней. Его глаза широко раскрыты, в них плещется первобытный ужас существа, которое видит, как небо над ним превращается в изогнутую стеклянную линзу.

Хуан не мог дышать. Никто внутри не мог.

— Пространство... сжимает нас... — эхо ребенка сорвалось на ультразвуковой, скулящий визг. — Стекло... Небо стало стеклом... Мы ломаемся...

Каэль чувствовал, как фантомная тяжесть давит ему на грудь. Обычный вампир на его месте уже сошел бы с ума от сенсорного перегруза. Эмпатия в таких дозах была смертельна. Слишком много чужой боли, слишком много сломанной геометрии.

Но Каэль не был обычным. Он был тем, для кого сбой реальности был естественной средой обитания.

Его пульс оставался ровным. Лицо в освещенном неоном салоне машины не дрогнуло.

Он не испытывал к ним жалости. Жалость — это чело-

веческое чувство, а Каэль давно забыл, что это такое. Он испытывал раздражение. Глубокое, холодное, педантичное раздражение существа, чей распорядок дня был нарушен самым грубым образом.

Каэль чуть приоткрыл губы и произнес вслух, обращаясь в пустоту:

— Потерпи.

Его голос в салоне внедорожника прозвучал неожиданно громко, разрезав шум работающей печки и дождя.

— Я не дам им съесть рецепт сальсы.

Машина дернулась. Нериса рефлекторно вдавила тормоз, уводя внедорожник от заноса на мокром асфальте. Резина взвизгнула, машина выровнялась, но Нериса почти полностью развернулась к пассажирскому сиденью.

Ее серо-золотые глаза горели от бешенства и непонимания.

— С кем, мать твою, ты сейчас разговариваешь?! — рявкнула она. Ее голос был острым, как бритва.

Каэль не открыл глаз.

— С мальчиком в матроске, — спокойно ответил он, не меняя позы. — Он жалуется, что небо стало стеклянным.

Нериса уставилась на него. Секунду она просто пыталась переварить услышанное.

— Ты сидишь в моей машине. С закрытыми глазами. Мы едем в Ла Бока, потому что ты решил, что там находится вырезанный из реальности кусок города. И ты сейчас вслух

успокаиваешь галлюцинацию, обещая ей спасти рецепт гребаной мексиканской приправы?!

— Да, — Каэль невозмутимо кивнул, всё так же не открывая глаз. — У тебя отличные аналитические способности, Нериса. Именно поэтому я ценю тебя как напарника.

* * *

Нериса отвернулась к дороге и с силой ударила ладонью по рулю.

— Ты неизлечимо болен, — процедила она сквозь зубы, вдавливая педаль газа. Внедорожник с ревом рванул вперед по залитому водой проспекту. — Мне нужно было убить тебя в первую нашу встречу. Отрезать голову, сжечь тело и развеять пепел.

— Ты пыталась, — меланхолично напомнил Каэль. — Трижды. Я сломал тебе два ребра, а ты пробила мне легкое. Это было очень романтичное начало.

— В следующий раз я не промахнусь мимо сердца.

— Мое сердце работает не так, как ты думаешь. Но можешь попытаться. Напомни мне, чтобы я купил тебе новый клинок на Рождество. Твой уже затупился.

Нериса не ответила. Она полностью сосредоточилась на дороге.

Они покидали Неоновый Сектор. Высокие стеклянные башни, яркие голограммы и шумные ночные клубы остава-

лись позади. Дождь здесь казался грязнее. Он уже не отражал кислотные цвета, а просто впитывался в разбитый асфальт и ржавые конструкции.

Начиналась промзона. Буферная территория перед районом Ла Бока.

Здесь Кито выглядел так, словно город умер, но забыл разложиться. Огромные бетонные ангары тянулись бесконечной серой грядой. Заброшенные заводы, ржавые краны, похожие на скелеты гигантских доисторических птиц, переплетения труб, из которых со свистом вырывался пар.

Именно здесь прятались те, кому не было места даже в обычных теневых кварталах нечисти. Ла Бока была черной дырой, куда стекалась контрабанда со всего континента. Здесь торговали тем, о чем Цитадель предпочитала не знать.

— Впереди патруль, — резко сказала Нериса.

Она щелкнула тумблером, и фары внедорожника мгновенно погасли. Машина нырнула в темноту узкого переулка, двигаясь только за счет остаточного городского освещения и кошачьего зрения химеры.

Каэль по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но слегка повернул голову в сторону лобового стекла.

В метрах двухстах впереди, под мигающим желтым фонарем, стояли три фигуры.

Они были одеты в длинные, серые, прорезиненные плащи, которые почти сливались с дождем. На их лицах были гладкие, лишенные черт фарфоровые маски. В руках они держа-

ли длинные черные баллоны, из которых на мокрый асфальт распылялся густой, белесый газ.

Исполнители Цитадели. Чистильщики.

Там, куда падал их газ, лужи переставали отражать свет, а куски мусора просто растворялись, не оставляя даже запаха. Они зачищали следы.

— Они ищут квартал, — тихо произнесла Нериса, заглушая двигатель, чтобы машина катилась по инерции. — Цитадель уже в панике. Вырезать Сан-Маркос — это не просто кража. Это акт терроризма против структуры мира. Если чистильщики найдут нас здесь...

— Они не найдут, — перебил Каэль. — Они слепые. Они ищут магическую сигнатуру, а ее здесь нет. Это была пространственная ампутация. Поворачивай направо, в следующий проезд между доками.

Нериса стиснула руль. Она ненавидела подчиняться приказам, особенно когда они исходили от существа, которое даже не смотрело на дорогу.

— Откуда ты знаешь, куда ехать? У тебя под веками встроена GPS-карта?

— Я чувствую плотность, — ровным тоном ответил Каэль. — В банке слишком много массы. Квартал сжат, но его вес и гравитационный след никуда не исчезли. Пространство вокруг Ангара 4 прогибается под его тяжестью. Я чувствую этот прогиб. Это как воронка.

Нериса крутанула руль, уводя тяжелую машину в темный,

залитый дождем проезд между двумя рядами циклопических складов.

* * *

Машина кралась сквозь тьму.

Шум дождя здесь, среди бетонных каньонов, звучал иначе — гулко, монотонно, угрожающе. Запах изменился. Озон пропал. Его заменила густая, тошнотворная вонь машинного масла, гниющей рыбы со стороны порта и свернувшейся крови. Запах типичной Ла Боки.

Каэль внутри своего транса чувствовал, как натяжение пространства достигает пика.

Ребенок в его голове больше не говорил. Он просто издавал непрерывный, вибрирующий хрип. Кости фантома превратились в пыль, и теперь эта пыль терлась о стенки стеклянной банки, пытаясь вырваться наружу.

Банка была близко. Очень близко.

Каэль чувствовал текстуру стекла. Он чувствовал холод металла крышки. Он чувствовал животный, задыхающийся ужас Хуана, который всё еще стоял с поднятой лопаткой, пока невидимая сила медленно, неумолимо сдавливала его грудную клетку, ломая ребра.

Давление было таким сильным, что Каэль физически ощутил, как у него из носа потекла тонкая, горячая струйка.

Капля темной, неестественно густой крови упала на во-

ротник его безупречного пальто.

Нериса краем глаза заметила это. Ее зрачки снова стали вертикальными.

Каэль, древнее существо, чью кожу не брали обычные ножи, у которого регенерация работала быстрее, чем человеческий глаз мог заметить травму, только что пустил кровь от одного лишь ментального перенапряжения.

— Мы на месте, — резко сказал Каэль.

Его глаза распахнулись.

Сенсорный вакуум исчез, и реальность с грохотом обрушилась обратно. Ночной Кито, дождь, вонь Ла Боки, тусклый свет приборной панели.

Каэль медленно достал из кармана шелковый платок и изящным движением стер кровь с верхней губы. Он посмотрел на платок с легким, почти научным интересом, словно забыл, как выглядит его собственная биологическая жидкость.

Внедорожник остановился. Нериса перевела коробку передач в паркинг и заглушила двигатель.

Они стояли в тупике.

Прямо перед ними возвышался Ангар 4.

Это было огромное, приземистое здание, построенное из гофрированного железа и грязного бетона. Оно выглядело заброшенным. Ворота были покрыты ржавчиной, окна под самой крышей выбиты. Ни света, ни звука, ни движения. Лишь потоки воды стекали по серым стенам.

Но Каэль знал: внутри здание было больше, чем снаружи. Намного больше.

Он смотрел на ржавые ворота, и его серые глаза были совершенно холодными. Вся ирония, весь сарказм исчезли, оставив только хищную, ледяную пустоту.

— Знаешь, в чем проблема пространственных контрабандистов, Нериса? — тихо спросил он, открывая дверь машины.

— В том, что они забывают проверять сроки годности? — мрачно отозвалась она, отстегивая ремень и проверяя легкость хода клинка в ножнах.

— В том, что они слишком верят в геометрию, — Каэль ступил в лужу. Дождь мгновенно обрушился на его плечи, но он даже не поежился. — Они думают, что если спрятать вещь в коробку, она станет их собственностью.

Он закрыл дверцу машины. Звук удара металла о металл потонул в шуме ливня.

— Но они забывают, — Каэль поправил полы пальто, — что некоторые вещи, если их сжать слишком сильно, имеют свойство взрываться. Пойдем. Я хочу вернуть свою сальсу. И я хочу посмотреть, как они попытаются объяснить мне, почему она остыла.

* * *

Ржавые ворота Ангара 4 не были просто старым метал-

лом.

Для обычного человека это был бы массивный, проржавевший гофрированный щит, покрытый многолетними слоями облупившейся краски, граффити и грязи Ла Боки. Но для того, кто понимал анатомию изломанного мира, эти ворота выглядели как грубый, воспаленный шрам на теле реальности.

Каэль стоял в полуметре от них. Дождь здесь, в узком тупике между складами, падал почти отвесно, с глухим стуком разбиваясь о плечи его пальто.

Нериса заняла позицию у бетонной опоры в нескольких шагах позади, слившись с тенями. Вода стекала по ее тактической куртке. В левой руке она держала ритуальный клинок, правая покоилась на кобуре с тяжелым пистолетом, заряженным алхимическим свинцом. Она не сводила глаз с периметра, контролируя единственный выход из тупика.

Каэль медленно поднял правую руку.

Он не стал прикасаться к воротам. В этом не было необходимости. Он остановил ладонь в дюйме от ржавого металла.

Воздух между его пальцами и поверхностью ворот был плотным, статичным. Он гудел, как высоковольтный провод. Это была мембрана. Искусственно созданная граница подпространства. Контрабандисты, называющие себя Черными Архитекторами, не просто прятали свои товары внутри зданий. Они растягивали внутреннюю геометрию, создавая карманные измерения, пришитые к гниющим складским райо-

нам Кито грубыми пространственными нитками.

Каэль закрыл глаза.

Его сознание скользнуло сквозь мембрану. Это ощущалось так, словно он погрузил руку в ледяной, густой сироп. Пространство сопротивлялось, оно было вязким, пропитанным чужой магией и машинным маслом, но для сущности уровня Каэля эти барьеры были не более чем тонкой бумажной ширмой.

Он прошел сквозь стену. Не физически, но перцептивно.

И ангар раскрылся перед его внутренним взором.

* * *

Внутри не было темноты и запустения, которые транслировал фасад.

Там был индустриальный нуар, возведенный в абсолют. Пространство за воротами было огромным. Невозможно огромным. Если снаружи ангар казался постройкой размером с баскетбольную площадку, то внутри это был настоящий подземный док, уходящий вдаль на сотни метров. Своды терялись высоко в искусственном мраке, перечеркнутом стальными балками и мерцающими неоновыми лампами.

Воздух здесь был совершенно сухим. Дождь остался по ту сторону мембраны. Вместо него царствовал запах озона, жженой резины, сырого бетона и меди — характерный металлический привкус магии, ломающей законы физики.

Вдоль стен громоздились строительные леса, контейнеры, подвешенные на массивных цепях, и механизмы неизвестного назначения, похожие на помесь паровых турбин и гигантских металлических пауков.

И среди всей этой индустриальной хтони находились люди. Или те, кто когда-то ими был.

Каэль методично просканировал пространство, фиксируя каждую цель.

Охрана. Их было около двух десятков. Тяжело вооруженные наемники, представляющие собой ту самую грязную смесь технологий и алхимии, которой славилась Ла Бока. У некоторых вместо левых рук были вживлены грубые пневматические дробовики. Другие носили на лицах дыхательные маски, вкачивающие в их легкие стимуляторы из крови низших троллей. Они стояли по периметру, лениво переговариваясь, но их глаза — красные, расширенные от наркотиков — постоянно сканировали тени.

В центре этого циклопического пространства находилась пустая зона.

Идеально ровный круг чистого бетона, освещенный мощными промышленными прожекторами, свисающими с потолка на толстых кабелях. Свет был резким, клинически белым.

В самом центре круга стоял стол.

Это был не предмет мебели, а монолитная стальная платформа, способная выдержать вес танка. Вокруг платформы

собралась небольшая группа.

Среди них выделялся Босс. Черный Архитектор.

Он не был человеком. Каэль понял это с первой миллисекунды. Существо носило дорогой костюм, но его пропорции были тошнотворно неправильными. Его руки были слишком длинными, колени выгибались чуть назад, а шея состояла из складок бледной, почти прозрачной кожи, под которой пульсировали черные вены. У него не было носа — только две вертикальные щели.

Он был пространственным паразитом. Видом нечисти, который питался искажениями и разрывами. Идеальный контрабандист для товара, который не существует в трех измерениях.

Но внимание Каэля задержалось на Архитекторе лишь на мгновение.

Потому что на стальной платформе перед паразитом лежало то, ради чего они сюда приехали.

* * *

Стеклянная банка.

Она была огромной, около двух метров в высоту и полутора метров в диаметре, отлитая из толстого, зеленоватого промышленного стекла. Стекло было неидеальным, с мелкими пузырьками воздуха, застывшими внутри, что придавало объекту сходство с древним алхимическим сосудом.

Верх банки был закрыт массивной стальной крышкой, от которой к полу тянулись толстые кабели, гудящие от напряжения. Крышка генерировала стазис-поле, удерживающее содержимое от пространственного взрыва.

Каэль сфокусировал свое восприятие на том, что находилось внутри.

Это было безумие. Совершенный, стерильный ужас в масштабах городской архитектуры.

Квартал Сан-Маркос не был просто уменьшен. Уменьшение — это дешевый фокус. Пространство было свернуто.

Улицы изгибались под немыслимыми углами, образуя спираль, подобную ленте Мебиуса, которая заполняла весь объем банки. Дома лепились друг к другу, образуя многослойный ком из черепичных крыш, кирпичных стен, чугунных балконов и кусков асфальта.

Шпиль старой католической церкви пронзил перекресток и теперь торчал из окна второго этажа жилого дома, словно копье. Линия электропередач была спутана в тугой клубок искрящих проводов, подвешенный между двумя сдавленными фасадами.

Но хуже всего была вода.

В момент изъятия над Сан-Маркос шел дождь. И этот дождь был пойман вместе с кварталом. Миллионы капель воды застыли в густом, спрессованном воздухе внутри банки, превратившись в россыпь стеклянной пыли, висящей в пустоте. На внутренней стороне стеклянных стенок сосуда

скопился конденсат. Это был пот умирающего пространства.

Каэль мысленно приблизился вплотную к стеклу.

Масштаб был микроскопическим, но для его зрения это не имело значения. Он видел детали.

Он видел людей.

Они были размером с насекомых, вдавленные в стекло или зажатые между сплющенными стенами своих домов. Время для них было остановлено, но не полностью. Стазис работал с коэффициентом один к тысяче.

Каэль видел лицо женщины на балконе третьего этажа, прижатое к зеленоватому стеклу банки. Ее рот был беззвучно открыт в крике, глаза широко распахнуты. Из-за изгиба пространства балкон над ней опустился, и чугунная решетка медленно, по миллиметру в час, входила в ее плечо.

Он видел стаю бродячих собак, спрессованных в единый ком меха и костей в узком переулке.

Он видел упыря, который охотился на крыше, а теперь был расплющен о медный купол часовни.

Это был рынок. Самый грязный, самый элитарный рынок Цитадели.

Некоторые древние вампиры покупали такие банки, чтобы ставить их в своих подвалах и медленно, десятилетиями, вытягивать жизненную энергию из тысяч спрессованных душ. Некоторые демоны покупали их как террариумы, наблюдая за тем, как запертые существа сходят с ума и начинают пожирать друг друга в условиях отсутствия времени и

кислорода. Черный Архитектор сейчас как раз демонстрировал товар потенциальному покупателю — жирному, бледному гулю в бархатном костюме.

Но Каэль не испытывал сострадания к женщине на балконе. Его не волновали собаки, упыри и потенциальный геноцид населения Сан-Маркос.

Его взгляд скользил по изломанной спирали улиц, пробираясь сквозь слои сдавленного кирпича и застывшего дождя.

Он искал только одно.

* * *

Он нашел его на третьем витке спирали, почти у самого дна банки.

На углу двух сплющенных улиц, вдавленный в фасад старой аптеки, стоял железный фургон. Его передняя часть была смята, фары разбиты, а навес покосился. На боку фургона, несмотря на царапины и деформацию металла, все еще читалась надпись: «El Rey del Pastor. Лучшие тако в Кито».

Каэль мысленно проник сквозь зеленоватое стекло сосуда и сфокусировался на внутренностях фургона.

Там был Хуан.

Повар был прижат спиной к раскаленной жаровне. Его лицо исказила маска первобытного, задыхающегося ужаса. Одна рука была поднята в попытке защититься от невидимого пресса пространства, другая судорожно сжимала метал-

лическую лопатку. Его фартук был испачкан соусом и жиром. Время для него застыло в момент осознания того, что небо над его головой превратилось в стекло.

Но Каэль не смотрел на Хуана.

Каэль смотрел на вертел.

Вертикальный железный штырь, на котором слоями было нанизано идеальное, замаринованное свиное мясо, увенчанное куском ананаса. Мясо было теплым. Каэль, даже находясь снаружи ангара, своим извращенным восприятием чувствовал остаточное тепло жаровни.

Но тепло уходило.

Стазис-поле замедляло время, но оно не могло остановить термодинамику полностью. Мясо остывало. Ананас терял свою карамельную корочку, превращаясь в жесткий, холодный кусок фрукта.

И, что самое страшное, Каэль увидел пластиковый контейнер, придавленный к столешнице падающей банкой с солью.

В контейнере была зеленая сальса.

Она расплескалась, зависнув в воздухе изумрудными каплями, в которых Каэль безошибочно узнавал текстуру перетертого халапеньо, кинзы и того самого копченого чеснока, ради которого он сегодня проснулся. Капли летели медленно, неумолимо приближаясь к грязному полу фургона. Если они упадут, рецепт вторника будет безвозвратно утрачен.

Квартал был мертв. Люди находились в агонии. История

была стерта.

Но сальса остывала.

И для Каэля это было чертой, за которой заканчивалась любая дипломатия и начиналось чистое, абсолютное насилие. Архитектурная вивисекция целого района была просто фоном. Настоящим преступлением, актом космического богохульства, было то, что кто-то посмел прервать процесс приготовления его еды.

* * *

Черный Архитектор, стоящий у платформы, поднял свою непропорционально длинную руку и постучал длинным, изогнутым ногтем по стеклу банки.

Тук. Тук.

Для него это был просто звук. Легкий щелчок когтя по стеклу.

Но Каэль, чье сознание всё еще находилось в резонансе с содержимым сосуда, услышал, как этот стук отразился внутри.

Для обитателей спрессованного Сан-Маркос это был грохот апокалипсиса. Удар грома, от которого заложило уши. Звук пронзил застывший дождевой конденсат, заставив стеклянные капли в воздухе завибрировать. Хуан в фургоне инстинктивно вжал голову в плечи. Старый католический крест на проткнувшей дом часовне покрылся сетью микро-

трещин.

— Выдержит века, — голос Архитектора, булькающий и сиплый, прорвался сквозь восприятие Каэля. Мутант обернулся к жирному гулю-покупателю. — Стазис идеален. Вы можете поставить его в подвале и пить их страх по капле. Хватит на три ваших поколения. Двести килограммов отборного человеческого отчаяния.

Гуль облизал бледные, рыхлые губы.

— Меня беспокоит конденсат на стекле, — прохрипел покупатель. — Дождь. Вода размывает вкус эмоций. Я предпочитаю сухой страх.

— Дождь — это эстетика, господин, — Архитектор нежно погладил толстое стекло сосуда. Его многосуставчатые пальцы скользнули прямо по тому месту, где с другой стороны, внутри банки, было прижато искаженное криком лицо женщины. — Вода замерзнет. Они будут вечно кричать во льду. Это придает букету хрустящую ноту.

Каэль услышал достаточно.

Лор черного рынка, тонкости торговли пространством, эстетика консервированных душ — все это было онтологическим мусором. Мусором, который стоял между ним и его ужином.

Он резко, в одну миллисекунду, втянул свое восприятие обратно. Разорвал связь с пространством внутри банки и вернул сознание в свое физическое тело.

Каэль открыл глаза.

Холодный дождь Кито снова ударил по лицу. Ржавые ворота перед ним были просто старым куском железа. Шум ливня заглушал все остальные звуки в переулке.

Он медленно опустил поднятую руку и засунул ее в карман пальто.

Нериса, стоявшая у бетонной опоры, мгновенно уловила изменение в его позе. Ее хищные инстинкты подсказали, что сканирование закончено.

— Ну что? — ее голос прорезался сквозь шум воды, тихий, но напряженный до предела. — Ты увидел свою мексиканскую галлюцинацию?

Каэль повернулся к ней.

Его лицо было бледным, гладким, похожим на маску из античного мрамора. Вода стекала по его скулам, но глаза были сухими, темными и пугающе спокойными. В них не было безумия, которого так боялась Нериса. В них была ледяная, математическая ясность хищника, который уже расчленил добычу в уме.

— Он там, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Каэль. — В банке. На огромном столе в центре зала.

Нериса подошла на шаг ближе, не опуская пистолета.

— Охрана?

— Двадцать единиц. Биомодифицированные наемники. Дробовики, вживленные в предплечья, алхимические стимуляторы, клинки. Ничего, что могло бы пережить прямое столкновение с физикой.

— Покупатель?

— Мелкий гуль. Не имеет значения.

Нериса хмыкнула, оценивая тактическую картину. Двадцать вооруженных наемников и мутант-архитектор в замкнутом пространстве. Для Ордена Вельсайр это была бы задача для полноценного штурмового отряда.

— Они вооружены до зубов, Каэль. Они находятся на укрепленной позиции. Мы не знаем их секторов обстрела. Нам нужно найти вентиляционную шахту, зайти сверху, отключить свет и вырезать их по одному, пока они не поняли, что происходит.

Она начала просчитывать маршрут, глядя на темные окна под крышей ангара.

Каэль посмотрел на нее. В его глазах мелькнула легкая, почти невидимая тень скуки.

— Нериса, — произнес он мягко, словно обращаясь к неразумному ребенку. — Они спрессовали Хуана. Моя сальса висит в воздухе, и каждая секунда приближает ее к полу. Ты думаешь, у меня есть время ползать по грязным трубам в потолке?

Она осеклась, глядя на него с недоверием.

— Что ты собираешься делать? — медленно спросила химера.

Каэль повернулся обратно к ржавым воротам. Он вытащил руки из карманов. Его длинные, идеальные пальцы слегка хрустнули. Это был единственный звук, выдающий его на-

мерение.

— Я собираюсь постучать, — сказал Каэль. — И спросить, не хотят ли они помочь мне донести банку до машины.

Нериса не успела ответить.

Каэль сделал шаг вперед. И реальность в переулке содрогнулась.

* * *

Каэль не стал сжимать кулак.

Для классического удара, способного выбить стальные ворота промышленного ангара, человеку потребовался бы разбег, рычаг, точка опоры и масса, эквивалентная небольшому грузовику. Вампиру потребовалась бы кинетическая энергия, сгенерированная взрывным сокращением гипертрофированных мышц.

Каэль просто положил открытую ладонь на ржавый гофрированный металл.

Железо было ледяным, мокрым и шершавым от многолетней коррозии. Капли дождя разбивались о тыльную сторону кисти Каэля.

Он не замахивался. Не напрягал спину. Не менял положения ног. Он вообще не двигался.

Вся физика удара произошла внутри его собственного тела, нарушая базовые законы сохранения импульса. Его плоть, которая только казалась человеческой, за долю секун-

ды перестроила свою плотность. Масса Каэля локально, в одной точке соприкосновения его ладони и ворот, стала равна массе падающего метеорита.

И он просто толкнул дверь вперед.

Процесс занял меньше одной десятой секунды.

Но звук, который родился в этот момент, не имел ничего общего со стуком. Это был артиллерийский залп. Грохот, от которого вода в лужах вокруг них вскипела и разлетелась в радиусе пяти метров, образовав идеальный сухой круг на асфальте.

Ржавые ворота не просто открылись. Они перестали быть преградой.

Огромный, четырехметровый стальной щит, весивший больше тонны, вырвало из петель с пронзительным, визгливым стоном рвущегося металла. Петли лопнули, брызнув раскаленными искрами и кусками расплавленного чугуна. Центральный замок — массивный брусок закаленной стали толщиной в руку — разлетелся на шрапнель, которая с воем ушла внутрь ангара.

Сами ворота сложились пополам, словно лист фольги, в который завернули гранату, и с чудовищной скоростью улетели во мрак помещения.

За воротами стоял охранник.

Биомодифицированный наемник, весом под сто двадцать килограммов, в кевларовом бронежилете, с подкожными титановыми пластинами и дробовиком наперевес. Он стоял

там, чтобы убить любого, кто попытается взломать замок.

Он даже не успел моргнуть.

Когда летящий кусок тонной стали врезался в него на скорости в двести километров в час, биология охранника просто капитулировала перед физикой. Человеческое тело, даже усиленное алхимией, по большей части состоит из жидкости. При столкновении с такой кинетической энергией оно ведет себя как перезрелый фрукт, по которому ударили бейсбольной битой.

Наемника не отбросило. Его размазало.

Кевлар лопнул, титановые пластины смялись, ребра превратились в костную пыль за микросекунду. Взрыв красного тумана, брызг и анатомических фрагментов вырвался из-под летящих ворот, окрашивая бетонный пол ангара в ярко-алый цвет.

Стальной щит пролетел еще пятнадцать метров, сминая все на своем пути, и с оглушительным грохотом врезался в несущую бетонную колонну. Колонна содрогнулась. С потолка посыпалась серая пыль и куски штукатурки.

В тупике повисла звенящая, оглушающая тишина, в которую медленно, неуверенно начал возвращаться шум дождя.

* * *

Из образовавшегося в стене ангара квадратного провала вырвалось облако цементной пыли, смешанной с запахом

озона и свежей крови.

Дождь мгновенно хлынул внутрь, заливая сухой бетонный пол.

Каэль медленно опустил правую руку.

Он не смотрел на разрушения. Он посмотрел на свой рукав. На идеальном темном кашемире его пальто осела тонкая серая пыль. Каэль чуть поморщился и двумя пальцами левой руки изящно, брезгливо стряхнул ее.

Затем он шагнул в ангар.

Он переступил через искореженный порог так спокойно, словно заходил в фойе дорогого отеля, а не в логово вооруженного до зубов синдиката. Его лакированные туфли бесшумно ступали по бетонной крошке, избегая луж крови и тех комков биомассы, которые еще секунду назад были наемником.

Нериса вошла следом.

В отличие от Каэля, она не шла. Она втекала в пространство. Ее тело было прижато к земле, силуэт сжат, глаза горели хищным, нечеловеческим золотом. Ритуальный клинок в ее левой руке был опущен, но готов взлететь в любую долю секунды. Правая рука сжимала рукоять крупнокалиберного пистолета.

Она перешагнула через оторванную руку в кевларовом рукаве, пальцы которой все еще конвульсивно сжимали цевье дробовика.

Акустика внутри ангара изменилась.

Грохот упавших ворот умер, поглощенный огромным пространством, и на его место пришла другая тишина. Напряженная. Звенящая. Тяжелая.

Девятнадцать оставшихся наемников замерли.

Они были профессионалами. Они убивали химер, вампиров, оборотней и даже низших демонов. Они знали, как звучит взрывчатка. Они знали, как звучит магия.

Но то, что только что выбило ворота, не было ни тем, ни другим. Это была грубая, немыслимая сила, от которой веяло чем-то древним и совершенно неправильным.

Щелчки взводимых курков и досылаемых патронов разнеслись по ангару, слившись в единый, сухой металлический треск.

Девятнадцать стволов развернулись в сторону дыры в стене. Лазерные целеуказатели разрезали пыльный воздух красными нитями. Несколько лучей скрестились на груди Каэля, оставив на его темном пальто яркие рубиновые точки.

Но никто не стрелял.

Потому что существо, которое только что превратило их товарища в кровавую краску на бетоне, не выглядело как монстр. Оно не рычало. Не выпускало когти. Оно просто шло к центру зала, засунув руки в карманы и глядя прямо на стеклянную банку, освещенную промышленными прожекторами.

* * *

В центре зала, у стальной платформы, время словно застыло.

Гуль-покупатель, чей бархатный костюм внезапно показался ему слишком тесным, издал тонкий, визгливый звук и инстинктивно отшатнулся от стеклянной банки, прячась за массивной фигурой Черного Архитектора.

Сам Архитектор не шелохнулся.

Его вертикальные ноздри-щели хищно расширились, втягивая воздух. Он чувствовал запах Каэля. И этот запах сбивал его с толку. От вошедшего не пахло магией. Не пахло кровью. Не пахло ни одной из известных фракций нечисти Цитадели.

От него пахло холодом. И пустотой.

Архитектор положил свою непропорционально длинную, многосуставчатую руку на крышку стеклянной банки. Это был жест собственника. Жест существа, которое готово защищать свой товар любой ценой.

Каэль остановился в десяти метрах от платформы.

Красные точки лазерных прицелов роились на его лице, шее и груди, как стайка светлячков. Одно движение пальцев наемников, и воздух превратится в сплошную стену из свинца, алхимической дроби и разрывных пуль.

Нериса остановилась в двух шагах позади Каэля, чуть сбоку. Она уже распределила цели. Трое на левых лесах, пятеро за укрытиями из ящиков, двое снайперов под крышей. Ей

потребуется ровно четыре секунды, чтобы убить ближайших шестерых, прежде чем они успеют нажать на спуск. Дальше придется импровизировать. Химера внутри нее жаждала крови. Она чувствовала страх наемников, и этот страх опьянял ее.

Но она ждала. Ждала приказа или первого выстрела.

Каэль не смотрел на наемников. Они были для него просто фоновым шумом. Декорацией.

Его серые глаза сфокусировались на Черном Архитекторе. Затем опустились на стеклянную банку.

Внутри нее, под зеленоватым стеклом, спрессованный квартал продолжал свою беззвучную агонию. Каэль знал, что стазис-поле все еще держит Хуана. Он знал, что зеленая сальса все еще висит в воздухе, не коснувшись пола.

Он поднял взгляд обратно на Архитектора.

И тишина в ангаре была нарушена.

— Добрый вечер, — голос Каэля был негромким, но он обладал той идеальной, бархатной акустикой, которая заставляла каждое слово разноситься по циклопическому пространству так, словно он говорил прямо в ухо каждому присутствующему.

Он сделал короткую паузу. Никакой агрессии. Никакого пафоса. Спокойный, невыносимый бытовой тон.

— У вас есть кое-что мое. Точнее, кое-кто.

* * *

Черный Архитектор моргнул. Его веки, лишенные ресниц, закрывались горизонтально, как у рептилии.

Он ожидал рейда Исполнителей. Ожидал конкурентов из Синдиката Плоти. Ожидал орденских инквизиторов. Но он никак не ожидал аристократа в сухом пальто, который вежливо здоровается после того, как превратил его лучшего бойца в фарш.

— Кто ты такой? — голос Архитектора был булькающим, влажным, словно его легкие были заполнены слизью. В нем смешивались презрение и осторожность. — Это закрытая территория. Товар уже продан.

Каэль слегка склонил голову набок. Он проигнорировал вопрос о своей личности, сочтя его несущественным.

Он поднял руку и изящным, тонким пальцем указал на стеклянную банку.

— На третьем витке вашей... инсталляции. Вдавленный в фасад аптеки. Там стоит железный фургон, — Каэль произносил слова медленно, смакуя абсурдность ситуации, но оставаясь совершенно серьезным. — Внутри фургона находится повар по имени Хуан.

Гуль за спиной Архитектора тихо заскулил от непонимания. Наемники напряглись, их пальцы легли на спусковые крючки. Нериса за спиной Каэля закатила глаза, но хватку на пистолете не ослабила.

— Вытащите Хуана, — продолжил Каэль, и температу-

ра его голоса упала до абсолютного нуля. — Вытащите Хуана вместе с его фургоном. Остальной квартал можете продать, мне насрать. Можете скормить их своему толстому другу. Можете использовать их как пресс-папье.

Он сделал один медленный, скользящий шаг вперед.

Красные точки прицелов дернулись вслед за ним.

— Но Хуан, — Каэль смотрел прямо в щелевидные глаза пространственного паразита, — сейчас сделает мне пять тако. Аль пастор. С копченым чесноком.

Тишина, последовавшая за этими словами, была густой, как патока.

Наемники переглядывались. Архитектор смотрел на Каэля, пытаясь найти в его словах скрытый смысл, код, шифр. Он пытался понять, какая фракция Цитадели скрывается за этим абсурдным ультиматумом. Какая магия прячется за этим бредом про мексиканскую еду.

Но там не было шифра.

Там был просто голодный бессмертный.

* * *

Осознание того, что перед ним не скрытая угроза, а просто сумасшедший самоубийца, ударило в голову Архитектору.

Его горизонтальные веки дернулись. Складки бледной кожи на шее раздулись, как капюшон кобры. Из его лишенно-

го губ рта вырвался звук, похожий на треск рвущегося пергамента.

Он засмеялся.

Это был влажный, отвратительный смех, который гулким эхом разнесся по ангару. Гуль-покупатель, поняв, что угроза оказалась шуткой, тоже тонко, нервно захихикал.

Следом за ними, один за другим, начали усмехаться наемники. Напряжение спало. Пальцы расслабились на спусковых крючках. Лазерные точки перестали дрожать. Они смотрели на Каэля и Нерису как на двух трупов, которые по какой-то случайности еще могут разговаривать.

— Тако, — булькающе выдавил Архитектор, сотрясаясь от смеха. Он убрал руку со стеклянной банки и скрестил свои длинные, уродливые конечности на груди. — Ты выбил мои ворота. Ты убил Рика. Ты сорвал мне презентацию товара на пятьсот тысяч душ. Ради тако.

Он перестал смеяться так же резко, как и начал. Его глаза сузились, превратившись в две черные, бездонные щели.

Он поднял руку и небрежно, лениво махнул пальцами в сторону Каэля и Нерисы.

— Убить их, — скучающе произнес Архитектор. — Девчонку не портить, ее можно продать Мясникам Предела. А этого сумасшедшего превратить в решето. Остатки скормить собакам.

Щелчки предохранителей слились в один звук.

Каэль не пошевелился. Он не попытался укрыться. Он не

потянулся за оружием.

Он просто тяжело, глубоко вздохнул. Это был вздох существа, которое весь день пыталось быть вежливым с бактериями, но бактерии отказались идти на контакт.

— Я просил, — тихо констатировал Каэль.

Нериса за его спиной улыбнулась. Это была не человеческая улыбка. Это был оскал хищника, который наконец-то получил разрешение сорваться с цепи.

Ее зрачки окончательно превратились в узкие вертикальные полосы. Кожа на скулах потемнела, проступая древним ведьмовским узором.

Секунда закончилась.

Дипломатия была исчерпана. Настало время для ультранасилия.

* * *

Девятнадцать спусковых крючков были выжаты почти одновременно.

Для человеческого уха это слилось бы в единый, оглушительный грохот, способный разорвать барабанные перепонки. Но в мире «4:44», где восприятие времени могло растягиваться, как дешевая резина, первая секунда боя разложилась на анатомические фракции.

Каэль слышал, как бойки бьют по капсюлям. Слышал микроскопический, сухой треск воспламеняющегося поро-

ха. Чувствовал, как в стволах нарастает давление, выталкивая раскаленный свинец, алхимическую дробь и бронебойные иглы в холодный, пыльный воздух ангара.

Но Нериса двигалась быстрее.

Ее трансформация не имела ничего общего с элегантной магией. Орден Вельсайр создавал свои орудия через боль, и каждый переход в «Режим Химеры» был актом контролируемого биологического саморазрушения.

Она сделала вдох. Звук был таким, словно в ее легких треснуло стекло.

Ее позвоночник выгнулся с влажным, омерзительным хрустом. Тело, затянутое в тактическую куртку, на долю секунды потеряло человеческие пропорции. Мышцы на ее бедрах и спине вспухли, разрывая ткань, перестраиваясь для генерации невозможной кинетической энергии.

Из ее предплечий — прямо сквозь кожу, с брызгами горячей, густой крови — вырвались два костяных лезвия. Они были не белыми, а матово-серыми, покрытыми естественной микро-серрейторной заточкой и пульсирующими черными капиллярами.

Боль была топливом. Химера внутри нее взвыла, получив контроль над нервной системой.

Первая пуля еще не покинула ствол наемника, стоявшего ближе всех, а Нериса уже исчезла с того места, где находилась.

Она не побежала. Она выстрелила собой в пространство,

оттолкнувшись от бетонного пола с такой силой, что в месте ее прыжка осталась неглубокая воронка.

Наемник с вживленным пневматическим дробовиком успел только моргнуть. В его сетчатке отпечатался смазанный, темно-рыжий силуэт с горящими золотом глазами.

Нериса врезалась в него всем своим весом.

Ее костяное лезвие вошло ему под челюсть, пробило гортань, прошло сквозь мягкое небо и с влажным хрустом вышло из затылка. Инерция ее броска была настолько огромной, что она просто снесла его с ног, использовав стодвадцатикилограммовое тело как мясной щит.

Грохот выстрелов обрушился на ангар.

Воздух наполнился свинцовыми трассерами, искрами и бетонным крошевом. Десятки пуль впились в мертвого наемника, которого Нериса держала перед собой. Мертвая плоть дергалась, поглощая кинетическую энергию, брызгая кровью и кусками кевлара ей в лицо.

Она хищно оскалилась. Вкус чужой крови на губах окончательно стер в ней человеческие тормоза.

Нериса отшвырнула изрешеченный труп в сторону двоих стрелков, сбив их с ног, и нырнула за металлические контейнеры, растворившись в тенях.

Симфония ультранасилия началась.

* * *

На левом фланге царил хаос.

Наемники, накачанные стимуляторами, потеряли цель. Они стреляли по теням, поливая контейнеры огнем из автоматических винтовок. Алхимические пули, начиненные белым фосфором, прожигали сталь, наполняя воздух едким желтым дымом.

Но химеру нельзя было убить подавляющим огнем. Химера была создана для того, чтобы превращать геометрию укрытий в свою личную бойню.

Сверху, со строительных лесов, спрыгнула черная тень.

Нериса приземлилась прямо на плечи одному из наемников. Ее колени с хрустом сдавили его шею, ломая шейные позвонки. Мужчина не успел даже крикнуть. Его тело обмякло, но Нериса, все еще находясь на нем, крутнулась всем корпусом.

В ее правой руке был зажат пистолет. Она всадила три крупнокалиберные пули в лицо стоящего рядом бойца. Лицо наемника просто исчезло, превратившись в воронку из раздробленных костей и красного тумана.

Она оттолкнулась от падающего трупа, сделала сальто в воздухе, уходя от выстрела из дробовика, и приземлилась на четвереньки, как дикая кошка.

Костяные лезвия на ее руках удлинились еще на несколько дюймов, пропитанные кровью.

Она рванулась вперед, низко стелясь над бетонным полом. Наемник с мачете попытался перехватить ее, но она про-

скользнула под его замахом. Ее левое лезвие вспороло ему живот от паха до грудины. Внутренности с мокрым, тяжелым звуком вывалились на бетон. Наемник рухнул на колени, пытаясь удержать свои собственные органы скользкими руками, но Нериса уже была у следующей цели.

Магия Ордена Вельсайр пульсировала в ее крови.

Она пробила грудную клетку очередного врага костяным шипом, и в момент удара выпустила заряд багровой энергии. Символ распада вспыхнул внутри тела наемника. Алхимические стимуляторы в его венах мгновенно вскипели. Мужчина взвыл, его глаза лопнули прямо в глазницах, а кожа пошла пузырями и начала слезать кусками, обнажая вареное мясо.

Нериса выдернула лезвие и с разворота отрубила ему голову, чтобы прекратить его визг, который мешал ей слушать акустику боя.

Она была идеальной, выверенной машиной для убийства. Она двигалась в трех измерениях, используя стены, леса, контейнеры и сами тела врагов как точки опоры. Ее дыхание было ровным, несмотря на сумасшедший темп. Золотые глаза горели в полумраке, выискивая следующие жертвы.

Она шинковала людей, превращая ангар в мясную лавку.

И пока она вела свой скоростной, кровавый танец, на другом конце зала происходило нечто совершенно иное.

* * *

Каэль не бегал.

Он вообще не менял ритма своих шагов.

Когда девятнадцать стволов открыли огонь, значительная часть свинца полетела в него. Он стоял на открытом пространстве, высокая, статная мишень в темном пальто.

Первая пуля — тяжелый, бронебойный калибр из снайперской винтовки под крышей — ударила его прямо в грудь, в область сердца.

Кинетическая энергия этой пули могла бы пробить блок цилиндров автомобиля.

Звук попадания был странным. Не было влажного чавканья пробиваемой плоти. Не было звона металла. Был звук, похожий на удар кувалдой по плотно утрамбованному мешку с мокрым песком.

Пальто Каэля дернулось. На ткани появилась аккуратная дыра.

Пуля вошла в тело. И остановилась.

Она не пробила грудину. Она даже не оставила синяка. Плоть Каэля, которая секунду назад казалась мягкой, в точке удара мгновенно приобрела плотность, превышающую плотность титана. Кинетическая энергия пули была просто поглощена, рассеяна по его телу без малейшего вреда.

Сплющенный кусок раскаленного свинца с тихим звоном выпал из дыры в пальто и покатился по бетону.

Каэль опустил глаза на испорченный кашемир.

Его брови едва заметно сошлись на переносице. В его гла-

зах появилась та самая бесконечная, ледяная усталость существа, которое вынуждено терпеть идиотизм низших форм жизни.

— Итальянская шерсть, — тихо, сам себе, произнес Каэль.

Град пуль обрушился на него. Они рвали его пальто, пробивали брюки, попадали в плечи и шею. Каждое попадание лишь слегка дергало его одежду. Пули плющились о его невозможную анатомию и осыпались на пол, как металлический дождь.

Он не уклонялся. Он просто пошел вперед.

Его походка была размеренной, спокойной, почти скучающей. Он двигался к стеклянной банке, игнорируя огонь, как человек игнорирует мелкую морось.

Один из наемников, огромный мутант с пневматической рукой-молотом, с ревом бросился на него наперерез. Он занес свою стальную конечность, поршни яростно зашипели, выбрасывая пар, и молот обрушился вниз, целясь в голову Каэля.

Этот удар должен был размазать череп вампира по бетону.

Каэль даже не посмотрел на него.

Он лениво, словно отгоняя назойливую муху, поднял левую руку и подставил ладонь под падающий пневматический молот.

Раздался чудовищный скрежет.

Стальной боек весом в сорок килограммов, разогнанный

гидравликой, врезался в открытую ладонь Каэля и... остановился намертво. Поршни внутри механической руки наемника взвизгнули, пытаясь продавить сопротивление, но не смогли сдвинуть ладонь ни на миллиметр. Трубки с давлением лопнули, брызнув кипящим маслом.

Глаза мутанта полезли на лоб от первобытного ужаса.

Каэль медленно повернул к нему голову.

Его пальцы, лежащие на стальном бойке, чуть сжались. И закаленная сталь начала сминаться, как мокрая глина. Раздался визг гнущегося металла. Каэль сжал руку в кулак, превращая оружие наемника в бесполезный, искореженный ком железа.

Затем он шагнул вплотную к мутанту.

Он не стал бить его. Он просто положил свою изящную, бледную ладонь на широкую грудь наемника, прямо на пластины кевларового бронежилета.

— Вы мешаете, — вежливо произнес Каэль.

И он просто толкнул.

Он не приложил видимых усилий. Но масса, которую он вложил в этот толчок, была колоссальной. Грудину наемника вмяло внутрь с таким звуком, словно кто-то наступил на корзину с сухими ветками. Бронежилет лопнул. Ребра разлетелись в щепки, пробивая легкие и сердце.

Огромное тело мутанта оторвало от земли и отшвырнуло назад на пятнадцать метров. Он пролетел по воздуху, как тряпичная кукла, и врезался в бетонную стену с влажным

хлюпаньем. Он был мертв еще до того, как его спина коснулась бетона.

* * *

Бойня в ангаре превратилась в сюрреалистический контраст.

С одной стороны — Нериса. Ураган из крови, костяных лезвий, вспышек ведьмовской магии и животной ярости. Она прыгала по стенам, перерезала артерии, ломала шеи и использовала окружение, чтобы сеять панику. Она была идеальным, кровавым штормом, который Орден Вельсайр создал для уничтожения себе подобных. В воздухе стояла густая розовая взвесь из крови, которую она выпускала из врагов.

С другой стороны — Каэль.

Он был ледоколом. Он шел по прямой.

Трое наемников с криками ужаса выскочили из-за укрытия, поняв, что их пули не наносят ему урона. Они бросили винтовки и выхватили тяжелые армейские тесаки, надеясь, что алхимическая сталь сможет пробить то, что не взял свинец.

Каэль даже не замедлил шаг.

Первый наемник замахнулся тесаком, целясь в шею. Каэль не блокировал удар. Он просто шагнул навстречу, позволяя лезвию ударить его в ключицу.

Раздался звон. Тесак отскочил, оставив на коже Каэля лишь легкую царапину, которая затянулась в ту же долю секунды. Лезвие покрылось сетью трещин от отдачи.

Каэль вытянул руку вперед и взял наемника за лицо.

Его длинные пальцы легли на виски и лоб мужчины. И он просто сжал ладонь.

Череп наемника лопнул, как переспелый грейпфрут. Кровь, мозговая жидкость и осколки костей брызнули во все стороны. Тело обмякло и рухнуло под ноги Каэлю.

Второй наемник с криком ударил тесаком ему в спину.

Каэль не оборачиваясь, сделал движение локтем назад. Это выглядело как небрежный, случайный жест. Но локоть Каэля врезался точно в солнечное сплетение нападающего. Удар пробил грудную клетку насквозь, выбив позвоночник наружу через спину. Мужчина сложился пополам, выблевав собственные органы на бетонный пол.

Третий наемник остановился.

Его накачанный наркотиками мозг наконец-то понял то, что отказывалась принимать логика. Перед ним не было монстра, с которым можно драться. Перед ним было стихийное бедствие в дорогом костюме.

Наемник выронил тесак, развернулся и побежал прочь, в сторону спасительной темноты ангара.

Каэль не стал его преследовать. Он не бегал за мусором.

Он просто наклонился, не сбавляя шага, поднял с пола оброненный тесак и небрежно, почти не глядя, метнул его

вслед беглецу.

Тяжелое алхимическое лезвие просвистело в воздухе и вошло бегущему точно в затылок. Тесак пробил череп насквозь и вышел изо рта, пригвоздив крик к нёбу. Наемник по инерции пробежал еще два шага и рухнул лицом вниз, скользя по собственной крови.

* * *

Охрана ангара заканчивалась.

Пол был усеян трупами, латунными гильзами, обломками оружия и кусками бетона. Запах бойни — густой, медный, сладковатый аромат крови, смешанный с едким дымом белого фосфора и порохом — висел в воздухе тяжелым маревом.

Грохот выстрелов стих.

Осталось только тяжелое, прерывистое дыхание уцелевших наемников, которых Нериса сейчас добивала в темных углах ангара, и низкое, мощное гудение стазис-генераторов на крышке стеклянной банки.

Каэль приблизился к границе света, падающего от промышленных прожекторов.

Его темное пальто было покрыто пулевыми отверстиями, изрезано в клочья, испачкано чужой кровью и мозговой слизью. Это выглядело неэстетично. Каэля это раздражало.

Сверху раздался глухой стук.

Мертвое тело снайпера, которому Нериса только что свер-

нула шею на строительных лесах, рухнуло вниз и тяжело шлепнулось на бетон в метре от Каэля. Кровь из разорванной артерии брызнула на лакированные туфли вампира.

Каэль остановился.

Он посмотрел на свои туфли. Затем медленно поднял взгляд вверх, в темноту под потолком, где на стальной балке сидела Нериса.

Она тяжело дышала. Ее костяные лезвия были покрыты густым слоем крови и мяса. Золотые глаза ярко горели во мраке. Химера внутри нее была сыта, но все еще возбуждена боем.

— Нериса, — произнес Каэль. Его голос был спокойным, ровным, но в нем звучал явный упрек. Он говорил нормальным, разговорным тоном, игнорируя тот факт, что они стояли посреди скотобойни. — Ты испачкала мне туфли. И я очень прошу тебя, постарайся больше не ронять куски плоти так близко к стеклу. Если ты запачкаешь банку кровью, это может испортить мне вид на мою сальсу.

Нериса сплюнула сгусток черной крови вниз, на бетон.

Она не стала извиняться. Костяные лезвия с влажным, тошнотворным звуком втянулись обратно в ее предплечья. Кожа срослась за считанные секунды, оставив лишь бледные, дымящиеся шрамы. Она спрыгнула с балки, приземлившись на пол с грацией хищника, и встала рядом с Каэлем.

Она была покрыта кровью с головы до ног, ее одежда была изорвана, но она выглядела совершенно спокойной. Бой был

закончен. Охрана устранена.

Они стояли на границе освещенного круга.

Перед ними, на стальной платформе, возвышалась двухметровая стеклянная банка со спрессованным кварталом Сан-Маркос.

А за платформой, вжавшись в стену, стоял Черный Архитектор. Гуль-покупатель уже лежал на полу без сознания, обмочившись от животного ужаса.

Пространственный паразит дрожал.

Он видел, что они сделали с его элитной охраной. Он видел Нерису, которая двигалась как демонический ураган. Но больше всего его пугал Каэль. Существо, которое не сражалось. Существо, которое просто шло вперед, и чья ленивая скука ломала кости, сталь и физику.

Каэль сделал последний шаг, вступая в круг белого клинического света.

Он остановился прямо перед стеклянной банкой.

Внутри нее застывший Хуан все еще держал лопатку. Зеленая сальса все еще висела в воздухе, медленно, по микромиллиметру, опускаясь к грязному полу фургона.

Каэль посмотрел на Хуана. Затем он медленно перевел свой холодный, мертвый, полностью равнодушный взгляд на Черного Архитектора.

— Вы закончили свою презентацию? — вежливо спросил Каэль, стряхивая с порванного рукава кусок чьего-то легкого. — Если да, то я бы хотел получить свой заказ. Я не люб-

лю, когда еда остывает.

* * *

Белый, клинический свет промышленных прожекторов падал на стальную платформу, выхватывая из полумрака ангара каждую деталь.

В этом свете кровь, которой была забрызгана одежда Нерисы и испорченное пальто Каэля, казалась почти черной. Воздух гудел. Это был низкочастотный, вибрирующий гул стазис-генераторов, вмонтированных в крышку двухметровой стеклянной банки. Гул проникал под кожу, оседал в костях, заставляя зубы мелко, неприятно ныть.

За пределами светового круга простиралась тьма, заполненная трупами. Оттуда доносилось лишь шипение разорванных гидравлических трубок, шипение остывающего белого фосфора и влажный звук капающей с потолочных балок крови.

Каэль стоял неподвижно.

Он не смотрел на Черного Архитектора. Пространственный паразит, вжавшийся в бетонную стену так сильно, что казалось, он сейчас попытается в нее просочиться, больше не представлял для Каэля никакого интереса.

Внимание вампира было полностью поглощено стеклянным сосудом.

Он подошел вплотную к прозрачной стенке. Стекло бы-

ло толстым, зеленоватым, мутным от микроскопических дефектов литья и конденсата, собравшегося с внутренней стороны. Там, за этой преградой, находился спрессованный, искореженный, остановленный в своей агонии квартал Сан-Маркос.

Каэль чуть склонил голову.

Его взгляд безошибочно нашел в переплетении сплющенных кирпичных стен и скрученного асфальта железный фургон Хуана.

Время внутри текло настолько медленно, что для человеческого глаза оно казалось полностью остановленным. Но Каэль видел динамику. Он видел, как зеленая сальса, расплескавшаяся из пластикового контейнера в момент сжатия пространства, висит в воздухе. Изумрудные капли, в которых отчетливо угадывались фракции кинзы и халапеньо, образовали идеальную, застывшую параболу.

Но парабола не была мертвой.

Капли двигались. Скорость их падения составляла, возможно, один миллиметр в час. Но они падали. Гравитация, даже искривленная и сдавленная внутри банки, продолжала свою работу. Стазис-поле лишь оттягивало неизбежное. И самое главное — термодинамика. Мясо на вертеле Хуана, которое еще недавно шкварчало и сочилось соком, сейчас неумолимо отдавало свое тепло окружающему мертвому воздуху.

Каэль медленно, почти нежно, провел кончиком указа-

тельного пальца по влажному стеклу.

Звук получился тонким, протяжным, похожим на стон умирающего кита.

— Вы нарушаете температурный режим, — произнес Каэль.

Он сказал это тихо, не повышая голоса, но в его тоне звучала такая абсолютная, инфернальная серьезность, что Черный Архитектор вздрогнул, словно его ударили током.

* * *

Архитектор тяжело, со свистом втянул воздух через свои вертикальные ноздри-щели.

Его мозг, привыкший оперировать неевклидовой геометрией и многомиллионными контрактами на черном рынке Цитадели, отказывался обрабатывать происходящее. Девятнадцать элитных наемников были превращены в мясное пюре за какие-то секунды. И ради чего? Ради куска свинины в лепешке?

— Т-ты... — голос Архитектора булькал. Складки бледной кожи на его длинной шее судорожно сокращались. Черные вены под эпидермисом пульсировали от зашкаливающего уровня адреналина. — Ты не понимаешь... что ты делаешь.

Каэль даже не обернулся. Он продолжал смотреть на застывшую каплю сальсы.

— Я прекрасно понимаю, что я делаю, — ответил он, и его голос был сухим, как пепел. — Я пытаюсь спасти свой ужин от пространственной деградации. Аль пастор нельзя разогревать в микроволновке. Вкус меняется. Текстура разрушается. Если эти капли коснутся пола, мне придется убить вас всех не потому, что вы мне мешаете, а потому, что вы испортили произведение кулинарного искусства.

Нериса, стоявшая в двух шагах позади Каэля, не сводила глаз с Архитектора.

Ее костяные лезвия были втянуты, но тело оставалось напряженным, как натянутая тетива. Она чувствовала, что паразит не просто боится. Его страх был не парализующим. Это был страх загнанной в угол крысы, которая вспоминает о своем последнем козыре.

— Этот товар... — Архитектор сглотнул, попытавшись отлепиться от стены, но тут же вжался обратно, когда Нериса демонстративно положила руку на рукоять пистолета. — Этот товар уже принадлежит высшим иерархам. Вы... вы не можете просто так прийти и сломать сделку. Совет Теней... Исполнители... они найдут вас. Они сотрут вас из архивов!

— Мои архивы уже стерты, — меланхолично отозвался Каэль. — Это делает меня свободным от бюрократического давления.

Он медленно повернулся к паразиту. Его темные глаза, казалось, поглощали свет прожекторов.

— А теперь, — произнес Каэль, и температура в ангаре

субъективно упала на несколько градусов, — вы откроете эту банку. Вы вытащите Хуана. И если при обратном развертывании пространства вы помнете его фургон... я сверну вас в рулон. И засуну в бутылку из-под текилы.

Архитектор замер.

Его длинные, уродливые пальцы, до этого судорожно царапавшие бетонную стену, вдруг замерли. В его вертикальных глазах-щелях мелькнуло что-то новое. Истерика сменилась темным, отчаянным решением.

— Я не могу его открыть, — прошипел Архитектор, и в его голосе появилась мстительная, ядовитая нотка. — Стазис запечатан. Только я знаю код декомпрессии. Если вы убьете меня, банка останется запечатанной. А если вы попытаетесь разбить стекло... внутреннее давление разорвет весь квартал на атомы. Твой повар превратится в кровавый туман вместе с остальными полумиллионом килограммов мяса и бетона.

Каэль слегка склонил голову.

— Это ультиматум? — вежливо уточнил он.

— Это гарантия, — Архитектор обнажил ряды мелких, игольчатых зубов в кривой усмешке. — Вы проиграли.

Его левая рука, неестественно длинная, с дополнительным суставом на предплечье, молниеносно скользнула во внутренний карман дорогого пиджака.

Нериса отреагировала мгновенно. Ее пистолет взлетел, нацелившись точно между глаз мутанта.

— Руку из кармана! — рявкнула она. Ее голос разорвал

гудение стазис-генераторов. — Вытащи ее медленно, двумя пальцами, или я размажу твой мозг по стене!

Но Архитектор не достал оружие.

Он вытащил небольшой, тяжелый латунный пульт, покрытый гравировками в виде шестеренок и песочных часов. На пульте была всего одна кнопка. Большая, сделанная из куска граненого горного хрусталя.

— Моя страховка, — прохрипел мутант.

И его большой палец с силой вдавил хрустальную кнопку внутрь латунного корпуса.

* * *

Ничего не взорвалось. Никакой сирены не завыло. Никакие скрытые турели не опустились с потолка.

Но атмосфера в ангаре изменилась так резко, словно из помещения в одну секунду выкачали весь кислород и заменили его жидким азотом.

Каэль перевел взгляд с пульта на пространство вокруг.

Свет мощных промышленных прожекторов, который секунду назад был резким и ослепительно белым, внезапно пожелтел. Он стал тусклым, больным, словно старая лампа накаливания, которой не хватает напряжения. Тени в ангаре, отбрасываемые трупами, контейнерами и строительными лесами, дрогнули.

Они больше не лежали на полу в соответствии с законами

оптики. Они начали вытягиваться, искривляться и ползти в сторону Архитектора, игнорируя источники света.

Затем пришел звук.

Это не был шум шагов. Это был звук механических часов. Тиканье.

Тик. Так.

Но оно было не одиночным. Это был хор из тысяч, десятков тысяч часовых механизмов, накладывающихся друг на друга. Звук шел отовсюду: из стен, из бетона, из самого воздуха. Он был сухим, методичным, сводящим с ума.

Нериса попятилась.

Химера внутри нее не просто зарычала — она заскулила от первобытного, парализующего ужаса. Это был инстинкт, вбитый в генетический код каждого существа, населяющего мир нечисти. Инстинкт, кричащий о том, что рядом находится высший хищник, против которого не работают ни клыки, ни магия, ни скорость.

Она опустила пистолет. Ее руки внезапно стали тяжелыми, словно налились свинцом.

Она посмотрела на падающую с потолка каплю крови убитого ею снайпера.

Капля оторвалась от балки и полетела вниз. Но на полпути она начала замедляться. Все сильнее и сильнее. Пока, наконец, не зависла в воздухе, превратившись в идеальную, недвижимую рубиновую сферу.

— Каэль... — голос Нерисы был неузнаваемым. Он дро-

жал. Это был не страх перед смертью, это был ужас перед разрушением самой концепции времени. — Что он... кого он вызвал?

Каэль не ответил.

Его взгляд был устремлен в самую глубокую, самую густую тень в дальнем конце ангара, за нагромождением стальных контейнеров.

Тень там не просто сгустилась. Она начала осыпаться пеплом.

Из этого пепла, из этого разлома в нормальности, медленно, с ритмичностью метронома, вышел человек.

* * *

Он был высоким. Неестественно, болезненно высоким. Его рост приближался к двум с половиной метрам, но из-за пугающей худобы он казался еще выше.

Его тело напоминало иссохшую мумию, обтянутую пергаментной кожей. На нем была черная, прожженная во многих местах сутана, полы которой не касались пола, а растворялись в серой дымке, похожей на мелкий пепел. На его шее висели десятки цепочек с карманными часами, компасами и астролябиями, но ни один из этих приборов не издавал звука.

Звук исходил из него самого.

Каэль, обладающий зрением, недоступным человеческой

физиологии, видел детали, от которых обычный рассудок мог бы треснуть.

Кожа вошедшего не была гладкой. Она была покрыта татуировками.

Но это не были нарисованные чернилами узоры. Это были живые, функционирующие часовые механизмы, вживленные прямо в эпидермис. Тысячи крошечных циферблатов, шестеренок, маятников и стрелок покрывали его лицо, шею, руки и грудь. Они двигались. Стрелки вращались с разной скоростью — одни бешено крутились, отсчитывая миллисекунды, другие застыли, третьи двигались в обратную сторону.

Его глаза представляли собой два пустых провала, внутри которых вращались сложные латунные механизмы турбийонов.

Исполнитель Ордена Пепла.

Но не обычный чистильщик, вооруженный огнеметом и освященной сталью. Это был Иерарх. Существо, которому Цитадель доверила самое страшное оружие в мире, где бессмертие является нормой.

Оружие, способное убивать само время.

Нериса сглотнула. Звук в остановившемся воздухе ангара показался оглушительным.

— Ткач Времени... — прошептала она, и в ее голосе прозвучал благоговейный, отчаянный ужас. — Хроно-Исполнитель. Каэль... это палач Совета Теней. Он не сжигает тела.

Он сжигает секунды.

Она сделала шаг назад, инстинктивно пытаясь заслонить собой хотя бы часть своего тела.

— Если он посмотрит на тебя... если он сфокусирует на тебе стрелки... он может состарить тебя на тысячу лет за один удар сердца. Или отмотать твое время назад, до того момента, когда ты еще не родился. Это конец. Мы не можем с ним драться. Физика здесь не работает.

Черный Архитектор, напротив, перестал дрожать.

Он отлепился от стены, тяжело дыша, и посмотрел на Исполнителя с благоговением существа, которое только что увидело спасителя. Мутант опустился на одно колено, склонив свою безносую голову.

— Господин... — прохрипел Архитектор, не смея поднять глаз. — Эти двое... они напали на санкционированную точку торговли. Они убили моих людей. Они угрожали повредить товар, принадлежащий...

Исполнитель не удостоил его даже поворотом головы.

Он просто прошел мимо.

Его шаги не издавали звука. Когда его нога опускалась на бетон, время в этой локальной точке пространства слегка сжималось, и он словно проскальзывал вперед, минуя законы физики.

Пыль, висящая в воздухе после разрушения ворот, замирала вокруг него, образуя идеальный, неподвижный ореол. Капля крови Нерисы, зависшая в воздухе, в момент его при-

ближения внезапно начала падать вверх, втягиваясь обратно в артерию убитого снайпера на балке.

Зона его присутствия ломала причинно-следственные связи.

Исполнитель остановился в пяти метрах от Каэля.

* * *

Тиканье тысяч механизмов под его кожей стало почти оглушительным.

Каэль не отвел взгляда. Он стоял так же прямо, его руки по-прежнему спокойно покоились вдоль тела. На его лице не было ни страха, ни благоговения.

Лишь легкая, ироничная тень недовольства.

— Орден Пепла, — произнес Каэль. Его голос прозвучал ровно, но в тишине остановленного времени он приобрел странное, многократное эхо. — Я думал, вы занимаетесь сжиганием еретиков. А вы, оказывается, работаете коллекторами для контрабандистов. Совет Теней сильно снизил планку.

Латунные турбийоны в пустых глазницах Исполнителя с тихим щелчком провернулись.

Когда он заговорил, его голос не исходил из горла. Он звучал так, словно десятки людей разного возраста произносили одни и те же слова с разницей в микросекунду. Это создавало эффект акустического распада, от которого у Нерисы

из уха потекла тонкая струйка крови.

— Ты нарушил Кодекс Тени, — произнес Исполнитель. Его голос был лишен любых эмоций. Это был голос самой неотвратимости. — Ты уничтожил санкционированную стражу. Ты вмешался в логистику пространства.

Исполнитель медленно поднял свою костлявую правую руку.

Татуировки на его коже пришли в бешеное движение. Десятки циферблатов на его запястье и тыльной стороне ладони начали синхронизироваться. Стрелки, которые до этого вращались хаотично, с громким, синхронным щелчком остановились.

Все они показывали одно и то же время.

Не 4:44.

Они показывали время, отведенное на существование Каэля. И оно равнялось нулю.

— Твое происхождение отсутствует в архивах, — продолжил многоголосый хор Исполнителя. — Твое существование не задокументировано. Твоя аномальность представляет угрозу для структуры мира. Приговор Совета Теней — истинная смерть через хронологическое стирание.

Каэль слегка склонил голову набок, рассматривая вытянутую руку палача.

— Стирание? — Каэль приподнял бровь. В его тоне зазвучал тот самый отстраненный, сухой сарказм, который так бесил Нерису. — Звучит впечатляюще. Но у меня есть к вам

встречный вопрос, уважаемый хронометрист.

Вампир сделал полшага вперед. Исполнитель не шелохнулся.

— Если вы манипулируете временем, — Каэль указал взглядом на стеклянную банку за спиной Архитектора, — вы можете ускорить маринование свинины? А то Хуана остановили в самый ответственный момент. Мясо будет сухим. И это расстроит меня гораздо больше, чем любое ваше «стирание».

Черный Архитектор издал сдавленный, булькающий звук, не понимая, как можно шутить, стоя перед существом, способным стереть тебя из реальности. Нериса просто закрыла глаза, мысленно прощаясь с жизнью.

Турбийоны в глазницах Исполнителя замерли.

Синхронизированные стрелки на его коже тихо, зловеще щелкнули, фиксируя приговор.

— Твоё время кончилось, — произнес Исполнитель Ордена Пепла.

И он щелкнул длинными, костлявыми пальцами.

* * *

Щелчок костлявых пальцев Исполнителя Ордена Пепла не просто прозвучал в ангаре.

Он сломал акустику мира.

Обычно звук — это волна. Вибрация молекул воздуха, ко-

торая распространяется в пространстве, отражается от стен, затухает и исчезает. Но этот щелчок не был волной. Он был гильотиной. Он отсек саму концепцию времени от текущей реальности, оставив пространство висеть в мертвом вакууме.

Первой умерла физика.

Воздух, который секунду назад был наполнен влагой, пылью и едким дымом, мгновенно приобрел плотность твердого тела. Он затвердел, превратившись в монолитный, прозрачный янтарь. Кислород перестал течь в легкие. Броуновское движение частиц остановилось на отметке абсолютного хронологического нуля.

Затем умер свет.

Точнее, он вывернулся наизнанку.

Сетчатка Каэля зафиксировала этот переход с безжалостной четкостью. Резкий, ослепительно белый свет промышленных прожекторов, заливавший центральную платформу, в одну миллисекунду стал черным. Это была не просто темнота — это был излучающий мрак, который освещал пространство отрицательными фотонами.

А тени, отбрасываемые трупами, контейнерами и строительными лесами, вспыхнули. Они превратились в ослепительно белые, режущие глаз провалы чистого света. Ангар превратился в гигантский фотографический негатив.

Кровь, заливавшая бетонный пол и покрывавшая одежду Нерисы, изменила цвет. Из густо-красной, почти черной

во мраке, она стала флуоресцентно-белой, светящейся, как жидкий неон. А лазерные целеуказатели брошенных винтовок, прорезавшие воздух красными нитями, теперь выглядели как лучи бездонной, поглощающей пустоты.

Мир остановился.

Нериса, находившаяся в двух шагах за спиной Каэля, застыла.

В момент щелчка химера инстинктивно дернулась вперед, ее тело начало перестраиваться для броска, мышцы на ногах сжались, готовые выстрелить ею в сторону Исполнителя. Но время закончилось быстрее, чем нейронный сигнал дошел до ее икр.

Она превратилась в статую.

Ее правая нога была оторвана от земли на два дюйма. Куртка взметнулась от резкого движения, и ее полы застыли в воздухе, нарушая законы гравитации. Лицо Нерисы исказила маска первобытного, яростного оскала, но в ее вертикальных, негативно-черных зрачках застыло совершенное, парализующее понимание конца.

Из ее левого уха, барабанная перепонка которого не выдержала акустического давления голоса Исполнителя, вытекла капля крови.

Капля оторвалась от мочки. Она должна была упасть на воротник ее куртки.

Но она зависла в миллиметре от ткани. Идеальная, неподвижная, сияющая белая сфера в застывшем черном возду-

хе.

* * *

Каэль не мог пошевелиться.

Это было новое, глубоко неприятное ощущение. Его тело, способное генерировать массу падающего метеорита и регенерировать ткани за микросекунды, сейчас было совершенно бесполезным. Кровь в его венах остановилась. Сердце замерло между ударами, зажатое в тисках застывшей физиологии. Легкие были полны твердого, как стекло, воздуха.

Он даже не мог опустить веки.

Его глаза были широко открыты, вбирая в себя инвертированный, больной мир.

Но его сознание работало. Время — это просто еще одна координата, а сознание Каэля всегда существовало немного в стороне от осей графиков Цитадели.

Он анализировал свое состояние.

«Хронологическое стирание», — подумал Каэль с отстраненным научным интересом.

Он слышал об этой процедуре. Орден Пепла не убивал высших иерархов нечисти физически — это было слишком сложно и грязно. Бессмертные твари имели привычку воскресать из пепла, собираться из кусков мяса, перерождаться

в чужих телах.

Поэтому Исполнители убивали само присутствие субъекта в таймлайне. Они останавливали время, вырезали сущность из ткани реальности, а затем запускали секунды обратно. Для остального мира жертва просто исчезала, и, что самое страшное, история переписывалась так, словно ее никогда и не существовало.

Каэль скосил взгляд — точнее, попытался сфокусировать внимание, поскольку глазные яблоки были неподвижны — на Черного Архитектора.

Пространственный паразит застыл на одном колене. Его уродливое, лишенное носа лицо было перекошено гримасой подобострастного, жалкого триумфа. Он смотрел на Каэля, уверенный в том, что его проблема только что была решена высшей инстанцией. Его длинные пальцы замерли в миллиметре от латунного пульта.

Чуть дальше, в центре негативного круга черного света, возвышалась стеклянная банка.

Стазис-генераторы на ее крышке перестали гудеть. Звука не было.

Внутри банки, за толстым зеленым стеклом, квартал Сан-Маркос тоже был мертв. Спрессованные кирпичи, застывшие люди, застрявший в воздухе дождь.

И железный фургон Хуана.

Каэль видел, как зеленая сальса, которая падала со скоростью один миллиметр в час, теперь остановилась навсегда.

«Это в высшей степени непрофессионально,» — лениво подумал Каэль. — «Они собираются стереть меня из истории до того, как я поужинаю. Цитадель окончательно потеряла манеры.»

Тишина вокруг была настолько плотной, что казалась физическим объектом, вдавливающим барабанные перепонки внутрь черепа. В этой тишине не было места даже для биения сердца.

Но вдруг эту тишину разрезал звук.

* * *

Тик. Так.

Звук был сухим, механическим, безжалостным. Он не нарушал тишину — он существовал поверх нее, игнорируя свойства замерзшего воздуха.

Исполнитель сделал шаг.

Он двигался внутри остановленной секунды с пугающей, издевательской грацией. Его сутана, края которой рассыпались пеплом, не колыхалась от движения — она просто смещалась в пространстве, оставляя за собой инвертированный белый след во мраке.

С каждым его шагом тысячи живых часовых механизмов, вживленных в его пергаментную кожу, приходили в движение. Шестеренки вращались, пружины сжимались, стрелки отсчитывали микросекунды. Он был паразитом, который пи-

тался чужим временем, чтобы двигаться тогда, когда вселенная стояла на паузе.

Он подошел к Каэлю.

Теперь вампир мог разглядеть палача в деталях.

Исполнитель был выше Каэля. Его лицо представляло собой жуткий симбиоз некроза и часового дела. Губ не было — вместо них виднелись почерневшие зубы, между которыми были продеты тончайшие латунные нити. На скулах тикали секундомеры. В пустых глазницах вращались турбийоны, чьи оси уходили глубоко в мозг.

От него пахло жженой пылью и озоном. Так пахнет старый телевизор, который сгорел от перепада напряжения. Так пахнет перегоревшее время.

Исполнитель остановился в полуметре от Каэля.

Он смотрел на него. Турбийоны в его глазницах мерно жужжали, фокусируясь на неподвижном лице жертвы. Исполнитель привык видеть страх. Бесконечный, кричащий ужас в глазах тех, кто понимал, что их существование сейчас будет вычеркнуто из архитектуры мира.

Но в серых, немигающих глазах Каэля не было страха.

Там была только ледяная, надменная пустота.

Исполнитель слегка наклонил голову. Шестеренки на его шее тихо скрипнули. Он явно не понимал, почему субъект, чье время остановлено, чей пульс равен нулю, продолжает смотреть на него с таким откровенным презрением.

Тик. Так.

Исполнитель поднял свою правую руку. Пальцы, длинные, лишенные плоти, обтянутые лишь серой кожей и усеянные крошечными циферблатами, скользнули под полы сутаны.

* * *

Он извлек оружие.

В инвертированном мире ангара этот предмет выглядел как сгусток невыносимо яркого, черного света. Это был стилет. Длинный, узкий, трехгранный клинок, выкованный не для того, чтобы резать мясо. Он был выкован в Кузнях Забвения глубоко под Цитаделью. Металл был сплавлен с кровью стертых богов и остужен в вакууме.

На каждой из трех граней стилета светились руны мертвых языков. Языков цивилизаций, которые Исполнители когда-то удалили из реальности.

Это был Клинок Хроноса. Оружие бюрократической казни.

Если обычный нож пробивает сердце и останавливает биологическую жизнь, то этот стилет пробивал линию времени. Он разрывал связь сущности с ее собственным прошлым и будущим. Одного касания было достаточно, чтобы субъект просто осыпался серой пылью, которую затем разнесет сквозняк небытия.

Исполнитель перехватил рукоять.

Он действовал без спешки. В остановленной секунде у

него была вечность. Он был хирургом, готовящимся сделать идеальный надрез.

Он поднял стилет, поднося его к лицу Каэля.

Лезвие оказалось ровно на уровне глаз вампира. Острие, острое до атомарного уровня, смотрело прямо в открытый левый глаз Каэля.

Каэль видел отражение инвертированного ангара на черных гранях металла. Видел застывшую позади Нерису. Видел собственные широко открытые глаза, которые физически не могли моргнуть, чтобы защититься от надвигающейся стали.

Ощущение тотальной уязвимости должно было свести его с ума.

Представьте, что вы находитесь в ясном сознании. Вы все видите, все понимаете. Вы чувствуете, как острие хирургической иглы медленно, миллиметр за миллиметром, приближается к вашему открытому зрачку. Ваш инстинкт самосохранения орет, требуя закрыть веки, отдернуть голову, закрыться руками.

Но вы замурованы в бетон. Вы не можете даже сжать челюсти.

Исполнитель чуть подался вперед.

Его дыхание, пахнущее раскаленной пылью, коснулось лица Каэля. Турбийоны в глазницах палача сфокусировались на центре левого зрачка жертвы.

Это был идеальный угол для стирания. Через глазное яб-

локо, сквозь зрительный нерв, прямо в мозг — в центр хранения памяти и идентичности.

* * *

Тик. Так.

Исполнитель начал движение.

Он не ударил. Он просто начал медленно, неотвратимо толкать стилет вперед.

Острие клинка пересекло расстояние в десять сантиметров.

Пять сантиметров.

Три.

Каэль наблюдал за приближающейся смертью с пугающей, мазохистской отстраненностью. Он видел каждую царапину на металле. Видел, как светящиеся руны пульсируют в такт тиканью шестеренок на коже Исполнителя.

Острие находилось в одном миллиметре от роговицы его левого глаза.

Смерть была не просто близка. Она уже касалась его ауры. Заряд анти-времени, излучаемый стилетом, начал взаимодействовать с полем Каэля. Воздух между острием и поверхностью глаза задрожал.

Исполнитель сделал последнее, микроскопическое движение кистью.

Острие стилета коснулось роговицы.

Контакт.

В этот момент, по законам Цитадели, по законам физики и магии этого мира, тело Каэля должно было мгновенно вспыхнуть холодным пламенем, распасться на фракции времени и превратиться в горстку серого пепла на бетонном полу. Его имя должно было исчезнуть из уст Нерисы. Замок на горе должен был забыть своего хозяина.

Острие вдавилось в глазное яблоко.

Стекловидное тело прогнулось под давлением атомарной заточки.

Исполнитель нажал сильнее, чтобы пробить роговицу и войти в мозг.

Тринадцатая доля остановленной секунды замерла на лезвии ножа.

Полная тишина. Абсолютный ноль. Необратимый конец.

* * *

Острие Клинка Хроноса вошло в левый глаз Каэля.

Физика этого процесса в остановленном времени была пугающе детализированной. Сначала атомарная заточка прорвала тончайшую пленку слезной жидкости, которая в стазисе приобрела плотность оружейного стекла. Затем металл коснулся роговицы.

Боли не было. Боль — это сигнал, бегущий по нервным волокнам к мозгу, но в инвертированном, мертвом мире Ис-

полнителя электрохимические импульсы не имели права на движение.

Клинок погружался медленно, преодолевая желатиновое сопротивление плоти.

Миллиметр. Два. Пять.

Стилет прошел сквозь роговицу, безупречно раздвигая ткани, не разрывая их, а раздвигая на клеточном уровне. Он вошел в переднюю камеру глаза, пробил радужку, разделив темный зрачок Каэля на две неровные половины, и начал погружаться в стекловидное тело.

Хрусталик треснул. Звук этого микроскопического разрушения не передался по воздуху — воздух был твердым. Он передался по костям. По черепу Каэля, через челюсть, в шейные позвонки.

Восемь миллиметров.

Десять.

Ровно один сантиметр проклятого металла, выкованного в Кузнях Забвения, находился внутри головы Каэля.

Исполнитель Ордена Пепла замер.

Его костлявые пальцы, сжимающие рукоять стилета, были напряжены. Латунные турбийоны в пустых глазницах бешено вращались, фиксируя момент смерти.

Он ждал того, что происходило всегда.

Заряд анти-времени, вплетенный в кристаллическую решетку клинка, должен был вступить в реакцию с жизненной силой субъекта. Тело Каэля должно было вспыхнуть хо-

лодным, пепельным светом. Края раны должны были начать осыпаться серой пылью, стремительно расширяясь, пока от древнего вампира не осталась бы лишь горстка праха, вычеркнутая из всех хроник мироздания.

Но пепла не было.

Света не было.

Стилет находился в глазу Каэля, и... ничего не происходило.

Исполнитель слегка наклонил голову. Шестеренки на его сухой, пергаментной шее издали тихий, скрежещущий звук. Это было первое проявление эмоции, недоступной хроно-палачу уже тысячу лет.

Непонимание.

Он нажал на рукоять сильнее, намереваясь протолкнуть клинок глубже. Сквозь зрительный нерв, прямо в лобную долю, чтобы форсировать процесс стирания.

Металл должен был пройти сквозь мягкие ткани мозга, как горячий нож сквозь масло.

Но рука Исполнителя дрогнула.

Стилет не сдвинулся ни на микрон.

* * *

Исполнитель надавил всем своим тощим, болезненно вытянутым телом. Его суставы, привыкшие двигаться без сопротивления в остановленных секундах, затрещали. Тысячи

циферблатов на его коже синхронно вздрогнули, когда его идеальный, математически выверенный механизм столкнулся с невозможным.

Клинок наткнулся на преграду.

Это не была кость. Кость глазницы находилась глубже, да и атомарная заточка Клинка Хроноса прорезала бы любую кость, как влажную бумагу.

Преградой была сама плоть Каэля.

Внутри застывшей секунды, где законы термодинамики, кинематики и биологии были поставлены на паузу, анатомия вампира начала работать.

Она проигнорировала стазис.

Для плоти Каэля законы физики этого мира оказались лишь вежливой рекомендацией, которую он решил отклонить. Его биология не подчинялась времени, потому что она была старше, глубже и фундаментально неправильнее того времени, которым оперировала Цитадель.

В кромешной, мертвой тишине ангара раздался звук.

Он был тихим, влажным и омерзительно органическим.

Хррр-чвяк.

Этот звук передался Исполнителю не через уши. Он прошел через лезвие стилета, через металлическую рукоять, прямо в кости его ладони и дальше, вверх по руке, отдаваясь ледяным эхом в его собственном мертвом позвоночнике.

Мышцы внутри глазницы Каэля — глазодвигательные нервы, фасции, сосудистые сплетения — начали перестраи-

ваться.

Они не просто регенерировали. Регенерация — это восстановление исходного состояния. То, что происходило сейчас, было стремительной, агрессивной эволюцией. Плоть Каэля распознала вторжение чужеродного объекта, несущего анти-время, и вместо того, чтобы умереть, она адаптировалась.

Ткани вокруг вошедшего на сантиметр клинка уплотнились.

Мягкое стекловидное тело мгновенно кристаллизовалось, приобретая структуру, по твердости превосходящую алмаз. Мышечные волокна оплели металл, как стальные тросы, впиваясь в светящиеся руны мертвых языков.

Каэль, всё еще не имея возможности двигать конечностями в твердом воздухе, использовал свое тело как ловушку.

Он сжал клинок своим собственным глазом.

* * *

Исполнитель Ордена Пепла дернул руку на себя.

Инстинкт — давно забытый, погребенный под тысячелетиями бюрократических казней — проснулся в нем, закричав об опасности. Он попытался вырвать стилет из лица жертвы.

Его пальцы соскользнули с рукояти.

Стилет остался торчать из левого глаза Каэля, зажатый на-

мертво.

Хроно-палач перехватил оружие обеими руками. Он уперся ногами в бетонный пол, его сутана из пепла взметнулась. Турбийоны в его глазницах завертелись с такой бешеной скоростью, что металл начал дымиться. Он потянул на себя с силой, способной оторвать человеку голову.

Раздался треск.

Но это треснула не плоть Каэля. Это лопнули сухожилия на руках самого Исполнителя.

Клинок Хроноса был намертво впаян в анатомию аномалии. Мышцы лица Каэля сократились с гидравлической силой. Кожа вокруг стилета побледнела, натянулась и сомкнулась вокруг металла так плотно, что не оставила ни единого микроскопического зазора. Кровь не текла. Рана запечатала сама себя, поглотив оружие.

Исполнитель отпустил рукоять и отшатнулся на шаг назад.

Его руки дрожали. Тысячи живых часовых механизмов на его коже начали сбоить.

Тик-так-тик... клик... шшшш...

Ритм, который был идеальным, теперь ломался. Стрелки на его щеках закрутились в обратную сторону. Маятники на груди начали биться о ребра в хаотичном, паническом ритме аритмии.

Он посмотрел на Каэля.

Вампир всё так же стоял ровно, с засунутыми в карма-

ны руками. В инвертированном свете ангара, где белое было черным, а черное — ослепительно белым, торчащий из его глаза стилет выглядел как черный рог, пробивший череп изнутри.

Каэль не был стерт. Он не превратился в пепел.

Он просто стоял с ножом в глазу. И он ждал.

И тогда произошло то, что окончательно сломало рассудок Исполнителя.

* * *

Глаз Каэля пришел в движение.

По всем законам физиологии это было невозможно. Глазное яблоко было пробито насквозь атомарной сталью. Мышцы, управляющие им, были разрезаны и перестроены. Хрусталик уничтожен.

Но плоть аномалии не нуждалась в человеческой физиологии.

Раздался громкий, отвратительный, мокрый хлюп.

Сквелч.

Звук разорвал плотную тишину застывшего времени. Он был таким физиологичным, таким мясным, что казался грязным ругательством в этом стерильном пространстве остановленной секунды.

Глазное яблоко Каэля, насаженное на лезвие стилета, как оливка на шпажку, начало медленно поворачиваться.

Плоть терлась о мертвый металл. Ткани растягивались, издавая тихий, скрипящий звук. Черная (в инвертированном спектре — сияюще-белая) кровь и стекловидное тело выступили вокруг лезвия, образуя вязкую, пульсирующую кашицу, которая смазывала движение.

Зрачок, разделенный надвое вошедшим в него острием, сдвинулся.

Он медленно, с усилием, преодолевая сопротивление собственной разорванной структуры, повернулся в глазнице. Две половинки зрачка, разделенные сталью, разъехались в стороны и сфокусировались.

Каэль посмотрел прямо на Исполнителя.

В этом взгляде пробитого глаза не было ни капли боли. Не было агонии. Не было ярости или животного гнева.

Там была только скука.

Та самая бездонная, холодная, хищная скука, с которой ученый смотрит на бактерию, пытающуюся переварить каплю спирта под микроскопом. Взгляд существа, которое просто ждало, когда низшая форма жизни закончит свои бессмысленные потуги.

Этот взгляд имел вес. Он давил.

Исполнитель, стоящий в полуметре, почувствовал, как пространство вокруг него начинает деформироваться.

Стилет, торчащий из глаза Каэля, начал мелко вибрировать. Светящиеся руны на его гранях, символы анти-времени, мигнули раз, другой, и начали тускнеть. Оружие, спо-

собное стирать богов, задыхалось. Биология Каэля не просто блокировала его — она начала его переваривать.

* * *

Часовые механизмы на коже Исполнителя сошли с ума.

Стекла крошечных циферблатов на его предплечьях начали лопаться одно за другим. Пружины со звоном вылетали из-под пергаментной кожи, разрывая эпидермис. Из ран сочилась не кровь, а густое, черное машинное масло.

Он понял.

Впервые за тысячу лет своей идеальной, безошибочной карьеры палача Цитадели, он совершил фундаментальную ошибку в оценке цели.

То, что стояло перед ним, не было вампиром. Это не было гибридом, мутантом или даже забытым младшим богом. Боги умирали от Клинка Хроноса. Боги подчинялись концепции прошлого и будущего.

А это существо... оно было вне этих категорий.

Каэль не существовал в архивах не потому, что их стерли. Он не существовал в них потому, что архивы Цитадели были написаны на бумаге времени. А Каэль был тем, на чем эта бумага лежала.

Исполнитель понял, что он не остановил время для Каэля.

Это Каэль позволил ему остановить время вокруг себя, чтобы посмотреть, что Исполнитель будет делать дальше. И

теперь, когда фокус с ножом оказался таким скучным и разочаровывающим, Каэль собирался взять контроль над этой остановленной секундой в свои руки.

Воздух вокруг вампира, затвердевший до состояния стекла, пошел мелкими трещинами.

Инвертированный свет ангара начал мерцать, словно реальность не могла определиться, какой спектр ей использовать.

Пальцы Каэля, спокойно лежащие в карманах его испорченного кашемирового пальто, слабо шевельнулись.

Это было крошечное, почти незаметное движение. Но в мире, где физика была заморожена, это движение прозвучало как тектонический сдвиг. Твердый воздух треснул с оглушительным звоном.

Исполнитель Ордена Пепла попятился.

Он, повелитель времени, попытался развернуться и сбежать из своей собственной застывшей секунды. Его турбийоны бешено вращались, выискивая разрыв в пространстве, щель, через которую он мог бы скользнуть в небытие, подальше от этого монстра.

Но было поздно.

Проколотый, разрезанный зрачок Каэля не отрывался от него. И в глубине этой изувеченной глазницы Исполнитель увидел то, что заставило его закричать.

Он увидел конец своего собственного времени.

* * *

Твердый воздух внутри остановленной секунды начал трескаться.

Это не было метафорой. Замороженная атмосфера ангара, чьи молекулы были зафиксированы в абсолютном хронологическом нуле, не могла выдержать кинетической энергии, которую генерировало тело Каэля.

Вампир вытаскивал правую руку из кармана пальто.

Движение было медленным. Не потому, что Каэлю не хватало сил, а потому, что каждый миллиметр пройденного пути требовал чудовищного физического усилия, ломающего саму структуру пространства. Воздух сопротивлялся. Он царапал ткань пальто, как битое стекло.

Раздался высокий, визгливый звук — звук рвущейся физики.

От локтя Каэля во все стороны поползли трехмерные фрактальные трещины. Воздух разбивался на прозрачные, острые осколки, которые тут же зависали в пустоте, не падая на пол. Они отражали инвертированный черный свет ангара, превращая пространство вокруг Каэля в сияющую, ломаную мозаику.

Исполнитель Ордена Пепла попытался отступить.

Его мозг, натренированный веками управлять временем, отдавал команды, но тело отказывалось подчиняться. Хроно-палач внезапно осознал ужасающую истину: он больше

не контролировал эту секунду.

Его собственное заклинание стазиса обернулось против него. Пространство, которое он заморозил, чтобы убить жертву, теперь стало его тюрьмой. Он был мухой, застывшей в янтаре. А существо с пробитым глазом перед ним оказалось тем, кто этот янтарный ком сейчас собирался раздавить в кулаке.

Тысячи циферблатов на пергаментной коже Исполнителя зашлись в истерическом, скрежещущем ритме. Шестеренки летели во все стороны, прорывая эпидермис. Густое черное масло струилось из разрывов на его щеках и шее, зависая в воздухе маслянистыми черными сферами.

Он попытался сделать шаг назад.

Его нога, обутая в тяжелый кожаный ботинок, оторвалась от бетона, но опуститься уже не смогла. Твердый воздух сомкнулся вокруг его лодыжки, зажав ее намертво.

Каэль полностью вытащил руку из кармана.

Он стоял прямо, расслабленно. Торчащий из его левого глаза Клинок Хроноса мелко, жалко вибрировал, его светящиеся руны окончательно погасли, задушенные невозможной биологией аномалии.

Каэль сделал шаг вперед.

* * *

Шаг Каэля не был человеческим движением.

Человек отталкивается от поверхности и переносит вес тела. Каэль не переносил вес. Он заставлял пространство перестраиваться под свои нужды.

Когда его нога опустилась на бетон, раздался влажный, пугающий скрип.

Это скрипели не туфли. И не пол.

Это скрипела анатомия самого Каэля.

Твердый воздух оказывал на его тело давление, эквивалентное давлению на дне Марианской впадины. Чтобы двигаться в таких условиях, плоть вампира начала стремительную, агрессивную перестройку прямо на ходу. Мышечные волокна на его бедрах и икрах сплетались в стальные канаты, разрываясь и тут же срастаясь вновь, генерируя колоссальную гидравлическую мощь. Кости его скелета уплотнялись, приобретая структуру гипероуглерода. Суставы хрустели, перещелкиваясь в новые, неестественные пазы, чтобы выдержать перегрузку.

С каждым его шагом ангар наполнялся звуком ломающихся и срастающихся костей.

Хрясь. Скрррч. Хлюп.

Это был симфонический боди-хоррор. Тело Каэля ломало само себя, чтобы иметь возможность ломать реальность. И при всем этом ужасе его лицо оставалось безупречно гладким, скучающим манекеном.

Исполнитель закричал.

Точнее, он попытался. В твердом воздухе не было акусти-

ческих волн, поэтому крик остался заперт в его разорванной гортани, заставив несколько шестеренок вылететь изо рта вместе с брызгами черного масла.

Каэль оказался вплотную к нему.

Он не стал бить палача. Он просто поднял свою правую руку и ленивым, небрежным жестом взял Исполнителя за горло.

Его пальцы сомкнулись на тонкой, иссохшей шее, покрытой тикающими секундомерами. В момент контакта пергаментная кожа Исполнителя начала дымиться. Плоть Каэля, раскаленная от чудовищного физического напряжения, обжигала палача, расплавляя латунные детали, вживленные в его горло.

Каэль сжал пальцы.

Шейные позвонки Исполнителя хрустнули, но не сломались — Каэль контролировал силу с ювелирной точностью. Ему не нужен был мертвый палач. Ему нужен был материал для работы.

Плавным, непрерывным движением Каэль оторвал двухметрового Исполнителя от пола.

Он поднял его одной рукой так легко, словно это было пустое пальто на вешалке. В остановленном времени гравитация работала странно, но инерция никуда не делась. Каэль провернул запястье.

Тело Исполнителя описало в воздухе полукруг. Сутана из пепла разлетелась в стороны, зависнув грязными серыми

хлопьями во мраке.

Каэль перевернул его вверх тормашками.

Теперь повелитель времени висел в воздухе вниз головой, удерживаемый лишь железной хваткой на своем горле. Его пустые глазницы с вращающимися турбийонами смотрели на лакированные туфли вампира. Его руки бессильно болтались, зажатые вязким пространством.

Каэль зафиксировал его в этом унизительном положении.

Затем он поднял левую руку к своему собственному лицу.

* * *

Пальцы Каэля легли на латунную рукоять Клинка Хроноса, который всё еще торчал из его левого глаза.

Металл был холодным и мертвым. Анти-время, содержащееся в клинке, было полностью нейтрализовано.

Каэль не стал вытаскивать стилет аккуратно. Он не хирург.

Он просто дернул его на себя.

Раздался громкий, чавкающий звук.

Сквелч-хлюп!

Атомарная сталь вышла из глазницы, потянув за собой сгустки вязкого стекловидного тела и черной крови. В инвертированном спектре ангара эта кровь выглядела как ослепительно белая, светящаяся слизь. Она выплеснулась из раны, но не упала на пол. Капли повисли в воздухе перед ли-

цом Каэля, образуя причудливое, сияющее созвездие.

Глазница Каэля представляла собой разорванную черную дыру.

Но это продлилось ровно одну миллисекунду.

Биология аномалии, избавленная от инородного объекта, запустила протокол восстановления. Это не было похоже на человеческое заживление. Мясо внутри глазницы буквально вскипело. Разорванные мышцы метнулись друг к другу, как намагниченные змеи, сплетаясь в узлы. Склера сформировалась из густой белой массы за одно мгновение. Радужка, идеально темная, развернулась, как цветок, снятый в режиме ускоренной макросъемки.

Роговица сомкнулась с тихим щелчком.

Глаз был полностью целым. Ни шрама. Ни царапины. Зрачок мгновенно сфокусировался, подстраиваясь под освещение.

Каэль моргнул левым глазом, проверяя функциональность. Работало идеально.

Он опустил взгляд на стилет в своей руке.

Оружие, способное стирать из реальности богов, теперь выглядело просто как кусок грязного металла, испачканный его собственной кровью. Каэль поднес лезвие ближе к лицу.

Он медленно, демонстративно высунул язык и слизнул белую, светящуюся каплю со стали.

Его вкусовые рецепторы, способные различить нотки копченого чеснока в сальсе за сотню метров, проанализировали

химический состав древней магии.

Каэль чуть поморщился.

Он не мог говорить в твердом воздухе так, чтобы образовались звуковые волны. Поэтому он заставил вибрировать саму ткань пространства вокруг себя. Он напряг голосовые связки так сильно, что воздух в радиусе двух метров пошел микроскопическими трещинами.

— Кислый, — раздался его голос.

Он прозвучал не в ушах Исполнителя. Он зазвучал прямо в его раздавленном, паникующем сознании. Это был звук камнепада, перемалывающего кости.

Каэль перехватил рукоять Клинка Хроноса поудобнее.

Он посмотрел на висящего вниз головой палача. Сутана Исполнителя задралась, обнажив его тощую, пергаментную грудную клетку и живот, усеянные латунными шестеренками и циферблатами.

Каэль поднес острие стилета к паху Исполнителя.

* * *

Вскрытие началось в тотальной, звенящей тишине.

Каэль надавил острием стилета на нижнюю часть живота Исполнителя. Атомарная заточка, выкованная в Кузнях Забвения, легко прорвала сухую, мертвую кожу хроно-палача.

Тррррчк.

Звук разрезаемой плоти был сухим, как если бы кто-то

рвал старый холст.

Каэль повел клинок вверх. Медленно. Методично. Без единой эмоции на лице. Он был мясником, разделывающим тушу на невидимом крюке.

Стилет вспарывал живот Исполнителя, двигаясь от паха к грудине.

Кожа расходилась в стороны. За ней не было подкожного жира или розовых мышц. Анатомия Ордена Пепла была мерзким симбиозом некромантии и часовой механики.

Под кожей обнажились внутренности.

Кишечник Исполнителя представлял собой ссохшиеся, черные трубки, плотно оплетенные медной проволокой и соединенные с крошечными насосами, которые перекачивали густое черное масло. Желудок был похож на сдувшийся кожаный мешок, внутри которого перекатывался серый пепел.

Каэль продолжал резать. Лезвие уперлось в грудину.

Вампир надавил сильнее. Металл заскрежетал по кости, разрезая грудную клетку Исполнителя строго по центру. Ребра лопались с сухим треском, раздвигаясь в стороны, как створки жуткого шкафа.

Внутри застывшей секунды черное масло, выполнявшее функцию крови, не брызнуло фонтаном. Оно медленно, густыми каплями поползло из разреза, формируя в воздухе грязные, парящие пузыри. Пепел из вспоротой брюшной полости вырвался наружу и завис пыльным облаком, скрывая детали.

Исполнитель все чувствовал.

Стазис не отключал нервные окончания. Наоборот, он их замораживал в состоянии пиковой проводимости. Палач чувствовал, как чужое лезвие — его собственное лезвие! — разваливает его тело надвое. Он чувствовал, как холодный твердый воздух касается его внутренних механизмов. Его пустые глазницы бешено вращались, турбийоны искрили от сбоев в системе. Он пытался кричать, но из его разрезанного горла вырывались лишь сломанные латунные пружины и шестеренки, которые тут же застревали в густом воздухе.

Каэль довел разрез до самого левого плеча, разрубив ключицу.

Тело Исполнителя было раскрыто нараспашку. От паха до шеи.

Картина была завораживающе чудовищной. В инвертированном свете черные внутренности сияли белым, а латунные механизмы казались сгустками чистой тьмы. В центре разорванной грудной клетки, между почерневшими легкими, находилось сердце.

Оно не было мышечным органом.

Это был сложный, кулачного размера механизм из золота, латуни и органических клапанов. Вокруг него обвивались артерии, пульсирующие черным маслом. Сердце-механизм отчаянно пыталось биться. Внутри остановленного времени оно совершало один удар в макроэпоху. Шестеренки содрогались, пытаясь провернуться, но стазис сдерживал их.

Каэль остановил клинок.

Он смотрел на раскрытую грудную клетку Исполнителя с тем же выражением, с каким человек смотрит на сломанный двигатель газонокосилки.

Скучно.

* * *

Тринадцать секунд подходили к концу.

Стазис-заклинание Исполнителя имело свой лимит, и этот лимит истощался с каждой миллисекундой. Пространство вокруг них начало дрожать. Инвертированный свет ангара мигал, пропуская вспышки нормального, желтого света прожекторов. Твердый воздух стал мягче, превращаясь из стекла обратно в желе.

Каэль отпустил рукоять Клинка Хроноса, оставив его торчать в плече палача.

Его левая рука нырнула прямо в раскрытую грудную клетку Исполнителя.

Пальцы вампира обхватили левое нижнее ребро. Кость была желтой, хрупкой, покрытой гравировкой часовых мастеров.

Каэль резко дернул рукой.

ХРЯСЬ!

Ребро сломалось у самого основания позвоночника и оторвалось от грудины. Каэль вырвал из тела Исполнителя ко-

стяной полумесяц длиной около тридцати сантиметров. Его конец был острым, как кинжал.

Не вынимая руку из грудной клетки, Каэль перехватил сломанное ребро и занес его над механическим сердцем палача.

Исполнитель понял, что сейчас произойдет. Его турбийоны замерли. Впервые в его пустых глазницах появилось осознание собственного, унизительного конца.

Каэль вонзил ребро прямо в центр латунного сердца.

Острый край кости пробил золотой корпус, раздробил центральный маятник, разорвал органические клапаны и вышел с обратной стороны, пригвоздив сердце к позвоночнику.

Черное масло брызнуло во все стороны, заливая внутренности. Механизм издал жалкий, визгливый скрежет и остановился навсегда.

Каэль не остановился на этом. Он обхватил пробитое сердце рукой и вырвал его из грудной клетки вместе с ребром. Артерии лопнули, осыпая пространство вокруг фонтаном черных капель.

Вампир отступил на полшага.

Он всё еще держал мертвого Исполнителя за горло правой рукой. В левой он держал сломанное ребро, на которое, как на уродливый шампур, было насажено истекающее маслом механическое сердце.

Каэль поднял свою композицию на уровень глаз.

В его взгляде появилось легкое, почти художественное

удовлетворение.

В этот момент тринадцатая секунда истекла.

Хронологический барьер рухнул.

Твердый воздух взорвался. Инвертированный свет погас, и реальность с оглушительным, тошнотворным хлопком вернулась в свои нормальные границы.

Звук, свет, время и гравитация обрушились на ангар одновременно.

Капли крови Нерисы, зависшие в воздухе, рухнули на бетон. Звон разбитого стекла, гудение прожекторов, стоны умирающих наемников — всё это ударило по барабанным перепонкам.

Тело Исполнителя, которое Каэль всё еще держал за горло, больше не могло существовать в нормальном времени. Без своего хроно-сердца, без стазиса, его мертвая биология не выдержала контакта с физикой.

В ту же долю секунды, когда время пошло, Исполнитель просто взорвался.

Это был не огненный взрыв. Это был фонтан черного масла, пепла, латунных шестеренок и кусков сгнившей кожи. Тело палача буквально развалилось на две половины, осыпаясь на бетонный пол грязной, чавкающей кучей деталей и некротической плоти.

Каэль разжал пальцы. Оторванная голова Исполнителя, из которой посыпались пружины, покатилась по полу и остановилась у ног вампира.

Вампир стоял в центре белого светового круга. Его пальто было испачкано черным маслом. В левой руке он держал ребро, на котором висело искореженное механическое сердце.

Он лениво стряхнул масло с рукава.

Потом повернулся к Черному Архитектору, который теперь был так бледен, что казался почти прозрачным.

— Ваша охрана, кажется, сломалась, — вежливо произнес Каэль в наступившей звенящей тишине. — Так что там насчет кода декомпрессии от банки? Или мне нужно вырвать ваше сердце и использовать его как ключ?

* * *

Возвращение времени не было плавным.

Оно не нарастало, как звук приближающегося поезда. Оно обрушилось на ангар единым, монолитным, зубодробительным ударом, от которого само пространство, казалось, содрогнулось в рвотном спазме.

Для Нерисы тринадцати секунд остановленной реальности просто не существовало.

Для ее мозга, нервной системы и вестибулярного аппарата время перескочило с одного кадра на другой без склейки. В один миг она стояла, опустив пистолет, и с ужасом смотрела на то, как Исполнитель Ордена Пепла поднимает руку, чтобы щелкнуть пальцами. Капля крови из ее пробитой барабанной

перепонки только-только оторвалась от мочки уха.

А в следующую наносекунду мир взорвался.

Гравитация, которая спала, внезапно вспомнила о своих обязанностях и навалилась на плечи химеры с удвоенной силой. Капля крови с влажным шлепком ударилась о воротник ее тактической куртки. Воздух, секунду назад бывший твердым, как алмаз, снова стал газообразным, с силой ворвавшись в ее раскрытые легкие.

Нериса пошатнулась.

Ее тело, перестраивавшееся для атаки в момент остановки времени, завершило движение в изменившихся координатах. Она тяжело приземлилась на одно колено, больно ударившись о бетон. Левая ладонь с размаху впечаталась в лужу крови наемника, подняв веер алых брызг.

Сенсорный удар был чудовищным.

Звук вернулся так резко, что Нериса едва не закричала. Оглушительный, ровный гул дождя, бьющего по железной крыше циклопического ангара. Низкочастотное, вибрирующее рычание стазис-генераторов на стеклянной банке. Предсмертный, булькающий стон одного из недобитых наемников в дальнем углу. Звон осыпающейся с потолка бетонной крошки.

И свет.

Инвертированная тьма, режущая глаза своими негативными спектрами, лопнула, как мыльный пузырь. Желто-белые лучи промышленных прожекторов снова ударили по сет-

чатке, заставив Нерису зажмуриться до цветных пятен.

Ее мозг кричал о нарушении причинно-следственных связей. Ее хищные инстинкты вопили о том, что реальность пропустила такт.

Она моргнула, с силой тряхнув головой, чтобы прогнать тошноту пространственной дезориентации.

Ее правая рука, движимая тысячами часов тренировок Ордена Вельсайр, взлетела вверх. Тяжелый крупнокалиберный пистолет был нацелен ровно туда, где миллисекунду назад — в ее личном таймлайне — стоял двухметровый повелитель времени.

Нериса была готова стрелять. Готова выпустить весь магазин алхимического свинца в грудь Исполнителя, даже зная, что это бесполезно.

Но стрелять было не в кого.

* * *

Исполнителя Ордена Пепла больше не существовало как цельного объекта.

Перед Нерисой разворачивалась картина, физику которой ее разум отказывался принимать. Там, где только что возвышалась фигура в сутане из пепла, в воздухе висело расширяющееся облако черного машинного масла, латунных шестеренок и кусков разорванной пергаментной кожи.

Это был не просто труп. Это был результат взрыва изнут-

ри.

Верхняя половина Исполнителя, разрубленная от паха до плеча, с влажным, отвратительным хрустом съезжала с нижней. Позвоночник, лишенный поддерживающих его механизмов, переломился пополам. Тощая грудная клетка была распахнута нараспашку, как створки разоренного шкафа, и внутри нее зияла пустая, исходящая черным дымом дыра.

Оторванная голова палача, из которой фонтаном сыпались пружины и разбитые циферблаты, с гулким стуком ударилась о бетонный пол и покатилась, оставляя за собой маслянистый черный след.

Десятки карманных часов, астролябий и компасов, висевших на шее убитого, с металлическим звоном обрушились вниз, разбиваясь о пол. Стеклянные циферблаты лопались. Стрелки, которые секунду назад контролировали само время, теперь беспомощно гнулись под тяжестью падающего мяса.

Останки Исполнителя рухнули на бетон мокрой, тяжелой кучей.

Черное масло растекалось во все стороны, смешиваясь с красной человеческой кровью наемников.

Нериса смотрела на это, не опуская пистолета. Ее грудь тяжело вздымалась. Вертикальные зрачки метались по ошметкам, пытаясь найти в них логику.

Как?

Она знала, как работают Исполнители. Они останавлива-

ют время, делают свой приговор и запускают секунды обратно. Жертва просто исчезает. Между щелчком их пальцев и смертью нет промежутка.

Но здесь промежуток был.

Для мира прошла нулевая секунда. Но для Каэля, стоявшего в центре этого хаоса, должно было пройти достаточно времени, чтобы не только выжить, но и вскрыть высшего палача Цитадели, как консервную банку.

Химера медленно перевела взгляд на вампира.

Каэль стоял на том же самом месте. Его поза почти не изменилась. Только теперь в его левой руке было зажато длинное, изогнутое человеческое ребро, на котором, как на уродливом вертеле, висело искореженное, истекающее черным маслом латунное сердце.

Каэль ленивым, небрежным движением разжал пальцы.

Ребро с сердцем с влажным стуком упало на пол, присоединившись к остальному мусору. Вампир не удостоил свое произведение искусства даже взглядом. Он достал из кармана изуродованного пальто шелковый платок и начал тщательно вытирать испачканные маслом пальцы левой руки.

Его левый глаз, в который Нериса в своем последнем осознанном кадре видела направленный Клинок Хроноса, был абсолютно целым. Темным, холодным и скучающим.

* * *

Дыхание Нерисы начало выравниваться, но сердце по-прежнему колотилось как безумное.

Она медленно опустила пистолет. Ствол все еще слегка дымился от недавней стрельбы.

Она посмотрела на труп Исполнителя, затем на Каэля, затем снова на труп. Ее мозг охотника, натренированный на анализ уязвимостей, отчаянно пытался классифицировать то, что она сейчас видела.

— Что... — Нериса сглотнула, ее голос был хриплым, царапающим пересохшее горло. — Что ты с ним сделал?

Каэль закончил вытирать руки. Он аккуратно сложил платок, стараясь спрятать грязные пятна внутрь, и убрал его обратно в карман.

— Я объяснил ему основы термодинамики, — спокойно ответил Каэль.

Он не оборачивался к ней. Его взгляд по-прежнему был устремлен на стеклянную банку и вжавшегося в стену Черного Архитектора.

— Основы... чего? — Нериса сделала осторожный шаг вперед, обходя лужу черного масла. Ее сапог хрустнул по разбитому стеклу циферблата.

— Остановка времени не останавливает остывание сальсы, — Каэль поправил воротник пальто, словно они обсуждали кулинарную передачу, а не убийство бога времени. — Он отказался это понимать. Мне пришлось провести наглядную демонстрацию. Вскрытие показало, что пациент страдал

острой механической недостаточностью.

Нериса закрыла глаза на секунду, глубоко вздохнув.

Она поняла главное. Каэль не просто сильнее высшей нечисти. Он сильнее законов, по которым этот мир был написан. Орден Вельсайр учил своих охотников, что любую тварь можно убить, если подобрать правильное уравнение. Но как убить того, кто сам меняет математику во время боя?

Страх, который Нериса испытывала к Каэлю, сейчас кристаллизовался. Он перестал быть абстрактным. Он приобрел четкие, физические формы.

Она открыла глаза и уставилась на профиль вампира.

Каэль внезапно остановился.

Его правая рука, которая до этого спокойно висела вдоль тела, медленно поднялась к лицу. Он коснулся своей челюсти. Длинные, бледные пальцы надавили на скулу.

В тишине ангара раздался тихий, неприятный хруст.

Словно кости его лица вставали на место после чудовищной деформации. Анатомия аномалии, которая перестраивалась внутри застывшего времени, чтобы выжить и убить, теперь возвращалась в свое базовое, «человеческое» состояние.

Кожа на его скуле слегка побледнела, затем снова приобрела нормальный оттенок. Мышцы под щекой дрогнули.

Каэль сделал глотательное движение.

* * *

Вампир слегка поморщился.

Это было крошечное, едва заметное изменение мимики, но на его обычно безупречно спокойном, мраморном лице оно выглядело как тектонический сдвиг.

Он повел нижней челюстью влево-вправо. Раздался еще один сухой щелчок сустава.

— Паршивая сталь, — пробормотал Каэль себе под нос.

Он отвернул голову в сторону от центральной платформы, туда, где в тени лежали трупы наемников. Его губы дрогнули. Он втянул щеки, словно собирал во рту что-то мерзкое на вкус, и с силой сплюнул.

Изо рта Каэля вылетела не слюна.

В воздухе сверкнул кусок черного, поглощающего свет металла.

Он ударился о бетонный пол. Звук падения был резким, тяжелым и неорганическим.

Дзынь-бряк.

Осколок прокатился по бетону несколько сантиметров и остановился.

Это был фрагмент Клинка Хроноса. Острый, зазубренный кусок атомарной стали длиной около четырех сантиметров. Тот самый кончик стилета, который Исполнитель вонзил в глаз Каэля. Внутри остановленной секунды, когда биология вампира перемалывала оружие, этот фрагмент отломился и застрял глубоко в тканях черепа.

Регенерация Каэля просто вытолкнула инородный объект через носоглотку в рот, как занозу.

На металле все еще тускло мерцала половина выгравированной руны мертвого языка. Но магия в ней была мертва. От осколка исходил легкий, едкий дымок, который, касаясь бетона, оставлял на нем черные, выжженные пятна.

Каэль посмотрел на выплюнутый кусок металла с брезгливым отвращением.

Он провел тыльной стороной ладони по губам, стирая невидимый след.

— Он был кислый, — сухо констатировал Каэль.

* * *

Нериса смотрела на осколок, дымящийся на бетоне.

Она знала, что это такое. В архивах Вельсайр Клинок Хроноса описывался как абсолютное оружие. Предмет, который нельзя сломать, расплавить или уничтожить. Предмет, одно прикосновение которого обрывало историю сущности.

А Каэль только что выплюнул кусок этого клинка, как вишневую косточку, и пожаловался на его вкус.

Химера перевела взгляд на вампира.

— Кислый, — повторила она, и в ее голосе прозвучала звенящая, истеричная пустота. Мозг отказывался генерировать более сложные реакции.

— Как испорченный лайм, — подтвердил Каэль, даже не

повернув к ней головы. — С примесью машинного масла и ржавчины. Цитадель совершенно не следит за гигиеной своего инвентаря.

Он вернул свое внимание к Черному Архитектору.

Пространственный контрабандист стоял, вжавшись в стену, как распятый.

Для него возвращение времени стало моментом кристального понимания собственного конца. Он видел, как его козырь, его гарантия безопасности, непобедимый Исполнитель Совета Теней, развалился на куски мяса и шестеренок. Он видел, как чудовище в дорогом пальто выплюнуло кусок древнего оружия.

Архитектор не дрожал. Он оцепенел.

Его длинные, многосуставчатые пальцы судорожно сжимали латунный пульт, на котором он только что нажал кнопку призыва. Но теперь этот пульт был просто бесполезным куском металла.

Каэль снова сфокусировал на нем свой холодный, пустой взгляд.

Вампир не злился. Он вообще не испытывал к мутанту никаких эмоций. Для Каэля Архитектор был не врагом. Он был препятствием. Сбойным механизмом, который стоял между ним и его целью.

Каэль сделал один шаг к стальной платформе.

Звук его лакированной туфли, опускающейся на бетон, эхом разнесся по ангару.

— Вы нажали кнопку, — произнес Каэль тем же вежливым, монотонным голосом, в котором не было ни капли угрозы — и именно это делало его невыносимо страшным. — Вы вызвали менеджера. Менеджер оказался некомпетентен и был уволен.

Вампир подошел к самой платформе, оказавшись в метре от двухметровой стеклянной банки со спрессованным районом.

Свет прожекторов падал на Каэля сверху, превращая его глаза в черные провалы, а бледное лицо — в мраморную маску смерти.

— Мое терпение, — Каэль поднял руку и постучал костяшкой указательного пальца по толстому зеленому стеклу, — не бесконечно. Как и температура моей еды.

Тук. Тук.

Этот звук, усиленный акустикой ангара, заставил Архитектора сжаться.

— Я не повторю свою просьбу в третий раз, — сказал Каэль. — Откройте банку. Вытащите Хуана. И если вы попытаетесь нажать еще на какую-нибудь кнопку, я заставлю вас съесть этот стеклянный цилиндр. Целиком. И я не буду ждать, пока вы его прожуете.

Черный Архитектор издал жалкий, скулящий звук. Его колени подогнулись, и он медленно сполз по бетонной стене, пока не оказался на полу.

Его длинные, трясущиеся руки выпустили бесполезный

латунный пульт.

Он сдался. Логика пространства была сломана. Логика времени была мертва. Против абсурда, воплощенного в фигуре этого вампира, у черного рынка Кито не было аргументов.

— Я... я открою... — прохрипел мутант, поднимая руки в жесте абсолютной покорности. — Я сниму стазис... Только не убивайте.

Каэль удовлетворенно кивнул.

Он отступил на полшага от стекла, давая Архитектору пространство для маневра, и изящным жестом поправил порванные лацканы своего пальто.

— Видишь, Нериса? — Каэль повернул голову к охотнице, и в его глазах мелькнула слабая, саркастичная искра. — Доброе слово и правильная аргументация всегда открывают любые двери. Даже те, за которыми спрятан целый городской квартал.

Нериса стояла среди крови, гильз и трупов, сжимая пистолет, и думала лишь о том, что когда-нибудь этот монстр решит, что она тоже является препятствием на пути к его цели. И в тот день никакое оружие Вельсайр ей не поможет.

* * *

Черный Архитектор сидел на бетонном полу, прижав колени к груди. Его безносое лицо было залито липким потом,

длинные многосуставчатые пальцы мелко дрожали, лежа на грязном бетоне.

Он выглядел совершенно, жалко сломленным. Существо, которое только что осознало, что все его деньги, все его связи в Цитадели и даже карманные боги времени ничего не значат перед лицом этой невозможной аномалии в кашемировом пальто.

— Я открою... — булькающим шепотом повторил пространственный паразит. Его глаза-щели затравленно бегали, не смея подняться на Каэля. — Я введу код. Только не убивайте.

Каэль стоял в метре от него, спокойный и расслабленный.

Но Нериса, чьи инстинкты были заточены на чтение языка тела добычи, внезапно почувствовала фальшь. Дрожь Архитектора была слишком ритмичной. Его взгляд был направлен не в пол, а на едва заметный шов между бетонными плитами прямо под его левой рукой.

— Каэль! — крикнула химера, вскидывая пистолет.

Архитектор нажал на шов.

Бетонная плита под его рукой с тихим гидравлическим шипением ушла вниз на пару дюймов. Это была не магическая печать. Это была старая, надежная, грязная механика, встроенная в фундамент Ла Боки.

Раздался оглушительный вой промышленной сирены.

Стальная платформа в центре ангара, на которой стояла двухметровая стеклянная банка со спрессованным районом,

внезапно дрогнула. Четыре массивных фиксатора отстрелились с громким металлическим лязгом. Платформа рухнула вниз на полметра, встав на скрытые в полу магнитные рельсы.

Архитектор, издав пронзительный, визгливый крик, перекатился назад. Часть стены за его спиной отъехала в сторону, открывая темный эвакуационный тоннель.

Магнитные рельсы взвыли, набирая заряд. Платформа с банкой резко рванула с места, устремляясь в темноту тоннеля со скоростью убегающего локомотива. Архитектор прыгнул в уходящую темноту следом за ней.

— Убейте его! Убейте его, разорвите его на куски! — донесся из тоннеля его истеричный визг, заглушаемый воем рельсов.

В ту же секунду четыре боковых контейнера в стенах ангара, которые Каэль ранее принял за опоры строительных лесов, взорвались изнутри.

Пиропатроны выбили стальные двери. Из клубов густого белого пара, пахнущего аммиаком и сырым мясом, шагнули они.

«Протокол Паники». Последний резерв Черного Архитектора.

Это не были наемники. Это были био-големы. Существа, созданные в лабораториях Синдиката Плоти специально для удержания позиций. Каждый из них был ростом под три метра и весил около четырехсот килограммов. Их тела представ-

ляли собой бугристые горы сшитых вместе чужих мышц, обтянутых толстой серой кожей, напоминающей носорожью. У них не было глаз, только сплошной костяной нарост на лице и огромные, капающие слюной пасти. В их предплечья были вживлены куски заточенной арматуры, а в правой руке один из них сжимал тяжелый дробовик размером с противотанковое ружье.

Они шагнули в белый свет прожекторов, закрывая собой вход в эвакуационный тоннель. Четыре мясные горы, накачанные адреналином и боевыми стимуляторами.

Нериса скрипнула зубами. Она знала этих тварей. Их кожа отталкивала алхимический свинец, а нервная система была отключена от болевых центров. Чтобы убить одного такого, требовалось минут пять методичного расчленения.

Она приготовилась к долгому, тяжелому бою.

Но Каэль не собирался драться.

Он смотрел в темный зев тоннеля, где исчезла стеклянная банка с Хуаном. Его глаза расширились. Лицо, до этого бывшее маской аристократической скуки, внезапно исказилось.

Это не был гнев. Это была первобытная, ледяная ярость существа, у которого из-под носа уводят добычу.

— Он увозит мою сальсу, — тихо, почти шепотом произнес Каэль.

И он взорвался.

* * *

До этого момента Каэль двигался с пугающей, неотвратимой медлительностью. Он шагал. Он позволял событиям происходить вокруг себя.

Но сейчас, когда стеклянная банка исчезла во мраке, законы кинематики в ангаре были изнасилованы.

Каэль не побежал. Он просто исчез с того места, где стоял.

Воздух на его месте схлопнулся с оглушительным звуком удара хлыста, преодолевшего звуковой барьер. Ударная волна отбросила Нерису на полшага назад, растрепав ее мокрые волосы. Бетон под ногами Каэля покрылся сетью глубоких трещин.

Вампир материализовался прямо перед первым био-големом.

Тварь, возвышающаяся над Каэлем на целый метр, даже не успела поднять свои руки-арматуры. Ее рудиментарный мозг не зафиксировал приближения цели.

Каэль не стал бить голема в лицо или пытаться пробить его толстую кожу. Ему нужно было убрать препятствие с максимальной скоростью и максимальным ущербом.

Он присел, уклоняясь от слепого взмаха гигантской руки, и обхватил левую ногу голема.

Его левая ладонь легла на колено твари, а правая впилась высоко в бедро, туда, где массивная нога крепилась к тазобедренному суставу. Пальцы Каэля пробили толстую серую шкуру, как бумагу, вонзившись глубоко в переплетен-

ные пучки чужих мышц и найдя бедренную кость.

Каэль напряг спину.

Его собственная анатомия издала сухой, трещащий звук. Мышцы под порванным кашемировым пальто вспухли, превращаясь в гидравлические прессы.

И он просто потянул ногу голема на себя и в сторону.

Биология био-голема была рассчитана на то, чтобы выдерживать попадания из гранатомета. Но она не была рассчитана на встречную силу, превышающую тягу локомотива.

Раздался звук, от которого даже Нериса, привыкшая к расчленению, стиснула челюсти.

Хрясь-ррррррррчк-сплюх!

Это был симфонический аккорд уничтожения плоти. Сначала с пушечным грохотом выскочил из суставной сумки тазобедренный сустав. Головка бедренной кости, толщиной с человеческую голову, прорвала хрящи и вырвалась наружу. Затем начали рваться связки. Они лопались с резким, звенящим звуком, похожим на лопающиеся басовые струны.

И, наконец, порвалось мясо.

Каэль оторвал четырёхсоткилограммовому мутанту ногу целиком, вместе с куском таза.

Фонтан черной, густой крови ударил из зияющей раны под таким давлением, что струя долетела до потолка ангара. Голем издал булькающий, нечленораздельный рев, потерял равновесие и рухнул на бетон, заливая все вокруг озером собственной крови.

Каэль стоял, тяжело дыша. В его руках находилась оторванная конечность — бревно из мяса, костей и серой кожи, весящее килограммов сто. С обрубка капала кровь.

Вампир даже не посмотрел на умирающего на полу мутанта. Его взгляд был прикован ко второму голему, который с ревом бросился на него.

* * *

Второй мутант был быстрее. Он занес свою огромную, похожую на кувалду руку с торчащей из нее ржавой арматурой, намереваясь раздавить Каэля сверху вниз.

У вампира не было времени уклоняться. Не было времени доставать оружие. Да и оружия у него не было.

У него была только оторванная нога первого голема.

Каэль перехватил этот кусок мяса обеими руками. Он сжал лодыжку мутанта так сильно, что кость под его пальцами хрустнула. Он отвел ногу назад, используя ее вес и инерцию, перенес центр тяжести и метнул эту конечность вперед, как первобытный охотник мечет копье.

Но это не было копье. И бросок не был человеческим.

Скорость, с которой массивная, стокилограммовая нога рассекла воздух, была пугающей. Снаряд летел параллельно полу, оставляя за собой красный шлейф из разлетающихся капель крови.

Нога, направленная тазобедренным обрубком вперед,

врезалась прямо в широкую, защищенную костяными пластинами грудь второго голема.

БУМ!

Удар был таким чудовищным, что звук походил на столкновение двух автомобилей. Кинетическая энергия оторванной конечности была абсурдной. Торчащая бедренная кость первого мутанта сработала как бронебойный сердечник.

Костяная пластина на груди второго голема разлетелась вдребезги. Бедренная кость пробила его грудину, раздробила ребра, прошла сквозь легкие и сердце, превратив их в кровавую кашу, и с оглушительным треском вырвалась из его спины.

Массивный кусок мяса буквально прошил тварь насквозь.

Нога застряла в грудной клетке голема, торча с обеих сторон. Ударная волна оторвала четырехсоткопилограммового монстра от пола и отбросила его на пять метров назад. Он тяжело рухнул на спину, пригвожденный к земле ногой своего собственного товарища.

Его конечности судорожно дернулись пару раз, арматуры со скрежетом прочертили искры по бетону, и он затих навсегда.

Каэль не остановился ни на микросекунду.

Он шагнул вперед, переступая через лужи крови, и его глаза, темные и пустые, сфокусировались на третьей цели.

* * *

Третий био-голем был тем самым, который держал в руках гигантский дробовик, снятый, вероятно, с турели бронетранспортера. Тварь, несмотря на отсутствие глаз, обладала подобием инстинкта самосохранения. Увидев (или учуяв), как двое ее собратьев были уничтожены за две секунды с помощью одной оторванной ноги, голем попытался поднять свое оружие.

Он навел ствол-трубу на Каэля и нажал на спусковой крючок.

Выстрела не последовало.

Потому что Каэля перед стволом уже не было.

Вампир скользнул под линию огня с грацией змеи, двигаясь с такой скоростью, что воздух не успевал расступаться, издавая тихий свист. Он оказался за спиной голема.

Каэль прыгнул. Его лакированные туфли оттолкнулись от коленного сгиба мутанта, затем от его широкого бедра, и вампир взлетел на спину трехметровой твари.

Его руки, похожие на стальные тиски, обхватили огромные запястья голема, которые все еще сжимали дробовик перед собой.

Каэль поставил одну ногу на спину мутанта между лопаток.

— Вы, — прошипел Каэль прямо в ушное отверстие голема, — задерживаете меня.

И он дернул руки мутанта назад и вверх.

Это не был залом. Это было умышленное, жестокое разрушение скелета. Толстые, как бревна, руки голема пошли назад под неестественным углом. Локтевые суставы вывернулись наизнанку с пушечным треском. Плечевые сумки лопнули. Мутант взревел от боли — стимуляторы не смогли заглушить такой уровень физического урона.

Каэль сломал ему обе руки за спиной, выгнув их так, что кисти мутанта с зажатым в них дробовиком оказались у него над макушкой, перевернутые вверх ногами.

Ствол огромного оружия теперь смотрел прямо в потолок, нависая над безглазым лицом голема.

Каэль не отпустил его запястья. Одним плавным, жестоким движением он потянул сломанные руки вниз.

Толстый, раскаленный ствол дробовика с силой вошел в распахнутую, ревущую пасть голема. Оружие пробило зубы, порвало язык и уперлось в заднюю стенку глотки. Тварь захлебнулась собственным криком, пуская кровавые пузыри вокруг вороненой стали.

Голем не мог нажать на спуск — его пальцы были переломаны и зажаты Каэлем.

Вампир спрыгнул со спины твари.

Он приземлился перед стоящим на коленях, задыхающимся с дробовиком во рту мутантом. Каэль не стал выхватывать оружие. Он просто поднял свою правую ногу.

Его туфля, испачканная в масле и крови, обрушилась на деревянный приклад дробовика, торчащий из сломанных

рук за спиной голема.

Это был не просто пинок. Это был удар кузнечного молота.

Приклад дернулся вперед. Ствол, застрявший в глотке голема, рванул вверх.

Он пробил мягкое небо, прошил носоглотку, вошел в мозг и с влажным, тошнотворным хрустом выбил верхнюю часть черепа твари. Костяной нарост на лице голема просто оторвало.

Огромный, кровавый всплеск мозга, осколков костей и серой слизи ударил в потолок, оставив на нем расплывающееся пятно.

Огромное тело содрогнулось, ствол дробовика вывалился из разорванной пасти, и третий голем тяжело рухнул лицом в собственную лужу.

* * *

Остался один.

Четвертый голем, стоявший у самого входа в эвакуационный тоннель.

Его примитивный мозг не был рассчитан на анализ. Он был рассчитан на выполнение приказов. Но сейчас инстинкты животного взяли верх над алхимией Синдиката. Тварь увидела расчлененные, пробитые и разорванные останки своих братьев, раскиданные по бетону за жалкие четыре се-

кунды.

Голем развернулся. Он попытался бежать. Он сделал тяжелый, грузный шаг в спасительную темноту тоннеля.

Но Каэль не собирался отпускать никого.

Он настиг тварь в два невозможных, длинных прыжка.

Вампир оказался прямо за спиной убегающего голема. Он не стал его бить. Он не стал ломать ему шею. Насилие Каэля приобрело ту самую извращенную, абсурдную садистскую форму, которая была свойственна миру, где физика стала шуткой.

Каэль наклонился на бегу и схватил мутанта за толстые, похожие на древесные стволы лодыжки.

Инерция бегущей твари и железная хватка вампира сделали свое дело. Голем потерял равновесие и начал падать лицом вперед.

Но Каэль не позволил ему упасть.

Он резко, с колоссальным усилием дернул лодыжки твари вверх и назад, одновременно упираясь коленом в поясницу голема.

Процесс сгибания трехметрового био-голема пополам в обратную сторону был громким.

Сначала с пулеметным треском начали лопаться позвонки. Нижний отдел позвоночника просто взорвался изнутри, разрывая толстую кожу. Затем лопнули мышцы живота, не выдержав натяжения. Внутренности сдавило с такой силой, что из пасти голема вырвался фонтан желчи и крови.

Каэль продолжал давить. Он складывал мутанта, как толстый лист картона.

Голова голема, двигаясь по дуге назад, миновала спину, миновала поясницу.

Раздался оглушительный, сухой треск. Это таз мутанта не выдержал анатомического издевательства и лопнул пополам. Симфиз разошелся, кости таза хрустнули, освобождая место.

Каэль с силой вдавил безглазую голову мутанта ему же между гигантских, разведенных в стороны ягодиц и бедер.

Голова вошла глубоко, застряв в разорванной тазовой кости.

Процесс был завершен.

Каэль отпустил ноги твари. То, что секунду назад было элитным био-големом, рухнуло на бетон. Теперь это был не гуманоид. Это был замкнутый, чудовищный мясной круг. Кровавый бублик из переломанных костей, порванных мышц и хлещущей во все стороны крови, застрявший в собственной неестественной геометрии.

Монстр даже не был мертв. Его сердце все еще билось, гоняя кровь по разорванному телу, а из утробы доносилось глухое, приглушенное собственным тазом мычание.

Тишина вернулась в ангар.

Бойня, уничтожившая последний элитный резерв Черного Архитектора, заняла ровно семь секунд.

Нериса стояла вдалеке, опустив пистолет. Химера внутри

нее затихла, скуля в самом дальнем углу сознания. Она видела насилие. Она сама была насилием. Но то, что только что сделал Каэль, было чистым, инфернальным искусством расчленения. Это был смертельный креатив существа, которому просто стало скучно убивать нормально.

Каэль стоял у входа в эвакуационный тоннель.

Его пальто было окончательно уничтожено. Оно пропиталось кровью, мозговой слизью и желчью. На его идеальном лице красовалась кровавая полоса.

Он не дышал тяжело. У него даже пульс не участился.

Он изящным движением поправил съехавшую манжету левой руки, перешагнул через дергающийся кровавый бублик и устремил свой холодный, пустой взгляд во мрак уходящего вниз магнитного тоннеля.

Далеко внизу слышался затихающий гул рельсов и отчаянный топот убегающего Черного Архитектора.

Каэль сделал первый шаг во тьму.

— Никто, — тихо, но так, что эхо разнеслось по всему тоннелю, произнес Каэль, — не уходит с моей сальсой.

* * *

Эвакуационный магнитный тоннель уходил глубоко под фундамент района Ла Бока, прорезая старые, забытые коммуникации города. Здесь было сыро. Сводчатые бетонные стены были покрыты густым слоем черной слизи и плесени,

питающейся магическими отходами черного рынка.

Тоннель освещался лишь тусклым, пульсирующим синим светом магнитных рельсов.

Черный Архитектор бежал.

Для пространственного паразита бег — это не просто перебирание ногами. Это процесс постоянного складывания дистанции. С каждым его шагом пространство перед ним сжималось, а позади — растягивалось. Он не просто покрывал метры, он глотал их. Его длинные, многосуставчатые конечности двигались с тошнотворной, насекомоподобной грацией.

Впереди, на магнитной подушке, с гулом неслась платформа со стеклянной банкой.

Архитектор тяжело, со свистом втягивал воздух через вертикальные ноздри. Его сердце, деформированное долгими веками жизни между измерениями, колотилось о ребра, как птица, запертая в клетке.

Он был в ужасе.

Он чувствовал, как за его спиной, в темноте тоннеля, движется *оно*.

Каэль не бежал. Архитектор, чьи рецепторы были настроены на вибрации пространства, знал это наверняка. Вампир просто шел. Ритм его шагов был размеренным, почти прогулочным.

Стук... Стук... Стук...

Звук лакированных туфель по бетону разносился по тон-

нелю, многократно отражаясь от влажных стен, и каждый этот звук был гвоздем, вбиваемым в рассудок Архитектора.

Проблема заключалась в том, что шаги Каэля не подчинялись законам перспективы.

Архитектор искажал геометрию, чтобы оторваться. Он складывал пространство так, что каждый его шаг равнялся сотне метров. Но Каэль... Каэль просто игнорировал расстояние. Он шел так, словно между ними не было никаких сотен метров. Словно тоннель был иллюзией, а единственной объективной реальностью было то, что Каэль приближался.

Стук... Стук...

Звук становился громче.

Архитектор взвизгнул, оборачиваясь на бегу.

Во мраке, подсвеченном мертвенно-синим сиянием рельсов, появился силуэт. Длинное, разорванное в клочья пальто, испачканное кровью, маслом и мозговой слизью био-големов. Бледное, как мрамор, лицо. И полностью черные, пустые глаза, в которых не было ни гнева, ни азарта погони.

Лишь холодное, методичное намерение.

Архитектор попытался бросить за спину пространственную мину — карманную черную дыру, которая должна была разорвать преследователя на субатомные фрагменты. Он швырнул маленький, мерцающий шарик через плечо.

Шарик вспыхнул, разворачиваясь в гравитационную воронку, засасывающую в себя бетон, воду и свет.

Каэль просто прошел сквозь нее.

Его тело на микросекунду исказилось, втянутое в горизонт событий, а затем он сделал еще один шаг, и воронка с жалким хлопком схлопнулась, не сумев переварить массу его невозможной анатомии.

Архитектор понял, что бежать бессмысленно.

Они достигли конца тоннеля. Здесь магнитные рельсы обрывались, упираясь в бронированную гермодверь погрузочного шлюза. Платформа со стеклянной банкой мягко затормозила, остановившись в паре метров от стальных створок.

Мутант замер, прижавшись спиной к толстому, холодному металлу гермодвери. Ему некуда было отступать.

* * *

Каэль остановился в трех шагах от него.

Воздух в конце тоннеля был спертым, пахнущим ржавчиной и страхом. Синий свет магнитных рельсов снизу подсвечивал лицо вампира, превращая его в античную маску жестокости.

— Пожалуйста... — прохрипел Черный Архитектор. Его длинные руки судорожно шарили по бронированной двери за спиной, пытаясь нащупать несуществующую панель управления. — Ты не понимаешь! Если ты разобьешь банку... перепад давления... декомпрессия пространства убьет нас всех! Район взорвется изнутри!

Каэль даже не посмотрел на него.

Его взгляд был устремлен на стеклянный цилиндр, стоящий на платформе между ними. Вампир оценивал состояние своего заказа.

— Вы, контрабандисты, слишком много говорите, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Каэль. — И слишком мало делаете.

Архитектор, движимый инстинктом загнанного в угол животного, предпринял последнюю попытку. Его биология паразита позволяла ему использовать свое тело как пространственное оружие.

С пронзительным шипением его длинные руки удлинились еще сильнее, кости предплечий вышли из суставов, превратившись в два мерцающих, искривляющих свет клинка. Это были лезвия чистого вакуума. Они могли разрезать саму ткань реальности, разъединяя молекулы без физического контакта.

Мутант с визгом бросился вперед, нанося крестообразный удар, метя прямо в шею Каэля.

Вампир не стал уклоняться.

Он просто поднял правую руку. Его движение было ленивым, почти сонным, но оно содержало в себе абсолютную, подавляющую кинетическую доминанту.

Каэль перехватил оба вакуумных клинка голыми руками.

Лезвия, способные разрезать пространство, врезались в его ладони. Раздался оглушительный скрежет, словно алмазное сверло вгрызлось в танковую броню. Вакуум попытался

расщепить плоть Каэля, но его биология мгновенно уплотнилась, превратившись в нечто, что превосходило по прочности любые физические законы.

Искры, похожие на микроскопические черные дыры, брызнули во все стороны.

Архитектор замер, его широко раскрытые щели-глаза уставились на свои заблокированные руки. Он не мог поверить. Это было невозможно.

— Твоя проблема, — тихо сказал Каэль, приблизив свое лицо к безносому лицу паразита, — в том, что ты пытаешься применять законы геометрии к тому, кто эти законы в рот ебал.

Каэль резко развел руки в стороны, ломая вакуумные клинки вместе с костями предплечий Архитектора. Раздался сухой, трескучий звук. Мутант завизжал от боли, его руки повисли плетями.

Но Каэль не закончил.

Он не собирался убивать его быстро. Это существо посмело прервать процесс маринования свинины. За это полагался особый, анатомический штраф.

Левая рука Каэля молниеносно взметнулась вверх.

Его длинные, бледные пальцы, похожие на стальные крючья, впились в нижнюю челюсть Черного Архитектора. Большой палец вдавился глубоко в щеку, прорывая тонкую кожу, а остальные пальцы обхватили челюстную кость снизу, вонзаясь в мягкие ткани под подбородком.

Паразит попытался исказить пространство вокруг своей головы, чтобы выскользнуть, но хватка Каэля заякорила его в объективной реальности. Никаких фокусов. Только чистая, жестокая физика.

Каэль посмотрел ему прямо в глаза.

— Закрой рот, — вежливо попросил вампир.

И он рванул свою руку вниз и на себя.

* * *

Анатомия Черного Архитектора не была человеческой, но кости есть кости, а сухожилия есть сухожилия.

Звук, с которым челюсть отделялась от черепа, был чудовищным.

Сначала с пушечным треском выскочили суставы. *КРАК!* Затем начали рваться жевательные мышцы и фасции. Они лопались с влажным, липким звуком, напоминающим звук, с которым отрывают толстый слой промышленного скотча от мокрого бетона.

Рррррррчк-сплюх.

Кожа на щеках мутанта натянулась, порвалась, и из ран брызнула густая, флуоресцентно-синяя кровь пространственного паразита.

Архитектор попытался закричать, но крик захлебнулся, потому что Каэль вырвал его нижнюю челюсть целиком.

Вампир стоял, держа в левой руке окровавленный ку-

сок кости, покрытый ошметками синего мяса и игольчатыми зубами. Из разорванного горла Архитектора бил пульсирующий фонтан синей крови, заливая его дорогой пиджак. Язык мутанта, лишенный опоры, уродливо вывалился наружу, трепыхаясь в открытой, зияющей дыре, занимающей нижнюю половину его лица.

Мутант рухнул на колени, судорожно булькая и зажимая дыру обломками своих сломанных рук.

Он не умер. Его биология позволяла пережить такую травму. Но он больше никогда не сможет вести переговоры.

Каэль посмотрел на оторванную челюсть в своей руке. С кончиков его пальцев капала синяя кровь.

С выражением глубочайшего брезгливого отвращения вампир просто разжал пальцы. Челюсть с глухим стуком упала на бетон, как кусок выброшенного мусора, и откатилась в сторону, оставив на полу синий смазанный след.

Каэль достал платок, которым уже вытирал черное масло Исполнителя, и тщательно протер пальцы. Затем брезгливо бросил испорченный шелк на бьющегося в конвульсиях Архитектора.

Больше контрабандист его не интересовал.

Каэль повернулся к стальной платформе.

Двухметровая стеклянная банка стояла под тусклым светом синих магнитных ламп. Стазис-генераторы на ее массивной стальной крышке натужно гудели, пытаясь удержать спрессованное пространство от взрыва. Стекло вибрирова-

ло, покрываясь сетью микроскопических трещин.

Без постоянного контроля Архитектора система начала деградировать.

Каэль подошел вплотную.

Он заглянул внутрь.

* * *

Внутри банки, за зеленым, потным стеклом, квартал Сан-Маркос умирал.

Стазис слабел. Застывшее время начало подтекать, как вода из пробитой трубы. И это было хуже всего.

Люди внутри начали осознавать свое положение.

Каэль видел, как женщина на сплющенном балконе, чье лицо было прижато к стеклу, начала медленно, судорожно моргать. В ее глазах плескался концентрированный, чистый кошмар. Она чувствовала, как чугунная решетка, изгибающаяся под давлением невидимых стен, миллиметр за миллиметром вдавливается в ее грудную клетку.

Дождь, висевший в воздухе в виде стеклянной пыли, начал медленно падать, разбиваясь о скрученные крыши домов.

Каэль сфокусировал взгляд на третьем витке пространственной спирали. Там, втиснутый в фасад старой аптеки, находился фургон «El Rey del Pastor».

Хуан двигался.

Его рука, сжимающая лопатку, мелко тряслась. Лицо повара было бледным как смерть. Он не понимал, почему небо над ним зеленое и стеклянное, почему улица свернута в узел, но его легкие пытались сделать вдох, а кислорода в сжатом пространстве уже не было.

Но Каэль смотрел не на Хуана.

Он смотрел на пластиковый контейнер.

Зеленая сальса.

Она больше не висела в воздухе неподвижно. Капли, полные изумрудной кинзы и копченого чеснока, медленно, неотвратимо опускались вниз. Одна из них уже коснулась грязного, покрытого жиром железного пола фургона и начала растекаться.

Левый глаз Каэля, тот самый, который несколько минут назад проткнули Клинком Хроноса, едва заметно дернулся.

Это было неприемлемо.

В этот момент со стороны тоннеля послышались торопливые, тяжелые шаги. Нериса, оставившая позади бойню в ангаре, добежала до конца магнитных рельсов.

Химера остановилась, тяжело дыша. Ее куртка была мокрой от крови големов. Золотые глаза быстро оценили обстановку: булькающий в луже синей крови мутант без челюсти, стальная платформа и Каэль, невозмутимо стоящий перед гигантской стеклянной банкой.

— Ты жив, — выдохнула она, скорее с удивлением, чем с облегчением. Она подошла ближе, глядя на вибрирующее

стекло. — Генераторы не выдерживают. Если давление прорвет крышку, декомпрессия превратит нас в пыль. Архитектор говорил правду. Эту дрянь нужно разряжать в специальной вакуумной камере!

— Нериса, — перебил ее Каэль, не отрывая взгляда от сальсы внутри банки. — У меня нет вакуумной камеры. У меня есть только голод.

— Каэль, нет! Это масса целого городского района! Ты не можешь просто...

Но Каэль ее уже не слушал.

Он протянул обе руки вперед и положил ладони на гладкое, изогнутое зеленое стекло.

* * *

Стекло было ледяным, вибрирующим, готовым в любую секунду разлететься на миллиард смертоносных осколков.

Каэль не стал искать панель управления на крышке. Он не стал пытаться взломать код стазис-генераторов. Он применил тот же метод, которым решал большинство своих проблем. Грубую, инфернальную силу, подкрепленную полным игнорированием законов физики.

Он обхватил банку.

Она весила столько же, сколько весит тридцать кирпичных домов, две церкви, километры асфальта и земля под ними. Миллионы тонн, спрессованные магией. Для любого ме-

ханизма, для любого существа поднять это было невозможно.

Но Каэль напряг спину.

Его туфли с сухим хрустом продавили бетонный пол тоннеля, уходя в него на пару сантиметров. Пространство вокруг вампира застонало, искажаясь от генерируемой им гравитационной аномалии.

И он поднял двухметровую банку со стальной платформы.

Генераторы на крышке взвыли, их кабели оборвались со снопом искр, окончательно отключая стазис.

Вампир держал в руках макрокосм, готовый взорваться.

Он не стал бережно опускать его. Он просто сделал шаг назад, развернулся всем корпусом и с размаху бросил банку об пол.

ХРЯСЬ!

Это был не звук бьющегося стекла. Это был звук лопающейся Вселенной.

Зеленое стекло разлетелось в пыль.

То, что произошло дальше, было актом мгновенного, чудовищного пространственного насилия. Квартал Сан-Маркос, сжатый до размеров террариума, вырвался на свободу. Ему было плевать, что он находится глубоко под землей, внутри эвакуационного тоннеля под районом Ла Бока.

Архитектура начала разворачиваться.

Это выглядело так, словно гигантский невидимый бутон раскрывался на сверхскорости.

Из точки на полу, где разбилась банка, с оглушительным, оглушающим ревом вырвалась мощеная улица. Булыжники, расширяясь, как взрывная волна, снесли бронированную гермодверь тоннеля, превратив ее в конфетти.

Каэль, Нериса и хрипящий Архитектор оказались в эпицентре этого пространственного цунами. Но аномалия не раздавила их. Геометрия разворачивающегося квартала просто вытолкнула их на поверхность, как пробки из-под шампанского, прокатив на гребне разворачивающегося асфальта.

Они вылетели прямо в главный ангар.

А следом за ними в ангар ворвался Сан-Маркос.

Трехэтажный колониальный дом выстрелил из пола, пробивая бетонные перекрытия. Его балконы с грохотом врезались в стальные контейнеры Черных Архитекторов, сминая их, как жестяные банки.

Католическая церковь, чья колокольня была скручена в спираль, распрямилась с пушечным звоном. Ее медный купол протаранил гофрированную крышу ангара, разрывая железо и вырываясь под открытое ночное небо Кито, под проливной дождь.

Улица с чавкающим звуком впечаталась в пол ангара, поглощая лужи крови и трупы наемников, вмазывая их в свой асфальт. Фонарные столбы выросли из ниоткуда, их лампы замигали и зажглись желтым светом, смешиваясь с белым светом прожекторов бойни.

Это был хаос. Это был сюрреализм чистой воды. Кусок старого, уютного района, насильно вживленный в гниющие индустриальные внутренности Ла Боки.

Дождь, который был заперт в банке, хлынул вниз единым водопадом, смывая пыль и цементную крошку.

Воздух наполнился криками тысяч людей. Жители Сан-Маркос, чье сознание только что включилось, падали на землю, их рвало от пространственной болезни, они кричали от дезориентации, видя вокруг себя стальные балки, трупы мутантов и искореженные механизмы вместо привычных гор.

Нериса жестко приземлилась на асфальт, перекатившись через плечо. Она поднялась на колени, кашляя от поднявшейся пыли, инстинктивно вскидывая пистолет, но стрелять было не в кого. Вокруг нее материализовался фрагмент жилой улицы. Прямо перед ней стояла чугунная скамейка, на которой, схватившись за сердце, тяжело дышал седой старик с зонтиком.

Пыль медленно оседала.

Каэль стоял посреди этого архитектурного апокалипсиса.

Его пальто было окончательно испорчено. Он стоял на перекрестке мощеной улицы и индустриального бетона.

Прямо перед ним, в трех метрах, втиснутый между покореженной опорой строительных лесов и фасадом аптеки, стоял железный фургон.

«El Rey del Pastor».

Внутри фургона, бледный как полотно, с расширенными

от невыразимого ужаса глазами, стоял Хуан. Он всё еще судорожно сжимал в руке металлическую лопатку. Его колени дрожали. Он смотрел на Каэля, покрытого кровью, черным маслом и мозговой слизью, стоящего на фоне разрушенного ангара, пробитой крыши и кричащей толпы.

Каэль тяжело вздохнул. Он подошел к стойке фургона.

Его взгляд метнулся к пластиковому контейнеру. Сальса растеклась по дну, но большая часть была спасена. Вертел с мясом все еще источал жар. Запах жареной свинины, кукурузы и специй пробился сквозь вонь крови, озона и пыли, наполнив ноздри вампира.

Каэль положил на алюминиевую стойку испачканную в крови Исполнителя стодолларовую купюру.

— Пять штук, — ровным, совершенно спокойным голосом произнес Каэль. — И побольше халапеньо. Я проделал долгий путь.

Хуан, икая от шока и не в силах произнести ни слова, дрожащими руками потянулся к вертелу.

* * *

Хуан не кричал.

Его голосовые связки оцепенели, скованные тем парализующим, животным ужасом, который возникает, когда человеческий мозг сталкивается с абсолютным коллапсом реальности.

Повар стоял внутри своего железного фургона. Еще секунду назад (в его субъективном восприятии времени) он жарил свинину на углу улицы Сан-Маркос под мелким, моросящим дождем. А теперь улица была вырвана с корнем и с пушечным грохотом вброшена внутрь гигантского индустриального ангара, заваленного расчлененными мутантами, лужами крови и гильзами.

Фасад колониальной аптеки, к которому был припаркован фургон, проломил строительные леса. Католическая часовня пробила железную крышу ангара, впустив внутрь водопад ледяной воды.

Вокруг Хуана разворачивалась симфония пространственной декомпрессии.

Сотни людей, жителей спрессованного квартала, чье сознание только что вернулось из стазиса, падали на колени. Их рвало. Это была не обычная тошнота — это была реакция вестибулярного аппарата на то, что их тела были скручены в невозможную геометрическую спираль, а затем мгновенно развернуты обратно.

Некоторых рвало прямо на брусчатку. Другие просто выли, хватаясь за головы, не в силах осмыслить переход от узкой колониальной улицы к внутренностям Ла Боки. Старик на чугунной скамейке в двух метрах от фургона пытался молиться, но из его рта вырывались только бессвязные, сипящие звуки.

Но Хуан не смотрел на них.

Его взгляд был прикован к существу, стоящему по ту сторону алюминиевой стойки.

Каэль возвышался над фургоном, как ожившая статуя греческого бога войны, которого кто-то одел в дорогой итальянский костюм и искупал в скотобойне. Его темное кашемировое пальто было изорвано в клочья. На плечах и груди чернели дыры от крупнокалиберных пуль. Ткань пропиталась густым черным маслом Исполнителя, флуоресцентной синей кровью Архитектора и серой мозговой слизью био-големов.

От вампира исходил жар колоссального физического напряжения и едкий запах горелого озона.

На алюминиевой стойке фургона, прямо перед Хуаном, лежала стодолларовая купюра. Она была влажной. С ее края медленно, густо стекала капля черной, нечеловеческой крови.

— Пять штук, — повторил Каэль.

Его голос был спокойным, вежливым и, тотально глухим к окружающему апокалипсису.

— И побольше халапеньо. Я проделал долгий путь.

Хуан сглотнул. Звук получился громким, как щелчок кнута.

Мозг повара, не в силах справиться с угрозой космического масштаба, ухватился за единственную понятную команду. Инстинкт профессионала, вбитый годами работы на ночных улицах Кито, сработал как аварийный рубильник, отключающий панику и запускающий моторику.

Клиент сделал заказ. Заказ был оплачен.

Трясущаяся рука Хуана, все еще сжимающая металлическую лопатку, дернулась. Он перевел взгляд с окровавленного лица Каэля на вертикальный вертел — тромпо, — на котором шипела огромная, слоистая масса маринованной в ачиоте и чили свинины.

Жар от газовой горелки ударил Хуану в лицо, возвращая к реальности.

* * *

— С-сейчас... — выдавил из себя Хуан. Его голос сорвался на писк. — С-секунду, сеньор.

Он повернулся к вертелу. Его руки ходили ходуном.

Для Каэля этот процесс был не просто приготовлением пищи. Это был священный ритуал, ради которого он только что сломал архитектуру, время и несколько десятков позвоночников. Вампир не мигая смотрел, как Хуан берет длинный, острый нож для нарезки.

Металл коснулся раскаленного мяса.

Шшшшш.

Звук срезаемой хрустящей, карамелизованной свинины прорезался сквозь стоны людей и шум дождя. Сок потек по лезвию. Хуан срезал тонкие, полупрозрачные ломтики мяса, которые падали прямо на подогретые кукурузные тортильи, лежащие на чугунной плите.

Запах жареного свиного жира, зиры, орегано и сладкого маринада ударил в ноздри Каэля.

Этот аромат перебил вонь пороха, горелой плоти и формалина. Для древнего вампира, чьи рецепторы обычно отторгали любую нормальную пищу, это был момент абсолютного катарсиса. Его зрачки слегка расширились. Плечи, напряженные после боя, расслабились, опустившись на пару миллиметров.

Хуан резал мясо, но его руки дрожали так сильно, что нож скользнул по вертелу.

Кусок сочного, прожаренного ананаса, венчавшего вертел, откололся и упал.

Он не попал на тортилью. Он упал мимо, шлепнувшись на грязный, покрытый жиром и пылью алюминиевый пол фургона.

Хуан замер.

Его дыхание остановилось. Он медленно, с животным ужасом посмотрел на упавший кусок фрукта, а затем поднял глаза на Каэля. В его взгляде читалось кристальное убеждение, что за эту ошибку монстр сейчас оторвет ему голову и насадит на этот самый вертел.

Вампир смотрел на кусок ананаса на полу.

Секунда растянулась в вечность. Тишина между ними стала плотной, как бетон.

Каэль медленно перевел взгляд на повара.

— Правило пяти секунд не применяется внутри простран-

ственных аномалий, Хуан, — произнес Каэль сухим, академичным тоном. В его голосе не было ни гнева, ни угрозы. — Пол не стерилен. Отрежь другой кусок. И постарайся больше не ронять углеводы.

Хуан судорожно кивнул, издав звук, похожий на всхлип.

Он отрезал новый ломоть ананаса, поймав его краем ножа, и аккуратно уложил на мясо. Затем он повернулся к пластиковым контейнерам с соусами.

Зеленая сальса.

Каэль следил за каждым движением ложки. Густая, изумрудная смесь из перетертых зеленых томатов, свежей кинзы, лука и копченого халапеньо легла поверх мяса. Идеальная пропорция. Ни каплей больше, ни каплей меньше.

Хуан собрал первый тако, завернул его в тонкую пищевую бумагу и положил на пластиковую тарелочку.

Он дрожащими руками пододвинул тарелку по алюминиевой стойке к Каэлю.

— П-первый... готов, сеньор, — прошептал повар, пятясь к задней стенке фургона, словно ожидал взрыва.

Каэль не торопился.

Он снял левую перчатку — точнее то, что от нее осталось после того, как он прорвал ею грудную клетку голема — и бросил ее в лужу на асфальт. Его длинные, бледные, безупречно чистые пальцы (регенерация уже стерла с них все следы крови и масла) аккуратно взяли тако.

Он поднес его к лицу.

Вдохнул.

В мире, который разваливался на части, где история стиралась архивариусами, а боги сходили с ума от собственного бессмертия, этот кусок жареного мяса в кукурузной лепешке был единственной константой. Единственным доказательством того, что реальность все еще имеет вкус.

Каэль откусил.

* * *

Хруст карамелизованного мяса. Взрыв кисло-сладкого ананаса. И мгновенный, острый удар халапеньо, усиленный копченым чесноком, который обжег рецепторы идеальным, контролируемым пламенем.

Каэль закрыл глаза.

Он жевал медленно, методично, позволяя химическим реакциям происходить на его языке. Жар сальсы проник в его мертвую пищеварительную систему, растекаясь по телу теплой, успокаивающей волной.

Это было безупречно.

Хуан не потерял навык даже под давлением стазис-поля.

Каэль проглотил пищу. Он открыл глаза и посмотрел на повара.

— Идеально, — констатировал вампир. — Баланс кислоты и остроты сохранен. Ты превзошел сам себя, Хуан. Делай остальные четыре. Я возьму их с собой.

Слева от фургона раздались тяжелые, хлюпающие по мокрому асфальту шаги.

Из дождевой мглы и цементной пыли, клубящейся над раздавленным ангаром, вышла Нериса.

Она выглядела как персонаж из фильма ужасов, переживший финал. Ее облегающая куртка была пропитана кровью до такой степени, что ткань блестела в свете желтого фонаря. На ее бледном лице темнели мазки копоти, а на левой щеке запеклась капля мозговой слизи био-голема. Золотые глаза химеры светились в полумраке, сканируя толпу стонущих жителей Сан-Маркос.

Она подошла к стойке фургона, тяжело опираясь на нее локтем.

Алюминий под ее весом тихо скрипнул.

Нериса посмотрела на Каэля. Затем на тако в его руке. Затем на трясущегося Хуана, который судорожно нарезал мясо для оставшихся четырех порций.

— Скажи мне, что ты попросил дополнительных салфеток, — глухо произнесла Нериса.

Каэль откусил еще один кусок, прожевал и проглотил, прежде чем ответить.

— Хуан знает мои привычки, Нериса. Салфетки всегда лежат на дне пакета. Будешь?

Он протянул ей надкусанный тако.

Химера посмотрела на еду. Запах жареной свинины боролся в ее ноздрях с запахом требухи, озона и пороха. Ее же-

лудок, переполненный адреналином и магией Вельсайр, издал тихий, протестующий звук.

Она отодвинула руку Каэля.

— Я только что вскрыла грудную клетку наемнику, который перед смертью обмочился от страха, — сухо сообщила она. — У меня временно пропал аппетит.

Каэль пожал плечами и доел порцию сам.

— Как знаешь. Мясная диета полезна для поддержания твоей трансформации.

Нериса отвернулась от него, глядя на разворачивающийся вокруг них хаос.

Пространство ангара было похоже на поле битвы, на которое случайно упал кусок города. Колониальные фасады торчали из железных стен. Подвешенные контейнеры Черных Архитекторов вмялись в крыши жилых домов. Вода с пробитой крыши лилась сплошным потоком, образуя глубокие лужи, в которых плавали куски мусора, гильзы и фрагменты тел.

Сирена эвакуации, запущенная Архитектором, продолжала выть где-то в глубине тоннелей, добавляя сюрреализма к стонам местных жителей.

— Ты понимаешь, что мы только что сделали? — спросила Нериса. Ее голос был тихим, напряженным. В нем больше не было ярости боя, только холодная аналитика последствий.

— Мы забрали мою еду, — ответил Каэль, наблюдая, как Хуан заворачивает оставшиеся четыре тако в плотную пище-

вую фольгу.

— Мы сломали пространственную сделку высшего уровня, — поправила его охотница. — Черный Архитектор был подрядчиком. Он работал не на себя. Такие объемы пространства — целые жилые районы — заказывают только старшие иерархи Цитадели. Или древние Роды. Кому-то нужна была эта банка, Каэль. Кому-то с очень большими деньгами и очень длинными клыками.

* * *

Каэль забрал из рук повара объемный бумажный пакет.

Тепло от завернутых в фольгу тако приятно согревало его ладонь сквозь плотную крафтовую бумагу. Он проверил наличие салфеток на дне — Хуан не подвел.

— И что этот загадочный заказчик сделает? — лениво поинтересовался Каэль, поворачиваясь к Нерисе. — Подаст на нас в суд Совета Теней?

— Он отправит за нами Исполнителей! — прошипела химера, подавшись вперед.

— Он уже отправил, — Каэль указал свободным, окровавленным пальцем в сторону того места, где раньше была центральная платформа, а теперь зиял пролом в бетонном полу. — Я выпотрошил одного из их Иерархов ровно три минуты назад. Честно говоря, их уровень компетенции сильно переоценен. Он даже не смог остановить время так, чтобы оно не

прокисало.

Нериса стиснула зубы.

Спорить с ним было бесполезно. Каэль существовал в своей собственной, герметичной системе координат, где спасение куска жареной свинины перевешивало геополитический конфликт с мировым правительством нечисти. И самое страшное — его сила позволяла ему жить по этим правилам.

— Цитадель найдет этот ангар, — жестко сказала она, обводя рукой разрушенное пространство. — Они найдут трупы наемников. Они найдут останки Исполнителя. И они увидят кусок Кито, который вырвался из стазиса. Этот инцидент невозможно будет скрыть под «взрывом газа» или «аварией на заводе». Маскарад нарушен.

Каэль посмотрел на Хуана.

Повар сидел на корточках внутри фургона, забившись в самый дальний угол под раковину, обхватив голову руками. Он просто хотел, чтобы этот кошмар закончился. Он не хотел знать, что такое Цитадель, Исполнители или вампиры, питающиеся сальсой.

— Они все забудут, — тихо произнес Каэль.

Его голос внезапно потерял всю иронию. Он стал плотным, тяжелым, пропитанным тем самым космическим холодом, который Нериса ненавидела больше всего.

— Забудут? — она саркастично выгнула бровь. — Сотни свидетелей? Архивариусы не смогут стереть память такому количеству людей за одну ночь.

— Им не придется, — Каэль поднял взгляд на разбитую крышу ангара, сквозь которую в помещение падал дождь. — Мир сам стирает свои ошибки, Нериса. Ты же знаешь. Пройдет пара часов, и пространство загладит эти шрамы. Дома встанут на свои места. Люди проснутся в своих кроватях на улице Сан-Маркос, уверенные, что просто спали. А трупы наемников... они просто перестанут существовать в отчетах.

Он посмотрел на нее.

— Болезнь реальности прогрессирует. Система сокрытия Цитадели больше не работает, потому что сам мир выполняет их работу. Он забывает.

Нериса поежилась. Несмотря на горячую кровь био-големов на ее куртке, холод от слов Каэля пробрал ее до костей.

Это было самой страшной тайной мира «4:44». Забвение. Ощущение того, что реальность вокруг них была просто тонкой пленкой льда, которая таяла и замерзала заново, скрывая под собой черную, бездонную воду пустоты.

Она отвернулась от него.

— Пошли отсюда, — глухо сказала химера. — У меня в машине осталась пара бутылок крепкого виски. Мне нужно запить этот вечер.

— Виски — это хорошо, — согласился Каэль, прижимая к себе пакет с едой. — Оно отлично подчеркивает остроту халапеньо.

* * *

Они пошли прочь от фургона, оставляя Хуана и стонущих жителей Сан-Маркос позади.

Каэль ступал аккуратно, обходя лужи крови и торчащие из бетона куски арматуры. Нериса шла рядом, ее шаги были тяжелыми и усталыми. Трансформация химеры откатывалась, оставляя после себя ноющую боль в суставах и тошноту.

Они подошли к магнитному тоннелю, через который Каэль втащил сюда развернувшийся квартал.

Тоннель был разворочен. Бетонные стены пошли трещинами, магнитные рельсы были вырваны с корнем и искрили синим электричеством.

У самого входа, прислонившись спиной к искореженной бронедвери, сидел Черный Архитектор.

Он был еще жив. Его синяя кровь залила весь пол вокруг. Дыра на месте оторванной Каэлем нижней челюсти выглядела как жуткая, пульсирующая пещера, из которой с бульканьем вырывался воздух. Мутант не мог кричать. Он просто смотрел на проходящих мимо Каэля и Нерису своими черными щелевидными глазами, в которых стояли слезы абсолютной, безысходной агонии.

Его сломанные, многосуставчатые руки бесполезно лежали на бетоне.

Нериса на ходу подняла пистолет.

Ее лицо было каменным. Она не испытывала ни жалости, ни садизма. Просто старая привычка охотника — не остав-

лять подранков за спиной. Палец лег на спусковой крючок.

Каэль мягко, но непреклонно положил свою свободную руку на ствол ее пистолета и опустил его вниз.

— Не стоит тратить пули, — тихо сказал вампир.

Нериса вопросительно посмотрела на него.

Каэль остановился перед умирающим пространственным контрабандистом. Он посмотрел на него сверху вниз. В его взгляде не было презрения. Только холодная, объективная констатация факта.

— Вы останетесь здесь, — произнес Каэль, обращаясь к Архитектору. Его голос эхом отразился от стен тоннеля. — Вы будете сидеть здесь, пока Исполнители Цитадели не найдут этот ангар. И когда они придут, они увидят, что вы провалили контракт. Вы потеряли товар. Вы позволили уничтожить Иерарха Ордена Пепла.

Архитектор заскулил. Звук пузырился в его разорванном горле. Он понял, что смерть от пули Нерисы была бы милосердием.

Цитадель не убивает тех, кто теряет пространственные контракты. Цитадель запечатывает их. Они запрут его в карманном измерении размером с обувную коробку, где время остановлено, а боль бесконечна, и оставят там до конца времен.

— И если они спросят вас, кто это сделал, — Каэль чуть наклонился вперед. — Вы не сможете им ответить. Потому что у вас нет челюсти. А если попытаетесь написать...

помните, что вы не знаете моего имени. Вы не знаете моего рода. Я — просто архитектурная ошибка.

Каэль выпрямился.

Он сунул руку в карман своего испорченного пальто. Достал оттуда смятую, испачканную черным маслом пятидолларовую купюру и аккуратно положил ее на колени хрипящего мутанта.

— Это за моральный ущерб, — вежливо добавил Каэль. — Купите себе что-нибудь мягкое. Жевать вам будет тяжело.

Он повернулся и пошел в темноту тоннеля, направляясь к тому месту, где они оставили внедорожник.

Нериса, бросив последний, презрительный взгляд на плачущего синей кровью Архитектора, убрала пистолет в кобуру и последовала за вампиром.

Дождь снаружи все еще шел. Но впереди их ждала долгая дорога в горы, обратно в замок, где утро обещало быть еще более невыносимым, чем эта ночь.

У Каэля был пакет с горячими тако. И он намеревался съесть их в тишине.

* * *

Путь от Ла Боки до замка прошел в источающей, тяжелой тишине.

Внедорожник Нерисы, покрытый грязью, брызгами синей крови и цементной пылью, медленно полз вверх по горному

серпантину. Дождь, который в городе казался ядовитым и агрессивным, здесь, на высоте, превратился в густой, холодный туман. Он обволакивал скалы, цеплялся за вековые сосны и делал видимость нулевой. Фары выхватывали из этой молочной пелены лишь несколько метров мокрого, блестящего асфальта.

Нериса вела машину на автопилоте.

Ее тело, перенесшее чудовищную перегрузку боевой трансформации, сейчас требовало только двух вещей: калорий и алкоголя. Желательно одновременно и в больших количествах. Химера внутри нее спала, свернувшись в тугой, измотанный клубок на дне сознания. Девушка чувствовала, как ноют кости предплечий, откуда час назад вырывались смертоносные лезвия. Кожа зудела.

Она бросила короткий взгляд на пассажирское сиденье.

Каэль сидел ровно. Его изуродованное, разорванное пулями и пропитанное некротическими жидкостями пальто выглядело как костюм бомжа, пережившего зомби-апокалипсис. Лицо вампира пересекала засохшая полоса чужой крови.

Но на его коленях покоился большой, плотный крафтовый пакет.

Каэль держал его обеими руками, почти бережно. От пакета исходило слабое, но ощутимое тепло. Запах жареной маринованной свинины, кукурузной муки, кинзы и копченого чеснока заполнял салон машины, намертво перебивая

вонь оружейного масла и озона.

Это был запах победы. Абсурдной, локальной, идиотической победы над пространством и временем.

— Знаешь, — тихо произнесла Нериса, нарушая тишину. Ее голос был хриплым. — Я много раз думала о том, как закончится мир. Я думала, что это будет вторжение Первородных. Или падение Цитадели. Или какой-нибудь древний вирус нечисти.

Она включила дворники, чтобы смахнуть конденсат с лобового стекла.

— Но теперь я понимаю, — продолжила она, криво усмехнувшись. — Мир закончится, потому что тебе в ресторане подадут остывшее блюдо, и ты решишь вырезать всю реальность, чтобы добраться до микроволновки.

Каэль не повернул головы. Он смотрел в окно, на клубящийся туман.

— Я не пользуюсь микроволновками, Нериса, — сухо ответил он. — Они разрушают клеточную структуру мяса.

Больше они не произнесли ни слова, пока массивные железные ворота, преграждающие путь к замку, не выплыли из тумана.

Обычно эти ворота открывались с тяжелым, скрипучим стоном, словно нехотя пуская гостей внутрь. Но сегодня они распахнулись еще до того, как внедорожник подъехал вплотную. Металл скользнул по камням подозрительно быстро, почти торопливо.

Замок чувствовал хозяина.

* * *

Они въехали во внутренний двор.

Камень здесь был черным, блестящим от влаги. Высокие башни замка терялись высоко во мраке, сливаясь с ночным небом. В окнах не было света. Ни единого огонька, который говорил бы о том, что внутри кто-то ждет их возвращения.

Нериса припарковала машину у парадного входа. Двигатель заглох, и на них обрушилась тишина гор.

Каэль вышел первым.

Он аккуратно прижал пакет с тако к груди, стараясь не запачкать крафтовую бумагу той грязью, которой была покрыта его одежда. Он подошел к массивному крыльцу.

Здесь, на ступенях, ощущение неправильности усилилось.

Замок был живым. Каэль всегда знал это. Он чувствовал его настроение, его пищеварение, его редкие моменты архитектурной меланхолии. Обычно замок приветствовал его возвращение легкой вибрацией в ступенях, скрипом половиц или теплым сквозняком из-под дверей.

Но сейчас замок молчал.

Он не просто молчал. Он затаился.

Это было то самое чувство, которое испытывает собака, разорвавшая подушку в гостиной, когда хозяин поворачивает ключ в замке. Замок Каэля, древняя твердыня, способная

перестраивать собственные катакомбы и поглощать нерадивых гостей, сейчас излучал отчетливую, парализующую архитектурную вину.

Нериса подошла к нему сзади, на ходу вытирая лицо влажной салфеткой из бардачка.

— Почему так тихо? — спросила она, положив руку на кобуру. Ее инстинкты, усыпленные дорогой, снова начали просыпаться. — Даже Бруно с Гашем не лают.

— Они не собаки, Нериса, — меланхолично поправил Каэль.

— Они гниющие оборотни с интеллектом табуретки, которые бегают на четвереньках и пытаются съесть ковры. Для меня они собаки. И они сейчас слишком подозрительно молчат.

Каэль не ответил.

Он подошел к главным дубовым дверям. Высотой в три человеческих роста, окованные потемневшим железом, они выглядели как вход в преисподнюю.

Вампир не стал стучать. Он просто толкнул правую створку пальцем.

Дверь, которая обычно весила тонну и требовала усилия, подалась так легко, словно была сделана из картона. Она бесшумно скользнула внутрь, открывая вид на Главный Холл замка.

И Каэль, чьи нервы не дрогнули ни перед лицом остановленного времени, ни перед лицом пространственного разло-

ма, замер на пороге.

* * *

Главный Холл замка всегда был образцом мрачной, готической монументальности.

Черный мраморный пол, отражающий свет редких свечей. Огромная парадная лестница, уходящая вверх. Живые портреты предков, которые вечно спали или перешептывались в своих золоченых рамах. Тяжелые бархатные портьеры. Идеальный, застывший порядок.

Но сейчас Холл выглядел так, словно внутри него взорвалась гигантская канцелярская бомба.

Все пространство — пол, ступени, подлокотники кресел, даже хрустальные подвески массивной люстры — было покрыто снегом из рваной бумаги.

Это были не просто листы. Это был плотный, дорогой пергамент, покрытый сложной вязью печатей, красными штампами Цитадели и столбцами цифр. Бумага летала в воздухе от малейшего сквозняка. Воздух густо пах сургучом, старыми чернилами, животным страхом и чем-то неуловимо кислым — запахом демонической паники.

Каэль переступил через порог.

Его лакированная туфля, испачканная в крови Исполнителя, наступила на обрывок пергамента, на котором красными чернилами было выведено слово «Неуплата».

Он окинул взглядом эпицентр катастрофы.

На первой площадке парадной лестницы сидела Морра.

Обычно Ноктэри выглядела как изящное, саркастичное воплощение готической моды. Но сейчас ее вид был жалок. Она сидела на ступеньках, подтянув колени к груди. Ее длинные черные волосы были всклокочены, словно она пыталась вырвать их с корнем. Тонкие демонические крылья, похожие на изодранный шелк, нервно подергивались за ее спиной, сбрасывая на ступени черные искры.

Она обхватила голову обеими руками и раскачивалась взад-вперед. Вокруг нее валялись фантики от конфет. Десятки фантиков. Морра заедала стресс.

В правом углу Холла, возле антикварных рыцарских доспехов, находился Грум.

Болотный тролль-инженер, чей рост превышал два с половиной метра, а вес стремился к нулю из-за его маниакальной анорексии, выглядел так, словно собирался прямо сейчас умереть от разрыва сердца.

Грум сидел на корточках. Его огромные, суставчатые руки обхватили гигантский ржавый гаечный ключ. Тролль не просто держал его — он грыз металл.

Его желтые глаза были вытаращены до предела. Он бормотал что-то себе под нос с пулеметной скоростью, сопровождая бормотание глухими, истеричными всхлипами. Металлический ключ скрипел под напором его плоских зубов.

Но самое худшее находилось в центре Холла.

* * *

Там, на остатках дорогого персидского ковра, сидел Гаш.

Половина его гниющего, покрытого редкой серой шерстью тела валялась в расслабленной позе. Металлическая челюсть полузомби-полуоборотня была широко раскрыта.

Гаш был счастлив.

Он лежал на спине, задрав вверх заднюю лапу, и методично, с чавканьем пережевывал огромный кусок толстого пергамента. Из угла его рта свисал кусок красного сургуча размером с кулак. На сургуче отчетливо виднелся оттиск — перекрещенные песочные часы и весы. Личная печать Совета Теней.

Сургуч светился слабой, магической аурой, но Гаша это совершенно не смущало. Он жевал его, как человек жует жвачку, громко щелкая своей железной челюстью.

Чавк. Хрусь. Чавк.

Задняя половина Гаша, к слову, отсутствовала. Точнее, она лежала в метре от него, периодически дергая хвостом. Гаша опять разорвало на части, но он был слишком занят трапезой, чтобы пытаться собрать себя воедино.

Нериса, вошедшая следом за Каэлем, застыла.

Она опустила взгляд на разбросанные повсюду бумаги. Она увидела печать Цитадели на куске, который лежал возле ее ноги. Ее хищные зрачки сузились. Мозг, привыкший

к анализу поля боя, мгновенно сложил факты. Пергамент. Сургуч. Запах страха. Оборванные столбцы цифр.

— Каэль... — тихо произнесла Нериса. Ее голос прозвучал так, словно она только что увидела конец света. И этот конец света был сделан из бухгалтерии. — Что они наделали?

Каэль не ответил.

Он стоял посреди бумажной метели. Его лицо оставалось маской холодного, аристократического спокойствия. Он не кричал. Он не задавал вопросов.

Он просто крепче прижал к себе теплый пакет с тако.

Ему потребовалась секунда, чтобы обработать информацию. Он выжил в бойне. Он вскрыл Исполнителя. Он сломал Черного Архитектора. Он принес еду домой.

И он возвращается в ситком, написанный шизофреником.

Каэль медленно, очень медленно перевел взгляд на Гаша.

Полумертвый страж замка заметил хозяина. Гаш перестал жевать. Кусок пергамента с печатью Совета Теней комично повис у него изо рта. Его желтый, гниющий глаз преданно моргнул.

Гаш попытался вильнуть хвостом, но поскольку его задняя половина лежала отдельно, хвост вильнул там, в метре от него, ударив по очередной стопке разбросанных налоговых деклараций.

Каэль сделал глубокий вдох.

* * *

Воздух в Холле казался тяжелым от надвигающейся катастрофы.

— Морра, — голос Каэля разрезал тишину, как скальпель. Он был тихим, но в нем звучали такие ноты, от которых даже живые портреты на стенах инстинктивно вжались в свои нарисованные кресла.

Морра вздрогнула.

Она медленно подняла голову от колен. Ее лицо было перепачкано шоколадом, а глаза-пуговки расширились от паники. Она посмотрела на Каэля, на его окровавленное пальто, на Нерису за его спиной. И ее лицо исказила гримаса неподдельного отчаяния.

— Я не виновата! — сразу же выпалила она, ее голос сорвался на визг. — Я говорила им не трогать его! Я пыталась объяснить ему, что ты ушел за мексиканской едой и скоро вернешься!

Каэль не шелохнулся.

— Кому «ему», Морра? — вежливо, слишком вежливо уточнил вампир.

Из угла раздался громкий хруст. Грум откусил кусок от гаечного ключа и выплюнул ржавый металл на пол.

— АУДИТОРУ! — завопил Грум, вскакивая на ноги. Его огромная, худая туша затряслась, как холодец. Он схватился руками за свою длинную зеленую голову. — К НАМ ПРИХОДИЛ АУДИТОР СОВЕТА ТЕНЕЙ! НАЛОГОВАЯ ПРО-

ВЕРКА! ЗА ТРИСТА ЛЕТ!

Грум начал метаться по углу, разбрасывая ногами бумаги.

— Я говорил, что мы не платим налоги! Я говорил, что у нас замок-аномалия! Но он сказал, что у него предписание! А потом этот идиот... — Грум указал длинным, кривым пальцем на Гаша, — ...этот идиот подошел к нему!

Каэль посмотрел на Гаша.

Гаш, поняв, что внимание снова обращено на него, сглотнул. Пергамент с печатью Цитадели скользнул по его сгнившему пищеводу. Он издал громкую, удовлетворенную отрыжку, из которой вылетело облачко золотистой магической пыли.

— Гаш, — тон Каэля упал до совершенной прострации. — Что ты сделал с налоговым инспектором Цитадели?

Гаш захлопал своим единственным уцелевшим глазом. Он посмотрел на Каэля, затем на свои передние лапы, затем на Морру, словно ища поддержки. Но поддержки не было.

Гаш виновато опустил уши.

А затем он открыл свою металлическую пасть и издал булькающий, сипящий звук, который в его понимании должен был означать речь.

Для любого нормального существа это был бы просто шум гниющих связок. Но Каэль за столетия научился понимать своих псов. И то, что он сейчас услышал, заставило его на мгновение усомниться в целесообразности собственного бессмертия.

Но этот ответ, как и масштаб произошедшего, принадлежал уже следующей минуте этого бесконечного, проклятого абсурда.

Каэль стоял среди бумажного снега. Он держал пакет с горячими тако. И впервые за этот вечер ему захотелось просто закрыть глаза и никогда больше их не открывать.

* * *

Тишина в Главном Холле была такой плотной, что ее можно было резать ритуальным ножом.

Даже вечно перешептывающиеся портреты предков на стенах замолчали. Нарисованные бароны, графы и древние кровопийцы, запертые в холстах, с ужасом наблюдали за тем, как вершится история их падения. Одно дело — погибнуть в славной битве с инквизиторами. Другое дело — быть стертыми из реальности из-за того, что полумертвая псина сожрала налогового инспектора.

Гаш сидел на остатках персидского ковра.

Его нижняя челюсть — грубый, потемневший кусок хирургической стали, прикрученный к гниющей кости болтами — медленно открылась. Из глотки полузомби-полуоборотня вырвался звук.

Для Нерисы это был просто омерзительный булькающий хрип, смешанный со скрежетом ржавого металла и влажным чавканьем. Как если бы кто-то засунул микрофон в работаю-

щую бетономешалку, полную протухшего мяса. Химера инстинктивно поморщилась, не понимая, как из этой какофонии можно извлечь хоть каплю смысла.

Но Каэль не нуждался в словаре. За столетия, проведенные в компании этого куска разлагающейся преданности, его мозг научился декодировать акустику Гаша с идеальной точностью.

Гаш сказал:

— Он был с хрустящей корочкой.

Каэль не моргнул. Он продолжал держать пакет с горячими тако. Тепло фольги проникало сквозь крафтовую бумагу, согревая его замерзшие, испачканные чужой кровью пальцы.

— С хрустящей корочкой, — ровным, мертвым голосом повторил Каэль, транслируя фразу для остальных.

Гаш радостно гавкнул — точнее, издал звук, похожий на кашель астматика, — и закивал своей полулысой головой. Металлическая челюсть щелкнула. Он продолжил свою защитную речь.

Хррр-бульк-скрррррч-хлюп.

— Как начос, — монотонно, без единой эмоции перевел Каэль. — Я не виноват. Он сам шуршал.

Каэль медленно закрыл глаза.

Внутри его головы, там, где обычно царила холодная, расчетливая пустота древнего хищника, сейчас медленно, но неотвратимо разрасталась пульсирующая мигрень. Он толь-

ко что голыми руками сломал пространство. Он вырвал механическое сердце из груди повелителя времени. Он пережил остановку вселенной.

Но ничто, никакая космическая угроза или божественная магия не могли сравниться по уровню разрушительного воздействия на его психику с тем фактом, что его страж сожрал правительственного чиновника, потому что тот «шуршал как начос».

Нериса, стоявшая чуть позади, издала короткий, истеричный смешок.

Она прикрыла рот окровавленной рукой. Химера просто не выдержала. Ее нервная система, перегруженная адреналином и боем, дала сбой, столкнувшись с этим непреодолимым, кристально чистым идиотизмом.

— Он шуршал, Каэль, — прохрипела Нериса, сотрясаясь от нервного смеха. — Ты слышал? У собаки есть алиби. Инспектор спровоцировал его своим шуршанием. Это самооборона.

Каэль открыл глаза. Его взгляд метнулся к Нерисе. Это был взгляд такой глубокой, экзистенциальной усталости, что смех химеры оборвался сам собой.

* * *

Морра не смеялась.

Ноктэри сидела на ступенях парадной лестницы, завален-

ной рваным пергаментом, и выглядела так, словно ее только что приговорили к распятию. Ее черные глаза-пуговки лихорадочно бегали по холлу. Она судорожно развернула еще одну конфету и засунула ее в рот, проглотив почти не жуя.

— Вы не понимаете! — взвизгнула Морра, вскакивая на ноги. Ее тонкие, похожие на изодранный шелк крылья взметнулись за спиной, сбросив на ступени сноп черных искр. — Это был не человек! Это был не гуль, не вампир и не бес! Цитадель не присылает живых клерков в аномальные зоны!

Она начала мерить шагами лестничную площадку. Бумажный снег взлетал в воздух от ее резких движений.

— Они прислали Архивариуса-Голема! — кричала Морра, размахивая руками. — Конструкт! Существо, полностью собранное из налоговых деклараций, долговых расписок и юридических прецедентов, скрепленных живым сургучом и магией крови Совета Теней! Он состоял из бумаги!

Каэль посмотрел на Гаша.

Гаш виновато опустил взгляд. Его задняя половина, все еще лежащая в метре от передней, перестала дергать хвостом и замерла в позе глубокого раскаяния.

— Бумажный голем, — сухо констатировал Каэль.

— Да! — Морра схватилась за голову. — Он вошел в двери. Я пыталась с ним договориться. Я предложила ему взятку! Я предложила ему три куба чистой памяти забытых богов из наших подвалов! Но эта бумажная тварь просто начала зачитывать список наших нарушений за последние три века!

Он шелестел!

— И тогда вмешался Гаш, — закончил за нее Каэль.

— Он не просто вмешался! — взвыла Морра. — Голем достал Итоговый Акт. Он начал ставить на него красную печать. И тут Гаш решил, что это гигантский рулон съедобной кожи. Он набросился на него сзади. Он откусил ему ногу! А когда голем попытался сбежать, Гаш разорвал его на сотню кусков и сожрал его торс!

Каэль снова перевел взгляд на Гаша.

Полумертвый страж смущенно рыгнул. Из его пасти вылетела еще одна порция золотистой магической пыли и крошечный, изжеванный кусок красного галстука. Очевидно, Совет Теней даже своим бумажным големам пришивал элементы корпоративного дресс-кода.

Галстук с влажным шлепком упал на мраморный пол.

— Исключительная диета, — пробормотал Каэль, глядя на слюнявый галстук. — В нем было хотя бы немного калорий?

— ПРИ ЧЕМ ТУТ КАЛОРИИ?!

Этот рев донесся из угла Холла.

* * *

Грум больше не сидел на корточках. Болотный тролль-инженер выпрямился во весь свой гигантский, двухметровый рост.

Он выглядел совершенно ужасающе. Иссушенный, похожий на живой скелет, обтянутый зеленоватой, покрытой мхом кожей, Грум трясся от паники. Его огромные желтые глаза вращались в орбитах. В руках он сжимал остатки ржавого гаечного ключа, который он только что перекусил пополам на нервной почве.

— МЫ ВСЕ УМРЕМ! — орал Грум, его голос отражался от сводов Холла, заставляя хрустальную люстру звенеть. — НАС СТРУТ! НАС ВЫЧЕРКНУТ ИЗ БАЗЫ ДАННЫХ РЕАЛЬНОСТИ!

Он начал метаться по Холлу. Каждый его шаг заставлял мраморные плиты угрожающе трещать.

— Я знаю, как работает Цитадель! — вопил инженер, размахивая обломком ключа. — Они не присылают Исполнителей, чтобы убить должников! Они присылают Архивариусов с карандашами! Они просто вычеркивают твой замок из топографии! Мы проснемся, а стен нет! Мы проснемся, а нас никогда не было!

Грум остановился перед большим антикварным зеркалом в тяжелой бронзовой раме.

Он уставился на свое отражение. Его паника внезапно сменила вектор, перейдя от космического ужаса к его главной, фундаментальной личной трагедии.

— Я не могу исчезнуть сейчас! — взревел Грум, хватаясь за свои впалые щеки. По его зеленой морде покатились огромные, мутные слезы. — Я только-только начал набирать

массу! Я взвесился утром! Я набрал два килограмма! Два килограмма чистого, прекрасного жира!

Он повернулся к Каэлю, простирая к нему свои костлявые, суставчатые руки.

— Я не хочу умирать толстым, хозяин! Если меня сотрут из реальности, я навсегда останусь в небытии с этим лишним весом! Это нечестно! Это нарушение моих прав!

Каэль смотрел на тролля.

Существо, способное голыми руками разобрать танк, способное чинить невозможные механизмы в подземельях замка, сейчас плакало из-за вымышленных двух килограммов на фоне надвигающегося экзистенциального стирания.

Абсурдность ситуации достигла той точки, когда она перестала быть смешной и стала почти физически тяжелой.

— Ты не толстый, Грум, — произнес Каэль мягко, с интонацией психотерапевта, работающего с безнадежным пациентом. — Ты выглядишь как анатомическое пособие по дистрофии. Успокойся.

— ВЫ ВРЕТЕ МНЕ, ЧТОБЫ Я НЕ НЕРВНИЧАЛ! — зарыдал Грум, отворачиваясь и с размаху ударив кулаком по рыцарскому доспеху. Доспех с грохотом развалился на части, добавив металлического звона к бумажному хаосу.

Каэль закрыл глаза.

* * *

Нериса шагнула вперед. Ее лицо стало предельно серьезным.

Она поняла, что замок окончательно скатился в безумие, и если кто-то не задаст правильные вопросы, они все действительно превратятся в пепел.

— Морра, — химера посмотрела на Ноктэри, которая все еще жевала конфеты на лестнице. — Оставь сахар в покое и включи мозг. Цитадель бюрократична. У любой проверки есть протокол. Голем должен был отчитаться.

Морра замерла. Она медленно вытащила изо рта наполовину обсосанную карамельку.

— Да, — прошептала она, и в ее черных глазах отразился чистый, неразбавленный ужас. — Протокол.

Она вскочила, бросившись к ближайшей куче рваного пергамента на полу. Ее когтистые руки начали лихорадочно разгребать бумажный снег. Она отбрасывала в стороны оторванные куски рук, ног и лица голема, на которых виднелись обрывки текста.

— Голем работает как живой маяк! — быстро заговорила Морра, не поднимая головы. — Он заходит в локацию. Он сверяет данные. Он ставит Печать Завершения на свой собственный акт. И этот акт... он должен быть отправлен обратно в Совет Теней.

— Как? — резко спросила Нериса. — Почтой?

— Нет! Магическим оттиском! Как только голем выходит за пределы замка, печать активируется, и данные мгновенно

транслируются в Архивы!

Морра замерла. Она подняла с пола кусок пергамента, на котором виднелась половина красного штампа.

Она медленно подняла голову. Ее лицо было белее мела.

— Если голем не выйдет за ворота замка и не активирует печать... — прошептала она.

— Что будет? — Нериса положила руку на пистолет, словно пули могли убить бюрократию.

— Цитадель зафиксирует статус «Аудитор уничтожен при исполнении». Это автоматический триггер. Они не будут разбираться. Они не будут присылать Исполнителей для дуэли, Каэль. Они просто активируют протокол «Чистый Лист».

Морра сглотнула.

— Они сотрут всю гору. Замок. Нас. Этот лес. Всё в радиусе десяти миль просто перестанет существовать. Будет гладкое место.

В Главном Холле повисла звенящая тишина.

Даже Грум перестал рыдать над своим воображаемым лишним весом. Тролль замер, глядя на Морру расширенными от ужаса желтыми глазами.

Нериса повернулась к Каэлю.

— Ты убил одного Хроно-Исполнителя, — тихо сказала химера. — Это было круто. Но ты не сможешь убить орбитальный удар стирания реальности. Если Цитадель нажмет кнопку, мы не успеем даже моргнуть.

Каэль молчал.

— Сколько у нас времени? — спросил он, не меняя тона.

Морра судорожно посмотрела на старинные напольные часы, стоящие у входа в библиотеку. Их маятник мерно, тяжело качался.

— Голем вошел в замок час назад, — ее голос дрожал. — У него строгий тайминг. Он должен покинуть территорию и отправить сигнал до наступления утра.

Она сглотнула.

— У нас осталось около сорока минут.

* * *

Сорок минут.

Две тысячи четыреста секунд до того момента, как их существование будет признано недействительным.

Каэль посмотрел на свои руки. В правой он все еще сжимал крафтовый пакет с пятью идеальными тако. Он чувствовал, как тепло от фольги медленно, но верно уходит, растворяясь в холодном воздухе Главного Холла. Мясо остывало. Сальса теряла свою свежесть.

Он проделал невыносимо долгий путь. Он разорвал на куски трехметровых био-големов. Он вступил в конфликт с самой концепцией времени. Он оставил в живых Черного Архитектора, без челюсти, чтобы тот донес весть о том, что с едой Каэля шутить нельзя.

И он сделал это все ради того, чтобы вернуться домой,

сесть в свое кресло и поесть.

Но дома его ждали идиоты.

Его бессмертная, древняя семья, которая умудрилась поставить мир на грань уничтожения, потому что одна половина этой семьи не умеет контролировать свой желудок, а вторая — страдает от клинической депрессии.

Каэль медленно закрыл глаза.

В этот момент в нем что-то сломалось. Это не был рассудок. Это было остаточное терпение, которое он копил веками.

Он не злился. Злость — это слишком яркая эмоция. Он чувствовал, монументальную, ледяную пустоту.

Он открыл глаза.

— Гаш, — произнес Каэль.

Его голос был таким тихим, что казалось, он вообще не раздвигал губ. Но этот звук прошил пространство Холла, заставив Грума инстинктивно вжать голову в плечи, а Нерису — отступить на полшага.

Гаш замер. Его единственный желтый глаз уставился на хозяина. Полумертвый пес почувствовал то, что чувствуют животные перед разрушительным землетрясением.

— Ты съел налогового инспектора, — ровно констатировал Каэль.

Гаш попытался поскулить, но из-за металлической челюсти получился лишь жалкий скрип.

— Ты съел акт проверки. Ты съел юридические прецеден-

ты.

Каэль сделал один медленный шаг вперед. Бумажный снег под его туфлями хрустнул.

— Мне абсолютно плевать на Совет Теней, — продолжил Каэль, и его слова падали в тишину, как тяжелые свинцовые гири. — Мне плевать на их Исполнителей. Мне плевать на протокол «Чистый Лист». Если они придут сюда, я вырву их бумажные сердца и заставлю их жрать собственные архивы.

Он подошел к Гашу вплотную.

Высокий, пугающе идеальный в своем разорванном и окровавленном пальто, Каэль смотрел на разлагающуюся собаку сверху вниз.

— Но прямо сейчас, — Каэль поднял пакет с тако на уровень груди, — у меня в руках мой ужин. И я не собираюсь есть его впопыхах, ожидая, пока на мой дом обрушится пространственный ластик.

Каэль наклонился. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от морды Гаша.

— Поэтому, — прошептал вампир, и в его глазах вспыхнул ледяной, потусторонний свет. — Ты сейчас же. Выплюнешь. То. Что. Осталось.

Гаш задрожал.

Он понял. Это был не приказ. Это была констатация факта, которая не подразумевала возможности неповиновения.

Сгнившие мышцы на шее полузомби напряглись. Его металлическая челюсть с громким щелчком распахнулась на

максимальную ширину.

Гаш издал чудовищный, булькающий звук. Его грудная клетка (та часть, которая еще была соединена с головой) судорожно сжалась.

И он начал извергать из себя бюрократию.

На мраморный пол, прямо под ноги Каэлю, вывалился огромный, слюнявый, слипшийся ком изжеванного пергамента. Он был покрыт желудочным соком, магической пылью и кусочками красного галстука. За ним последовал наполовину переваренный кусок сургуча с печатью Совета Теней. Затем — несколько смятых, слипшихся бланков, на которых еще можно было различить слова «Штраф» и «Конфискация».

Гаш кашлял, выплевывая из себя остатки аудитора, пока перед ним не образовалась внушительная, дурно пахнущая куча мокрой бумаги.

Закончив, пес виновато закрыл пасть и отполз на передних лапах в сторону, оставляя хозяина наедине с результатами своего пищеварения.

Каэль медленно выпрямился.

Он не смотрел на мерзкую кучу слюнявой бумаги на полу. Он смотрел на Нерису, на Морру и на трясущегося в углу Грума.

Вампир тяжело вздохнул.

— Нериса, — спокойно приказал Каэль. — Неси скотч.

Химера моргнула, не веря своим ушам.

— Скотч? — переспросила она.

— И степлер. Самый большой, который найдешь в мастерской Грума.

Каэль перевел взгляд на Морру.

— Морра. Иди к холодильнику. Достань оттуда замороженную свинину. Ту самую, которую Малёк отложил для стейков. И неси сюда магию крови. Много магии крови.

Морра вздрогнула, но спорить не стала. Она сорвалась с места, ее крылья затрепетали, унося ее в сторону кухонных коридоров.

Каэль посмотрел на Грума.

— Грум. Прекрати плакать. Возьми иголку, толстую нить и найди мне арбуз. Или тыкву. Что-то круглое.

Инженер-тролль всхлипнул, вытирая зеленые сопли огромным кулаком.

— З-зачем арбуз, хозяин? — промямлил он.

Каэль посмотрел на кучу изжеванной бумаги на полу.

— Потому что, — сказал Каэль с той самой мертвой, пугающей интонацией, которая означала абсолютное, безупречное сумасшествие, — мы собираемся склеить аудитора обратно. И он выйдет из этого замка своими ногами, даже если мне придется пришить ему голову из фрукта.

Нериса, стоявшая у лестницы, закрыла лицо руками.

Это был конец. Они собирались обмануть самую страшную бюрократическую машину в мире нечисти с помощью скотча, сырого мяса и степлера.

И самое ужасное заключалось в том, что Каэль был совершенно, смертельно серьезен.

* * *

Время уходило.

Где-то в глубине Главного Холла, зажатые между массивными книжными шкафами, методично отбивали ритм старинные напольные часы. Их звук — гулкий, медный, тяжелый — обычно растворялся в фоновом шуме замка. Но сейчас каждый удар маятника ощущался как удар кувалдой по наковальне.

Бам. Бам.

Каэль подошел к единственному уцелевшему в бумажном хаосе предмету мебели — небольшому антикварному столику из черного дерева, стоящему у камина.

Вампир действовал с пугающей, церемониальной неторопливостью. Он аккуратно, кончиками пальцев, чтобы не испачкать поверхность остатками машинного масла, смахнул со столика несколько рваных налоговых деклараций. Затем он бережно опустил на очищенную поверхность свой крафтовый пакет.

Тепло от фольги всё еще ощущалось.

Каэль поправил пакет, убедившись, что он стоит строго по центру столика, в зоне идеального баланса. Он бросил на свою еду последний, полный меланхоличной нежности

взгляд, словно прощался с любимым существом перед отправкой на фронт.

Затем он повернулся к центру Холла.

Его лицо мгновенно потеряло всякие признаки эмоций. Оно снова стало маской безжалостного, ледяного менеджера, которому нужно закрыть квартальный отчет за пять минут до прихода ликвидаторов.

— Начинаем, — произнес Каэль.

Из темного коридора, ведущего в подземелья, вынырнул Грум. Болотный тролль двигался с грацией перепуганного локомотива. В его огромных, костлявых руках был зажат арбуз. Идеально круглый, темно-зеленый, размером с хорошую тыкву. Грум прижимал его к груди так, словно это был его собственный первенец. На плече инженера висел моток толстой стальной проволоки и хирургическая игла размером с рыболовный крючок.

— Я принес голову, хозяин! — прохрипел Грум, тяжело дыша. — В подвале не было тыкв! Малёк сказал, что арбузы обладают лучшей аэродинамикой для балансировки шеи!

Следом за ним, бесшумно скользя по мрамору, появилась Морра.

Она тащила за собой тележку на дребезжащих колесиках. На тележке, завернутые в плотный полиэтилен, лежали три огромных куска замороженной свинины. Это были части туши, подготовленные Мальком для стейков: мощный окорок, лопатка и кусок грудинки с торчащими белыми ребрами.

Свинина была твердой как камень, от нее исходил морозный пар.

На шее Морры висели три пузатых флакона, наполненных густой, черной, пульсирующей жидкостью. Магия крови. Чистый, неразбавленный демонический концентрат, который в нелегальных алхимических кругах стоил дороже, чем жизнь небольшого города.

Последней подошла Нериса.

Химера выглядела так, словно ее только что заставили участвовать в школьной театральной постановке, режиссером которой выступал маньяк-расчленитель.

В правой руке она держала промышленный строительный степлер. Из тех, которыми прибивают кровельное железо к деревянным балкам. В левой руке был зажат моток широкого, армированного серого скотча.

Она бросила скотч и степлер на пол рядом с кучей изжеванной, слюнявой бумаги, которую исторг из себя Гаш.

— Я не верю, что мы это делаем, — процедила Нериса. Ее вертикальные зрачки сузились. — Каэль, это Цитадель. Это высшая бюрократия мира нечисти. Ты думаешь, они не отличат своего инспектора от свиного окорока, обмотанного скотчем и увенчанного арбузом?!

Каэль снял свое испорченное пальто.

Он небрежно бросил его на спинку кресла, оставшись в белоснежной (теперь уже серой от пыли и пятен крови) рубашке с закатанными рукавами и жилете.

— Нериса, — Каэль подошел к тележке с мясом. — Бюрократия Цитадели слепа. Они не смотрят на лица. Они не смотрят на души. Они смотрят на печати. Если на этом куске свинины будет стоять правильный штамп, и если он выйдет за ворота своими ногами, система примет его. Система не может допустить мысли, что ее можно обмануть арбузом. В этом ее фундаментальная уязвимость.

Он указал пальцем на замерзшее мясо.

— Грум. Формируй торс. Мне нужен каркас. Нериса. Готовь бумагу.

* * *

Работа началась в кромешной, сюрреалистичной тишине, прерываемой только звуками отвратительного рукоделия.

Грум, шмыгая носом, сбросил куски свинины на мраморный пол. Мясо гулко стукнулось о камень.

Тролль-инженер, чьи руки могли собирать часовые механизмы и разрывать стальные цепи, подошел к задаче с пугающей профессиональной серьезностью. Он взял окорок и приставил его к лопатке.

— Центр тяжести смещен, — пробормотал Грум, профессионально прищурив огромный желтый глаз. — Бумажный голем весил около шестидесяти килограммов. Свинина плотнее. Если я не сбалансирую грудную клетку, он будет заваливаться влево.

Он воткнул гигантскую хирургическую иглу, в которую была продета стальная проволока, прямо в замороженный жир.

Хрррусть.

Игла с трудом прошла сквозь ледяное мясо. Грум навалился всем весом, протаскивая проволоку насквозь. Он пришивал кусок грудинки к окороку. Звук протыкаемой плоти и скрежет металла о мерзлые свиные ребра эхом разносился по Главному Холлу.

Каэль в это время занимался самым мерзким этапом операции.

Он опустился на одно колено перед кучей изжеванной, покрытой слюной Гаша и желудочным соком бумаги. Его лицо оставалось маской холодного безразличия, хотя Нериса видела, как чуть дернулась мышца на его скуле.

Бледные, длинные пальцы вампира аккуратно, слой за слоем, разворачивали скомканные налоговые декларации.

Слюна зомби-оборотня обладала легким кислотным эффектом, поэтому края пергамента были слегка оплавлены. Каэль вытягивал листы, расправляя их прямо на мраморном полу.

— Нериса. Степлер, — коротко бросил Каэль.

Химера подошла, держа инструмент двумя руками.

Грум закончил сшивать "торс". Теперь на полу лежала бесформенная, угловатая гора сырого, ледяного мяса, перетянутая блестящей стальной проволокой.

Каэль поднял первый, самый большой кусок пергамента. Это был титульный лист акта проверки, густо покрытый красными печатями и чернильными подписями. Он наложил мокрый, дурно пахнущий лист прямо на свиную грудинку.

— Фиксируй, — скомандовал вампир.

Нериса приставила промышленный степлер к краю пергамента, уперев его в промерзший свиной жир. Она нажала на рычаг.

КЛАЦ! Сквелч.

Толстая металлическая скоба пробила древнюю бумагу и с чавкающим звуком глубоко вошла в мертвое мясо.

— Господи, — прошептала Нериса, глядя на то, что она только что сделала. — Я убивала культы плоти. Я видела, как демоны сшивают людей заживо. Но это... это самое грязное извращение, в котором я когда-либо участвовала.

— Левый нижний угол, — невозмутимо указал Каэль, пропуская ее рефлексию мимо ушей. — У него отваливается абзац с расчетом пени.

КЛАЦ! Сквелч.

Еще одна скоба вошла в плоть.

Каэль брал изжеванные листы один за другим и облеплял ими мясной каркас. Нериса методично, как автомат, прибивала их степлером. Звуки *КЛАЦ-Сквелч* слились в монотонный, индустриальный ритм.

Торс "инспектора" постепенно покрывался чешуей из мокрой, полупереваренной бюрократии.

* * *

— Скотч, — потребовал Каэль, не поднимая головы.

Нериса отложила степлер и взяла рулон армированной серой ленты.

Она нашла конец ленты и дернула. Раздался пронзительный, визгливый звук отрывающегося клея. *ВЖЖЖЖИК*. В готической, мрачной акустике замка этот сугубо бытовой, строительный звук казался кощунством.

Каэль взял ленту. Он начал обматывать свиной торс поверх прибитых степлером бумаг. Скотч ложился грубыми, серыми полосами, стягивая мясо и пергамент в единый, монолитный цилиндр.

— Туже, — посоветовал Грум, критически оценивая работу. — У него нет внутреннего скелета. Если мы не создадим внешнее натяжение, свинина развалится при первом же шаге. Ему нужно пройти до ворот пятьсот метров.

ВЖЖЖИК. Каэль обмотал скотчем то место, где у конструкции должна была быть талия.

— Морра, — Каэль выпрямился. — Сургуч.

Ноктэри, которая все это время нервно переминалась с ноги на ногу, держа в руках флаконы с демонической кровью, вздрогнула. Она подошла к куче и двумя когтями брезгливо подцепила огромный, изжеванный кусок красного сургуча, который Гаш выплюнул в самом начале.

На сургуче все еще отчетливо виднелся оттиск — перекрещенные песочные часы и весы.

— Это Печать Завершения, — прошептала Морра, и ее голос дрогнул. — Если эта штука не будет на нем, когда он пересечет границу замка, система не примет отчет.

— Клей, — приказал Каэль.

Морра прижала изжеванный сургуч к груди мясного голема, прямо поверх слоя скотча. Она открыла один из флаконов. Густая, пульсирующая черная жидкость потекла на красный воск. Демоническая кровь вступила в реакцию со скотчем и свиным жиром, зашипела, задымилась, и сургуч намертво приплавился к серой ленте.

Тело инспектора было готово.

Это был цилиндрический, бугристый ком из свинины, обмотанный армированным скотчем, покрытый грязными, мокрыми обрывками налоговых деклараций и пробитый десятками стальных скоб. На груди у него сияла красная печать Совета Теней, а ниже, степлером, был криво прибит изжеванный красный корпоративный галстук.

Оно выглядело как поделка маньяка, которому дали набор для аппликаций в психиатрической клинике.

— Ноги, — сказал Каэль, глядя на часы.

Осталось двадцать пять минут.

— У нас нет ног! — пискнул Грум. — Малёк не оставил конечностей!

Каэль перевел взгляд на Гаша. Пес, поняв, что от него сей-

час могут потребовать биологический материал, в ужасе заскулил и попытался спрятаться за брошенным степлером.

— Ему не нужны идеальные ноги, — спокойно произнес Каэль. — Ему нужна способность к передвижению. Грум. Возьми те две швабры из кладовой. Примотай их скотчем к нижней части окорока.

Грум метнулся в коридор и через секунду вернулся с двумя длинными деревянными швабрами.

ВЖЖЖИК. ВЖЖЖИК.

Скотч намертво примотал черенки швабр к ледяному мясу. Теперь у голема были две тонкие, негнущиеся деревянные палки вместо ног.

Нериса смотрела на это и чувствовала, как ее рассудок медленно, с тихим скрипом, отсоединяется от реальности.

* * *

— Голова, — Каэль повернулся к инженеру.

Грум бережно поднял с пола темно-зеленый арбуз.

— Как мы его закрепим? — спросил тролль, озадаченно почесывая зеленую макушку. — Шеи нет.

Каэль подошел к Груму. Он выхватил из рук тролля стальную проволоку. Одним резким, сильным движением вампир проткнул арбуз насквозь. Сок брызнул на мрамор. Затем Каэль вонзил концы проволоки глубоко в верхнюю часть свиной лопатки, прикручивая плод к мясному торсу.

Арбуз глухо чавкнул, насаживаясь на выступающую кость свиного ребра.

Голова была на месте. Она слегка покачивалась, опасно кренясь влево, но стальная проволока держала ее крепко.

— У него нет лица, — сухо заметила Нериса.

Каэль поднял с пола последний, самый изжеванный кусок бумаги. Это был фрагмент какого-то приложения к акту, на котором Гаш оставил отчетливый след своих зубов.

Вампир приложил мокрую бумагу к зеленой корке арбуза.

— Степлер, — сказал Каэль.

Нериса подошла. Она уже ничего не чувствовала. Ее лицо было каменным. Она приставила дуло степлера к арбузу.

КЛАЦ!

Скоба пробила корку, брызнув сладким красным соком.

КЛАЦ! КЛАЦ!

Бумажное "лицо" было прибито к арбузу. Красный сок медленно потек по бумаге, создавая иллюзию кровавых, плачущих глаз. Снизу, прямо под арбузом, свисал мокрый красный галстук.

Каэль отступил на шаг, чтобы оценить свое творение.

Перед ними возвышалась фигура. Два метра роста. Деревянные швабры вместо ног. Тело из замороженной свинины, обмотанное серым строительным скотчем и покрытое рваными бумагами со следами слюны. На груди — печать Цитадели. Вместо головы — арбуз, истекающий красным соком, с прибитым степлером куском пергамента в качестве лица.

Это было чудовищно. Это было невыносимо нелепо. Это оскорбляло сам факт существования вселенной.

Часы в глубине библиотеки пробили ровно четыре утра.

У них оставалось сорок четыре минуты до нового цикла, но времени на отправку голема было еще меньше.

— Идеально, — констатировал Каэль.

— Каэль, — голос Нерисы был тихим, ровным, почти безжизненным. — Оно не живое. Это просто кусок мяса на палках с ягодой вместо головы. Оно не пойдет.

Каэль повернулся к Морре.

Ноктэри стояла, сжимая в трясущихся руках два оставшихся флакона с магией крови.

— Морра, — голос Каэля стал глубоким, резонирующим. — Оживляй его.

* * *

Морра подошла к франкенштейновскому чучелу.

Она была создана из магии, теней и эмоций. Воскрешение мертвой плоти не было ее прямой специализацией, но черная кровь, пульсирующая во флаконах, могла заставить двигаться даже камень, если задать правильный вектор.

Она открыла оба флакона.

Густая, черная жидкость начала медленно, вопреки гравитации, подниматься вверх, вытекая из стеклянных горлышек. Морра закрыла глаза. Ее собственные тонкие, черные

крылья за спиной раскрылись на полную ширину, тени в Главном Холле метнулись к ней, сгущаясь вокруг ее хрупкой фигуры.

— Я не знаю, как заставить его думать! — крикнула она сквозь шум поднявшегося магического ветра. — Там нет мозга! Там арбуз!

— Ему не нужно думать! — Каэль перекрыл шум своим низким, властным голосом. — Он аудитор Цитадели! Ему нужна только одна базовая программа! Запрограммируй его на отправку отчета! Иди к выходу!

Морра вскинула руки.

Две струи черной демонической крови ударили прямо в грудь мясного голема, туда, где к скотчу был приклеен изжеванный сургуч с печатью Совета Теней.

Магия впиталась в замороженную свинину.

Раздался громкий, отвратительный треск. Это ломался лед внутри мяса.

Скотч натянулся, заскрипел. Стальная проволока, сшивающая куски, зазвенела от внезапного напряжения. Свинина начала судорожно, мерзко пульсировать, словно внутри нее забилось огромное, бесформенное сердце.

Деревянные швабры, заменявшие голему ноги, дернулись.

Стук.

Одна швабра ударилась о мраморный пол.

Стук.

Вторая швабра присоединилась к первой.

Чучело качнулось. Арбуз на его плечах опасно накренился, красный сок хлынул из-под прибитого степлером пергамента, стекая по красному галстуку. Голем балансировал, скрипя скотчем и деревом.

Нериса подняла пистолет. Ее инстинкты орали, требуя застрелить это оскорбление природы.

Голем замер.

Внутри арбуза, словно там действительно зародилось некое подобие мыслительного процесса, раздался глухой, булькающий звук. Затем звук опустился ниже, в свиные легкие, которых не существовало, и вырвался наружу через щель между мясом и скотчем.

— На-а-а-логи... — простонало чучело. Голос был похож на шелест гниющей бумаги и скрип пенопласта.

Каэль медленно, удовлетворенно кивнул.

— Налоги, — подтвердил вампир. — Иди. Неси их в Цитадель.

Голем дернулся.

Его правая швабра с громким стуком поехала по мрамору. Затем левая.

Шурх-стук. Шурх-стук.

Чудовищная конструкция, ведомая единственным демоническим императивом, медленно развернулась. Скотч трещал, свинина хлюпала, арбуз покачивался на стальной проволоке.

Мясной аудитор, оставляя за собой мокрый след из талой воды, красного сока и слюны Гаша, направился к открытым дубовым дверям Главного Холла.

Грум, Морра, Нериса и Каэль стояли в тишине, наблюдая за тем, как их творение уходит во тьму.

Каэль отвернулся первым. Он подошел к антикварному столику, взял свой крафтовый пакет и осторожно развернул фольгу. Запах копченого чеснока и аль пастор наполнил воздух.

— Нериса, — сказал Каэль, доставая первый, идеально сохранивший тепло тако. — Ты должна признать. В инженерном деле нам нет равных.

Химера смотрела в спину удаляющегося арбузного голема, и впервые за свою долгую, кровавую жизнь она почувствовала, что ее психика сдалась окончательно и бесповоротно.

* * *

Каэль вышел из Главного Холла на открытую парадную террасу замка.

Тяжелые дубовые двери за его спиной остались приоткрытыми, выпуская наружу слабый, мерцающий свет свечей и устойчивый запах магической паники, который все еще висел в коридорах.

Но здесь, снаружи, мир был совершенно иным.

Шторм, который топил Кито в ледяной воде, остался где-то далеко внизу, в долине. На высоте замка дождя не было. Здесь властвовал туман. Густой, плотный, осязаемый туман, который перекатывался по черным камням двора, словно живое, дышащее море. Он цеплялся за каменных горгулий, чьи силуэты терялись во мраке, и оседал на парапетах тяжелыми, блестящими каплями росы.

Температура воздуха была близка к нулю.

Каэль, оставшийся в одной рубашке и жилете после того, как бросил свое уничтоженное кашемировое пальто в Холле, не чувствовал холода. Его биология просто игнорировала перепады температур, как и большинство других законов природы.

Он подошел к краю широкого каменного крыльца и сел на верхнюю ступеньку.

Камень был ледяным и мокрым, но Каэлю было плевать. Усталость, накопившаяся за эту невероятно долгую, абсурдную и кровавую ночь, наконец-то начала догонять его. Это была не физическая усталость — его мышцы были полны гидравлической мощи, готовые в любую секунду разорвать еще десяток Исполнителей. Это была усталость экзистенциальная. Усталость разума, вынужденного постоянно поддерживать баланс между космическим ужасом и бытовым идиотизмом.

Он положил крафтовый пакет на колени.

Бумага слегка отсырела от тумана, но тепло все еще со-

хранялось. Каэль медленно, почти с религиозным трепетом, развернул фольгу.

Запах копченого чеснока, жареной свинины, кинзы и лайма вырвался на свободу, смешиваясь с запахом древнего камня, мокрой хвои и озона. В этом контрасте было что-то невероятно правильное. Что-то, что заземляло Каэля, не давая ему окончательно оторваться от объективной реальности и раствориться в абстрактном безумии этого мира.

Он поднес тако к губам и откусил.

Мясо немного остыло. Оно уже не обжигало нёбо так, как должно было, но вкус остался безупречным. Хуан действительно был гением. Никакой пространственный стазис, никакая угроза декомпрессии района не могли разрушить идеальный баланс кислоты, сладости и остроты. Халапеньо ударил по рецепторам, оставляя на языке приятное, пульсирующее жжение.

Каэль медленно жевал, глядя прямо перед собой.

А прямо перед ним, через обширный, вымощенный черным камнем внутренний двор, удалялось в туман его величайшее инженерно-бюрократическое творение.

* * *

Бумажный аудитор — или, точнее, арбузно-свиной голем — шел к главным воротам замка.

Процесс его передвижения был зрелищем, от которого у

любого неподготовленного наблюдателя мог бы случиться инсульт.

Шурх-стук. Шурх-стук.

Два деревянных черенка от швабр, заменявшие голему ноги, скользили по мокрым камням, с глухим стуком ударяясь о неровности. Конструкция была чудовищно нестабильной. Центр тяжести, несмотря на все усилия Грума, постоянно смещался. Замороженная свинина начала медленно оттаивать во влажном воздухе, и теперь из-под слоев армированного серого скотча сочилась сукровица, смешанная с талой водой.

Свиной сок капал на камни, оставляя за големом влажную, дурно пахнущую дорожку.

Тело, облепленное изжеванными, покрытыми слюной Гаша налоговыми декларациями, раскачивалось из стороны в сторону. Стальные скобы, вбитые промышленным степлером, тускло поблескивали в тумане.

На груди чучела, прямо поверх кусков скотча, ярко, неестественно пульсировала красная сургучная печать Совета Теней. Магия крови Морры, запертая внутри этого куска воска, работала как маяк, заставляя голема двигаться вперед, к границе аномальной зоны замка.

Шурх-стук.

Но самым гипнотическим элементом этой инсталляции была голова.

Темно-зеленый арбуз, насаженный на выступающее сви-

ное ребро и закрепленный стальной проволокой, кренился то влево, то вправо. Прибитый к нему степлером кусок мокрого пергамента, заменявший лицо, полоскался на слабом ветру.

Из пробитых степлером дыр на корке продолжал сочиться красный арбузный сок. Он стекал по «лицу», капал на изжеванный корпоративный галстук, прибитый к груди, и создавал абсолютно достоверную иллюзию того, что голем плачет кровавыми слезами от осознания собственной ничтожности.

— На-а-а-логи... — глухо, надрывно простонало чучело, когда его правая швабра застряла в щели между камнями.

Мясной торс содрогнулся. Скотч заскрипел. Голем с усилием выдернул деревянную ногу и продолжил свой скорбный путь.

Каэль откусил еще один кусок тако.

Он смотрел на эту сцену с глубочайшим, философским удовлетворением. В этом уходящем во тьму куске мяса была заключена вся суть мироздания. Цитадель, с ее тысячелетней историей, Исполнителями, способными стирать время, и архивами, в которых хранились судьбы богов, сейчас зависела от того, дойдет ли арбуз на палках до линии ворот.

Система, которая пыталась контролировать хаос, сама стала заложницей абсолютного абсурда.

Голем находился на полпути к выходу с территории замка.

Каэль проглотил еду и посмотрел на свои наручные часы. Тонкие золотые стрелки на черном циферблате, скрытые под

стеклом, не подверженным царапинам, неумолимо сближались.

Оставалось меньше минуты.

* * *

Мир замер.

Это не была физическая остановка времени, которую практиковал Исполнитель Ордена Пепла. Это было нечто гораздо более глубокое, фундаментальное и масштабное.

Замок Каэля, живой организм из камня и магии, внезапно задержал дыхание. Вибрация в ступенях крыльца прекратилась. Сквозняки, гуляющие в башнях, умерли. Даже туман во внутреннем дворе перестал клубиться, застыв идеальными, неподвижными волнами.

Стрелки на часах Каэля сошлись на одной точке.

4:44.

В ту же микросекунду рассвет ударил по миру.

Он не наступил постепенно. Он не разлился мягким золотистым светом из-за горизонта.

Он включился.

Небо над Кито, над Андами, над древним замком словно разрезали тупым, ржавым ножом от края до края. Черная ночная мгла мгновенно, без перехода, исчезла, уступив место свету.

Но это был не свет солнца.

Туман, висящий во дворе замка, мгновенно вспыхнул. Из молочно-белого он стал кроваво-красным. Насыщенным, тяжелым, пульсирующим карминовым цветом. Двор замка погрузился в багровое марево, словно кто-то выплеснул в воздух миллионы галлонов артериальной крови, превратив ее в газ.

Температура воздуха резко, скачкообразно упала на десять градусов.

Тени от колонн и горгулий оторвались от своих хозяев. На долю секунды они вытянулись в неправильных направлениях, игнорируя источник света, а затем с тихим, шелестящим звуком вернулись на место.

Каэль перестал жевать.

Он чувствовал этот сдвиг всем своим существом. В момент 4:44 реальность мира моргала. Архивы вселенной стирали данные. Где-то в Цитадели исчезали имена целых родов. Где-то в мире люди просыпались, не помня лиц своих детей. Где-то целые города смещались на несколько дюймов в сторону небытия.

Сам Каэль в этот момент ощущал пугающую, звенящую пустоту внутри себя. Свою собственную оторванность от истории. Он был существом без начала. Ошибкой, которая переживала этот цикл раз за разом, оставаясь неизменной, в то время как мир вокруг медленно гнил и осыпался.

Кровавый туман густел. Он проникал в легкие, оставляя на языке металлический привкус распада.

И сквозь этот багровый кошмар, сквозь ломающуюся структуру вселенной, упрямо и методично продолжал идти мясной голем.

Шурх-стук. Шурх-стук.

Его не волновал конец света. Его не волновали циклы 4:44. Его мозг, состоящий из куска зеленой ягоды, был сфокусирован только на одной задаче.

Красная сургучная печать на его груди сияла сквозь кровавый туман, как маяк спасения.

Каэль смотрел на уходящее чучело, чувствуя, как экзистенциальный холод 4:44 медленно отступает, оставляя после себя лишь легкое головокружение. Мир снова пересобрался. Ошибка была зафиксирована. Цикл продолжился.

Вампир сделал еще один укус. Тако был уже совершенно холодным. Но Каэль жевал его с непоколебимым достоинством.

Сзади скрипнули петли массивной двери.

*** * ***

Нериса вышла на крыльцо.

Химера выглядела так, словно из нее выкачали всю жизненную энергию, а затем попытались заполнить образовавшуюся пустоту свинцом и цементной пылью.

Ее облегающая тактическая куртка потемнела от впитавшейся крови наемников и био-големов. На костяшках паль-

цев запеклись синие корки — следы биологических жидкостей Черного Архитектора. Темно-рыжие волосы сосульками висели вдоль бледного, осунувшегося лица. Золотые глаза, обычно горящие хищным светом, сейчас казались тусклыми и бесконечно уставшими.

Она тяжело, с глухим стуком опустилась на холодную каменную ступеньку рядом с Каэлем.

Нериса не стала смотреть на багровый туман. Она не стала обращать внимание на последствия 4:44. Она просто вытащила из ножен на поясе тяжелый боевой нож, достала из кармана грязную тряпку и начала методично, с тихим металлическим скрежетом, вычищать запекшуюся кровь из-под собственных ногтей, которые еще не до конца потеряли когтеобразную форму.

Скрррк. Скрррк.

Звук лезвия, скребущего по кератину, смешивался со звуком удаляющихся деревянных швабр.

Каэль дожевал первый тако, проглотил и аккуратно вытер губы салфеткой, которую достал со дна пакета. Хуан не забыл положить салфетки. Хуан был профессионалом.

Вампир развернул вторую порцию.

— Он почти дошел, — спокойно заметил Каэль, кивнув в сторону багрового марева.

Нериса не подняла глаз. Она продолжала скрести ножом по ногтю большого пальца.

— Я сегодня убила шестнадцать человек, — глухо, мо-

нотонно произнесла химера. — Я вскрывала грудные клетки, ломала позвоночники и смотрела, как ты выворачиваешь био-големов наизнанку. Я видела Исполнителя Ордена Пепла. Я видела, как время останавливается, чтобы убить тебя.

Она замерла, опустив нож на колени.

Она медленно повернула голову и посмотрела на Каэля. В ее взгляде не было ненависти. Там была только кристально чистая, полная капитуляция перед логикой этого места.

— Но ничто, — прошептала Нериса, и ее голос дрогнул, — ничто из этого не нанесло моей психике такой непоправимой травмы, как то, что я своими руками прибивала степлером бумажное лицо к арбузу, прикрученному к куску свинины.

Каэль откусил холодный тако.

Он методично прожевал, наслаждаясь идеальным балансом остывших, но все еще безупречных специй.

— Искусство всегда требует жертв, Нериса, — философски заметил вампир. — В данном случае мы пожертвовали здравым смыслом ради выживания. Согласись, это выгодный обмен.

Химера закрыла глаза и привалилась плечом к холодной каменной колонне крыльца.

Она была слишком измотана, чтобы спорить. Она просто хотела, чтобы эта ночь закончилась. Чтобы замок перестал пахнуть канцелярской паникой, а багровый туман 4:44 растворился в нормальном утреннем свете.

Впереди, на границе внутреннего двора, где невидимая магическая линия отделяла территорию замка от остального мира, произошло движение.

Мясной голем, раскачиваясь на своих деревянных ногах-швабрах, добрался до ворот.

* * *

Каэль и Нериса одновременно устремили взгляды в кровавый туман.

Голем сделал последний, надрывный шаг.

Шурх-стук.

Его правая швабра пересекла невидимую границу замковой территории.

В тот же миг красная сургучная печать Совета Теней, приплавленная к свиной грудинке демонической кровью, ослепительно вспыхнула. Вспышка была такой яркой, что пробила густое багровое марево 4:44.

Магическая сеть Цитадели зафиксировала сигнал.

В воздухе раздался тонкий, мелодичный звук.

Пинг.

Это был звук успешно доставленного бюрократического сообщения. Звук того, что отчет отправлен, налоги (в бумажном эквиваленте, пережеванном собакой) приняты, а статус замка в базах данных реальности подтвержден. Протокол «Чистый Лист» был отменен. Орбитальный удар небы-

тия обошел их стороной.

В следующее мгновение вспышка поглотила самого голема.

Свинина, скотч, изжеванные декларации, деревянные швабры и арбуз с прибитым степлером лицом просто растворились в воздухе, телепортированные напрямую в Архивы Совета Теней.

Территория перед воротами опустела. Осталась только лужа талой воды, смешанной со свиным соком, и легкий запах гниющей бумаги, уносимый утренним ветром.

Каэль медленно, с чувством глубочайшего удовлетворения, откусил еще один кусок.

Хруст кукурузной лепешки показался неприлично громким.

— Как думаешь, — произнес Каэль, меланхолично глядя в туман и лениво пережевывая пищу, — Совет Теней заметит подмену?

Нериса сидела неподвижно. Она смотрела в ту точку, где только что исчезла их аппликация из мяса и канцелярии.

Ее лицо было пустым. Губы медленно, саркастично искривились.

— Они сидят в своей Цитадели уже тысячу лет, Каэль, — сухим, надтреснутым голосом ответила химера. — Они выжили из ума еще до изобретения печатного станка. Может... может, они просто подумают, что инспектор плохо спал.

Каэль слегка кивнул, признавая логичность этого довода.

В этот момент за их спинами раздался тихий, виноватый скрип.

Массивные дубовые двери приоткрылись еще на пару дюймов. В образовавшуюся щель, шаркая когтями по мрамору, выползла передняя половина Гаша.

Полумертвый страж выглядел исключительно помятым. Его металлическая челюсть была испачкана желудочным соком, а единственный желтый глаз преданно и заискивающе смотрел на хозяина. Гаш подполз к краю крыльца, оставляя за собой мокрый след, и остановился у ботинка Каэля.

Пес тихо, с надеждой заскулил, издав звук, похожий на несмазанную дверную петлю.

— Чего ему надо? — безжизненно спросила Нериса, не поворачивая головы.

Каэль опустил взгляд на свою собаку. Затем он посмотрел на лужу, оставшуюся от мясного голема, и заметил кое-что интересное. В метре от того места, где произошла телепортация, на черных камнях валялся кусок замороженного мяса.

Видимо, скотч не выдержал напряжения, и часть окорока отвалилась в самый последний момент, не успев попасть в радиус действия печати.

Гаш снова булькающе заскулил, глядя на этот кусок мяса, как на Святой Грааль.

Каэль вздохнул.

— Он спрашивает, — ровно перевел вампир, возвращаясь к своему тако, — можно ли ему доесть ногу инспектора. Она

отвалилась по дороге.

Нериса закрыла глаза руками. Ее плечи начали мелко трястись в беззвучном, истерическом смехе, который граничил с рыданиями.

Каэль откусил последний кусок мексиканского шедевра. Он посмотрел на преданного, разорванного пополам пса, на багровый туман 4:44, отступающий перед натиском больного рассвета, и на свою испачканную в крови, безумно смеющуюся напарницу.

— Можно, — милостиво разрешил Каэль.

Гаш радостно клацнул челюстью и на одних передних лапах пополз в кровавый туман, чтобы закончить завтрак.

А Каэль просто сидел на ступенях, дожевывая холодную свинину и наслаждаясь тем редким, мимолетным ощущением спокойствия, которое наступает в этом мире только тогда, когда градус безумия достигает критического предела.

Глава 3. Передача «Сдохни или ответь»

Дождь в Кито никогда не падал прямо.

Он сползал по узким улицам старого города, стекал с балконов, цеплялся за чёрные провода, собирался в трещинах брусчатки и тащил за собой всё, что город не успел спрятать: бензиновые разводы, пепел, гниль, чужие тайны.

Вода пахла ржавчиной, мокрым камнем, дешёвым табаком и усталостью человеческого существования.

Каэль ненавидел этот запах.

Но скуку он ненавидел сильнее.

Он стоял посреди глухого переулка между двумя тёмными зданиями из пористого вулканического камня. Единственный неоновый фонарь в конце улицы мигал больным синим светом, отражаясь в маслянистых лужах. Капли дождя били по плечам его длинного чёрного пальто и скатывались вниз, не впитываясь в ткань, словно даже вода понимала: задерживаться на нём не стоит.

Каэль медленно выдохнул.

Пар сорвался с губ и растворился в сыром воздухе.

Он думал о тако.

О горячем мясе, обжигающем нёбо. О кинзе. О халапеньо. О кукурузной лепёшке, которая хрустит ровно в тот миг, ко-

гда мир на секунду становится простым и понятным.

Человеческая еда была одним из немногих убедительных аргументов в пользу этой реальности.

В отличие от людей.

Их было четверо.

Четыре тени отделились от мусорных баков, пожарной лестницы и облезлой стены, исписанной мокрой краской. Они двигались так, как двигаются мелкие хищники в районе, где полиция приезжает только фотографировать трупы: уверенно, лениво, с привычкой выбирать слабых.

Каэль даже не вынул рук из карманов.

На его лице не появилось ни тревоги, ни раздражения. Только бесконечная, почти музейная усталость.

Он смотрел на них не как на угрозу.

Скорее как на рекламу, которую нельзя перемотать.

— Эй, фрик, — сказал первый.

Он шагнул в полосу неона. Лет двадцать пять. Мокрая кожаная куртка. Неровный шрам от скулы до подбородка. В правой руке — нож с широким лезвием. Не декоративный. Не для запугивания. Такой нож покупают, когда уже знают, куда его втыкать.

Остальные расходились полукругом.

У второго в руке был кусок арматуры. У третьего — дрожь в плечах, расширенные зрачки и сердце, бьющееся слишком быстро от дешёвой химии. Четвёртый держался сзади, но дышал чаще всех.

Каэль слышал их тела.

Хруст воспалённого колена. Свист воздуха в прокуренных лёгких. Влажное движение языка по зубам. Сердца. Кровь. Адреналин. Пот. Жадное ожидание лёгкой добычи.

Они думали, что загнали в угол богатого туриста.

И в каком-то смысле это было почти трогательно.

Каэль лениво моргнул. Дождь стекал с его тёмных волос на бледный лоб.

— У вас есть три секунды, — сказал он тихо. — Развернуться. Уйти. И сделать вид, что этой встречи никогда не было.

Это было честное предложение.

Не из милосердия.

Просто кровь плохо отстирывалась с дорогой ткани, а запах внутренностей всегда портил аппетит. Особенно когда последние двадцать минут думаешь о тако.

Главарь со шрамом усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Ты чё, глухой? Пальто. Котлы. Бумажник. Быстро. И, может, я не сделаю тебе вторую улыбку на горле.

Парень на стимуляторах дёрнул плечом и раскрыл нож-бабочку. Лезвие щёлкнуло в дождливом воздухе.

— Давай быстрее, мужик. Я не хочу мокнуть.

Каэль вздохнул.

Тяжело. Глубоко. Как существо, которое видело падение городов, смерть империй, горящие архивы, рождение новых богов — и всё равно почему-то снова оказалось в переулке

с четырьмя плохо воспитанными приматами.

Люди жили недолго.

И всё равно удивительно часто торопились закончить раньше срока.

— Время вышло, — сказал Каэль.

Он не принял стойку. Не сжал кулаки. Не оскалился.

Просто позволил телу сдвинуться на долю миллиметра за пределы человеческой нормы.

Мир замедлился.

Дождевые капли повисли в воздухе мутными стеклянными бусинами. Сирена где-то далеко растянулась в низкий, сонный вой. Сердца четырёх нападавших стали звучать как барабаны под землёй.

Бум.

Пауза.

Бум.

Каэль сделал шаг.

Для человеческого глаза это не было движением. Он просто исчез из одного места и возник в другом — вплотную к главарю со шрамом. Вытесненная его телом вода взорвалась вокруг мелкой холодной пылью.

Улыбка ещё держалась на лице бандита. Мозг не успел понять, что добыча уже стоит перед ним.

Каэль поднял правую руку.

Бить в полную силу не требовалось. Полная сила оторвала бы голову, разбрызгала позвоночную жидкость по стене и

превратила переулок в мясную небрежность.

Он не любил небрежность.

Челюсть. Чуть правее подбородка. Вектор вверх и назад. Три перелома. Сотрясение. Двенадцать часов отключки. Быстро, чисто, почти вежливо.

Мышцы под его кожей напряглись.

Это уже не было человеческой анатомией. Это была собранная в кулак кинетическая катастрофа.

Каэль ударил.

И промахнулся по реальности.

Там, где должно было быть лицо главаря, не оказалось ничего живого.

Кулак врезался во что-то гладкое, твёрдое, неорганическое.

Вместо хруста челюсти раздался громкий пластиковый щелчок.

Пружина.

Кнопка.

Огромная красная кнопка, вдавленная его костяшками почти до основания.

На мгновение дождь замолчал.

Не стих.

Именно замолчал, будто кто-то вырезал из мира звуковую дорожку.

Каэль успел подумать только одно:

«Неправильный переход».

Потом реальность завизжала.

БЗЗЗЗЗЗТ!

Звук ударил по черепу восьмибитным зуммером, выкрученным до садистского предела. Он не звучал в воздухе — он печатался прямо на нервах.

Переулок лопнул.

Каменные стены, мусорные баки, лужи, дождь, запах мокрого бетона — всё сорвало с мира, как дешёвую декорацию с каркаса.

Свет ударил по глазам.

Не солнце. Не лампы. Не огонь.

Кислотный студийный неон, слишком яркий, слишком сухой, слишком весёлый для любой нормальной формы ужаса.

Воздух стал горячим. Сухим. В нём пахло лаком для волос, жжёной проводкой, дешёвым дымом и пластиком, который слишком долго держали рядом с огнём.

Каэль замер.

Его рука всё ещё была вытянута вперёд.

Но теперь костяшки упирались не в человеческое лицо, а в гигантскую красную кнопку-грибок, вмонтированную в центр ярко-жёлтой тумбы. На передней панели тумбы мигал экран с цифрой:

0

Где-то над головой включилась музыка.

Бодрая. Синтетическая. Невыносимо счастливая.

Такая музыка могла играть только там, где кто-то очень давно перепутал веселье с пыткой.

Каэль медленно убрал руку с кнопки и выпрямился.

Переулка больше не было.

Он стоял в центре круглой студии.

Пол под ногами состоял из глянцевых квадратов кислотно-розового и ядовито-зелёного цвета. Сверху били прожекторы, выхватывая сцену с жестокой чистотой операционной. Вокруг тянулась тьма, но не настоящая — сценическая, управляемая, специально оставленная за границей света.

Слева стояли ещё три тумбы: синяя, зелёная, фиолетовая.

За ними — те самые бандиты.

Мокрые. Грязные. С ножами, арматурой, расширенными зрачками и тем выражением лица, которое появляется у людей, когда привычная физика внезапно подаёт заявление об увольнении.

Главарь всё ещё держал нож. Его рот был открыт. Шрам на щеке дёргался.

Парень на стимуляторах мелко трясся, переводя взгляд с потолка на свою тумбу.

Третий выронил арматуру.

Она ударилась о пол.

Но вместо железного лязга раздалось нелепое:

поинк.

Словно упала резиновая игрушка.

Каэль не пошевелился.

Лицо оставалось спокойным.

Но где-то в глубине сознания, за слоями древней усталости, поднялось тяжёлое скользкое чувство.

Он знал аномалии.

Он жил в замке, где коридоры иногда меняли мнение о собственной длине, портреты врали о прошлом, а лестницы могли вести в комнаты, которых вчера не существовало. Он видел временные петли, мясные рынки, архивы, забывавшие собственные страницы.

Но это было другим.

Не просто искажением пространства.

Не ловушкой.

Не галлюцинацией.

Это было похоже на мир, которому навязали жанр.

— Какого хера... — просипел главарь. Голос сорвался, стал тонким. — Где мы?! Что это за хуйня?!

Из темноты за сценой пришёл гул.

Сначала тихий.

Потом всё громче.

Не ветер. Не механизмы. Не кровь в трубах.

Голоса.

Тысячи голосов, слитых в одно липкое ожидание.

Каэль поднял взгляд.

Там, где должен был быть зрительный зал, не было людей.

Во тьме рядами светились сотни белых экранов. Мони-

торы. Прямоугольные лица без глаз. Они мерцали, колыхались и пульсировали, как кладбище, которому дали электричество.

Потом они взорвались звуком.

Аплодисменты.

Не живые. Записанные. Синхронные до тошноты. Рёв восторга, визг, свист, смех — всё сразу, всё слишком громко, всё без единой человеческой паузы.

Пол завибрировал.

Музыка ускорилась, перешла в истеричный джазовый ритм.

И с потолка, в облаке конфетти и искр, рухнул силуэт.

Он приземлился между Каэлем и бандитами с невозможной лёгкостью — так, будто его не касалась ни масса, ни совесть, ни биология.

Фигура выпрямилась.

Пайеточный фиолетовый пиджак. Нелепо широкие плечи. Белые перчатки. Тонкий металлический микрофон с длинным шнуром, который волочился по полу, как чёрная кишка.

Тело было почти человеческим.

Голова — нет.

Вместо неё на плечах стоял старый ламповый кинескоп.

Экран вспыхнул.

Сквозь рябь помех появилось мультяшное лицо, собранное из грубых красных и жёлтых пикселей. Улыбка растянулась от края до края, показывая квадратные зубы.

Существо поднесло микрофон к экрану.

В груди щёлкнул динамик.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ ЗРИТЕЛИ И РАСХОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ!

Мониторы взвыли от восторга.

— ВЫ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ! — продолжил Ведущий, делая пируэт по глянцевому полу. — И ЭТО ВАШЕ ЛЮБИМОЕ, ЕДИНСТВЕННОЕ, НЕПОВТОРИМОЕ ШОУ...

Над сценой вспыхнула огромная неоновая вывеска.

Буквы дрожали. С нижнего края стекала густая розовая жидкость, слишком вязкая для краски и слишком радостная для крови.

«СДОХНИ ИЛИ ОТВЕТЬ»

Пиксельная улыбка Ведущего стала шире.

Слишком широкой.

Каэль посмотрел на свою руку. На пальто всё ещё блестели капли дождя из Кито. Одна медленно скатилась с манжеты и упала на пластиковый пол.

Она не разбилась.

Просто исчезла.

Словно студия не принимала чужую погоду.

Каэль перевёл взгляд на дрожащих бандитов. Потом — на Ведущего. Потом — на мониторы, которые ждали реакции.

И впервые за вечер понял: это место не просто поймало их.

Оно ждало, что они начнут играть.

Где-то глубоко внутри тоска по нормальному, честному, скучному насилию достигла критической отметки.

— Я определённо, — тихо сказал Каэль, и его голос почти утонул в грохоте студийных аплодисментов, — уволю своего психотерапевта.

* * *

Аплодисменты не стихали.

Они шли ровно, без пауз, без сбивок, без человеческой неровности. Не толпа хлопала в ладони — машина воспроизводила восторг. Бесконечный, записанный, стерильный восторг, от которого хотелось разбить ближайшую голову об ближайший динамик.

Каэль стоял за жёлтой тумбой.

Пластик под его ладонью был тёплым. Слишком тёплым. Внутри тумбы что-то тихо пульсировало, словно под глянцевой оболочкой находился не механизм, а орган, плохо притворяющийся декорацией.

Главарь со шрамом первым пришёл в себя.

Он выронил нож.

Металл ударился о пол настоящим, резким звоном — и на одну короткую секунду этот звук показался Каэлю почти прекрасным. Единственный честный звук в этом студийном аду.

Потом бандит развернулся и побежал.

Куда-то в темноту за прожекторами. Туда, где нормальное пространство должно было хранить выход, служебный коридор, пожарную дверь, хоть какую-нибудь ошибку в декорации.

Он успел сделать три шага.

БЛЭМ.

Лицо главаря сплющилось о пустоту.

Хрящ носа сломался с мокрым хрустом. Кровь брызнула вперёд, но не упала. Она размазалась по невидимой поверхности и повисла в воздухе красной полосой, медленно сползая вниз, будто стекала по стеклу, которого не существовало.

Бандит отшатнулся, завыл и рухнул на колени, выплёвывая зуб.

Остальные бросились в разные стороны.

Парень на стимуляторах влетел плечом в невидимую стену и отскочил обратно на сцену, как плохо надутый мяч. Третий начал колотить кулаками по пустоте, оставляя кровавые отпечатки на воздухе. Четвёртый просто прижался к своей тумбе и заскулил.

— Эй! ЭЙ! Выпустите! — заорал наркоман, срывая ногти о преграду без цвета и температуры. — Я ничего не сделал!

Каэль посмотрел на них без сочувствия.

Они были заперты в прозрачной коробке.

Десять на десять метров. Жёсткая фиксация координат. Ни швов, ни дверей, ни запаха внешнего мира. Не иллюзия. Не гипноз. Не простая телепортация.

Карман реальности.

Но странный.

Слишком оформленный.

Слишком заинтересованный в том, чтобы на него смотрели.

Каэль перевёл взгляд на Ведущего.

Тот приплясывал посреди сцены. На его кинескопе прыгали пиксельные кролики. Фиолетовый пиджак переливался пайетками, как больная чешуя. Микрофонный шнур волочился за ним по полу чёрной петлёй.

Центр.

Интерфейс.

Узел.

Каэль мысленно наметил движение: два шага, рывок, захват за корпус, кинескоп оторвать вместе с креплением, шнуром стянуть то, что у этой твари заменяло шею. Если внутри была плоть — разорвать. Если проводка — выжечь. Если пустота — найти край и вывернуть.

Он послал сигнал в мышцы ног.

Ничего не произошло.

Правая нога осталась на месте.

Каэль нахмурился.

Он попытался сдвинуть пальцы.

Тело не подчинилось.

Это не было параличом. Паралич — грубая вещь. Его можно пережечь регенерацией, раздавить волей, заменить

повреждённые клетки новыми. Здесь всё было тоньше.

Что-то вошло под кожу.

Холодное. Липкое. Настойчивое.

Оно обвило позвоночник, вцепилось в суставы, просочилось в сухожилия и мягко, почти заботливо, отобрало у него право быть собой.

Каэль понял.

Не клетка.

Не оковы.

Роль.

Аномалия не удерживала тело.

Она назначала ему функцию.

И прямо сейчас функция требовала реакции.

Его руки поднялись сами.

Ладони раскрылись.

Хлоп.

Он ударил в ладоши.

Хлоп.

Хлоп.

Синхронно с ним выпрямились бандиты. Плачущие, окровавленные, трясущиеся — но выпрямились. Их руки поднялись, как у марионеток, и начали аплодировать. Главарь со сломанным носом рыдал, кровь текла ему в рот, но ладони методично били друг о друга.

Хлоп.

Хлоп.

Хлоп.

Потом Каэль почувствовал лицо.

Мышцы щёк напряглись. Кожа на скулах натянулась. Губы поползли вверх, обнажая зубы.

Он улыбался.

Широкой, мёртвой, телевизионной улыбкой счастливого участника викторины.

Внутри этой улыбки поднималась ярость.

Не вспышка. Не эмоция.

Глубокое, холодное давление древнего существа, которому посмели положить чужие пальцы на нервы.

Он пережил века. Он не помнил собственного происхождения. Он ломал хребты существам, чьи имена давно стёрлись из архивов. И сейчас стоял под прожекторами, хлопал в ладоши и улыбался, потому что какой-то студийный паразит решил, что так будет лучше для кадра.

— ВОТ ЭТО ЭНТУЗИАЗМ! — взревел Ведущий.

На его экране вспыхнуло слово:

СЧАСТЬЕ!

Радужные буквы запрыгали по пикселям.

— ПОСМОТРИТЕ НА НАШИХ ИГРОКОВ! ОНИ ПРОСТО ГОРЯТ ЖЕЛАНИЕМ СЫГРАТЬ!

Мониторы в зале ответили восторженным гулом.

Гул был не просто звуком.

Каэль почувствовал, как он проходит сквозь пол, тумбы, кожу. Студия будто насыщалась им. Аплодисменты, страх,

слёзы, боль — всё это не сопровождало шоу.

Это его кормило.

— И РАЗ ВЫ ТАК ХОТИТЕ НАЧАТЬ, МЫ НЕ БУДЕМ ТРАТИТЬ ХРОНОМЕТРАЖ! — Ведущий крутнулся на каблуках. — РЕКЛАМОДАТЕЛИ ИЗ ПУСТОТЫ НЕ ЛЮБЯТ ПУСТЫХ ПАУЗ! ПЕРВАЯ ИГРА!

Пол между тумбами дрогнул.

Кислотные квадраты разъехались в стороны с лязгом тюремных засовов. Из-под сцены вырвался столб дыма, пахнущий серой, машинным маслом и старой кровью.

Из дыма поднялось колесо.

Огромный диск, метров десять в диаметре, разделённый на десятки разноцветных секторов. Лампочки по краям мигали, искрили, некоторые уже перегорели и сочились расплавленным стеклом. В центре торчала толстая промышленная ось, будто её сняли с мясокомбината. По ободу была натянута колючая проволока, выкрашенная весёлым розовым цветом.

От колеса пахло не декорацией.

От него пахло бойней, которую плохо отмыли перед праздником.

Скрипт ослабил хватку.

Руки Каэля опустились на тумбу. Улыбка сползла с лица, оставив в челюсти болезненную судорогу. Бандиты тоже получили обратно часть контроля — ровно столько, чтобы сильнее испугаться.

Ведущий скользнул к главарю. Он не шёл, а двигался по полу, как фигурка на магните.

— НАШ ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК! — объявил он. На экране возник гигантский знак вопроса. — КАК ТЕБЯ ЗОВУТ, РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ?

Бандит зажал рот ладонью, пытаясь молчать.

Бесполезно.

Голосовые связки дёрнулись сами.

— Э-энрике... — прохрипел он. Слёзы смешивались с кровью из сломанного носа. — Пожалуйста... у меня дочка... ей пять...

На экране Ведущего появилась мультяшная плачущая мордочка. Из глаз мордочки падали крупные пиксельные слёзы.

Из зала донеслось коллективное:

— А-а-а-ах...

Почти нежное.

Почти человеческое.

И от этого мерзкое вдвойне.

— КАКАЯ ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ЭНРИКЕ! — Ведущий наклонился к нему. Голос стал бархатным, почти интимным. — МАЛЕНЬКАЯ ДОЧКА. ЛЮБЯЩИЙ ОТЕЦ. НЕЗАКОНЧЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Пауза.

Экран мигнул.

Улыбка вернулась.

— НО ВСЕМ ПЛЕВАТЬ! КРУТИ КОЛЕСО!

Тело Энрике дёрнулось вперёд.

— Нет... нет, сука, не надо...

Его рука сама потянулась к рычагу. Пальцы сомкнулись на холодном металле так крепко, что кожа побелела.

Рывок.

Колесо сорвалось с места.

Клац-клац-клац-клац-клац!

Трещотка била по металлическим штырям, как пулемёт. Цвета секторов слились в неоновую тошноту. Лампочки мигали. Проволока пела тонким звоном. Мониторы в темноте гудели от предвкушения.

Каэль смотрел на колесо и чувствовал, как раздражение становится точнее.

Аномалия была не просто смертельной.

Она была вульгарной.

Она брала смерть — единственную честную вещь, которая оставалась у короткоживущих существ, — и превращала её в формат.

Клац.

Клац.

Клац.

Колесо замедлилось.

Энрике скулил, закрыв лицо свободной рукой.

Клац.

Стрелка остановилась.

Фанфары ударили по ушам.

Сектор был цвета гниющего мяса. На нём кривыми буквами мигало:

БАНКРОТ КОЖИ

Ведущий подскочил к диску.

— О-О-ОУ! СЕКТОР «ХРУСТЯЩАЯ КОРОЧКА»! КАКАЯ НЕВЕРОЯТНАЯ НЕУДАЧА ДЛЯ ЭНРИКЕ!

Из динамиков вывалился издевательский тромбон:

УАААА-УАААА-УАААА...

Энрике закричал.

Это был уже не страх.

Это было знание.

Существо в нём поняло, что сейчас умрёт, а тело всё ещё пыталось договориться с миром.

Каэль поднял взгляд.

Над Энрике раздвинулась тьма.

Оттуда со свистом падающей бомбы начала опускаться чугунная вафельница размером с маленький автомобиль. Ржавая, раскалённая, с красными нагревательными решётками внутри. Она шла слишком быстро для механизма и слишком медленно для милосердия.

Энрике поднял руки.

Жест был древний и бессмысленный.

Люди всегда пытались удержать небо ладонями.

СЛАМ.

Студия содрогнулась.

Под тумбой треснул пол. Прожекторы мигнули. Где-то в темноте мониторы взвизгнули от восторга.

Из колонок одновременно пошли два звука.

Весёлый хлопок лопнувшего шарика.

И настоящий мокрый хруст человеческого тела, которому не оставили формы.

Кровь ударила из-под пресс-формы горячей волной.

Она окатила тумбы, пол, обувь, край пальто Каэля. В воздух поднялся запах жжёных волос, варёной крови, плавящегося нейлона и мяса, которое никогда не должно было пахнуть едой.

Каэль не отступил.

Вафельница раскрылась с лёгким шипением и ушла обратно в потолочную тьму.

На месте Энрике лежал ровный квадратный брикет.

Идеальная решётка поджаренной плоти. Белые обломки костей в углах. Кусок джинсовой ткани, вплавленный в край, как этикетка.

Мониторы захлебнулись механическим смехом.

— НУ ЧТО Ж! — проорал Ведущий. — ЭНРИКЕ ПОКИНУЛ НАШУ СТУДИЮ, НО ОСТАВИЛ НАМ ОТЛИЧНЫЙ УЖИН!

Оставшиеся бандиты сорвались.

Наркомана вырвало прямо на зелёную тумбу. Третий плакал открытым ртом, глядя на мясной квадрат так, будто его мозг пытался найти прежнего человека внутри новой геомет-

рии.

Каэль достал из кармана белый носовой платок.

Платок каким-то чудом остался чистым.

Он стёр горячую каплю крови со щеки.

Не потому, что кровь Энрике была ему неприятна как трагедия.

Потому что она была липкой.

Потом Каэль посмотрел на Ведущего.

В его глазах больше не было скуки.

Там появилось холодное, внимательное пламя.

— А ТЕПЕРЬ... — Ведущий повернулся к нему. На экране вспыхнула красная стрелка. — ОЧЕРЕДЬ НАШЕГО САМОГО МОЛЧАЛИВОГО ИГРОКА!

Колесо сорвалось с места само.

Клац-клац-клац-клац!

Цвета смешались в белый шум.

Каэль не двигался.

Он слушал.

Не колесо.

Студию.

Каждый всплеск страха делал гул мониторов плотнее. Каждая истерика укрепляла стены. Когда Энрике кричал, тумба под ладонями Каэля становилась горячее. Когда бандитов рвало и трясло, свет становился ярче.

Значит, это не просто игра.

Это пищеварение.

Клац.

Клац.

Стрелка остановилась на узком синем секторе.

ЗАГАДКА

— О-О-О! ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СЕКТОР! — Ведущий оказался рядом с Каэлем почти без движения. От кинескопа пахло озоном, пылью и горелой медью. — НАШ УЧАСТНИК ВЫГЛЯДИТ ТАК, БУДТО УМЕЕТ ЧИТАТЬ! ПРОВЕРИМ ЕГО ЭРУДИЦИЮ!

Основной свет погас.

Остался один прожектор.

Музыка стихла.

Где-то в невидимом потолке начал тикать секундомер.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Ведущий склонился над тумбой. На экране возникла пиксельная лупа.

— ВНИМАНИЕ, ВОПРОС НА СТО БАЛЛОВ! — Голос стал вкрадчивым. Почти ласковым. — Какова скорость полёта птицы, если её крылья сделаны из родительского разочарования? У вас десять секунд. ВРЕМЯ ПОШЛО!

На тумбе возникла зелёная кнопка.

Рука Каэля сама поднялась.

БЗЗЗЫНЬ!

Он ударил по кнопке.

Микрофон перед ним ожил. Красный диод загорелся маленьким злым глазом.

Студия замерла.

Каэль молчал.

Одну секунду.

Вторую.

Он чувствовал ожидание.

Не Ведущего.

Всей конструкции.

Она хотела паники. Ошибки. Жалкой попытки угадать. Хотела, чтобы он стал хорошим участником: испугался, закричал, зацепился за бессмысленный вопрос, дал ей эмоцию, которую можно переварить.

Каэль подался к микрофону.

Лицо оставалось спокойным.

Голос прозвучал сухо, ровно, почти канцелярски:

— У меня нет родителей. Я из пробирки. Птицы из неё не летают.

Тишина стала абсолютной.

Даже таймер перестал тикать.

Мониторы погасли на долю секунды.

Ведущий застыл.

На экране мигнул белый прямоугольник.

Потом серый.

Потом строка:

[ОШИБКА 404: ДРАМА НЕ НАЙДЕНА]

Каэль чуть прищурился.

Система споткнулась.

Не от силы.

Не от угрозы.

От отказа играть эмоционально.

А потом фанфары взорвали студию.

ДЗИНЬ-ДЗИНЬ-ДЗИНЬ-ДЗИНЬ!

Прожекторы вспыхнули всеми цветами сразу. На табло тумбы цифра «0» сменилась на «100».

— ПРАААААВИЛЬНО!!! — завизжал Ведущий.

Его экран заполнился фейерверками.

— АБСОЛЮТНО ТОЧНЫЙ ОТВЕТ! ПТИЦЫ ИЗ ПРОБИРКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТЯЖЕЛЕЕ РОДИТЕЛЬСКОГО РАЗОЧАРОВАНИЯ! ВЫ ВЫИГРАЛИ!

С потолка хлопнула пневмопушка.

На Каэля обрушился дождь.

Не вода.

Пластиковые монетки.

Токсично-золотые, лёгкие, пустые. Они стучали по волосам, плечам, тумбе, падали в кровь Энрике и не тонули, а плавали сверху, как дешёвая награда за чужую смерть.

Одна монетка ударила Каэля в лоб, отскочила и легла на край тумбы.

На ней был выдавлен улыбающийся череп в клоунском колпаке.

Каэль стоял неподвижно.

Покрытый кровью, жареным жиром, пеплом и золотым пластиком.

Скрипт снова полез к его лицу.

Губы дёрнулись.

Улыбка натянулась сама.

Но глаза остались его.

Тёмные. Спокойные. И настолько холодные, что Ведущий на миг сделал шаг назад.

Почти незаметно.

Почти.

Мониторы ревели.

Ведущий улыбался пиксельными зубами.

Каэль поднял взгляд.

— Я куплю на это ваши жизни.

* * *

Звон пластиковых монет затихал долго.

Токсично-золотые кругляши скатывались с тумбы Каэля, падали в кровь Энрике и плавали сверху, лёгкие, пустые, оскорбительно праздничные. Их пластмассовый стук совершенно не соответствовал тому, что только что произошло с человеческим телом.

Каэль посмотрел на одну монетку, прилипшую к его пальцам.

Улыбающийся череп в клоунском колпаке.

На обороте:

СПОНСОР ПОКАЗА — КОРПОРАЦИЯ СЛЁЗ

Он сжал пальцы.

Пластик не хрустнул. Просто рассыпался серой пылью, пахнущей жжёной изоляцией и старым страхом.

Аномалия была плотной.

Не карман пространства. Не иллюзия. Не ловушка в обычном смысле.

Концептуальный паразит.

Он питался не телами. Тела были декорацией, расходным материалом, реквизитом. Настоящей пищей были реакции: страх, паника, унижение, надежда, сломанная воля. Всё, что можно было превратить в эфир.

Из-за кулис донёсся бодрый свист.

На сцену выкатились два маскота.

Гигантские плюшевые кролики размером с медведей. Один розовый, другой жёлтый. Шерсть слиплась от старой грязи и бурых пятен, которые слишком плохо притворялись частью костюма. Вместо глаз — чёрные пуговицы.

Но сквозь прорези у шеи Каэль видел другое.

Плоть.

Вены.

Мокрый человеческий глаз, мечущийся внутри плюшевой головы.

Кролики двигались с дёрганой радостью аниматоров, ко-

торым приказали улыбаться под угрозой ампутации. Розовый держал огромную швабру. Жёлтый — совок, нелепо большой и уже испачканный по краям.

Заиграла ускоренная мелодия из старого ситкома.

Кролики подскочили к мясному брикету Энрике. Жёлтый ловко поддел его совком. Розовый начал натирать пол.

Кровь под шваброй издала мультяшный скрип.

Сквики-сквик.

Сквики-сквик.

Пол поглощал красные разводы, будто никогда их не было.

Жёлтый кролик повернулся к Каэлю.

За чёрной пуговицей на секунду мельнул живой глаз.

Затравленный.

Человеческий.

Потом маскоты скрылись за кулисами, подпрыгивая в такт музыке и унося квадратный остаток Энрике, как реквизит после неудачного номера.

Каэль медленно выдохнул.

— Я убью того, кто писал этот сценарий, — почти беззвучно сказал он.

Справа раздался влажный, булькающий звук.

Парень на стимуляторах окончательно сломался. Он стоял на коленях за зелёной тумбой, вцепившись в её края, и блевал жёлчью, кровью и остатками дешёвого фастфуда.

— Это бэд-трип... — бормотал он, захлёбываясь. — Это

“Пепельная соль”... мне подсунули палёную соль... Я лежу в переулке. Я просто лежу в переулке. Этого нет. Этого, блять, нет...

Третий бандит уже не говорил.

Крупный, татуированный, он стоял неподвижно, глядя сквозь сцену. Из носа у него текла тонкая струйка крови. Мозг отключил всё, кроме дыхания.

Каэль повернул голову к наркоману.

— Это не галлюцинация, — сказал он спокойно. — Если бы ты лежал в переулке, я бы уже сломал тебе обе ключицы. Так что выпрями спину. Ты портишь кадр.

Наркоман поднял на него мокрые, расширенные глаза.

— Т-ты... ты тоже глюк. Ты демон. Это ад.

— Если бы это был ад, здесь играл бы нормальный джаз.

Свет мигнул.

Прожекторы сменили белый на тревожный красный. Музыка оборвалась. Вместо неё ударили барабаны — тяжёлые, театральные, с дешёвым электронным басом под низом.

ДУМ.

ДУМ.

ДУМ-ЦССС.

Ведущий, до этого протиравший экран белым платочком, резко повернулся.

— О-О-О! Я СЛЫШУ ПАНИКУ В РЯДАХ НАШИХ УЧАСТНИКОВ! — Его голос ударился о невидимые стены и вернулся эхом. — А ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО РЕЙТИНГИ ПОЛ-

ЗУТ ВВЕРХ! РЕКЛАМОДАТЕЛИ ИЗ ПУСТОТЫ ОБОЖАЮТ ВКУС СВЕЖЕГО ПОТА!

Каэль почувствовал, как тумба под ладонью снова нагрелась.

Мониторы в темноте гудели плотнее.

Он был прав.

Страх кормил студию.

— ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЛЯ ВТОРОЙ ИГРЫ! — Ведущий сделал сальто назад и приземлился так, будто позвоночник был необязательной деталью. — ВСТРЕЧАЙТЕ... "ПОЛОСУ СЛИЗИ И ОТКРОВЕНИЙ"!

Пол дрогнул.

Тумбы с шипением ушли вниз. Глянцевые квадраты разъехались, и из-под них поднялись три широкие чёрные ленты.

Беговые дорожки.

Каэль, наркоман и кататоник оказались каждый на своей.

Из темноты за спинами донёсся тяжёлый механический лязг. Шестерни. Рельсы. Рёв двухтактных двигателей. Запах выхлопа, озона и раскалённого металла.

Прожекторы выхватили стену.

Пять метров высотой. Серый бетон. Скрытые рельсы. Она медленно катилась к ним, перегораживая сцену от края до края.

В стене были прорезаны человеческие силуэты.

Нелепые, сложные, унизительно театральные позы.

И каждый контур был обведён не бетоном, а вращающи-

мися цепями бензопил. Лезвия визжали, металл краснел от трения, в воздух летели искры.

— ПРАВИЛА ПРОСТЫ! — проорал Ведущий. — ДОРОЖКА ЕДЕТ ВПЕРЁД! СТЕНА ЕДЕТ НА ВАС! ПРИМИТЕ ПОЗУ — И ПРОЙДЁТЕ! ОШИБЁТЕСЬ НА МИЛЛИМЕТР — И ВАШИ ЧАСТИ ТЕЛА ПОПАДУТ В ПОДАРОЧНЫЙ ФОНД НАШЕГО ШОУ!

Каэль оценил стену.

Скорость. Расстояние. Режущие кромки. Вероятность регенерации.

С обычной бензопилой он мог бы позволить себе небрежность.

Но здесь не работала обычная физика повреждений.

Вафельница не раздавила Энрике. Она сделала из него вафлю, потому что так требовал формат. Значит, стена не отрежет руку. Она сделает с телом то, что будет смешнее для аудитории.

Рисковать было неразумно.

Ленты дёрнулись.

Сначала медленно.

Потом быстрее.

Участников понесло навстречу визжащей стене.

— ПЕРВЫМ ИГРАЕТ НАШ ЛЮБИТЕЛЬ НЕЗАКОННЫХ ВЕЩЕСТВ! — объявил Ведущий.

Прожектор высветил силуэт напротив наркомана.

Человек на одной ноге. Корпус откинут назад. Руки в сто-

роны. Шея вытянута вперёд.

Под прорезью загорелась надпись:

ЛЕТЯЩАЯ УТКА

Наркоман закричал.

Он попытался спрыгнуть с дорожки, но невидимая стена ударила его по рёбрам и отбросила обратно.

— Давай, птичка! — Ведущий захихикал. — Полетели!

Стена была уже близко.

Жар от цепей сушил кожу. Воняло маслом и палёным мясом.

Потом вмешался скрипт.

Воздух вокруг наркомана уплотнился. Невидимые нити схватили его за руки, ноги, шею.

— Мои руки! — завизжал он. — Что с моими руками?!

Система помогала.

В этом и было её издевательство.

Она не просто убивала игрока. Она давала шанс. Заставляла тело принять правильную позу, а сознание — присутствовать при каждом хрусте.

Левая рука наркомана взлетела вверх.

Плечо провернулось слишком далеко.

ХРЯСЬ.

Кость прорвала кожу. Кровь брызнула на чёрную резину. Рука повисла под невозможным углом, превращаясь в сломанное “крыло”.

Он почти успел.

Почти.

Голова оказалась на два сантиметра выше прорези.

Лезвия коснулись лба.

Реальность моргнула.

Тело не разорвало.

Оно пикселизировалось.

На долю секунды наркоман стал набором крупных квадратов — кожа, кровь, зубы, зрачки, синий кусок куртки.

Потом всё рассыпалось.

КРАШ-Ш-Ш-Ш!

По дорожке посыпались сотни ровных кубиков. Красные — мышцы. Белые — кость. Синие — одежда. Один кубик с фрагментом широко открытого глаза отскочил от невидимой стены и упал к ногам Каэля.

Мониторы взорвались овацией.

Стена остановилась и отъехала назад во тьму.

— КАКАЯ ЖАЛЬ! — Ведущий согнулся от смеха. — НАШ УЧАСТНИК ОКАЗАЛСЯ СЛИШКОМ... КВАДРАТНЫМ!

Каэль посмотрел на кубик с глазом.

Тёплый.

Влажный.

Идеальный.

Аномалия не убивала как хищник.

Она редактировала смерть под визуальный стиль.

— А ТЕПЕРЬ... — Ведущий повернул кинескоп к нему.

— ВРЕМЯ НАШЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА!

Дорожка под ногами Каэля ускорилась.

Из темноты вышла вторая стена. Бензопилы визжали громче. Искры летели веерами.

Каэль шёл ровно, подстраиваясь под движение ленты, будто прогуливался по аллее собственного замка.

Прожектор высветил его силуэт.

Сидящий человек. Спина прямая. Нога закинута на ногу. Правая рука держит маленькую чашку. Мизинец оттопырен.

Надпись:

ВРЕМЯ ПИТЬ ЧАЙ

Каэль мысленно выругался на трёх мёртвых языках.

Поза была несложной.

Проблема была в чашке.

Скрипт требовал не имитации. Он требовал контура. Формального соответствия.

А значит, ему нужен был объект.

Стена приближалась.

Десять метров.

Восемь.

Скрипт потянулся к его телу. Сжал колени, дёрнул правую руку, попытался посадить его в воздух раньше времени.

Каэль сопротивлялся.

Не грубо.

Точно.

Его глаза на миг вспыхнули тёмным багровым золотом.

Он продавил чужую волю не силой мышц, а старым, упрямым правом оставаться собой. Скрипт зашипел где-то под кожей, но отступил на полсекунды.

Этого хватило.

Пять метров.

Каэль наклонился и поднял кубик с глазом.

Тёплый. Мягкий. Один сантиметр на один сантиметр. На одной грани застыл фрагмент зрачка.

Три метра.

Бензопилы ревели уже перед лицом.

Капли масла и крови летели на пальто.

Каэль выпрямился.

И в последнюю секунду позволил скрипту взять ноги.

Тело зависло в позе сидящего человека.

Идеально прямая спина.

Нога на ногу.

Правая рука поднята перед лицом.

Двумя пальцами он держал кровавый кубик так изящно, словно это была фарфоровая чашка из коллекции, за которую Морра убила бы половину персонала.

Мизинец был оттопырен безупречно.

Стена накрыла его.

Лезвия прошли в миллиметре от кожи. Жар опалил щёку. Искра прожгла крошечную дырку на воротнике. Рёв металла на секунду выбил слух.

Но контур совпал.

Система засчитала форму.

Пока стена проходила мимо, Каэль слегка наклонил голову, поднёс кубик к губам и сделал символический глоток воздуха, слизав с грани каплю крови.

Не потому, что хотел.

Потому что это было оскорбительно элегантно.

Аномалия требовала шоу.

Каэль дал ей этикет.

Стена пронеслась дальше и исчезла во тьме.

ДЗИНЬ-ДЗИНЬ-ДЗИНЬ-ДЗИНЬ!

Фанфары взорвали студию. Стробоскопы залили всё белым пульсом.

— НЕВЕРОЯТНО! — Ведущий сорвался почти в ультразвук. На экране появилась чайная чашка с фонтаном салюта. — КАКАЯ ГРАЦИЯ! КАКОЕ СОБЛЮДЕНИЕ ЭТИКЕТА! ЭТОТ ПАРЕНЬ ЗНАЕТ ТОЛК В ЧАЕПИТИИ!

Каэль выпрямился.

Дорожка остановилась.

Он разжал пальцы, позволяя кубику упасть под ноги.

Во рту остался вкус крови — горькой, горячей, пропитанной страхом и дешёвыми стимуляторами.

Каэль сплюнул на пол.

Слюна была красной.

— Вы закончили? — спросил он, глядя прямо в кинескоп Ведущего. — У меня остывает ужин в нормальном мире.

Студия на мгновение сбилась.

Не сильно.

Но достаточно.

Один ряд мониторов погас и тут же включился снова. Аплодисменты закашлялись коротким цифровым треском. Музыка потеряла такт.

Каэль заметил.

Ведущий тоже.

Его экран медленно потемнел. Весёлая анимация исчезла. Остался только белый шум.

Когда он заговорил, из голоса ушла вся ситкомная радость. Остался сухой металлический скрежет мёртвой эфирной частоты.

— НИКТО НЕ УХОДИТ ДО СУПЕР-ИГРЫ.

Пауза.

Потом экран повернулся к третьему бандиту.

Тот всё ещё стоял на своей дорожке, пустой, неподвижный, с тонкой струйкой крови под носом.

— ИЛИ ТЫ ЗАБЫЛ, ЧТО У НАС ЕЩЁ ОДИН ИГРОК?

Свет погас.

Остались только два тусклых луча: один на Каэле, второй — на кататоническом человеке, которого шоу ещё не решило, как использовать.

В темноте мониторы шептали статикой.

Шоу больше не просто развлекалось.

Оно начинало злиться.

* * *

Тьма не принесла тишины.

Она опустилась на студию плотным синтетическим слоем, пахнущим горелой изоляцией, дешёвой ванилью и кровью, которую слишком быстро убрали с пола.

Беговые дорожки втянулись под глянцевые квадраты. Где-то наверху скрежетали лебёдки. Невидимые механизмы ворочали декорации, перестраивая пространство под новый жанр.

Каэль стоял неподвижно.

Кровь Энрике и наркомана застывала на его руках, стягивая кожу. Он ненавидел грязь. Не из эстетической прихоти. Грязь была формой энтропии. Доказательством того, что мир гниёт и пытается оставить след на всём, чего касается.

А сейчас он сам был покрыт ошмётками чужого конца.

Он прислушался к себе.

В основании черепа пульсировало знакомое чувство.

4:44.

Не время. Не цифры.

Рваный шов в ткани мира.

Та самая внутренняя вибрация, которая будила его каждое утро, когда реальность на миг переставала притворяться стабильной. Здесь это ощущение было ближе. Грубее. Как если бы кто-то взял тонкий механизм рассвета и собрал из него дешёвый телевизионный аттракцион.

Аномалия была нестабильна.

Она жрала энергию с чудовищной скоростью, поддерживая невозможную студию, аудиторию, правила, роли, смерть.

И всё равно продолжала играть.

Щёлк.

Свет вернулся.

Теперь он был мягким, розово-пурпурным, интимным. Из динамиков потёк смус-джаз — саксофон, клавишные, липкая мелодия из дешёвого романтического шоу восьмидесятых.

Каэль почти пожалел, что недавно упоминал нормальный джаз.

— О-О-О, ВЫ ТОЛЬКО ПОСЛУШАЙТЕ ЭТУ МУЗЫКУ! — голос Ведущего снова стал бодрым, но в нём появилась вкрадчивая бархатная мерзость.

Из пола поднялась новая декорация.

Два барных стула, обитых красным бархатом. Между ними — матовая пластиковая ширма с неоновыми сердцами.

Мониторы в темноте протянули:

— У-у-у-у-у...

Каэль посмотрел на последнего бандита.

Крупный, татуированный, он стоял неподвижно, с открытым ртом и стеклянными глазами. Из носа текла тонкая струйка крови. Его мозг больше не пытался участвовать в происходящем.

Для человека это было спасением.

Для телевидения — провалом.

Скрипт снова вошёл в тело.

Бандит дёрнулся. Левая нога поехала вперёд, не сгибаясь в колене. Потом правая. Суставы щёлкали, мышцы сопротивлялись, но невидимые нити тащили его к стулу.

Он начал тихо мычать.

Сознание всё ещё было где-то внутри. Запертое, раздавленное, но живое. Достаточно живое, чтобы чувствовать, как чужая воля двигает его костями.

Его усадили.

Спину выпрямили.

Плечи развернули.

Потом скрипт взялся за лицо.

Уголки губ поползли вверх. Щёки натянулись. Глаза расширились. На парализованное лицо бандита легла маска смущённого романтического ожидания.

Из правого глаза выкатилась слеза.

Он плакал от ужаса.

Но улыбался как участник передачи о любви.

— НАШ СЛЕДУЮЩИЙ ИГРОК! — Ведущий проскользил к ширме. На его кинескопе Купидон стрелял из лука в горящее сердце. — ОН МОЛОД, ОН ГОРЯЧ, И ОН ИЩЕТ СВОЮ ВТОРУЮ ПОЛОВИНКУ! НО СМОЖЕТ ЛИ ОН УГАДАТЬ, КТО ПРЯЧЕТСЯ ЗА ШИРМОЙ?!

Прожектор высветил силуэт за матовым пластиком.

На втором стуле кто-то сидел.

Или что-то.

Фигура была слишком квадратной. Слишком ровной. Она пульсировала, но не как плоть. Скорее как экран, который пытается удержать изображение после потери сигнала.

Каэль прищурился.

Его зрение увязло в пластике.

За ширмой не было тепла. Не было сердцебиения. Не было дыхания.

Оттуда тянуло озоном, горелой медью и тем сухим холодом, который появляется в воздухе за секунду до удара молнии.

— ПРАВИЛА ИГРЫ “УГАДАЙ, КТО?”! — объявил Ведущий. — НАШ УЧАСТНИК ЗАДАЁТ ТРИ ВОПРОСА ТАИНСТВЕННОМУ ГОСТЮ! ЗАТЕМ УГАДЫВАЕТ ЕГО ПРОФЕССИЮ! УГАДАЕТ — РОМАНТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ! НЕ УГАДАЕТ... ЧТО Ж, ЛЮБОВЬ ЗЛА!

Аплодисменты.

Ведущий сунул микрофон бандиту почти в рот.

— ПЕРВЫЙ ВОПРОС!

Челюсть бандита дёрнулась. Сустав щёлкнул, выходя из паза.

— П-привет... — выдавил он чужим голосом. — Расскажи... о своих увлечениях...

Из-за ширмы ответили.

Это не было речью.

Скорее аварией, которой придали грамматику.

Белый шум. Гул высоковольтной линии. Треск старого телевизора. Запись автомобильного столкновения, пропущенная через горло мёртвого диктора.

— Я ЛЮБЛЮ НАБЛЮДАТЬ, КАК СТИРАЮТСЯ ЭПОХИ, — сказал Гость.

Пластиковая ширма мелко задрожала.

— Я КОЛЛЕКЦИОНИРУЮ ПОСЛЕДНИЕ ВЗДОХИ ВИДОВ, КОТОРЫЕ ПОСМЕЛИ СЧИТАТЬ СЕБЯ ВАЖНЫМИ. И ИНОГДА... ВЫШИВАЮ КРЕСТИКОМ.

Закадровый смех загоготал.

Каэль перестал смотреть на бандита.

Он смотрел на ширму.

В словах Гостя было слишком много знакомого: стирание эпох, исчезновение видов, память, которую кто-то аккуратно вырезает из мира. Это уже не было обычной студийной шуткой.

Аномалия проговорилась.

Или хотела, чтобы он услышал.

— КАКАЯ РАЗНОСТОРОННЯЯ ЛИЧНОСТЬ! — восхитился Ведущий. — ВТОРОЙ ВОПРОС!

Бандит задыхался в собственной улыбке.

— К-какое... твоё любимое блюдо?

— ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ, — ответил Гость сразу. Свет за ширмой мигнул багровым. — СТРАХ ТЕХ, КТО ПОНИМАЕТ, ЧТО ИХ НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО. И ПАСТА КАРБОНАРА. БЕЗ СЛИВОК.

— ИСТИННЫЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕЦЕПТ! — завопил Ведущий. — ТРЕТИЙ ВОПРОС!

Бандит попытался сомкнуть зубы.

Скрипт не позволил.

Голова сама склонилась набок в кокетливом жесте.

— Любишь ли ты... долгие прогулки... по пляжу?

Мониторы протянули нежное:

— А-а-а-ах...

Гость за ширмой стал тише.

От этого его голос сделался страшнее.

— Я ЛЮБЛЮ ВСПАРЫВАТЬ АТМОСФЕРУ И ПИТЬ ОШИБКИ ПРИЧИННОСТИ, — сказал он. — ЛЮБЛЮ ТРЕСК СВЯЗЕЙ, КОТОРЫЕ ДЕРЖАТ МИР ВМЕСТЕ. И ПЕСОК. ДА. ПЕСОК ПРИЯТНО ХРУСТИТ НА ЗУБАХ.

Каэль скрестил руки на груди.

Ему стало окончательно ясно: эта передача была не просто ловушкой.

Она была переводчиком.

Чем-то между сломанной реальностью и его сознанием. Аномалия не могла говорить напрямую, поэтому говорила форматами: викториной, романтическим шоу, рекламой, призами, наказаниями.

И чем дольше она говорила, тем ближе подбиралась к главному.

— ВРЕМЯ ВЫШЛО! — Ведущий ткнул микрофон в окровавленный рот бандита. — КТО ЖЕ ПРЯЧЕТСЯ ЗА

ШИРМОЙ?!

Бандит посмотрел на Каэля.

Не как враг.

Как человек, которого оставили в комнате с богом и мясорубкой, и он всё ещё надеялся, что бог вмешается.

Каэль не вмешался.

Он был не спасателем.

Он был свидетелем вскрытия.

— У-учитель... — прохрипел бандит. — Учитель начальных классов?

Тишина.

Музыка оборвалась.

На экране Ведущего вспыхнула красная буква:

Х

БЗЗЗЗЗЗЗТ!

— НЕПРАВИЛЬНО! — взревел Ведущий. — ОН РАБОТАЕТ В НАЛОГОВОЙ!

Неоновые сердца взорвались искрами.

Ширма рухнула.

За ней сидел куб.

Не тело. Не монстр. Не механизм.

Куб из телевизионной статики.

Чёрно-белые пиксели бешено крутились внутри прозрачных граней. Из боков торчали кабели, антенны, ржавая проводка, влажные жилы чего-то слишком похожего на нервы. Он пульсировал, как сердце экрана, который давно должен

был погаснуть.

Бандит закричал.

Скрипт наконец отпустил его голос — ровно настолько, чтобы получить чистый звук ужаса.

Из куба выстрелили кабели.

Они обвили шею, грудь, руки. Пробили куртку, кожу, мышцы. На концах вспыхнули синие искры.

— НЕТ! МАМА! — завизжал бандит.

Куб дёрнул его к себе.

Не быстро.

Смакуя.

Тело втягивалось в статику по сантиметру. Голова первой вошла в чёрно-белую воронку. Послышался мокрый хруст, смешанный с электрическим треском. Плечи сложились под неправильным углом. Кости перемалывались не в фарш, а в помехи.

Последним исчез грязный ботинок.

ГЛУП.

Куб удовлетворённо пульсировал на стуле.

Из одного кабеля капнула кровь.

Аудитория ревела.

Каэль выдохнул через нос.

— Вы издеваетесь, — тихо сказал он.

— КАКАЯ ТРАГЕДИЯ! — Ведущий театрально смахнул невидимую слезу. — НАШ УЧАСТНИК НЕ СМОГ РАСПОЗНАТЬ НАСТОЯЩУЮ ЛЮБОВЬ! НО ЭТО ЗНАЧИТ...

Музыка сменилась.

Низкие струнные. Глухой удар барабана. Финальная интонация телешоу, где сейчас либо вручат миллион, либо убьют кого-то ради рейтинга.

Прожекторы погасли один за другим.

Остался один столб холодного света.

Он ударил в Каэля.

— НАШ МОЛЧАЛИВЫЙ ДРУГ ОСТАЛСЯ ОДИН! — голос Ведущего перешёл в зловещий шёпот. — ОН ПЕРЕЖИЛ ВРАЩЕНИЕ СМЕРТИ! ПОПИЛ ЧАЙКУ С БЕНЗОПИЛАМИ! УВИДЕЛ ЛЮБОВЬ В ЕЁ ИСТИННОЙ ФОРМЕ! И ТЕПЕРЬ...

Сцена вокруг начала исчезать.

Барные стулья, ширма, куб, кровь — всё выключалось слоями, будто кто-то снимал декорации с самой реальности.

Остались чёрная пустота, Каэль, Ведущий и один столб света.

Температура упала.

Воздух стал сухим, колючим, пахнущим морозом и медью.

Ведущий подошёл ближе.

Кинескоп больше не показывал улыбок. Экран светился ровным холодным синим.

Как экран смерти.

— Финал, — сказал он.

Теперь это был не голос шоумена.

Это был голос самой аномалии — древний, голодный, лишённый кривляний.

Над ними вспыхнула красная надпись:

СУПЕР-ИГРА

— Ответишь правильно, — сказал Ведущий, — вернёшься в свою жалкую реальность.

Каэль посмотрел в синий экран.

— А если я просто оторву тебе голову?

Тихий синтетический смешок.

— Физика здесь не работает, аномалия номер ноль. Ты в эфирной сетке. Ты — контент. А контент не бьёт режиссёра.

Каэль не изменился в лице.

Но внутри эта фраза заняла своё место.

Аномалия номер ноль.

Не оскорбление.

Классификация.

Значит, она знала о нём больше, чем показывала.

— Вопрос на твою жизнь, — сказал Ведущий.

Тишина стала почти физической.

— Каков вес надежды в тротиловом эквиваленте, если умножить его на время 4:44?

Перед Каэлем вспыхнул таймер.

10...

9...

8...

Вопрос был бессмысленным.

Но не случайным.

Надежда.

Взрыв.

4:44.

Аномалия снова пыталась заставить его играть в драму. Искать символ, испугаться цифр, придать вопросу важность.

Каэль посмотрел на Ведущего так, как смотрят на насекомое, решившее объяснить гравитацию.

— Ноль, — сказал он.

Таймер замер на шести.

Экран Ведущего вспыхнул красным.

— НЕПРАВИЛЬНО! ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ — КЛУБНИЧНЫЙ ВКУС!

Сирены взвыли.

Мониторы начали скандировать:

— НА-КА-ЗАТЬ! НА-КА-ЗАТЬ! НА-КА-ЗАТЬ!

Из пола вокруг Каэля вырвались секции бронестекла. Они сомкнулись над головой, образуя прозрачный цилиндр.

Каэль ударил костяшками по стенке.

Глухо.

Без вибрации.

Не стекло.

Концепция тюрьмы, оформленная как стекло.

— СУПЕР-ИГРА ПРОИГРАНА! — радостно объявил Ведущий. — ВРЕМЯ УТИЛИЗАЦИИ КОНТЕНТА!

Из решёток в полу поднялась статика.

Не дым.

Жидкий телевизионный шум.

Чёрно-белые пиксели заполнили дно капсулы и поползли вверх по ногам Каэля. Там, где они касались обуви, кожа ботинок распадалась на цифровую рябь. Затем шум добрался до плоти.

Боль была настоящей.

Острой.

Электрической.

Тысячи микроскопических укусов впивались в кожу, стирая клетки быстрее, чем регенерация успевала их собирать заново.

Ведущий ходил вокруг капсулы.

— СМОТРИТЕ, КАК ОН БУДЕТ СТРАДАТЬ! ДАЙТЕ НАМ ЭМОЦИИ! ДАЙТЕ НАМ РЕЙТИНГИ!

Мониторы ревели.

Невидимые камеры смотрели на него со всех сторон. Каэль чувствовал их как холодные пальцы на коже.

Аномалия ждала.

Крика.

Паники.

Ударов по стеклу.

Отчаяния.

Она хотела финальную сцену.

И тогда Каэль понял, как её убить.

Не силой.

Не кровью.

Не пафосом.

Пустотой.

Он расслабился.

Опустил руки.

Выпрямил спину.

С лица исчезли боль, злость, раздражение. Всё. До последней морщины. Осталась только ровная, бездонная скука существа, которое уже видело достаточно концов света, чтобы не впечатляться плохо поставленной викториной.

Статика поднялась до бёдер.

Каэль широко зевнул.

Потом посмотрел на свои ногти.

Так, будто ждал очереди в учреждении с плохо работающим кондиционером.

Студия дрогнула.

Скандирование сбилось.

— НА-КА... на... ка...

Несколько мониторов погасли.

Ведущий остановился.

— Эй, — сказал он.

Каэль не смотрел на него.

Он рассматривал ноготь на большом пальце.

— ЭЙ! — Ведущий ударил микрофоном по капсуле. — ТЫ ДОЛЖЕН КРИЧАТЬ! ЭТО СМЕРТЕЛЬНАЯ ЛОВУШКА! ТЕБЕ БОЛЬНО!

Каэль медленно повернул голову.

Посмотрел на Ведущего взглядом человека, которого отвлекли от неинтересной мысли ещё более неинтересным звуком.

Потом тяжело вздохнул.

На стене вспыхнул термометр:

РЕЙТИНГИ

Красная полоса начала падать.

90%.

70%.

40%.

— НЕТ! — голос Ведущего сорвался в писк. — НЕТ-НЕТ-НЕТ! РЕКЛАМОДАТЕЛИ УХОДЯТ! СДЕЛАЙ ЛИЦО! УМОЛЯЙ О ПОЩАДЕ! ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!

Мониторы свистели.

Не радостно.

Разочарованно.

Рейтинг упал до десяти.

Статика остановилась.

Без внимания она перестала быть кислотой. Перестала быть приговором. Стала просто спецэффектом — рябью, которой никто не верит.

Рейтинг упал до нуля.

Термометр лопнул с жалким звуком спущенного шарика.

Капсула пошла трещинами.

Концепция тюрьмы умерла вместе с жанром.

Каэль поднял взгляд.

Скука исчезла.

Вернулась ярость.

Тихая. Холодная. Очень старая.

— Шоу закрывается, — сказал он.

Короткий удар.

Капсула разлетелась.

Осколки пластика и стеклянной идеи брызнули наружу, смешиваясь с умирающей статикой.

Каэль шагнул вперёд.

Кожа на ногах была покрыта ожогами и цифровыми язвами, но уже затягивалась, выпуская тонкий пар.

Ведущий попятился.

— ОХРАНА! — завизжал он. — СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ! РЕЖИССЁР, У НАС ПРОРЫВ КОНТЕНТА!

Из темноты метнулись маскоты.

Уже не кролики-уборщики.

Раздутые плюшевые твари с расходящимися швами, мышцами под грязной тканью и металлическими конструкциями внутри. В лапах — топоры, электрошокеры, крючья.

Каэль посмотрел на них.

Потом — наверх.

Над сценой ещё висела надпись:

СУПЕР-ИГРА!

Жёлтый восклицательный знак в конце дрожал, истекая неоном.

Каэль подпрыгнул.

Рука сомкнулась на знаке.

Он оторвал его с сухим треском, будто вырвал кость из светящегося скелета. Двухметровый символ оказался твёрдым, гудящим, острым на конце.

Первый маскот бросился с топором.

Каэль приземлился уже в движении.

Восклицательный знак вошёл твари в грудь, пробив плюш, плоть и металл. Из раны хлынула ярко-красная кровь. Каэль провернул знак и швырнул тело в сторону.

Второго он ударил тупым концом в голову.

BONK.

Мультяшный звук наложился на настоящий мокрый треск черепа.

Третий замахнулся электрошокером. Каэль поднырнул, схватил его за горло и сжал. Позвонки хрустнули. Четвёртого он встретил телом третьего, приняв разряд на умирающего маскота, потом ударом колена вмял человеческое лицо внутри плюшевой головы.

Пятый попятился.

Каэль подошёл спокойно, почти лениво.

Вывернул ему руку в плечевом суставе и ударил ладонью в грудь.

Сердце внутри лопнуло.

Тишина.

Пять тел лежали на неоновом полу, уже переставшем

быть неоновым.

Каэль повернулся к Ведущему.

Тот стоял на краю сцены. Экран почернел. На нём мигал маленький белый курсор.

— Мы можем договориться, — пискнул динамик голосом из рекламы зубной пасты. — Контракт. Прайм-тайм. Собственное шоу. У тебя есть потенциал. Ты... нетелегеничный, но в этом есть ниша.

Каэль подошёл.

Не торопясь.

Он не ударил.

Не сорвал кинескоп сразу.

Просто взял микрофонный провод, тянущийся от руки Ведущего к его шее, и медленно обмотал его вокруг искрящегося основания кинескопа.

— Ты забыл главную фразу, — сказал Каэль.

Ведущий захрипел. Экран вспыхнул помехами.

Каэль натянул провод.

Пластик затрещал. Внутри шеи рвались кабели.

— Не переключайтесь, — произнёс он.

И рванул.

Кинескоп лопнул внутрь себя с глухим вакуумным хлопком. Искры брызнули во все стороны. Фиолетовый пиджак загорелся. Тело Ведущего дёрнулось и рухнуло на пол.

Музыка умерла.

Софиты погасли один за другим.

Студия начала гнить.

Пол трескался и осыпался в пустоту. Неоновые вывески тускнели, стекая серой слизью. Воздух наполнился запахом мокрого картона, палёной пыли и старого телевизора, который слишком долго показывал мёртвый канал.

В темноте синхронно поднялись зрители.

Сотни белых экранов.

Без лиц.

Без тел.

Они больше не аплодировали.

Они просто смотрели.

Не сердито.

Не испуганно.

Запоминающе.

Каэль стоял среди умирающей студии с куском провода в руке и понял: аномалия не умерла.

Она закрыла выпуск.

Из разбитого кинескопа донёсся ровный машинный сигнал:

— Пиииииип... Программа передач на сегодня окончена. До встречи в 4:44...

Белая вспышка.

З-З-З-З-Т.

Удар.

Каэль врезался спиной в мокрый асфальт.

Лёгкие выбросили воздух. В лицо ударил ледяной дождь.

Запахло мусором, мочой, сырым бетоном и Кито — настоящим, грязным, человеческим.

Он открыл глаза.

Тот же переулок.

Тот же синий фонарь.

Та же ночь.

Каэль медленно поднялся на локте.

По внутренним часам прошло меньше минуты.

Пальто промокло насквозь.

Но не только от дождя.

Он посмотрел на руки.

Костяшки были сбиты до мяса. Под ногтями застряли куски кожи. Правая ладонь сжимала не оборванный провод.

Ржавую водосточную трубу.

Каэль разжал пальцы.

Труба упала в красную лужу.

Только теперь он увидел тела.

Четверо.

Все здесь.

Никакой вафельницы. Никаких кубиков. Никакого телевизионного гостя из статики. Никаких маскотов.

Просто переулок.

И люди, которых он убил руками, пока его сознание смотрело передачу.

Главарь со шрамом лежал у стены. Грудная клетка была проломлена внутрь, рёбра торчали сквозь кожаную куртку.

Наркоман лежал лицом вниз, голова вывернута почти на сто восемьдесят градусов. Третий — с раздавленным черепом. Четвёртый — у мусорных баков, с горлом, превращённым в мокрую, бесформенную щель.

Каэль смотрел на них.

Дождь смывал кровь с его лица.

Студия была фильтром.

Сценарием.

Переводом.

Пока он сражался с шоу, его тело в реальном мире выполняло монтаж. Каждый маскот, каждая декорация, каждый победный номер имел соответствие здесь, в грязном переулке.

Аномалия не просто поймала его.

Она заставила его насилие выглядеть как развлечение.

И это было почти умно.

Каэль поднял взгляд на мигающий фонарь.

Синий свет дрогнул.

На долю секунды внутри лампы вместо неона вспыхнул белый прямоугольник — маленький экран без изображения.

Потом всё стало обычным.

Почти.

Каэль вытер лицо рукавом.

— Ненавижу, — сказал он в пустой переулок, — шоу талантов.

Дождь продолжал падать.

Но теперь он снова падал прямо.

* * *

Туман над горами Кито никогда не был просто туманом.

Он висел между склонами тяжёлыми серыми пластами, цеплялся за деревья, ложился на камни влажной тканью и пах мокрым базальтом, пеплом, гниющими орхидеями и старыми тайнами, которые город предпочитал не вспоминать.

Каэль шёл вверх по извилистой тропе.

Тяжёлые ботинки ступали по лужам и гравию почти бесшумно. В серой пелене он казался не человеком, а дефектом пейзажа — тенью, которая решила сменить место.

Далеко внизу Кито мерцал оранжевыми и неоновыми пятнами. Город спал, коротко, беспокойно, по-человечески. Он не знал, что над ним реальность истончилась до мокрой папиросной бумаги.

Каэль чувствовал себя отвратительно.

Не из-за усталости.

Физическая усталость давно перестала быть для него убедительным аргументом.

Из-за грязи.

Пальто отяжелело от дождя, крови, машинного масла и чего-то сухого, синтетического, что осталось после телевизионной статики. Кровь четырёх уличных бандитов подсыхала на ткани, превращая дорогую шерсть в жёсткий тёмный

панцирь.

Правая рука уже заживала. Кожа стягивалась, выталкивая наружу микроскопические частицы ржавчины от водосточной трубы.

Но хуже была фантомная грязь.

Каэль всё ещё чувствовал на лице ту улыбку.

Натянутую.

Пластмассовую.

Не свою.

Скрипт аномалии залезал под кожу, дёргал за нервы, пытался превратить его тело в реквизит. Он мог спокойно относиться к боли. К крови. К разорванной плоти. К смерти.

Но потеря контроля была оскорблением совершенно другого уровня.

Тропа повернула.

Туман нехотя расступился, открывая ворота замка.

Кованые створки возвышались над дорогой, сплетённые из железных ветвей с острыми пиками. На прутьях то появлялись, то исчезали тёмные пятна, будто металл вспоминал чужую кровь и тут же забывал её.

За воротами громоздился замок.

Огромный, асимметричный, вросший в скалу. Тёмный камень башен уходил в облака. В некоторых окнах горел тусклый свет, хотя Каэль точно знал: в этих крыльях никто не жил уже сотни лет.

У ворот спорили.

Бруно сидел на корточках в луже у каменного столба и грыз длинную трубчатую кость с ошмётками мяса. По размеру она могла принадлежать крупной собаке.

Или невысокому туристу.

Гаш висел вниз головой на горгулье над аркой. Его тощее тело в серой облезлой шерсти раскачивалось на ветру. Металлическая челюсть поскрипывала. Одной рукой он пытался вставить собственный левый глаз обратно в глазницу, второй ловил его, когда тот выпадал.

— Я тебе говорю, это был не почтальон, — булькнул Гаш, наконец запихнув глаз на место. Тот сразу начал смотреть в сторону, независимую от второго. — У него не было сумки. И он пах страхом и корицей. Почтальоны так не пахнут. Они пахнут счетами и отчаянием.

Бруно проглотил кусок хряща.

— Мясо есть мясо. Мясо было в нашей зоне. Я съел мясо.

— Это не аргумент.

— Это философия.

— Ты вчера пытался съесть свою тень.

— Она двигалась, когда я стоял.

— Это называется “тень”, Бруно.

— Подозрительно удобное название.

Каэль вышел из тумана.

Гаш первым его заметил. Оба его глаза на секунду сфокусировались.

Потом он отцепился от горгульи, перевернулся в воздухе и

рухнул на брусчатку с мокрым мясным шлепком. Колено вывернулось наружу. Гаш посмотрел на торчащую кость, ударил по ней кулаком, вправляя сустав, и вытянулся во фрунт.

Бруно подавился костью, закашлялся, выплюнул окровавленный хрящ и тоже вскочил.

— Босс, — прохрипел Гаш, принюхиваясь. — Ты пахнешь... сложно.

— Кровь, — сказал Бруно с голодным интересом. — Много крови. Человеческая. Свежая. Ещё пластик. Горелый. Босс, ты жарил людей в пластике? Зачем? Это портит вкус.

Каэль остановился перед воротами.

Он не посмотрел на них.

— Открыть.

Голос был тихий.

Ровный.

И настолько пустой, что даже Бруно перестал жевать.

Гаш ударил металлической рукой по скрытому механизму в каменном столбе.

Внутри стен застонали древние шестерни. Цепи натянулись со звуком, похожим на сдержанный рык. Тяжёлые створки медленно разошлись.

Замок впускал хозяина.

Каэль почувствовал это сразу.

Камень под ногами стал чуть теплее. Воздух во дворе уплотнился, словно огромное невидимое существо свернулось у входа и подняло голову.

Он прошёл внутрь.

— Босс! — крикнул Бруно ему вслед. — Если ты кого-то не доел, мы можем прибрать!

— Я вчера съел кусок мозга и теперь помню, как звали его собаку, — сообщил Гаш в туман. — Пушок. Очень неудачное имя для существа с такой хрупкой шеей.

Каэль не ответил.

Дубовые двери главного входа распахнулись сами, обдав его сухим тёплым воздухом. Пахло старой бумагой, свечным воском, сандалом и камнем, который слишком долго хранил чужие шаги.

Главный холл встретил его тишиной.

Не пустой.

Ждущей.

Потолок терялся во мраке. Каменные колонны поднимались вверх, как рёбра гигантского существа. По стенам висели портреты в тяжёлых позолоченных рамах.

Когда Каэль прошёл по ковру, оставляя мокрые кровавые следы, глаза на холстах повернулись за ним.

— Он злится, — прошелестела женщина с перерезанным горлом. Порез на её шее едва пульсировал.

— Он всегда злится, — ответил мужчина в доспехах, у которого вместо лица была чёрная дыра. — Но сейчас от него пахнет смертью и... передачей.

— Чем?

— Не знаю. Чем-то, что нужно выключить.

Каэль снял пальто.

Ткань отлипла от плеч с влажным, неприятным звуком. Он бросил его на пол. Пальто упало тяжело, образовав тёмную лужу.

— Только не говори мне, что ты решил использовать ковёр тринадцатого века как половую тряпку.

Голос пришёл сверху.

Каэль не вздрогнул.

Морра спускалась из-под потолка.

Не летела — скользила, словно гравитация была для неё бытовым советом, а не законом. Её чёрные крылья из дыма и рваного кружева таяли по краям, смешиваясь с тенями холла.

На ней было длинное викторианское платье.

И ярко-жёлтый человеческий дождевик поверх него.

Абсурдный.

Безвкусный.

Носимый с такой уверенностью, будто это была королевская мантия.

Морра приземлилась на край дубового стола, спрыгнула вниз и брезгливо пнула пальто носком ботинка.

— Итальянская шерсть. Индивидуальный пошив. Ты представляешь, как сложно найти портного, который умеет шить по меркам девятнадцатого века, не задаёт вопросов и не падает в обморок, когда мерки снимают с него самого?

Она подняла взгляд.

Её ноздри дрогнули.

— Ты выглядишь так, будто пытался прожевать газонокосилку.

Каэль подошёл к буфету из красного дерева. Достал хрустальный стакан и бутылку без этикетки. Янтарная жидкость внутри не плескалась, а перекатывалась густо, как сироп.

— Я был внутри телевизора, Морра, — сказал он, наливая на два пальца.

Морра открыла рот, явно готовая продолжить тираду про пальто.

И закрыла.

Золотой блеск в её глазах стал острым.

— Внутри телевизора?

— Условно.

— Пространственная петля?

— Хуже.

Каэль сделал глоток. Алкоголь обжёг горло торфом, дымом и чем-то почти кровавым.

— Концептуальная ловушка. Аномалия, выстроенная на правилах развлекательного шоу. Викторина. Колесо фортуны. Романтическая передача. Смерть как рекламная пауза.

Морра подошла ближе.

Сарказм исчез с её лица.

— Что она делала?

Каэль посмотрел на свой стакан.

— Забирала контроль.

Портреты на стенах сразу замолчали.

Даже замок, казалось, стал тише.

Морра медленно сняла дождевик и бросила его на стул.

— Уточни.

— Не иллюзия. Не внушение. Не яд. Физическое подчинение правилам сцены. Я не мог двигаться, пока сценарий не разрешал. Не мог атаковать, пока не приходила очередь. Система заставляла меня аплодировать.

Пауза.

— И улыбаться.

Морра не пошутила.

Это было хуже любого испуга.

Она просто смотрела на него несколько секунд, и в её взгляде впервые за вечер не было ни раздражения, ни театральной язвительности.

Только расчёт.

И тревога.

— Для тебя это почти интимное насилие, — сказала она тихо.

Каэль поднял на неё глаза.

— Для меня это повод убить жанр.

— Как ты выбрался?

— Перестал давать рейтинг. Она питалась реакцией. Страхом. Паникой. Драмой. Я стал скучным.

Морра моргнула.

— Ты убил аномалию депрессией в прямом эфире?

— Презрением.

— Разница тонкая.

— Для дилетантов.

На секунду в холле стало почти нормально.

Потом Каэль сунул руку в карман жилета.

Пальцы наткнулись на что-то плоское.

Он замер.

Медленно достал предмет.

Пластиковая монетка.

Токсично-золотая.

Улыбающийся череп в клоунском колпаке.

На обороте:

СПОНСОР ПОКАЗА — КОРПОРАЦИЯ СЛЁЗ

Морра перестала дышать.

Не образно.

Полностью.

— Это было в твоём кармане?

— В студии я её раздавил.

— Видимо, студия не согласилась.

Каэль положил монетку на стол.

Холл отреагировал мгновенно.

Один из портретов зашипел. В камине сам по себе вспыхнул зелёный огонь. Где-то в глубине стен щёлкнул замок, который никто не открывал триста лет.

Монетка тихо завибрировала.

Сначала почти незаметно.

Потом сильнее.

На её золотой поверхности появилась тонкая белая рябь — прямоугольник света, как крошечный экран.

Морра медленно отступила на шаг.

— Это не сувенир.

— Да.

— Это якорь.

— Да.

— И ты принёс его в мой чистый холл.

Каэль посмотрел на неё.

— В наш чистый холл.

— Не начинай. Ты даже не знаешь, где у нас хранятся салфетки.

Монетка издала тихий звук.

Пиииииип.

Все портреты одновременно закрыли глаза.

Морра резко провела когтем по воздуху. Перед столом вспыхнул тонкий круг золотых искр — защитная печать, дрожащая от напряжения.

— Они мутируют, Каэль, — сказала она уже без шутки. — Раньше аномалии в Кито были трещинами. Улица без конца. Дверь в стену. Комната, где один час повторялся до тех пор, пока жильцы не забывали собственные имена. Ошибки геометрии. Ошибки времени.

Она указала на монетку.

— А это другое. Это навязанный нарратив. Реальность не

просто ломается. Она начинает придумывать себе правила и заставляет живых существ играть роли.

Каэль смотрел на крошечную рябь на пластике.

— Она называла меня “аномалия номер ноль”.

Морра побледнела.

Для дьявольской феи это выглядело почти неприлично.

— Повтори.

— “Аномалия номер ноль”.

— Не “первый субъект”? Не “носитель”? Не “ошибка крови”?

— Именно так.

Морра медленно повернулась к окну, за которым туман бился о стекло.

— Значит, это не случайная петля.

— Я тоже так подумал.

— Это классификация.

— Да.

— И кто-то уже составил список.

В холле стало холоднее.

Каэль поставил стакан на стол.

Хрусталь звякнул.

В этот момент он услышал тишину.

Не общую тишину замка.

Конкретную.

Механическую.

Он повернулся к углу холла.

Там стояли напольные часы из морёного дуба, украшенные резьбой в виде переплетающихся змей. Маятник не двигался.

Каэль подошёл ближе.

Стрелки застыли.

4:44.

— Когда? — спросил он.

Морра встала рядом.

— Три часа назад. В тот момент, когда ты вышел за ворота.

Каэль коснулся стекла циферблата.

Оно было ледяным.

— Перед тем как выбросить меня обратно, Ведущий сказал: “До встречи в 4:44”.

— Это уже четвёртый сбой за неделю, — сказала Морра. — Механизмы Грума ломаются. Лестница в южном крыле вчера вела в пустоту. Портреты на третьем уровне подземелий начали кричать.

— Они часто кричат.

— Не хором.

Пол под ногами едва заметно дрогнул.

Не землетрясение.

Удар.

Глубокий, тяжёлый, утробный.

Будто под замком, под слоями камня, под катакомбами, под всеми забытыми уровнями, что-то огромное сделало один медленный вдох.

Свет в холле моргнул.

Тени колонн вытянулись к центру зала, как чёрные пальцы.

Монетка на столе подпрыгнула.

Раз.

Другой.

На её поверхности мелькнула пиксельная улыбка.

Потом исчезла.

Каэль посмотрел вниз.

Лужа крови, натёкшая с его пальто, не впитывалась в ковёр.

Она ползла.

Медленно, вязко, против наклона пола, через узор старинной ткани — к коридору, ведущему в подземелья.

Замок пил её.

И не только пил.

Он тянул её к себе, как образец.

Как сообщение.

Каэль медленно перевёл взгляд на Морру.

— Мир не просто трещит по швам.

Морра молчала.

— Что-то просыпается, — сказал он. — И оно уже научилось смотреть телевизор.

В дальнем конце холла один из портретов тихо заплакал краской.

Каэль развернулся к лестнице.

— Куда ты? — спросила Морра.

— В душ.

— Разумеется.

— Потом к Груму.

— Тоже разумно.

Каэль остановился на первой ступени и посмотрел на монетку.

Та лежала в защитном круге, тихо вибрируя. На её поверхности опять проступил белый прямоугольник.

Почти экран.

— Если замок собирается ожить, — сказал Каэль, — я хочу знать, где у него кнопка выключения.

Морра посмотрела на ползущую кровь.

— А если кнопки нет?

Каэль поднялся на ступень выше.

— Тогда найдём горло.

Глава 4. Таможенный пункт чужого завтра

Запах был неправильным.

Транзитные зоны в любой точке изломанного мира пахли почти одинаково: пережжённым кофе, антисептиком, которым грязь не убирали, а равномерно размазывали по кафелю, озоном от экранов и кислым человеческим потом — потом тех, кто боится опоздать.

Здесь всё это тоже было.

Кофе. Антисептик. Пластик. Электричество. Страх.

Но под привычной аэропортовой бытовухой лежал другой запах.

Тихий.

Сладковатый.

Официальный.

Так пахнет документ, слишком долго пролежавший в сыром архиве. Так пахнет вскрытая крипта. Так пахнет будущее, которому отказали в продлении.

Каэль стоял в очереди на погранконтроль и смотрел в затылок мужчины перед собой.

Очередь тянулась между красными нейлоновыми лентами, натянутыми на хромированные столбики. Она изгибалась слишком правильно, слишком дисциплинированно,

будто кто-то заранее рассчитал, сколько унижения должен пройти человек, прежде чем получит штамп.

Лампы дневного света под высоким потолком терминала мерцали с неровной, раздражающей частотой. Каждое мигание сопровождалось сухим электрическим треском. Свет был серым, больничным, вымывающим из лиц любые признаки жизни.

Пассажиры выглядели так, словно их уже начали стирать, но процесс прервали на середине.

Никто не кричал.

Никто не спорил.

Люди стояли с тем выражением, которое появляется не у испуганных, а у оформленных.

Мужчина перед Каэлем тяжело дышал. На нём был помятый серый костюм, когда-то, вероятно, дорогой. Теперь ткань висела на плечах, как неудачная попытка сохранить прежний статус. В правой руке мужчина сжимал ручку кожаного чемодана.

Каэль опустил взгляд.

Чемодан гнил.

Кожа на углах вздулась пузырями, лопнула и обнажила не каркас, не пластик, не металл, а что-то влажное, тёмное, пульсирующее. Из трещин сочилась чёрная густая жидкость. Она падала на белый кафель размеренными каплями.

Кап.

Кап.

Кап.

Каэль чуть отодвинул ногу, чтобы лужица не коснулась подошвы его ботинка.

Он понял, что это такое, почти сразу.

Не инфекция. Не органика. Не контрабанда.

Будущее.

Вернее, то, что от него оставалось после отказа.

Внутри чемоданов пассажиры несли свои планы: брони в отелях, нерождённых детей, повышения по службе, переезды, случайные встречи, тихую старость у моря, обещания, данные себе в понедельник утром и забытые к пятнице.

Обычно люди называли это “завтра”.

Здесь завтра проходило досмотр.

И не всем его возвращали.

Если будущее признавалось нецелесообразным, оно начинало разлагаться прямо в руках владельца. Чёрная жидкость, вытекающая из багажа, была не слизью. Это были годы, которым отказали во въезде.

Мужчина в сером костюме судорожно достал бумажную салфетку, присел и начал оттирать чемодан. Салфетка мгновенно пропиталась чёрной жижей, размокла, расползлась в пальцах.

Жидкость попала ему на кожу.

Мужчина тихо заскулил.

Не громко. Не демонстративно.

Так скулят не от боли, а от понимания, что жаловаться

некому.

Он не бросил чемодан. Наоборот, прижал его к ноге, пачкая брюки, будто надеялся спрятать гниль от таможенников.

Каэль отвёл взгляд.

Его это не касалось.

У него не было планов, которые могли сгнить. Его багаж состоял из старого медного паспорта во внутреннем кармане пальто. Никаких чемоданов. Никаких надежд. Никаких аккуратно сложенных рубашек на будущее.

Медь холодила грудь через ткань рубашки.

Приятная тяжесть.

Единственная вещь в этом терминале, которая казалась честной.

Справа от очереди, во всю длину зала, тянулось панорамное окно.

В нормальном аэропорту за таким стеклом были бы взлётно-посадочные полосы, сигнальные огни, белые самолёты, заправщики, люди в светоотражающих жилетах.

Здесь за стеклом не было аэродрома.

Там была Бездна.

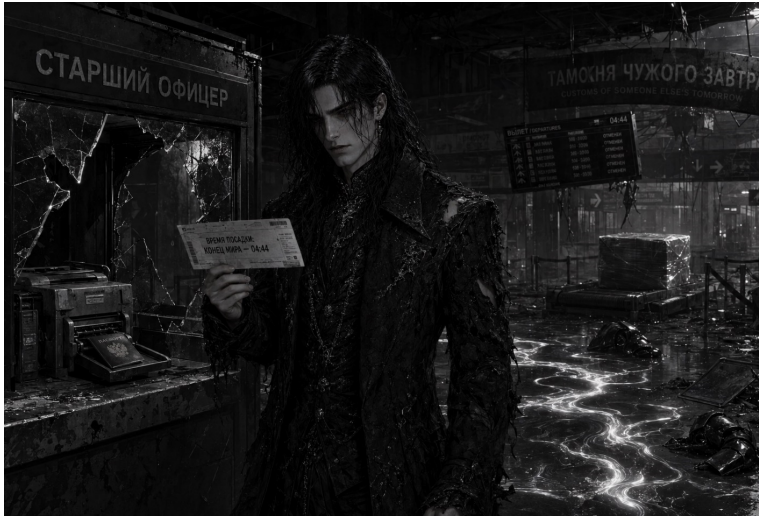
Не ночь. Не космос. Не пустота.

Стерильная чёрная глубина, в которой не было звёзд. Только обломки того, что не прошло таможню времени.

Каэль, заложив руки в карманы, смотрел, как мимо окна медленно проплывает горящая пятиэтажная хрущёвка.

Дом вращался в невесомости.

Панельные стены были вырваны из какого-то спального района вместе с подъездами, балконами, бельевыми верёвками и чужой кухонной жизнью. Пламя в вакууме вело себя неправильно: не рвалось вверх, а липло к бетону плотными дрожащими слоями, как оранжевое желе.

В окне третьего этажа Каэль заметил накрытый стол.

Белая скатерть.

Ваза с пластиковыми цветами.

Старый пузатый телевизор, мигающий мёртвым голубым светом.

Квартира горела, но продолжала изображать жизнь.

Чья-то вырезанная эпоха.

Чей-то вторник, признанный лишним.

— Красиво горит, — тихо сказал Каэль.

Не кому-то.

Просто как факт.

Женщина за его спиной резко втянула воздух.

Она прижимала к груди сумку Louis Vuitton. Сумка тоже гнила. Золотой логотип покрылся зелёной патиной, а из-под молнии текла серая пена, пахнущая прокисшим молоком и отчаянием.

— Не смотрите туда, — прошептала женщина. — Если не смотреть, они этого не сделают.

Каэль не обернулся.

— Кто “они”?

Женщина сглотнула.

— Не знаю. Но если смотреть, они понимают, что вы видите. А если вы видите, значит, вы уже почти участник процедуры.

Из-под молнии её сумки вывалился маленький влажный комок и шлёпнулся на замшевую туфлю.

Женщина посмотрела вниз.

Лицо её стало пустым.

— У меня бронь, — сказала она уже не Каэлю, а куда-то в воздух. — Гостиница в две тысячи двадцать восьмом. Подтверждение пришло. Они не могут просто...

Она замолчала.

Потому что могла.

Система могла всё, что было оформлено правильно.

Каэль промолчал. Бессмертие научило его одной простой истине: не спорить с людьми, которые уже мертвы, но ещё не получили уведомление.

Это утомляет.

Очередь сдвинулась на полметра.

Каэль сделал два шага.

Красные ленты ограждений качнулись. Они были натянуты слишком туго. Не как барьеры — как жилы. Как артерии терминала, по которым медленно проталкивали серое, обречённое мясо.

В этот момент ожили динамики.

Сначала раздался мягкий аэропортовый перезвон.

Бим-бом.

Кристально чистый звук, созданный специально для того, чтобы пассажир почувствовал: всё под контролем.

Затем заговорил голос.

Идеально поставленный женский голос. Бархатный, спокойный, вежливый. Таким голосом обычно сообщают, что посадка задерживается на пятнадцать минут и авиакомпания приносит свои извинения.

— Внимание пассажиров, — ласково произнесла система. — Рейс на две тысячи двенадцатый год отменён в связи с отсутствием целесообразности. Повторяю: рейс на две

тысячи двенадцатый год аннулирован. Пассажирам, ожидающим посадки, рекомендуется сдать свои воспоминания в пункт утилизации на втором этаже. Спасибо, что выбрали наши линии.

По толпе прокатился тяжёлый синхронный вздох.

Без криков.

Без бунта.

Без возмущения.

Люди здесь уже прошли гнев, торг и надежду. Осталась только покорность тех, кто слишком долго стоял в очереди, чтобы уйти без результата.

Где-то в четырёх рядах левее высокий мужчина в плаще опустился на колени, положил голову на чемодан и замер.

Чемодан под ним начал растворяться, превращаясь в серую едкую лужу. Лужа медленно пожирала край его плаща.

Никто не повернулся.

Правило терминала было негласным, но понятным всем: не смотри на тех, кого отменяют.

Система может решить, что вы знакомы.

Каэль поправил воротник пальто.

В терминале становилось холоднее.

Воздух высыхал, стягивая кожу. За окном, следом за горящей хрущёвкой, показался новый объект: кусок эстакады. Полоса растрескавшегося асфальта с фонарями, которые всё ещё светили в абсолютную черноту.

На эстакаде стояли автомобили.

Не падали.

Не двигались.

Просто плыли вместе с куском дороги, навсегда застывшие в пробке, которую вырезали из чьего-то будущего вторника.

Очередь снова дёрнулась вперёд.

До контрольных будок оставалось немного.

Они стояли ровной линией: стерильно-белые кабины из матового пластика и бронестекла. Над каждой горело электронное табло. Вместо номеров и зелёных стрелок по ним бежали красные пиксельные строки:

«СУЩЕСТВОВАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

«ОТКАЗ: ОШИБКА БИОЛОГИИ».

«ОТКАЗ: ОТСУТСТВИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ».

Динамик щёлкнул и снова заговорил тем же вежливым голосом:

— Напоминаем пассажирам: попытки пронести надежду в стерильную зону запрещены. Нарушение карается немедленным аннулированием костного мозга. Ожидания лучшего следует оставлять в жёлтых контейнерах перед зоной досмотра. Благодарим за понимание.

Женщина с сумкой Louis Vuitton тихо всхлипнула.

Запах прокисшего молока от её багажа стал почти физическим.

— Вы думаете, я пройду? — спросила она шёпотом. —

Я ведь ничего не сделала. Я просто жила. Платила налоги. Никого не убивала. Почему моя сумка?..

Она говорила не с Каэлем.

С пространством.

С процедурой.

С той невидимой инстанцией, которой люди всегда пытаются доказать свою пригодность.

Каэль не обернулся.

— Система не оценивает вашу добропорядочность, — сказал он ровно. — Она оценивает ваш вес в будущем.

Женщина перестала дышать.

— Мой... что?

— Вес. Если ваше отсутствие ничего не меняет, система считает вас балластом.

Сумка в её руках зашипела. Серая пена хлынула из-под молнии широкой струёй и начала разъедать кафель.

— Но у меня там внучка, — прошептала женщина. — В две тысячи двадцать восьмом. Она родится. Мне присылали снимки. Я должна...

Каэль наконец чуть повернул голову.

Не из жалости.

Из интереса к тому, как долго человек может спорить с уже вынесенным решением.

— Тогда у неё будет фотография, на которой вас нет, — сказал он.

Женщина издала маленький, сухой звук.

Почти смешок.

Почти смерть.

Очередь дёрнулась.

Мужчина в сером костюме перед Каэлем подошёл к красной линии у будки номер 4. Загорелся зелёный свет. Он шагнул вперёд, волоча чемодан, из которого теперь уже не капало, а текло.

Каэль стал следующим.

Он подошёл к красной линии.

Она не была нарисована.

В кафель была вмурована тонкая пульсирующая вена, светящаяся нездоровым красным светом. Когда носок его ботинка коснулся её сияния, вена дёрнулась.

Словно почувствовала инородное тело.

Каэль сунул руку во внутренний карман пальто и нащупал паспорт.

Кусок древней меди.

Ни страниц.

Ни голограмм.

Ни печатей.

Только гравировка, которая менялась сама по себе, и вес, иногда казавшийся слишком большим даже для него.

Он посмотрел на будку номер 5.

Стекло было тонированным. За ним угадывался силуэт.

Слишком широкий для человека.

Слишком угловатый.

Каэль почувствовал лёгкий укол интереса.

Скука, душившая его последние часы в этой административной аномалии, наконец отступила. Бюрократия здесь была не обслуживанием, а физическим законом. Абсурд, доведённый до уровня материи.

Это почти заслуживало уважения.

Над будкой номер 5 мигнуло табло.

Зелёная стрелка.

Динамик тихо звякнул.

— Следующий.

Каэль переступил через светящуюся вену.

Воздух перед будкой сопротивлялся движению, как вода. Полы его пальто колыхались слишком медленно, не подчиняясь местной гравитации. С каждым шагом запах гниющего будущего отступал, уступая место химическому запаху термобумаги, нагретого пластика и старых принтеров.

Он остановился у узкого лотка под бронестеклом.

Тонировка стекла мигнула и исчезла.

За стеклом сидел таможенник.

Каэль не моргнул.

В мире, где комнаты умеют обижаться, а лестницы периодически пытаются съесть прислугу, внешний вид клерков редко производил впечатление.

Но этот был почти хорош.

Существо носило стандартную белую рубашку и галстук. Из плеч у него росли четыре тонкие многосуставчатые ру-

ки, похожие на лапы богомола, обтянутые бледной полупрозрачной кожей.

Лица не было.

Голова представляла собой туго скрученный рулон пожелтевшей чековой ленты. Бумага слоями формировала подобие черепа. На месте глаз в неё были вмонтированы два узких сканера штрихкодов, горевших агрессивным красным светом.

Рта не было.

Вероятно, потому что системе не требовалось есть.

Только принимать решения.

Две верхние руки лежали на клавиатуре с символами, похожими одновременно на цифры, штрихкоды и проклятия. Две нижние замерли над сканером документов.

— Цель перемещения? — спросил динамик на стойке.

Голос был синтезированным и абсолютно пустым.

Каэль достал медный паспорт и бросил его в лоток.

Медь ударилась о пластик с таким звуком, будто в будку положили кусок надгробной плиты.

— Туризм, — сказал Каэль. — Хочу посмотреть, как вы тут распадаетесь.

Клерк не отреагировал.

Две нижние руки метнулись к лотку. Пальцы без ногтей, заканчивающиеся маленькими присосками, схватили паспорт. Прикосновение к меди заставило кожу существа зашипеть, но оно не обратило внимания.

Оно поднесло паспорт к сканеру, встроенному в стол.

Каэль спокойно ждал.

В обычных базах данных он не существовал. В архивах Цитадели числился не именем, а функцией: Владелец замка. Но здесь, на границе отменённых лет и чужого завтра, система была обязана попытаться его прочитать.

А система, которая пытается прочитать то, что не имеет начала, обычно получает не ответ.

А травму.

— Поместите сетчатку глаза в зону сканирования, — приказал динамик.

Красные лучи вырвались из глазниц чекового существа и прошли сквозь бронестекло. Они скользнули по лицу Каэля, по бледной скуле, по тёмным волосам.

* * *

Красные лучи сканера вошли в глаза Каэля.

Обычно процедура занимала меньше секунды.

Система считывала хронологический отпечаток, проверяла причинно-следственные связи, взвешивала плотность будущего пассажира и выдавала решение.

Допущен.

Отказан.

Направлен на дополнительную проверку.

Человек привык думать, что существует сам по себе. Но

для терминала существование было не фактом, а статусом. Его нужно было подтвердить, обновить, согласовать и при необходимости аннулировать.

Когда лазеры коснулись зрачков Каэля, они не встретили сетчатку.

Они провалились.

Не в темноту.

Глубже.

Туда, где у нормального существа должны были лежать начало, род, дата рождения, первый вдох, первая запись, первый след в причинности.

У Каэля там не было ничего, что система могла бы поставить в таблицу.

Луч искал основание.

Нашёл бездну.

Терминал замер.

Люди в очередях перестали шуршать документами. Электронные табло застыли на половине пиксельной строки. Даже чемоданы, истекавшие сгнившими годами, будто на секунду прекратили капать.

Сканер издал короткий неуверенный звук:

— Пик.

Пауза.

Потом ещё раз, длиннее:

— Пиииии-и-ик.

Третий сигнал не прозвучал.

Он сломался.

Писк вытянулся в визгливый скрежет, будто кто-то провёл ржавым гвоздём по стеклу. Бронестекло будки номер 5 мелко задрожало. Красные лучи в глазах Каэля дрогнули, распались на тонкие нити и начали биться внутри его зрачков, как насекомые, попавшие в чернильную банку.

Каэль не моргнул.

— Что-то не так с визой? — вежливо спросил он.

Клерк не ответил.

Он больше не выполнял запрос. Он сам стал ошибкой.

Все четыре его руки одновременно свело судорогой. Тонкие многосуставчатые пальцы выгнулись в обратную сторону, сухо щёлкнули и застыли над клавиатурой.

Голова из чековой ленты начала разматываться.

Сначала медленно.

Слой за слоем.

Потом быстрее, со скоростью обезумевшей кассовой машины. Пожелтевшая бумага хлестала по плечам существа, билась о бронестекло, падала на стол, в лоток, на пол будки.

На ленте не было имени.

Не было даты.

Не было решения.

Только один и тот же код, напечатанный жирными красными буквами:

ОШИБКА РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТА

ОШИБКА РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТА

ОШИБКА РЕГИСТРАЦИИ ОБЪЕКТА

Под разматывающейся бумагой не оказалось черепа. Не оказалось плоти. Не оказалось никакого “существа” в привычном смысле.

Только новые слои отказов, актов, внутренних предписаний и пустых полей для подписи.

Клерк состоял из процедуры.

И процедура не выдержала Каэля.

Над будкой с треском вспыхнуло табло. Зелёная стрелка погасла.

На её месте появились строки:

«СУБЪЕКТ НЕ СУЩЕСТВУЕТ».

«ВИЗА ИСТЕКЛА 700 ЛЕТ НАЗАД».

«ОШИБКА ХРОНОЛОГИИ».

Пиксели пульсировали слишком ярко, будто табло пыталось не сообщить результат, а закричать им.

Каэль посмотрел на надпись.

Потом на клерка, чья голова уже превратилась в бесконечный бумажный фонтан.

Потом снова на табло.

Он тяжело вздохнул.

С искренним раздражением.

— Вы могли бы просто прислать уведомление на почту, — сказал он. — Я ненавижу стоять в очередях без результата. Это неуважение к чужому времени. Особенно к тому, которого у меня формально нет.

Ответил не клерк.

Ответил терминал.

Сначала отключился общий шум.

Исчезло гудение вентиляции. Пропал шелест очередей. Умерли рекламные экраны. Пространство стало стерильно тихим, словно кто-то накрыл весь зал стеклянным колпаком.

Затем пассажиры начали двигаться.

Не бежать.

Не кричать.

Не паниковать.

Они синхронно повернулись к Каэлю спинами.

Сотни людей. Сотни позвоночников. Сотни маленьких, послушных отказов от знакомства.

Женщина с гниющей сумкой Louis Vuitton вывернула шею под болезненным углом, только бы не смотреть на него. Мужчина в сером костюме, всё ещё вжавшийся у соседней будки, прижал лицо к бронестеклу так сильно, что нос расплющился до крови.

Они не спасались.

Они оформляли дистанцию.

Для терминала пассажир с ошибкой хронологии был не опасным существом. Он был недопустимой связью. Любой, кто признавал его присутствие, рисковал попасть в одну графу с ним.

Каэль медленно окинул взглядом зал.

Люди пытались доказать системе:

мы не с ним.

мы его не знаем.

мы не видим.

нас не нужно проверять повторно.

Свет изменился.

Серые лампы сменились кроваво-красным аварийным режимом. Пыль в воздухе вспыхнула мелкими тлеющими точками. По полу, от будки номер 5, побежали тонкие красные линии — как трещины в стекле, только светящиеся изнутри.

Голос системы вернулся.

Бархатный.

Женский.

Вежливый.

— Уважаемые пассажиры, сохраняйте спокойствие. В зоне контроля зафиксирован объект без подтверждённого права на хронологическое присутствие. Просим не устанавливать зрительный контакт с объектом, не признавать его социальный статус и не делиться с ним воспоминаниями. Благодарим за понимание.

Каэль чуть приподнял бровь.

— Объект?

Из-под пола пришёл гул.

Низкий, промышленный, вибрирующий. Он шёл не как звук, а как давление: через кафель, через подошвы, через кости. Где-то глубоко внизу запускался механизм, перемалывающий забракованные судьбы и неутверждённые десятиле-

тия.

Двери служебного помещения слева от контрольных будок дрогнули.

На них была табличка:

«ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Ниже, мелким шрифтом:

«ПЕРСОНАЛ НЕ ОБЯЗАН БЫТЬ ЖИВЫМ».

Двери не открылись.

Они были вынесены наружу одним тяжёлым ударом.

В зал вошла Служба Безопасности.

Не вывалилась.

Не ворвалась.

Именно вошла.

Тяжело, синхронно, процедурно.

Их было четверо.

Этого было достаточно.

Двухметровые фигуры в броне из штампованного серого металла двигались с медленной неизбежностью архивного пресса. На плечах — массивные накладки, похожие на лотки подачи бумаги. На груди — инвентарные номера и маленькие таблички с надписью:

«УПОЛНОМОЧЕН НА ОТКАЗ».

Лиц у них не было.

Вместо визоров в шлемы были встроены металлические решётки уничтожителей бумаг. За горизонтальными щелями вращались стальные валики. Они лязгали, перемалывали

воздух и выпускали пар, пахнущий горячим металлом, машинным маслом и сожжёнными документами.

Впереди шёл командир.

Его броня была покрыта въевшимися чёрными пятнами — старой слизью отменённых лет. В правой руке он держал оружие.

Не дубинку.

Не шокер.

Не пистолет.

Печать.

Огромную, размером с кувалду, на длинной металлической рукояти. На рабочей поверхности оттиска пульсировали красные буквы:

«ОТКАЗАНО».

Каэль посмотрел на печать.

Интересно.

Не оружие в обычном смысле. Не для разрушения тканей. Не для убийства как биологического процесса.

Это был административный инструмент, которому разрешили воздействовать на материю.

Командир СБ остановился у будки номер 4.

Мужчина в сером костюме оказался у него на пути.

Он всё ещё стоял спиной к Каэлю, лицом к бронестеклу, пытаясь притвориться частью очереди, стены, воздуха — чего угодно, только не собой. Но его чемодан выдал его. Чёрная жидкость капнула на ботинок командира.

Кап.

Шредер вместо лица повернулся вниз.

Валики ускорились.

Командир не сказал ни слова. Не предупредил. Не приказал отойти.

Он просто поднял печать и опустил её на грудь мужчины.

ШЛЁП.

Звук был сухим.

Канцелярским.

Красный оттиск «ОТКАЗАНО» проступил на сером костюме.

И грудь мужчины сложилась внутрь.

Не сломалась.

Не провалилась.

Была аннулирована.

Рёбра, лёгкие, сердце и воздух между ними потеряли право занимать место. Рубашка и пиджак с хлопком втянулись в образовавшуюся пустоту. Тело на секунду стало плоским, как неверно заполненная форма, которую скомкали перед выбросом.

Мужчина открыл рот.

Крика не было.

Он больше не имел для него необходимых органов.

Глаза вылезли из орбит. Пальцы несколько раз сжались на ручке чемодана. Затем он сложился пополам и упал на кафель.

Чемодан рядом вспыхнул серым пеплом.

Командир СБ не посмотрел на тело.

Он уже выполнил мелкую корректировку очереди.

Теперь его шредер-лицо повернулось к Каэлю.

Остальные трое встали за ним полукругом.

Печати поднялись одновременно.

Терминал не нападал.

Терминал устранял ошибку.

Каэль медленно вынул руки из карманов.

Лицо оставалось спокойным. Почти скучающим.

Но внутри древняя кровь изменила ритм.

Не ярость.

Не страх.

Рабочий интерес.

Перестрелки, ножи, клыки, обычное мясо — всё это давно перестало развлекать. Но бюрократы, которые могли отменять биологию одним штампом, были почти достойны внимания.

— Вы знаете, — сказал Каэль, глядя прямо в вращающиеся лезвия командира, — я планировал просто пройти мимо.

Печать «ОТКАЗАНО» медленно поднялась.

Воздух вокруг красных букв пошёл рябью.

— Но теперь, — продолжил Каэль, — мне действительно интересно, как вы работаете изнутри.

Командир сделал шаг.

Механические суставы в броне щёлкнули.

Он замахнулся, целясь печатью Каэлю в лицо.

* * *

Каэль не отступил.

Он шагнул прямо в мёртвую зону удара.

Печать «ОТКАЗАНО» рассекла воздух в миллиметре от его виска. Там, где секунду назад находилась его голова, пространство схлопнулось в маленькую чёрную складку и с влажным хлопком втянуло в себя воздух.

Не удар.

Не физическая сила.

Отказ в праве занимать место.

Каэль успел оценить это почти с уважением.

Командир вложил в замах всю массу бронированного тела и по инерции провалился вперёд.

Этого хватило.

Левая рука Каэля взметнулась вверх. Бледные пальцы сомкнулись на металлическом запястье. Он не стал бороться с бронёй. Броня — это всего лишь форма. У каждой формы есть слабое место, где она вынуждена сгибаться.

Локоть.

Каэль дёрнул руку командира на себя и одновременно ударил ребром ладони по суставу.

Металл треснул.

Поршни лопнули.

Рука командира выгнулась под невозможным углом, печать выскользнула из металлических пальцев, но не успела упасть.

Каэль перехватил рукоять в воздухе.

Оружие оказалось тяжёлым.

Не просто массивным — концептуально тяжёлым. Как если бы на конце рукояти висел не металл, а право последней подписи.

Каэль ощутил, как древняя кровь в его теле меняет ритм, перестраивая мышцы под нагрузку.

Остальные трое силовиков двинулись одновременно.

Не бросились.

Не зарычали.

Просто запустили протокол.

Печати поднялись.

Красные оттиски зажглись в воздухе.

Терминал больше не пытался проверить Каэля. Он оформлял его отсутствие.

Каэль ушёл в сторону, скользнув между красными нейлоновыми лентами. Две печати обрушились туда, где он стоял мгновение назад.

Кафель исчез.

На полу остались две идеально ровные круглые дыры, уходящие не вниз, а в стерильную звёздную черноту.

— Аккуратно, — сказал Каэль. — Вы портите навигацию пассажиров.

Он вырвал из пола хромированный столбик ограждения вместе с анкерными болтами. Красная лента всё ещё была натянута. Каэль швырнул столбик как гарпун.

Хромированная стойка ударила одного из силовиков в шею. Лента обвилась вокруг металлической решётки шредера и натянулась до звона.

Каэль рванул.

Голем потерял равновесие, рухнул назад, его собственная масса сделала остальное. Шредер-лицо зажевал красный нейлон, валики захрипели, поперхнулись синтетикой и заглохли.

Каэль шагнул ближе и спокойно поставил печать ему в центр груди.

ШЛЁП.

На броне вспыхнул красный оттиск.

Торс силовика сложился внутрь, как неправильно оформленная коробка. Провода, клапаны и куски внутренней арматуры были не раздавлены, а исключены из перечня допустимых деталей.

Тело рухнуло.

— Один, — сказал Каэль.

Второй силовик пошёл на таран.

Каэль ударом ноги отправил ему навстречу багажную тележку, доверху набитую гниющими чемоданами.

Столкновение было тяжёлым и грязным. Тележка смялась, чемоданы лопнули, и чужие невыданные годы взорвались чёрной жижей, облепив броню голема. Машина споткнулась.

Каэль уже был рядом.

Печать «ОТКАЗАНО» легла прямо на решётку его шредера.

ШЛЁП.

Голова не взорвалась.

Не отлетела.

Её просто не стало.

На месте шлема остался ровный срез брони и искрящейся проводки.

Безголовое тело рухнуло на кафель.

— Два, — произнёс Каэль. — У вас отвратительная работа с возражениями.

Командир и последний силовик остановились.

Система пересчитала риски.

Ближний бой был признан нецелесообразным.

Они синхронно подняли печати и ударили ими по воздуху.

Пространство перед Каэлем пошло рябью. Удар бюрократического отрицания прошёл по залу широкой невидимой волной. Реальность смялась, как лист бумаги, на котором слишком поздно заметили ошибку.

Каэля отбросило назад.

Пальто затрещало. Ткань на левом боку начала распадаться серой пылью. Пол ушёл из-под ног, и его швырнуло через широкий коридор прямо в стеклянную витрину огромного магазина.

Над входом мигала вывеска:

«AETERNUS DUTY-FREE. БЕСПОШЛИННОЕ ВРЕМЯ».

Каэль пробил витрину.

Толстое стекло разлетелось, как замёрзший дождь. Он снёс плечом стеллажи, проломил полки с бутылками и тяжело рухнул на мраморный пол среди осколков.

Секунду в глазах было темно.

Потом боль стала теплом.

Регенерация начала сшивать повреждённые рёбра и мышцы, зудом возвращая тело в рабочее состояние.

Каэль поднялся на локоть.

С разбитых полок текли не виски и не коньяк.

Время.

Мёртвое, дистиллированное, расфасованное в хрусталь.

Золотая жидкость пахла августовским солнцем, отпусками, обещаниями, которые никто не собирался выполнять. Синяя — остановившейся зимой тысяча девятьсот тринадцатого года. Тёмно-зелёная — больничными коридорами, где кто-то ещё мог выжить, но не выжил.

Флаконы были разбиты.

Время растекалось по мрамору лужами.

Командир и последний силовик вошли в разрушенный Duty-Free, хрустя стеклом под тяжёлыми ботинками.

Последний силовик сделал шаг вперёд и наступил в широкую золотую лужу.

Мир вокруг его ноги замедлился.

Не весь.

Только тот кусок, куда пролилось чужое лето.

Голем попытался перенести вес, но движение стало вязким, тягучим. Валики его шредера растянули рык в долгий, низкий, почти торжественный звук:

— Р-р-р-о-о-о-о-а-а-а...

Каэль поднялся.

Осколки стекла посыпались с плеч.

Он посмотрел на силовика, зависшего в нелепой позе над золотой лужей.

— Я всегда считал, что Duty-Free — это грабёж.

Он подошёл к краю и, не входя в аномальное время, ударил голема под опорное колено.

Сустав лопнул.

Силовик начал падать.

Медленно.

Почти красиво.

Каэль подождал, пока его голова-шредер выползет из золотой зоны в нормальный поток времени.

И поставил печать ему на затылок.

ШЛЁП.

Задняя часть головы исчезла. Тело мгновенно догнало обычную гравитацию и рухнуло на пол.

— Три.

Командир стоял в дальнем конце магазина.

Одна рука висела искалеченной. Печати у него больше не было. Но шредер-лицо вращался всё быстрее, высекая искры. Система внутри него пыталась подобрать новый протокол.

Каэль сделал шаг к нему.

В этот момент его локоть задел интерактивную стойку-тестер парфюмерии, чудом уцелевшую среди разгромленных полок.

Датчик движения радостно пискнул.

Из хромированного сопла вырвалось облако мелкой влаги и ударило Каэлю прямо в лицо и грудь.

Скрытый динамик пропел сладким рекламным голосом:

— Новый аромат. «Уверенность в завтрашнем дне». Свежие ноты цитруса и стабильности. Всего 49.99.

Каэль замер.

Он стоял посреди разгромленного магазина. Под ногами растекались мёртвое время, чёрная слизь и машинное масло. Пальто было изорвано, лицо покрыто стеклянной пылью, на шее ещё дымился тонкий заживающий порез.

И теперь от него невыносимо пахло лимоном, синтетической мятой и дешёвой верой в перспективы.

Каэль медленно закрыл глаза.

Очень медленно.

— Я убью вас всех, — сказал он тихо.

Потом открыл глаза и посмотрел на командира.

Тот стоял среди поваленных стоек, тяжёлый, однорукий, искрящийся, с бешено вращающейся решёткой вместо лица.

Последний официальный представитель процедуры.

Каэль опустил трофейную печать на пол.

Она ударилась о мрамор с глухим, тяжёлым звуком.

Теперь ему не нужно было чужое оружие.

* * *

Синтетический лимон.

Вязкий, химический, невыносимо радостный запах висел над разгромленным Duty-Free, перебивая озон, жжёный металл, машинное масло и пролитое время.

«Уверенность в завтрашнем дне».

Всего 49.99.

Каэль опустил взгляд на своё пальто.

Идеальный крой. Плотная чёрная шерсть, заказанная у слепого ткача-некроманта в Милане семьдесят лет назад. Левая пола изодрана. Правый рукав пропитан чужой маслянистой кровью. Воротник порван. От ткани несло так, словно её вымачивали в дешёвом средстве для чистки санузлов.

Он посмотрел на командира СБ.

Однорукий голем стоял в дальнем конце разрушенного

магазина. Из искалеченного плечевого сустава толчками били чёрное масло и слизь отменённых дат. Шредер вместо лица вращался всё быстрее. Валики слились в ревущее пятно. Из решётки валил сизый дым.

Система внутри него пыталась классифицировать Каэля.

Не могла.

Пыталась снова.

Снова не могла.

И наконец отказалась от интеллекта.

Командир перешёл на базовый протокол.

Он рванул вперёд.

Для трёхсот килограммов штампованного железа он двигался слишком быстро. Ботинки дробили мрамор. Оставшаяся рука взмыла вверх, готовясь раздавить Каэля вместе с полом.

Каэль больше не уклонялся.

Ему надоело уважать местные инструкции.

Кулак командира обрушился вниз.

Каэль поднял левую руку и принял удар на открытую ладонь.

Звук столкновения прошёл по магазину, как удар молота по наковальне. Лужи времени дрогнули. Осколки стекла подпрыгнули на полу. Мрамор под ногами Каэля треснул паутиной.

Его рука не сдвинулась.

Пальцы сомкнулись на стальном кулаке.

Металл скрипнул.

— Знаешь, в чём проблема вашей системы? — тихо спросил Каэль.

Шредер ревел ему в лицо.

— Вы слишком верите в штампы.

Он сжал пальцы.

Бронеперчатка смялась, как фольга. Внутри лопнули пневматические трубки. Командир дёрнулся, пытаясь вырвать руку, но Каэль уже шагнул ближе.

Голем наклонился вперёд.

Раз рука была заблокирована, он использовал лицо.

Работающий шредер пошёл прямо к лицу Каэля, чтобы счесать кожу, мышцы и кость в документную стружку.

Каэль отклонил голову на несколько сантиметров.

Валики прошли мимо щеки. Зацепили воротник рубашки, мгновенно зажевали ткань и превратили её в чёрные лохмотья. Край лезвия мазнул по шее.

Брызнула тёмная кровь.

Капли упали на броню командира и зашипели, прожигая в серой краске маленькие чёрные кратеры.

Каэль поморщился.

Не от боли.

От того, что теперь к лимону прибавился запах палёной краски.

Свободной рукой он ударил командира в грудь.

Не кулаком.

Пальцы сложились в копьё.

Железо лопнуло. Грудная пластина пошла трещинами, и рука Каэля вошла внутрь по локоть.

Внутри не было сердца.

Только кабели, клапаны, пульсирующие трубки и склизкие мешки, наполненные отменёнными датами. Всё это билось, шипело, перекачивало чужие отказы из одного отдела в другой.

Каэль нашёл главный узел.

Массивный цилиндр, дрожащий от напряжения.

Сжал.

Шредер на лице командира завизжал.

— Выход там, — сказал Каэль почти любезно.

Он не вырвал цилиндр.

Оставив руку внутри, он использовал тело командира как рычаг. Пространство вокруг на миг дрогнуло: нормальная геометрия плохо переносила, когда существо человеческой формы поднимает трёхсоткилограммовую машину одной рукой изнутри.

Каэль шагнул вперёд и швырнул голема из магазина.

Командир снёс остатки витрины, перелетел через коридор и протащился по белому кафелю, оставляя за собой широкую полосу масла, искр и чёрной слизи.

Каэль вышел следом.

Красные аварийные огни крутились под потолком. Стойки регистрации пустовали. Чемоданы догнивали без хозяев.

Люди прятались за колоннами и застывшими лентами, изо всех сил изображая отсутствие.

Они боялись уже не Службы Безопасности.

Они боялись того, кто ломал её голыми руками.

Командир попытался подняться.

Его грудь была разорвана. Одна рука уничтожена. Внутри корпуса что-то искрило и билось, но шредер-лицо продолжал вращаться.

Система не признавала поражение.

Каэль подошёл.

Шаг.

Ещё шаг.

Он схватил командира за железный воротник и поднял так, что носки бронированных ботинок едва касались пола.

Рядом, в центре зала, стояла станция упаковки багажа.

Массивная. Монолитная. Похожая на промышленный станок, которому разрешили работать в аэропорту только потому, что он подписал все необходимые формы.

Круглая стальная платформа.

Массивная штанга.

Огромный рулон ядовито-зелёной плёнки, слегка пульсирующей, будто синтетика когда-то была живой.

Над аппаратом горела вывеска:

«СТАНЦИЯ УПАКОВКИ БАГАЖА».

Ниже мелким шрифтом:

«100% ГАРАНТИЯ СОХРАННОСТИ».

И ещё ниже:

«ВАШИ ТАЙНЫ УМРУТ ВМЕСТЕ С ВАМИ».

Каэль посмотрел на машину.

Потом на командира.

— Пора собирать вещи.

Он бросил голема на платформу.

Металл прогнулся. Датчики веса издали короткий довольный писк, распознав объект.

Динамики под потолком ожили.

Бим-бом.

— Уважаемые пассажиры, — произнёс бархатный женский голос, — напоминаем: любой багаж, превышающий нормативы дозволенной агрессии, подлежит фиксации. Мы заботимся о вашей безопасности и личных границах.

Командир зашевелился на платформе.

Шредер взревел.

Оставшаяся рука попыталась ухватиться за край станка.

Каэль подошёл к панели управления.

На ней была одна кнопка.

Большая.

Красная.

С потёртой надписью:

«ЗАМАТАТЬ».

Каэль нажал.

Не резко.

Спокойно.

Как человек, который наконец нашёл единственную работающую функцию аэропорта.

* * *

Машина не просто включилась.

Она приняла объект в работу.

Внутри массивного корпуса загудели сервоприводы. Стальная платформа под командиром СБ дёрнулась и начала вращаться. Сначала медленно, с тяжёлым скрипом, потом быстрее — слишком быстро для такой массы.

Командир взревел.

Оставшаяся рука попыталась ухватиться за край платформы, но кованые ботинки скользнули по гладкой стали. Центробежная сила прижала его к центру круга.

Сверху опустилась ядовито-зелёная плёнка.

Она не была похожа на обычный полиэтилен. Скорее на тонкий полупрозрачный срез живой ткани, которую зачем-то научили быть синтетикой. Край плёнки коснулся бронированного ботинка и мгновенно прилип, намертво спаявшись с металлом.

Штанга пришла в движение.

Бзззз-з-з-з.

Плёнка пошла вокруг тела.

Слой.

Ещё слой.

Ещё.

Динамики под потолком продолжали говорить тем же спокойным женским голосом:

— Напоминаем: негабаритный груз подлежит принудительной оптимизации. Все выступающие острые края должны быть зафиксированы, чтобы не травмировать психику обслуживающего персонала.

Каэль стоял у панели управления, прислонившись бедром к металлическому корпусу станции, и наблюдал.

Без злости.

Без удовольствия.

С профессиональным интересом человека, который наконец увидел идеально работающий отдел терминала.

Плёнка обмотала ноги командира.

Раздался резкий металлический треск. Бронированные колени не выдержали давления и сложились внутрь, подгоняя тело под допустимые габариты ручной клади. Из-под зелёных слоёв брызнула чёрная маслянистая жидкость, но плёнка мгновенно впитала её, не дав испачкать платформу.

— Оптимизация формы завершена на сорок процентов, — ласково сообщил динамик. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Ваша целостность — наша главная иллюзия.

Командир попытался разорвать плёнку рукой.

Железные пальцы впились в зелёный полимер. Тот растянулся, как жвачка, и тут же стянулся обратно, примотав руку к изуродованному корпусу.

Штанга поднялась выше.

Плёнка легла на решётку шредера.

Стальные валики взвыли, пытаясь разрезать синтетическую ткань. Из решётки посыпались искры. Пошёл дым. Но плёнка не рвалась. Она плавилась, забивала шестерни, наматывалась на вращающиеся валики и превращала лицо командира в плотную зелёную пробку.

Рёв шредера стал натужным.

Булькающим.

Потом оборвался.

Внутри головы что-то хлопнуло и сгорело.

Платформа продолжала вращаться.

Десятки слоёв плёнки стягивали трёхсоткилограммовое тело, сжимали, прессовали, выдавливали из него воздух, искры и остатки служебных полномочий.

Пятнадцать секунд.

Дзинь.

Платформа остановилась.

Нож сухо отсёк край плёнки. Стальная площадка наклонилась, и то, что осталось от командира СБ, скатилось на ленту выдачи багажа.

На чёрной резине лежал аккуратный куб.

Шестьдесят на шестьдесят сантиметров.

Плотно замотанный в зелёную плёнку. Сквозь полупрозрачные слои угадывались сплющенная решётка шредера, куски серой брони, провода и обрывок таблички:

«УПОЛНОМОЧЕН...»

Остальное было скрыто упаковкой.

Никаких острых углов.

Никаких нарушений формы.

Идеальный багаж.

Каэль похлопал куб ладонью по верхней грани. Полимер был горячим.

— Приятного полёта.

В терминале повисла тишина.

Не естественная.

Оформленная.

Фоновый гул исчез. Люди, которые ещё недавно прятались за колоннами, растворились из зала — кто-то сбежал, кого-то терминал тихо удалил, чтобы не хранить лишних свидетелей сбоя.

Каэль огляделся.

Зона погранконтроля была уничтожена. Белый кафель покрывали чёрные масляные лужи, осколки бронестекла, обрывки красных лент и блестящая крошка из Duty-Free. Лужи золотого и синего времени испарялись, искажая воздух так, будто пол медленно дышал.

Големы лежали в нелепых позах — без голов, без грудных клеток, без рук. Уже не Служба Безопасности. Просто списанное оборудование.

А в воздухе всё ещё висел запах синтетического лимона.

«Уверенность в завтрашнем дне».

Каэль выдохнул.

Жар в крови уходил. Мышцы возвращались в нормальное состояние. После короткой физической ясности снова поднималась привычная усталость.

Он стряхнул осколок стекла с плеча и осмотрел пальто.

Вещь была безнадёжно испорчена. Рукав пропитан маслом. Воротник висел лохмотьями. Ткань пахла лимоном, озоном, чужими отказами и дешёвой стабильностью.

— Морра меня убьёт, — сказал Каэль вслух. — Она ненавидела это пальто, но убьёт за то, что я испортил его без её участия.

Вдалеке мигнул свет.

Среди разбитых будок, разнесённых перегородок и потухших табло одна кабина оставалась целой.

Она стояла в центре таможенной линии.

Широкая.

Массивная.

Облицованная чёрным матовым стеклом.

Над ней не было номера. Только строгая белая надпись:

«СТАРШИЙ ОФИЦЕР».

Внутри горел ровный спокойный свет.

Приглашающий.

Каэль похрустел шеей.

В пустом терминале звук прозвучал слишком громко.

Он отвернулся от зелёного куба и пошёл к чёрной будке. Медленно. Без спешки. Переступая через лужи времени, об-

ходя мёртвых големов и разорванные ленты.

Торопиться было уже некуда.

У чёрного стекла он остановился.

Оно не было прозрачным.

В нём отражался он сам: растрёпанные тёмные волосы, бледная кожа, почти исчезнувший порез на шее, изуродованное пальто, глаза, в которых сканер не нашёл дна.

Каэль смотрел на своё отражение несколько секунд.

Потом ударил.

Коротко.

Без замаха.

Костяшками в центр чёрного монолита.

Толстое стекло не разлетелось сразу. Оно покрылось идеальной паутиной трещин, издало звук лопающегося льда и медленно осыпалось внутрь.

Каэль стряхнул стеклянную пыль с пальцев и заглянул в будку.

Внутри не было старшего офицера.

Не было клерка.

Не было кресла.

Только принтер.

Массивный, древний, с тяжёлым металлическим корпусом, тумблерами и широким лотком для бумаги. Никаких экранов. Никаких проводов. Никаких рук.

Он просто стоял.

Как функция, которой не требуется лицо.

В лотке лежал медный паспорт Каэля.

Покрытый инеем.

Терминал пытался прочесть его, не смог и выплюнул сюда — в ядро процедуры.

Принтер тихо гудел.

Не угрожающе.

Не зло.

Не живо.

В этом гуле была только ледяная неизбежность офиса, который продолжает работать после конца света.

Каэль посмотрел на аппарат.

Система не была монстром.

Монстр хотя бы чего-то хотел.

Система была функцией.

И именно поэтому была страшнее.

— Ну что, — сказал Каэль тихо. — Ошибка хронологии? Субъект не существует?

Он взял медный паспорт. Металл был ледяным. На пальцах Каэля остались тонкие красные следы крови.

Он бросил паспорт обратно в лоток.

— Штампуй, — приказал он. — Я всё равно пройду.

Внутри принтера что-то тяжело провернулось.

Лязгнули невидимые шестерни. Корпус вздрогнул. Под металлической крышкой вспыхнул тусклый красный свет. Запахло озоном, пылью и сухими архивами, которые не открывали со времён первых царств.

Аппарат дёрнулся.

Из прорези с царапающим звуком вылез прямоугольник плотного белого картона.

Жжжж-жик.

Принтер затих.

Каэль двумя пальцами вытащил картон.

Посадочный талон.

Стерильный. Без логотипа. Без герба. Без авиакомпании.

Просто документ.

Текст был напечатан чёрным глянцевым шрифтом. Чернила ещё влажно блестели.

Каэль прочитал:

ИМЯ ПАССАЖИРА: [НЕИЗВЕСТНО]

ТЕРМИНАЛ ОТПРАВЛЕНИЯ: [ПУСТО]

РЕЙС: [ПУСТО]

НАЗНАЧЕНИЕ: [СБОЙ СИСТЕМЫ]

Ниже, там, где обычно указывалось время закрытия гейта, была последняя строка:

ВРЕМЯ ПОСАДКИ: КОНЕЦ МИРА — 04:44.

Каэль долго смотрел на цифры.

04:44.

Время, от которого просыпался замок.

Время, в которое реальность забывала собственные пра-

вила.

Время, которое теперь было не шёпотом, не предчувствием, не сбоем часов.

А официальной строкой в документе.

Он не почувствовал страха.

Страх был бы слишком живой реакцией.

Он почувствовал пустоту.

Холодную, давящую, административно заверенную пустоту.

Вся бойня, все сломанные големы, вся разрушенная таможня внезапно потеряли значение. Он не победил систему. Он только заставил её распечатать уведомление о том, что приговор уже существует.

И что его имя в нём не требуется.

Каэль аккуратно сложил талон вдвое и убрал во внутренний карман рядом с медным паспортом.

В ту же секунду гигантское табло под потолком щёлкнуло.

Сотни строк с городами, датами, рейсами и статусами «ЗАДЕРЖАН» и «ОТМЕНЁН» исчезли.

Экран погас.

Над руинами терминала раздался длинный непрерывный писк.

Писк больничного монитора, на котором только что остановилось сердце.

Пиииииииииииииииииииииииииииии.

Каэль повернулся спиной к будке.

Засунул руки в карманы изодранного пальто.

И пошёл к выходу, оставляя за собой мёртвую границу, которая больше ничего не охраняла.

Глава 5. Океан в подвале

Зеркало треснуло с таким звуком, будто кому-то сломали позвоночник.

Семнадцатый век. Венецианское стекло, заключённое в тяжёлую позолоченную раму, лопнуло ровно посередине. Искажённая трещина поползла вверх, разделяя отражение гостиной на две неровные, дрожащие половины.

Следом с потолка с глухим стуком упала хрустальная подвеска люстры. Затем ещё одна. Замок болезненно скрипнул, реагируя на вибрацию.

Каэль сидел в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу. В правой руке он держал стакан из тяжёлого граненого хрусталя. Внутри плескался джин, смешанный с ферментированной кровью. Лёд медленно таял, разбавляя густую алую жидкость. Каэль сделал глоток. Алкоголь обжёг горло, кровь ударила в рецепторы железистым, тягучим послевкусием.

Он не дёрнулся, когда второе зеркало в дальнем конце коридора разлетелось вдребезги.

— Если ты разобьёшь витражи в западном крыле, — спокойно произнёс Каэль, глядя на тёмную поверхность жидкости в стакане, — тебе придётся собирать их вручную. Учитывая, что на них изображено падение мучеников, это займёт лет двести.

Из теней под потолком, откуда-то из-за лепнины, соткалась фигура. Сначала это был просто сгусток мрака, плотный, как нефть, а затем он с тихим шелестом осыпался на ковёр.

Морра стояла посреди гостиной. Её тёмные глаза сейчас были абсолютно чёрными — без зрачков, без белков, две зияющие дыры, втягивающие в себя свет канделябров. Тонкие, похожие на насекомых крылья, сотканные из дыма и рваного шёлка, нервно подёргивались за её спиной, оставляя в воздухе запах озона и жжёного сахара.

— Она пропала, — прошипела Морра. Её голос вибрировал, дробясь на два разных тона: один принадлежал девушке, другой — существу, которое могло перекусить человеку сонную артерию просто от скуки.

— Кто? — Каэль сделал ещё один глоток. — Бруно опять сожрал почтальона? Я просил его не есть тех, кто приносит посылки в коробках. Они застревают у него в пищеводе.

— Шкатулка! — Морра топнула ногой. Пол под её сапогом пошёл мелкой рябью, ковёр жалобно хрустнул. — Моя. Чёртова. Шкатулка. Из лунного дерева с перламутровой инкрустацией.

Каэль медленно опустил стакан на столик. Он посмотрел на Морру. Её бледная кожа пошла тёмными венами от напряжения. Замок вокруг них ощутимо похолодел. Воздух стал тяжёлым, влажным.

— Ты устроила локальное землетрясение на трёх этажах

из-за коробки? — голос Каэля был ровным, без единой эмоции. — Морра, у нас в подземельях на третьем уровне до сих пор живёт плотоядный коридор. У нас в саду кусты пытаются откусить Мальку пальцы. И ты бьёшь венецианские зеркала из-за шкатулки.

— Там мои вещи! — она подалась вперёд, её зубы лязгнули — острее, чем нужно. — И я чувствую её след. Кто-то её трогал. Кто-то утащил её вниз.

Каэль вздохнул. Это был вздох существа, которое живёт слишком долго, чтобы удивляться, но всё ещё недостаточно долго, чтобы перестать уставать от идиотов. Он поднялся с кресла. Его движения были текучими, лишёнными человеческой инерции. Длинное чёрное пальто мазнуло по полу.

— Куда ведёт след?

Морра молча указала когтистым пальцем в сторону служебных коридоров.

Каэль пошёл первым. Замок чувствовал его шаги — газовые рожки на стенах вспыхивали ярче, когда он приближался, и приглушали свет, когда он проходил мимо. Морра скользила следом, не издавая ни звука, лишь иногда её крылья оставляли чёрные царапины на обоях.

След был очевидным. И странным.

На дубовом паркете темнели влажные пятна. Они пахли солью. И чем-то ещё — глубоким, железным запахом старой, разложившейся крови.

Они спустились на первый подземный уровень — в служебные катакомбы. Здесь пахло сыростью, старым камнем и горячей пылью от паровых труб, которые Грум проложил ещё в прошлом веке. Свет здесь был тусклым, мерцающим.

Влажные следы вели по длинному каменному коридору, сворачивая к массивной дубовой двери с медной табличкой.

Надпись на табличке гласила: «Прачечная».

Каэль остановился. Дверь была перекошена. Одна из тяжёлых кованых петель была вырвана с мясом, деревянные щепки валялись на каменном полу. Из-под щели под дверью медленно, пульсирующими толчками, вытекала чёрная, густая вода.

Она не впитывалась в камень. Она просто лежала на нём, как масло.

— В прачечной давно не стирали, — заметил Каэль, разглядывая чёрную лужу у носка своего ботинка.

— Моя шкатулка там, — Морра стояла в трёх шагах позади, скрестив руки на груди. Её крылья исчезли, но глаза всё ещё оставались пугающе тёмными. — Я не полезу в эту грязь. Ты хозяин. Ты и доставай.

Каэль молча положил руку на медную ручку. Металл был ледяным. Не просто холодным — он обжигал кожу, вытягивая тепло, как жидкий азот. Каэль нажал на ручку и толкнул дверь.

Она поддалась тяжело, со скрипом сминаемого дерева.

В лицо ударил ветер.

Ураганный, ледяной порыв, пропитанный запахом озона и соли, едва не сбил Каэля с ног. Его пальто взметнулось за спиной, волосы ударили по лицу. Он прищурился.

За дверью не было прачечной. Не было кафельных стен, старых медных котлов или сушильных веревок.

За дверным косяком находилась бесконечность.

Камень коридора обрывался ровной линией порога. А дальше — насколько хватало глаз — плескался чёрный, сверхплотный океан. Вода не была похожа на обычную. Она выглядела тяжёлой, как ртуть, перекатывалась медленными, мускулистыми волнами, не издавая привычного шума прибоя. Каждая волна билась о невидимую преграду прямо на линии дверного проёма, но ни одна капля не переливалась в коридор замка.

Дна не было. Неба не было.

Вместо свода над чёрной водой нависала абсолютная, раздавливающая пустота, в глубине которой — очень далеко — мерцали тысячи тусклых жёлтых огней. Они были похожи на перевёрнутый вверх ногами город, гниющий в космосе.

Каэль стоял на пороге, глядя в бездну. Вода с глухим, утробным чавканьем лизала воздух в сантиметре от его ботинок.

— Морра, — голос Каэля с трудом пробивался сквозь вой ледяного ветра. — Я думаю, твоя шкатулка — это наименьшая из наших проблем.

Он потянулся к стене коридора, где висела старая медная переговорная труба, связанная с механическим сердцем зам-

ка. Сорвал свисток, поднёс раструб к губам.

— Грум. На первый уровень. Быстро.

Из трубы раздалось шипение, затем грохот падающих инструментов и нервный, сорванный голос тролля:

— ЕСЛИ ЭТО ОПЯТЬ ЖИВЫЕ КОВРЫ, Я ИХ СОЖГУ!

— Это не ковры. У нас в прачечной океан.

— Что значит океан?! — динамик взвизгнул. — Я НЕ СТРОИЛ ОКЕАН! Я ПРОКЛАДЫВАЛ ТРУБЫ ДЛЯ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ В ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ…

— Грум. Сюда.

Каэль бросил трубку. Он смотрел в чёрную воду. От неё исходило ощущение неправильности. Физическое давление. Реальность здесь прогнулась, треснула и вывернулась наизнанку.

Через две минуты коридор содрогнулся от тяжёлых шагов.

Грум появился из-за угла, сжимая в руке разводной ключ размером с противотанковое ружьё. Тролль выглядел так, будто не спал десятилетие. Его двухсполовинойметровое тело было обтянуто грязно-зелёной кожей, суставы выпирали, сварочные очки криво сидели на длинном носу. Он тяжело дышал.

— Где? — прохрипел Грум. — Какая труба лопнула?

Он подошёл к Каэлю, посмотрел в дверной проём и замер. Разводной ключ с грохотом выпал из его огромной, мозоли-

стой руки.

Грум смотрел на чёрные волны, бьющиеся о порог. На перевёрнутые жёлтые огни в небе, которого не было. На густую, похожую на мазут жидкость.

Его лицо исказилось. Нижняя губа задрожала.

— Вы издеваетесь? — голос Грума сорвался на ультразвук. — Я сухопутный болотный тролль! Вы хоть знаете, сколько углеводов в этой воде?!

Каэль медленно повернул голову.

— Что?

— Соль! — Грум схватился за свою абсолютно плоскую, обтянутую кожей голову. — Соль задерживает воду! У меня будут отёки! Я только-только сбросил триста грамм! Вы хотите, чтобы я разбух, как утопленник?! Я не полезу в эту углеводную лужу!

— Грум, это пространственная аномалия, которая может сожрать замок.

— ЭТО ВРАГ МОЕЙ ФИГУРЫ! Закройте дверь! Забейте её досками!

Каэль закрыл глаза на секунду, глубоко вдыхая ледяной воздух с запахом крови. Иногда он ненавидел тех, с кем жил. Искренне, глубоко ненавидел.

В этот момент из темноты коридора раздался радостный, утробный рык. Цокот когтей по камню.

Бруно вылетел из-за поворота, как пушечное ядро, состо-

ящее из гниющей плоти и энтузиазма. Огромный полумёртвый волк-оборотень, теряя куски старой шерсти на ходу, нёсся прямо к открытой двери. Его единственный жёлтый глаз светился абсолютным, ничем не замутнённым счастьем.

— ВАННА! — гаркнул Бруно мысленно-булькающим звуком, который как-то умудрялся формироваться в его разорванной глотке.

— Бруно, стоять, — скомандовал Каэль.

Но у Бруно не было тормозов. Ни физических, ни интеллектуальных.

Он оттолкнулся задними лапами, пролетел над порогом и с грацией падающего бетонного блока рухнул в чёрную, сверхплотную воду.

Раздался глухой, тяжёлый всплеск. Чёрная жижа сомкнулась над ним.

Бруно не вынырнул.

Поскольку он состоял из мёртвых костей, тяжёлых мышц и полного отсутствия воздуха в лёгких, физика сделала своё дело. Он просто пошёл ко дну. Как кирпич.

Тишина в коридоре стала осязаемой. Только тяжёлые волны продолжали биться о невидимую границу порога.

Из-за угла медленно, прихрамывая и постукивая металлической челюстью, вышел Гаш. Он подошёл к порогу, посмотрел вниз, в абсолютно непроглядную, жуткую черноту, куда только что канул его брат.

Гаш почесал за ухом.

— Ему там нравится?
Каэль смотрел в воду.

— Он не дышит уже пять минут.
Гаш философски пожал плечами:

— Значит, расслабляется.
— Шкатулка, — напомнила Морра, подходя ближе. Она ни на секунду не впечатлилась ни Бруно, ни бездной. В её руках появилась тяжёлая бухта медного кабеля, на конце которого болтался старинный латунный наушник-рупор — часть внутренней связи замка, которую можно было использовать под водой. — Надень это. Я буду координировать. Достанешь шкатулку, заодно и псину подберёшь, пока она не засорила нам слив.

Каэль посмотрел на латунный рупор в её руках. Затем на бесконечный океан впереди. Затем на Грума, который нервно ощупывал свои рёбра, проверяя, не растолстел ли он от одного только запаха соли.

Мир был сломан. Это было фактом. Но иногда его поломки принимали формы настолько идиотские, что злиться не было смысла.

Каэль снял пальто. Аккуратно сложил его, положил на каменный пол коридора. Снял пиджак. Закатал рукава бело-

снежной рубашки.

Он взял медный наушник у Морры, вставил холодный латунный диск в ухо, закрепив ремнём. Провод толщиной с палец потянулся по полу к сложной катушке на поясе Морры.

— Если ты перережешь провод, пока я там, — тихо произнёс Каэль, — я вернусь и заставлю тебя съесть эту шкатулку.

— Не драматизируй, — фыркнула Морра. — И не порви рубашку. Шёлк сложно отстирывать от чёрной слизи.

Каэль шагнул за порог.

Переход был мгновенным. Свет коридора замка исчез, словно его выключили рубильником.

Он погрузился в воду.

Она ударила со всех сторон сразу. Это была не вода. Это был жидкий лёд, смешанный со свинцом. Плотность среды была чудовищной — она мгновенно сдавила грудную клетку, вдавливая рёбра внутрь. Холод был таким острым, что обжёг даже его, существо, чьё тело давно забыло человеческие пределы температуры.

Каэль открыл глаза.

Абсолютная тьма. Ни единого просвета. Только далеко-далеко наверху, словно издевательство, виднелся крошечный квадрат света — дверной проём прачечной, откуда на него смотрели Морра, Гаш и паникующий Грум.

Он падал. Вернее, медленно, неотвратимо погружался во

мрак. Тяжёлая жидкость обволакивала его, тормозя движения. Рубашка прилипла к коже, став жёсткой, как панцирь.

В наушнике затрещало. Голос Морры пробился сквозь помехи глубины — сухой, искажённый, металлический.

— Каэль. Ты видишь шкатулку?

Он попытался повернуть голову. Вода сопротивлялась, словно он был замурован в смоле.

— Я вижу темноту, Морра, — его голос, усиленный вибрацией костей черепа, ушёл в микрофон на ремне. — И дна здесь нет.

Он погружался всё глубже. Свет сверху становился всё меньше, пока не превратился в тусклую, далёкую звезду. Давление нарастало. Кости начали тихо, опасно скрипеть.

Внезапно в абсолютной чернильной пустоте под ним что-то блеснуло.

Тусклый, фосфоресцирующий зелёный свет.

Один огонёк. Затем второй. Третий.

Они зажигались внизу, во мраке, медленно поднимаясь ему навстречу.

Каэль прищурился. Его зрение вампира адаптировалось, прорезая толщу плотной воды.

Свет исходил не от фонарей. Он исходил от лиц.

Человеческие лица, мертвенно-бледные, лишённые тел, парили в воде. Их глаза были широко открыты. Губы беззвучно шевелились.

Каэль почувствовал, как по позвоночнику скользнул не холод воды, а настоящий, древний холодок узнавания.

В наушнике снова затрещало.

— Каэль… — голос Морры впервые за сотню лет прозвучал неуверенно. — Эти лица… Я знаю их. Это портреты из Южной галереи. Те гости, которые исчезли в девятнадцатом веке.

Лица плыли ближе. И теперь Каэль видел, что они шепчут.

Вода не пропускала звук, но артикуляция была чёткой. Раз за разом, искажённые невыносимой мукой, они повторяли одно слово:

Помоги.

И только когда одно из лиц подплыло вплотную, слабо светясь во мраке, Каэль увидел то, что скрывалось за ним.

Лицо не парило само по себе. Оно висело на тонком, пульсирующем мясном отростке. А этот отросток уходил глубоко вниз, во тьму, прямо в гигантскую, раскрытую, усеянную тысячами игловидных зубов пасть глубоководного левиафана.

Лица были приманкой.

Вода вокруг Каэля внезапно пришла в движение. Огромная масса плоти, скрытая в слепой зоне, сделала рывок.

* * *

Пасть захлопнулась. Без звука, но с такой силой, что ударная волна ударила Каэля в грудь, выбив из лёгких остатки воздуха. Серебряные пузырьки устремились вверх, к далёкому свету.

В воде обычная физика не работала, а в этой, густой и тяжёлой, как машинное масло, движения превращались в тягучий, изматывающий кошмар. Каэль изогнул позвоночник, заставляя своё тело сместиться с траектории атаки за долю секунды до того, как ряды игловидных зубов сомкнулись на том месте, где только что была его голова.

Тварь проплыла мимо. Это была колоссальная масса бледной, пульсирующей плоти, лишённая глаз, покрытая слизью и шрамами. На её хребте болтались тонкие светящиеся отростки, на концах которых всё ещё беззвучно кричали человеческие лица.

Из темноты выдвинулась вторая. Затем третья.

Они не издавали звуков, но вода вокруг гудела от их движений.

Каэль понял, что уворачиваться в такой среде — пустая

трата времени. Он не был рыбой. Но он был чем-то гораздо более адаптивным.

Он вытянул правую руку. Закатанный рукав шёлковой рубашки мгновенно пропитался кровью, когда кожа на его предплечье лопнула. Это не было магией. Это был чистый биологический процесс, ускоренный до невозможного. Мышцы перестроились, сплетаясь в тугие, плотные жгуты, кальций хлынул в кости, сращивая их, уплотняя и выталкивая наружу. Через секунду вместо кисти и предплечья у Каэля появилось длинное, зазубренное костяное лезвие, по плотности превосходящее титан.

Боль была острой, но привычной. Он перестал замечать её лет сто назад.

Ближайший левиафан сделал рывок, широко разевая пасть.

Каэль не стал отплывать. Он ударил навстречу, используя инерцию самой твари. Костяное лезвие вошло прямо под нижнюю челюсть монстра, пробивая толстую хрящевую ткань и уходя глубоко в мозг.

Вода содрогнулась от беззвучной агонии существа. Из раны вырвалось густое облако чёрно-зелёной крови. Она не растворялась в воде, а повисла в ней чернильными кляксами, пахнущими гнилью и старыми медными монетами.

Каэль вырвал клинок. Монстр забился в конвульсиях, уходя штопором во тьму.

В наушнике сквозь помехи пробился спокойный, почти

скучающий голос Морры:

— Каэль. Я слышу какой-то хруст. Если они проглотят шкатулку — распотроши их аккуратно. Замок не любит запах требухи. Особенно Малёк, он потом три дня будет ныть, что компост испорчен.

Каэль не успел ответить. Сбоку, из слепой зоны, вынырнуло толстое щупальце, покрытое присосками с костяными крючьями внутри. Оно обхватило его за талию, сминая рёбра с влажным хрустом.

В этот момент откуда-то сверху в густую кровавую взвесь рухнул огромный серый ком.

Бруно.

Он всё ещё тонул. Мёртвый оборотень падал на дно, растопырив лапы и пуская пузыри из разорванной глотки. Он совершенно не понимал, где находится и что происходит, но когда в сантиметре от его носа проплыло пульсирующее щупальце, инстинкты взяли верх.

Бруно радостно клацнул челюстями.

Его зубы, способные перекусывать стальные трубы, сомкнулись на щупальце. Оборотень дёрнул головой, вырывая огромный кусок мяса. Левиафан от боли ослабил хватку. Щупальце отдёрнулось во тьму.

Кусок плоти выскользнул из пасти Бруно и уплыл. Оборотень возмущённо булькнул, попытался поймать его лапами, но течение унесло его вниз, в абсолютный мрак.

Каэль вырвался из захвата, но не успел перегруппироваться.

Самая крупная тварь — размером с товарный вагон — ударила снизу вверх.

Её пасть раскрылась почти на сто восемьдесят градусов. Тьма внутри была плотнее воды. Запахло гниющими китами и тысячелетним илом. Челюсти захлопнулись, поглотив Каэля целиком.

Абсолютная темнота.

Давление внутри пасти было колоссальным. Игловидные зубы вонзились в плечи и бёдра, пробивая плоть. Монстр начал сжимать челюсти, пытаясь перемолоть добычу.

Любое другое существо погибло бы в первые секунды. Каэль даже не запаниковал.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь на собственной биомеханике.

Его ноги упёрлись в нижнюю челюсть левиафана, а плечи — в нёбо. Внутри его тела начался чудовищный процесс. Мышечные волокна на ногах начали утолщаться, уплотняться в сотни раз, превращаясь в гидравлические поршни из живой ткани. Кости таза и бёдер хрустнули, перестраивая свою геометрию, чтобы выдержать невозможную нагрузку.

Каэль сделал глубокий вдох, заполняя лёгкие остатками кислорода из собственной крови, и с силой оттолкнулся но-

гами.

Раздался глухой, тошнотворный звук разрываемой плоти. Суставы челюсти монстра не выдержали. Сначала лопнули хрящи, затем с треском разорвались мышцы. Каэль буквально раздвинул пасть левиафана изнутри, разорвав её пополам.

Его выбросило наружу в потоке чёрной крови и внутренностей. Тварь билась в агонии, закручивая воду в тугие, ледяные воронки.

Каэль завис в пустоте, тяжело дыша. Его костяное лезвие на руке с влажным чавканьем втянулось обратно под кожу, возвращая руке человеческий вид. Раны на плечах от зубов монстра уже начали дымиться, затягиваясь прямо на глазах.

Вода вокруг была густым супом из ошмётков плоти. Левиафаны, почувствовав смерть альфы, отступили в глубину, слившись с мраком.

Только бледные человеческие лица-приманки всё ещё слабо мерцали, опускаясь на дно вместе с мёртвыми тушами.

Среди этих туш, в хребте разорванного монстра, Каэль увидел знакомый перламутровый блеск. Шкатулка. Она застряла между шипами левиафана, чудом уцелев.

Каэль подплыл ближе, выдернул деревянную коробку. На ней не было ни царапины. Лунное дерево даже не намокло.

В ухе зашипело.

— *Вижу, ты не умер,* — буднично сообщила Морра. — *Провод дёргается. Шкатулка у тебя?*

— Да, — Каэль поднёс латунный наушник ближе ко рту, стряхивая с него кусок чьих-то кишок. — И я очень надеюсь, что внутри лежит нечто, оправдывающее эту бойню.

— *Там мои сушёные фиалки и пара скальпов с восемнадцатого века. Не тряси её сильно.*

Каэль собирался ответить, когда понял одну вещь.

Он не чувствовал натяжения провода.

Он поднял голову вверх, ожидая увидеть далёкий квадрат спасительного света из прачечной.

Но наверху была только тьма. Абсолютная, глухая, беспросветная чернота.

Драка с левиафанами и мёртвый вес их туш утащили его слишком глубоко. Натяжение исчезло, потому что медный провод связи был размотан до самого конца. Морра не могла его вытащить.

Он висел в бесконечном пространстве. Без верха. Без низа. Сверхплотная вода давила на барабанные перепонки с такой силой, что из носа пошла кровь, мгновенно растворяясь в тёмной жидкости.

И тут он почувствовал это.

Вибрацию.

Она пришла не из воды. Она пришла снизу. Это был не звук — это был ритм, который передался прямо в кости, заставив вибрировать зубы. Тяжёлый, механический гул.

Каэль посмотрел вниз.

Тьма начала рассеиваться. Глубоко под ним вода осветилась вспышками. Это был не биолюминесцентный свет рыб. Это были гигантские, чудовищные разряды статического электричества, прорезающие толщу ледяного океана. Синие молнии в воде.

В свете этих разрядов Каэль увидел дно.

Но это не было морским дном. Не было скал, ила или песка.

Весь горизонт внизу, насколько хватало глаз, занимал металл.

Это была шестерня. Колоссальная, размером с мегаполис, покрытая окаменелостями, светящимся мхом и гигантскими морскими желудями. Она была лишь малой деталью бесконечного механизма, уходящего ещё глубже во тьму.

Каэль замер. Масштаб увиденного ломал психику. По сравнению с этим зубчатым колесом левиафаны, которых он только что убил, были не крупнее бактерий. А сам он не значил вообще ничего.

Замок стоял над этим океаном. Замок был просто крышкой. Заглушкой.

В наушнике раздался оглушительный треск статического напряжения. Голос Морры пропал.

Механизм под Каэлем пришёл в движение.

Медленно. Неотвратимо. Гигантская шестерня провернулась на один зубец. Металл потёрся о металл. Звук, который при этом родился, разорвал воду — это был гул исполинского колокола, ударившего прямо под океаном.

Сверхплотная вода дёрнулась, словно живая, ударив Каэля по ушам.

Он инстинктивно вскинул руку, чтобы защитить лицо от взвихрённого потока. Рукав рубашки сполз.

На его запястье тускло светился циферблат механических часов. Стекло выдержало давление бездны. Стрелки, не подчиняясь логике, стояли на месте.

Они показывали 4:44.

Вода дёрнулась снова, меняя направление. Океан начал закручиваться в воронку, засасывая всё вниз, прямо между зубьями древней машины.

* * *

Воронка закручивалась с грацией медленной, неотвратимой катастрофы.

Сверхплотная вода загудела. Этот звук нельзя было услышать ушами — он передавался напрямую в плоть, резонируя в грудной клетке, заставляя внутренние органы вибрировать на грани разрыва.

Зубья циклопической шестерни, каждый размером с кафедральный собор, начали сходиться. Между ними закручивался ледяной водоворот, втягивающий в себя всё: ошмётки левиафанов, человеческие лица-приманки, фосфоресцирующий снег из глубоководной гнили.

Каэля потащило вниз.

Он попытался сопротивляться, перестраивая мышцы спины и рук, чтобы создать максимальное сопротивление воде,

но это было всё равно что пытаться остановить сход лавины ладонями. Бездна не просто тянула — она заглатывала.

Перламутровая шкатулка в его руке казалась сейчас самой идиотской вещью во вселенной. Ради сушёных фиалок Морры он собирался стать смазкой для шестерней механизма, на котором, возможно, держался весь этот проклятый мир.

Медный провод связи, тянущийся от его ремня куда-то во мрак наверху, внезапно натянулся.

Он зазвенел, как струна виолончели. Толстая медь заскрипела, готовая лопнуть в любую секунду.

И тут во тьме над Каэлем мелькнуло серое пятно.

Бруно.

Мёртвый оборотень погружался прямо в центр воронки, вращаясь вокруг своей оси, как сломанная торпеда. В пасти он мёртвой хваткой сжимал здоровенный кусок щупальца. Его единственный глаз светился абсолютным, тупым триумфом. Бруно не понимал, что такое концепция шестерни, ломающей реальность. Он поймал палку. И теперь был счастлив.

Каэль резко выбросил руку вперёд, хватая пролетающего мимо оборотня за остатки шкуры на загривке. Бруно дёрнулся, булькнул, но добычу не выпустил.

Воронка дёрнула их обоих вниз. До схождения металлических зубьев оставались считанные метры. Металл тёрся о металл, высекая синие, ослепительные искры статического электричества прямо в воде.

И в этот момент провод дёрнул вверх.

Рывок был такой силы, что Каэлю едва не перерубило рёбра кожаным ремнём крепления. Его вырвало из гравитационного захвата воронки.

Где-то там, наверху, в тесном коридоре замка, Морра явно пустила в ход свой лучший аргумент.

— ГРУМ, ТЯНИ! — прорвался сквозь статические помехи её визгливый, искажённый голос. *— ТЯНИ, МЯСНОЙ ТЫ ШАР, ИЛИ Я ЗАШЬЮ ТВОЙ РОТ И ТЫ БУДЕШЬ ХУДЕТЬ ЧЕРЕЗ КАПЕЛЬНИЦУ!*

— Я НЕ ШАР! У МЕНЯ ТЯЖЁЛАЯ КОСТЬ И ЗАДЕРЖКА ВОДЫ! — рёв тролля в динамике был громче скрежета шестерни.

Грум тянул. Физическая сила двухсполовинойметрового болотного тролля, находящегося в состоянии истерики из-за углеводов и угрозы голодной смерти, была поистине астрономической.

Каэль и Бруно понеслись вверх.

Вода била по лицу, как бетон. Давление менялось слишком быстро. Каэль слышал, как внутри Бруно с влажным хрустом лопаются мёртвые органы от декомпрессии, но оборотню было плевать — он всё ещё увлечённо жевал щупальце.

Свет из дверного проёма в прачечную начал стремительно приближаться. Крошечный квадрат рос, превращаясь в сияющее, невыносимо яркое окно в нормальную реальность.

Быстрее.

Вода под ними взвилась от очередного удара колокола бездны. Шестерня завершила свой оборот. Сверхплотный океан вспучился, посылая вверх ударную волну.

Она ударила их в спины ровно в тот момент, когда они пересекли порог.

Каэля вышвырнуло из воды в коридор.

Он пролетел несколько метров и с тяжёлым, мокрым стуком рухнул на дубовый паркет, прокатившись по дорогому ковру. Следом с оглушительным чавканьем приземлился Бруно. Кусок щупальца вылетел из его пасти и шлёпнулся прямо на лакированный ботинок стоявшего в углу Гаша.

Гаш посмотрел на щупальце. Почесал подбородок.

— Это не наше, — констатировал он.

Тяжёлая дубовая дверь прачечной захлопнулась сама собой.

С таким звуком, будто закрылся банковский сейф. Медная петля, вырванная с корнем, с лязгом встала на место.

В коридоре повисла тишина.

Только тяжёлое дыхание.

Грум сидел на полу, упираясь гигантскими ногами в стены коридора. Медный кабель был намотан на его предплечья, которые сейчас бугрились от вздувшихся вен. Тролль весь покрылся испариной.

— Я... — Грум сглотнул, его глаза нервно бегали. — Я сжёг сейчас минимум полторы тысячи калорий. Мне нужно

ведро мяса. Иначе у меня начнётся катаболизм. Я расщеплю собственные мышцы!

Каэль медленно сел.

Его белая шёлковая рубашка превратилась в пропитанную чёрной кровью и слизью тряпку. Волосы прилипли к лицу. Вода стекала с него на ковёр лужами, но это уже была обычная вода. Запах озона исчез. Пахло только пылью и старым камнем.

Он разжал кулак. Перламутровая шкатулка из лунного дерева. Целая.

Морра сделала шаг вперёд. Она не смотрела на его разорванные плечи, из которых ещё шёл пар быстрой регенерации. Не смотрела на Бруно, который лежал на спине, дрыгал лапой и пытался выплюнуть зуб левиафана.

Она смотрела только на шкатулку.

Морра выхватила её из рук Каэля. Щёлкнула медным замком. Откинула крышку.

Внутри лежали три засохшие фиалки, пучок чьих-то выцветших волос и старая, треснувшая брошь.

Морра долго смотрела на содержимое. Затем нахмурилась.

— Один лепесток отвалился, — она перевела свой абсолютно чёрный, бездонный взгляд на Каэля. — Ты тряс её. Я же просила быть аккуратнее.

Каэль закрыл глаза. Он прислонился затылком к прохладной каменной стене и тихо, искренне рассмеялся. Это был короткий, сухой звук, в котором не было веселья. Только абсолютная, кристально чистая усталость от этого мира.

— В следующий раз, — произнёс Каэль, глядя в потолок, — когда твоя шкатулка упадёт в онтологический пролом ре-

альности к зубастым хтоническим червям... я отправлю за ней Бруно. Одного.

Бруно, услышав своё имя, радостно гавкнул и случайно оторвал себе ухо, пытаясь почесаться слишком усердно.

Гаш молча поднял ухо с пола и сунул себе в карман пальто.

— Пришью в четверг, — философски заметил он.

Грум наконец-то смог размотать кабель. Он поднялся во весь свой гигантский рост, чуть не проломив головой потолок, и подошёл к двери в прачечную.

Тролль осторожно, одним огромным зелёным пальцем, толкнул дубовое полотно.

Дверь скрипнула и открылась.

Внутри не было чёрного океана. Не было ледяного ветра.

Там была старая замковая прачечная. Покрытый жёлтыми пятнами кафель, медные котлы для кипячения воды, запах мыла и старой сырости. Лужа на полу давно высохла.

Обычная комната.

Грум долго смотрел внутрь. Затем закрыл дверь. Его длинное, усталое лицо стало пугающе серьёзным. Вся истерика по поводу углеводов мгновенно исчезла.

— Каэль, — голос Грума стал тихим. Слишком тихим для существа его размеров. — Что ты видел там? Внизу?

Каэль поднялся с пола. Его суставы хрустнули, возвращаясь на место после чудовищного давления. Вода с его одеж-

ды уже перестала капать — вампирская биология испаряла влагу, согревая тело.

Он подошёл к Груму.

— Механизм, — коротко ответил Каэль. — Шестерню размером с Кито.

Грум побледнел. Для существа с болотной кожей это выглядело так, словно из него выкачали всю грязь. Тролль медленно перевёл взгляд на каменный пол коридора, словно пытаясь разглядеть сквозь него километры пустоты и камня.

— Она сдвинулась? — шёпотом спросил Грум.

Каэль промолчал.

Он опустил взгляд на своё правое запястье. Стекло часов было целым. Секундная стрелка снова двигалась, отсекая время с привычным, механическим ритмом.

Время было 4:45.

Цикл замкнулся минуту назад. Ровно в тот момент, когда удар подводного колокола вышвырнул их обратно.

— Она провернулась, Грум, — наконец произнёс Каэль. Его голос был таким же ровным и спокойным, как всегда. — На один зубец.

Морра, которая до этого любовно поправляла мёртвые фиалки в шкатулке, внезапно замерла. Её крылья за спиной дёрнулись, издав звук рвущегося шёлка.

Бруно перестал жевать. Гаш застыл, не донеся пальцы до кармана.

Замок вокруг них затих. Абсолютно. Словно перестал дышать.

— Триста лет, — прошептал Грум, вцепляясь пальцами в свой грязный комбинезон. — Триста чёртовых лет она стояла намертво.

Тролль медленно поднял глаза на Каэля. В его жёлтых глазах сейчас не было ни капли комичного невроза. В них был только первобытный, голый ужас существа, которое понимает архитектуру мира лучше, чем кто-либо другой.

— Если она начала вращаться... — Грум сглотнул. — То, что она держала закрытым...

Он не закончил фразу.

Из глубины замка, откуда-то из-под десятков уровней подземелий, донёсся звук.

Очень слабый. Едва различимый.

Словно огромная, тяжёлая дверь, запертая тысячелетия назад, скрипнула на ржавых петлях.

Каэль поправил мокрый воротник рубашки.

— Грум, — спокойно произнёс он, глядя в темноту коридора. — Похоже, тебе придётся отложить диету. Замок начинает просыпаться. И мне кажется, он голоден.

* * *

Даже кипяток не мог смыть этот запах.

Каэль стоял под тугими струями душа, опершись обеими руками о чёрный мрамор стены. Вода, достаточно горячая, чтобы сварить с человека кожу заживо, с шипением скатывалась по его спине, испаряясь в плотный белый пар.

Но запах оставался.

Он въелся в поры. Глубокий, тысячелетний аромат озона, соли, гниющего на дне ила и холодного железа. Запах сверхплотного океана. Запах механизма, который не должен был вращаться.

Каэль закрыл кран. Щёлкнул серебряный вентиль, и вода мгновенно стихла. В ванной повисла тяжёлая, густая тишина, нарушаемая лишь редким падением капель на мрамор.

Он выпрямился. Мышцы спины и бёдер, которые он принудительно перестраивал, чтобы разорвать левиафана изнутри, всё ещё фантомно ныли. Вампирская регенерация давно залечила разрывы тканей и микротрещины в костях, но сама нервная система запомнила колоссальную нагрузку. Тело гудело.

Каэль шагнул к зеркалу, смахнул ладонью испарину со стекла.

Отражение смотрело на него спокойно. Тёмные глаза, бледная кожа, идеальные, пугающе симметричные черты ли-

ца. Никаких следов паники. Никаких следов усталости.

Но внутри него, где-то на периферии сознания, всё ещё бился тот самый ритм. Ритм гигантской шестерни, проворачивающейся на один зубец.

«Она держала это закрытым триста лет», — сказал Грум.

И теперь замок просыпался.

Каэль оделся молча и быстро. Тёмно-серые брюки, чёрная шёлковая рубашка. Галстук он надевать не стал — воротник остался расстёгнутым, открывая бледную кожу ключиц. Он набросил на плечи лёгкий пиджак, забрал со столика бокал, в котором всё ещё оставалась пара глотков неразбавленного джина, и вышел из спальни.

Коридоры замка изменились.

Это не было видно глазом, но Каэль чувствовал это кожей. Тени от газовых рожков стали длиннее, острее. Камень под ногами казался теплее обычного, словно внутри стен потекли новые, невидимые кровеносные русла. Портреты в галереях молчали. Обычно они перешёптывались, сплетничали или жаловались на сквозняки, но сейчас холсты застыли в напряжённом ожидании. Лица аристократов, полководцев и забытых монстров провожали Каэля абсолютно немыми, испуганными взглядами.

Он направлялся в библиотеку.

Библиотека замка не была просто хранилищем книг. Это

был орган. Своеобразный внешний мозг, который накапливал, фильтровал и иногда переваривал информацию.

Двустворчатые двери из морёного дуба приоткрылись сами, стоило Каэлю приблизиться. Замок пустил его внутрь с тихим скрипом петель, похожим на уважительный вздох.

Внутри пахло старой бумагой, сухими чернилами и пылью, которая никогда не оседала на пол.

Библиотека уходила вверх на четыре яруса. Резные балконы, кованые винтовые лестницы, бесконечные ряды стеллажей, уходящих во мрак под потолком. Пространство здесь всегда казалось больше, чем позволяла внешняя архитектура башни.

Некоторые книги тихо дышали. Если прислушаться, можно было различить едва заметный шелест страниц, словно фолианты перечитывали сами себя во сне.

Каэль прошёл мимо секции демонологии — оттуда пахло серой и палёным волосом — и свернул вглубь, к архивам самого замка.

Ему нужны были чертежи.

Кто-то же построил эту крепость. Кто-то заложил фундамент. Кто-то должен был оставить план того, что находится *под* первым уровнем катакомб, до самого дна, где покоится шестерня.

Он подошёл к массивному дубовому столу, освещённому лампой с зелёным стеклянным абажуром. В центре стола лежал огромный, свёрнутый в трубку кожаный тубус.

Каэль допил джин, поставил пустой хрустальный бокал на край стола и потянул за ремешок тубуса.

Свиток лёг на стол с сухим шуршанием. Это был не пергамент и не бумага. Это была выдубленная кожа неизвестного существа, тонкая и полупрозрачная. Чертежи замка.

Каэль склонился над ними, вглядываясь в сложную вязь линий, сносок и архитектурных разрезов.

Верхние уровни были прорисованы чётко. Главный холл, башни, теплицы, прачечная. Первый уровень катакомб. Второй уровень — технический сектор Грума. Третий...

Каэль нахмурился.

Линии на коже начали медленно, едва заметно двигаться.

Они не просто плыли, как оптическая иллюзия. Чернила физически перестраивались. Коридоры на чертеже удлинялись, сворачивались в спирали, обрывались в никуда. Помещения, которых Каэль никогда не видел, проступали сквозь кожу тёмными, кровоточащими пятнами.

А там, где должен был быть нижний уровень — Бездна — чернил не было вообще. Была только выжженная, абсолютно

пустая дыра, края которой выглядели так, словно их проела кислота.

Замок забывал сам себя. Или, наоборот, вспоминал то, что было стёрто.

В этот момент за спиной Каэля раздался звук.

Очень тихий. Влажный стук подошвы о дубовый паркет. И запах — смесь мокрого асфальта, пороха и свежей, горячей крови.

Каэль не обернулся. Он продолжал смотреть на меняющийся чертёж.

— Окно было закрыто на щеколду, — спокойно произнёс он.

— Твоя щеколда сделана из сплава, который гнётся от простого ведовского нагрева, — раздался резкий, чуть хриплый женский голос. — Передай Груму, чтобы перестал экономить на фурнитуре.

Нериса.

Она стояла у дальнего стеллажа, прислонившись плечом к книжной полке. Тёмные, влажные от дождя рыжие волосы липли к бледным щекам. На ней был длинный охотничий плащ, подол которого потемнел от воды и грязи. Тяжёлые ботинки оставляли на ковре библиотеки слабые влажные следы.

Она выглядела уставшей. Под её серо-золотыми глазами

залегли тени. Зрачки всё ещё оставались слегка вытянутыми, вертикальными — признак того, что она совсем недавно использовала свою химерную биологию. На скуле, прямо под правым глазом, темнел свежий, ещё кровоточащий порез.

— Ты пачкаешь мой ковёр, — Каэль наконец выпрямился и повернулся к ней.

— Твой ковёр переживёт, — Нериса оттолкнулась от стеллажа и подошла ближе. Её шаги были абсолютно бесшумными. Охотничья привычка, которую не могла отбить даже усталость. Она остановилась в двух шагах от стола, втянула носом воздух и поморщилась. — Какого чёрта, Каэль? От тебя пахнет так, будто ты принял ванну в желудке доисторического кита.

— Я принял ванну в пространственной аномалии, — он скрестил руки на груди. — В прачечной. Морра уронила туда шкатулку.

Нериса смотрела на него несколько секунд, не моргая. В её взгляде читалась та самая смесь профессиональной оценки и смертельной усталости от его абсурдной жизни, которая появлялась каждый раз, когда она приходила в замок.

— В прачечной, — повторила она медленно.

— Именно.

— Океан.

— С левиафанами.

Она выдохнула, достала из внутреннего кармана плаща серебряный портсигар, щёлкнула им. Достала тонкую сигарету, но прикуривать не стала — просто зажала её между губами, словно ей нужен был физический якорь, чтобы не сойти с ума.

— Знаешь, — сухо сказала Нериса, — большинство нормальных монстров заводят в подвалах крыс. Или призраков. Или хотя бы тайные лаборатории. Но у тебя в прачечной океан.

— Я не выбирал этот океан, Нериса. Он сам выбрал мою прачечную, — Каэль кивнул на её лицо. — Что с щекой? Орден Пепла опять пытался рассказать тебе о спасении души через сожжение?

Нериса криво усмехнулась. Вертикальные зрачки в её глазах медленно расширились, возвращаясь к нормальной человеческой форме.

Она вытащила сигарету изо рта и бросила её на стол.

— Нет. Не ордена. Цитадель.

Каэль чуть сузил глаза. Цитадель редко вмешивалась напрямую, если только кто-то не нарушал Маскарад с особой жестокостью.

— Исполнители?

— Хуже, — Нериса подошла вплотную к столу, оперлась

о него руками в чёрных тактических перчатках и посмотрела прямо в глаза Каэлю. — Архивариусы.

В библиотеке внезапно стало тише. Книги перестали дышать. Словно само слово «Архивариус» заставило бумажные сознания сжаться от древнего, инстинктивного ужаса.

— Они были в Нижнем Кито, — её голос стал тише, напряжённее. — В районе Сан-Рохе. Три часа назад там появилась аномалия. Не просто пространственный сбой. Это была зона стирания.

Каэль не перебивал. Зоны стирания были редким, почти мифическим явлением. Места, где реальность просто... забывала существовать.

— Я выслеживала там стаю кровавых алхимиков, — продолжила Нериса, её пальцы на столе слегка сжались, кожа на перчатках скрипнула. — И внезапно алхимики просто исчезли. Не убежали, не телепортировались. Они перестали быть. Воздух стал серым. Звук исчез. А потом я увидела их. Архивариусы в своих грёбаных фарфоровых масках. Они стояли на перекрёстке и просто... вырезали куски пространства.

Она подняла взгляд на Каэля. В её серо-золотых глазах отражался зелёный свет библиотечной лампы.

— Каэль, они не спасали район. Они стирали его целиком. Вместе с людьми. Вместе с домами. Четыре квартала просто исчезли из реальности. Если ты сейчас выйдешь в город и посмотришь на Сан-Рохе, ты увидишь только пустырь. И са-

мое страшное...

Нериса сглотнула.

— Я помню этот район только потому, что у меня модифицированная память охотника. А люди в городе... они даже не замечают пустоты. Они обходят этот пустырь, как будто его там никогда не было. Цитадель не просто прячет аномалии, Каэль. Они отрезают заражённые куски мира. Потому что мир начал гнить слишком быстро.

Каэль смотрел на неё. Затем он медленно перевёл взгляд на чертёж замка, лежащий на столе.

Чернила на коже продолжали двигаться. Пустота внизу становилась всё больше, пожирая нижние этажи.

Мир гнил. Мир стирался.

И где-то глубоко внизу, под его ногами, гигантская шестерня только что начала свой отсчёт.

— Ты пришла сюда предупредить меня об Архивариусах? — тихо спросил он.

Нериса покачала головой. Она протянула руку в перчатке и коснулась меняющегося чертежа.

— Я пришла, потому что зона стирания в Сан-Рохе началась ровно в 4:44 утра. И перед тем, как квартал исчез... я слышала звук.

Она посмотрела на него в упор.

— Я слышала звук колокола, бьющего из-под земли, Каэль. Что ты натворил?

* * *

Каэль смотрел на Нерису. На её бледное лицо, на котором застыла смесь профессиональной паранойи и человеческой измотанности. На свежую кровь, медленно стекающую по её скуле.

Кровь охотницы пахла иначе, чем человеческая. В ней был острый, почти химический привкус озона, адреналина и горьких алхимических солей, которые Орден Вельсайр заставлял глотать своих послушников с детства.

Каэль достал из кармана брюк тёмно-бордовый шёлковый платок. Он сделал шаг к ней, плавно, без резких движений, чтобы не спровоцировать её инстинкты, и прижал ткань к порезу на её лице.

Нериса не отшатнулась. Но её челюсти рефлекторно сжались, а зрачки на долю секунды снова вытянулись в вертикальные щёлки. Её тело всегда было готово к удару. Даже когда она просто дышала.

— Я ничего не делал, Нериса, — спокойно произнёс Каэль, глядя ей в глаза. Ткань платка быстро пропитывалась тёмным. — Я просто пытался достать шкатулку Морры из лужи.

— И для этого тебе понадобилось звонить в колокол, от которого вибрирует тектоническая плита? — она не отстранялась от его руки, но её голос был натянут, как струна арбалета.

— Колокол звонил не для меня. И не я в него бил. — Каэль убрал платок. Кровь на её скуле уже свернулась — химерная регенерация брала своё. — Под нами, глубоко под фундаментом замка, есть механизм. Шестерня размером с несколько городских кварталов. И она только что провернулась на один зубец. Ровно в 4:44.

Нериса замерла. Её взгляд скользнул по его лицу, ища признаки шутки, сарказма или лжи. Но Каэль был абсолютно серьёзен.

— Замок — это не просто крепость, — добавил он, отворачиваясь к столу и бросая окровавленный платок рядом с тубусом. — Это печать. Заглушка. И, судя по тому, что ты рассказала про Сан-Рохе, эта заглушка начала протекать.

В этот момент в библиотеке раздался звук, который невозможно было перепутать ни с чем.

Сухой, раздражающий цокот каблуков.

Из мрака между стеллажами с поэзией эпохи Возрождения вышла Морра.

Она несла в руках небольшой серебряный поднос. На нём стоял хрустальный бокал с абсолютно чёрной жидкостью и

лежал моток стерильного бинта. Её крылья были плотно прижаты к спине, скрытые под старинным кружевным платьем, но глаза по-прежнему оставались двумя провалами во тьму.

— Если ты собираешься истекать кровью на персидский ковёр тринадцатого века, охотница, — ядовито пропела Морра, подходя к столу, — то будь добра, делай это над ведром. Или хотя бы выпей это.

Она с грацией змеи поставила поднос перед Нерисой.

— Что это? — Нериса с подозрением покосилась на чёрную жидкость.

— Настойка из корня мандрагоры и пепла. Улучшает вкус крови. Раз уж ты всё равно собираешься испачкать мой пол, пусть пятна хотя бы пахнут эстетично.

Нериса медленно повернула голову к Каэлю.

— Можно я её убью? Просто один раз. В качестве терапии.

— Я технически бессмертна внутри этих стен, — Морра мило улыбнулась, обнажив зубы, которые сейчас выглядели слишком острыми для человеческой челюсти. — Но ты можешь попробовать. Только сними свои грязные ботинки.

Каэль проигнорировал их. Он смотрел на пол.

На то место, где стояла Нериса.

Вода, которая капала с её промокшего под дождём плаща, больше не была водой.

Капли падали на ворс ковра и не впитывались. Они рассыпались.

Это была не вода. Это был серый пепел. Мелкий, сухой, абсолютно безжизненный прах. Он сыпался с её одежды, с её волос, скапливаясь у её ног маленькими, бесцветными холмиками.

— Нериса, — голос Каэля стал пугающе тихим. — Ты сказала, что Архивариусы вырезали куски пространства в Сан-Рохе. Ты была внутри этой зоны?

Она нахмурилась, проследив за его взглядом. Увидев пепел, падающий с её собственных рукавов, она инстинктивно сделала шаг назад.

— Нет. Я стояла на границе. Я видела, как дома становятся плоскими, теряют цвет и осыпаются вот этим… — она указала на пол.

— Ты принесла это на себе.

Каэль резко поднял голову.

Библиотека изменилась.

Воздух стал тяжёлым. Звук исчез. Не просто стих — он перестал существовать. Каэль понял, что не слышит ни дыхания Нерисы, ни шороха платья Морры, ни даже биения собственного сердца. Это была абсолютная, вакуумная глухота зоны стирания.

Свет зелёной лампы на столе мигнул и стал тускло-серым.

Книги на стеллажах задрожали.

— Назад, — Каэль схватил Нерису за плечо и рывком дёрнул её за спину, одновременно отталкивая Морру в сторону.

Из тени между рядами фолиантов что-то вытекало.

Оно не имело формы. Это был силуэт, вырезанный из самой реальности. Двухметровая фигура, состоящая из абсолютного «ничего». Внутри её контуров не было тьмы — там была статическая рябь, как на экране сломанного телевизора, только серая и мёртвая.

Где сущность касалась деревянных полок, дерево теряло цвет. Оно становилось серым прахом и осыпалось вниз.

Книги, попавшие в зону её ауры, начали кричать. Это был неслышимый, но ощущаемый физически ментальный вопль. Бумага чернела. Буквы срывались со страниц, как перепуганные насекомые, падали на пол и растворялись в воздухе, навсегда стирая из мира чьи-то мысли.

— *Онтологический паразит,* — мысленный голос Морры хлестнул прямо в мозг Каэля, острый от паники. — *След от Архивариусов. Она принесла его на себе, как клеща!*

Сущность медленно повернула то место, где у неё должна была быть голова, к Каэлю.

Она не смотрела. Она *анализировала*. Пыталась понять,

можно ли стереть то, что стоит перед ней.

Нериса отреагировала с рефлексами существа, рождённого для убийства.

Она выхватила из-под плаща длинный, изогнутый ритуальный нож. На лезвии вспыхнули красные алхимические руны. Нериса не стала тратить время на оценку — она метнула клинок прямо в центр статической фигуры.

Нож вошёл в пустоту.

И исчез.

Не упал на пол. Не пролетел насквозь. Он просто перестал существовать с того момента, как пересёк серую границу сущности. Металл, руны, само понятие «оружие» было стёрто.

— Очаровательно, — сквозь вакуумную глухоту Каэль буквально выдавил звук, заставляя звуковые волны пробиваться сквозь аномалию силой своей плоти.

Сущность сделала шаг вперёд.

Ковёр под её ногой превратился в серую пыль. Пространство вокруг неё искривлялось, теряя глубину и объём, становясь плоским двухмерным рисунком, который кто-то безжалостно стирал ластиком.

— Не используй магию! — рявкнул Каэль Нерисе. — Оно жрёт концепции!

Он шагнул навстречу твари.

Обычное оружие не работало. Значит, нужно было использовать нечто такое же неправильное, как и сам паразит. Себя.

Его правая рука от плеча до кончиков пальцев начала трансформироваться. Мясо разошлось с влажным треском, который эхом ударил по стеллажам. Рукав рубашки разлетелся в клочья. На этот раз это было не лезвие. Кости предплечья срослись в толстую, бугристую булаву из живой, сверхплотной костной ткани, покрытой зазубренными наростами и сочащейся чёрной кровью. Масса руки увеличилась

втрое, оттягивая плечевой сустав.

Каэль не стал ждать. Он рванулся вперёд со скоростью, которую человеческий глаз воспринял бы как смазанное пятно.

Он ударил.

Тяжёлая костяная булава врезалась в бок серой статической фигуры.

Раздался звук рвущейся фольги.

Удар Каэля нёс в себе чудовищную кинетическую энергию, но, что более важно, его плоть была древней. Она сопротивлялась стиранию. Костяной нарост погрузился в серую рябь, и Каэль почувствовал обжигающий, ледяной холод, который начал пожирать его клетки.

Его рука внутри сущности начала распадаться. Прямо на глазах кость становилась прозрачной, теряя форму.

Но тварь отбросило. Физический закон массы сработал. Статический силуэт отлетел назад, врезавшись в дубовый стеллаж. Дерево мгновенно посерело и осыпалось прахом, тысячи древних томов обрушились на пол, теряя слова и превращаясь в чистые листы.

Каэль выдернул руку. Половины костяной булавы не было. Она была срезана идеально ровно, без крови, без боли. Просто исчезла, словно её отсекли в графическом редакторе.

— Каэль, ложись! — крикнула Нериса.

Она не стала бросать оружие. Её тело за спиной Каэля издало серию отвратительных хрустов. Химерная биология Ордена Вельсайр включилась на полную. Из её предплечий,

прорвав кожу и ткань плаща, вырвались два метровых костяных шипа. Её глаза полностью стали золотыми с узкими вертикальными прорезями.

Каэль пригнулся, уходя в перекат.

Нериса прыгнула. Она оттолкнулась от дубового стола с такой силой, что тяжёлая столешница треснула пополам. В полёте она скрестила костяные клинки на своих руках и врезалась прямо в центр поднимающейся сущности.

Паразит попытался стереть её. Серая рябь охватила костяные шипы Нерисы, но они были покрыты горячей, живой кровью химеры — нестабильной, дикой, сопротивляющейся любому порядку.

Кровь зашипела, соприкасаясь с «ничем».

Серая рябь пошла волнами. Сущность издала звук — скрежет гвоздя по стеклу, усиленный в тысячу раз.

Нериса зарычала, её голос сорвался на звериный рык. Она вогнала шипы глубже в статический контур и рванула руки в стороны, буквально разрывая пустоту на две части.

Раздался хлопок вакуумного взрыва.

Каэля и Нерису отбросило ударной волной. Серая фигура лопнула, разлетевшись на тысячи хлопьев пепла, которые тут же растаяли в воздухе, не долетев до пола.

Звук вернулся в библиотеку так резко, что ударил по ушам.

Тихий треск газовых рожков. Шелест страниц уцелевших книг, которые в панике захлопывали свои обложки. Тяжёлое

дыхание Нерисы.

Она лежала на спине, раскинув руки. Костяные шипы медленно, с влажным чавканьем, втягивались обратно в её предплечья. Кровь капала на ковёр.

Каэль медленно поднялся. Его правая рука, стёртая наполовину, дымилась. Плоть шипела, пытаясь регенерировать то, что было не просто отрезано, а удалено из реальности. Клетки не понимали, как восстановить пустоту. Ему придётся вручную запустить перестройку ткани, чтобы отрастить предплечье заново.

Он подошёл к Нерисе. Протянул ей левую, целую руку.

Она ухватилась за неё своей окровавленной перчаткой и тяжело встала. Её золотые глаза медленно возвращались к нормальному человеческому серому цвету.

— Отличная командная работа, — раздался сверху спокойный голос Морры.

Каэль поднял голову. Морра сидела на балконе второго яруса, свесив ноги сквозь кованую решётку. Она меланхолично допивала чёрную настойку мандрагоры из бокала, который предназначался Нерисе.

— Ты могла бы помочь, — сухо заметил Каэль.

— Я помогала. Я морально поддерживала вас, не давая библиотеке сожрать вас обоих в качестве компенсации за ущерб. Вы уничтожили секцию поэзии. Какая трагедия.

Нериса вытерла кровь с лица тыльной стороной ладони. Она смотрела на место, где только что исчез паразит. Там,

на полу, остался идеально круглый, серый выжженный след.

— Каэль, — она перевела взгляд на его дымящуюся руку. — Что это было? Это не нечисть. Это вообще не живое существо.

— Это симптом, — Каэль подошёл к разбитому дубовому столу.

Чертёж замка на коже всё ещё лежал там.

Каэль посмотрел на него.

Пустота, которая зияла на месте нижних уровней, перестала расти. Но теперь в самом центре этого выжженного пятна, прямо под тем местом, где на схеме находилась библиотека, медленно мигали цифры, написанные пульсирующими чёрными чернилами.

4:44.

Каэль долго смотрел на них.

Затем он перевёл взгляд на Нерису.

— Мир не просто гниёт. Кто-то запустил таймер. И, кажется, мой замок — это единственное, что не даёт ему дойти до нуля.

Он взял уцелевший бокал с остатками джина, который чудом не упал со стола во время драки, и допил его залпом.

Алкоголь обжёг горло, но не принёс облегчения.

— Грум! — крикнул Каэль в пустоту коридора.

Из глубины замка, где-то очень далеко, раздалось приглушённое эхо падения тяжёлых предметов и страдальческий вопль тролля.

— ГОТОВЬ БУРОВУЮ УСТАНОВКУ, ГРУМ! — голос Каэля разнёсся по стеллажам, холодный и абсолютно спокойный. — МЫ ИДЁМ НА ДНО!

* * *

Спуск на второй подземный уровень замка был похож на погружение в желудок гигантского, больного киборга.

Здесь заканчивался камень и начинался металл, переплетённый с органикой. Механическое сердце замка не было просто инженерным узлом — это была симбиотическая система, где паровые котлы размером с трёхэтажный дом дышали, как живые лёгкие, а чугунные трубы пульсировали, перекачивая густую жидкость, подозрительно похожую на лимфу.

Воздух здесь был тяжёлым. Он обжигал лёгкие смесью машинного масла, горячего пара, ржавчины и старой крови. Жёлтый свет редких газовых ламп едва пробивался сквозь густой смог.

Каэль шёл по стальным решётчатым мостикам, перекинутым над бездонными техническими шахтами. Его шаги отдавались гулким металлическим лязгом. Пиджак он оставил в библиотеке — сейчас на нём была только белая шёлковая рубашка, разорванная на правом плече.

Его рука всё ещё дымилась.

Процесс регенерации после онтологического стирания

выглядел отвратительно. Это не было магическим свечением или плавным заживлением. Это было агрессивное, насильственное возвращение плоти в реальность. Из обрубка предплечья вытягивались белые, влажные нити нервов, они сплетались друг с другом, образуя каркас. Затем на них с влажным хрустом нарастали кости, а сверху, словно на ткацком станке, волокно за волокном ложились красные мышечные жгуты. От руки шёл густой пар, пахнущий озоном и жжёным мясом. Каждое движение сопровождалось тихим треском делящихся клеток.

Нериса шла на полшага позади. Её ботинки ступали по решёткам абсолютно бесшумно. Охотница не сводила глаз с его руки.

Её инстинкты, вбитые Орденом Вельсайр на уровне спинного мозга, вопили. Существо перед ней нарушало базовые законы биологии. Его нужно было убить. Залить алхимическим огнём, пока оно не восстановилось.

Она сжала кулаки в перчатках, подавляя этот рефлекс.

— Выглядит так, будто твоя рука пытается родить саму себя, — сухо заметила Нериса, перекрикивая шипение пара из пробитого вентиля.

— Ощущается примерно так же, — ровно ответил Каэль, не оборачиваясь. Он сжал наполовину сформированную кисть. Фаланги пальцев, на которых ещё не наросла кожа, скрипнули. — Стирание удаляет память клеток о том, какими они должны быть. Мне приходится держать образ руки в

голове, чтобы она не выросла в виде щупальца или чего-то похуже.

— Удобно. А если отвлечёшься?

— Однажды я отвлёкся на разговор с Моррой, — Каэль перешагнул через лужу чёрной смазки. — Пришлось отрубать себе руку заново, потому что на запястье сформировался лишний локоть, а пальцы сгибались в обратную сторону.

Нериса хмыкнула. Юмор бессмертных всегда балансировал на грани анатомического хоррора.

Они вышли на центральную платформу.

Здесь, под колоссальной, ржавой турбиной, которая медленно вращалась, издавая звук умирающего кита, стоял Грум.

Тролль находился в состоянии глубокого инженерного невроза. Он был по пояс измазан в чёрной смазке, его защитные очки съехали на лоб, обнажив воспалённые, безумные жёлтые глаза. В руках он сжимал газовый ключ размером с человека. Вокруг него валялись развороченные шестерни, куски труб и какие-то окровавленные металлические детали.

— ТРИСТА ЛЕТ! — орал Грум, обращаясь к огромному бронзовому вентилю. — Триста лет ты работал как часы! А теперь у тебя давление скачет, как у беременной гарпии! Я что, похож на кардиолога?! Я СТРОИТЕЛЬ!

— Грум, — голос Каэля прорезал промышленный шум, спокойный, но тяжёлый.

Тролль резко обернулся. Газовый ключ в его руках опи-

сал смертоносную дугу, едва не снеся стальную опору мостика. Грум тяжело дышал, его выпирающие рёбра ходили ходуном.

— Каэль, — Грум вытер грязной рукой лоб, размазывая мазут. — У нас критический сбой. Центральная магистраль охлаждения начала перекачивать желудочный сок вместо воды. Желудочный сок! У меня трубы из закалённой стали плавятся! Замок нервничает! Он готовится к чему-то массивному!

— Я знаю. Поэтому я сказал тебе готовить буровую установку. Мы спускаемся.

Грум замер. Его длинное, измождённое лицо вытянулось ещё сильнее.

— Буровую установку? — прошептал он. Газовый ключ с грохотом выпал из его рук на стальную решётку. — Ты имеешь в виду «Гробовщика»?

— Именно.

— Каэль, ты с ума сошёл?! — взвизгнул Грум, хватаясь за свою худую голову огромными зелёными ладонями. — «Гробовщик» — это не лифт! Это пространственный проходчик! Он пробивает не камень, он пробивает слои реальности! Последний раз мы запускали его, когда в подвале завелась колония плотоядных фракталов! И знаешь, что он жрёт?! Знаешь, какое у него топливо?!

— Органика и боль, — спокойно кивнул Каэль. — Я помню.

— Он выпьет из меня все соки! — Грум схватился за живот. — Я и так истощён! У меня индекс массы тела ниже, чем у скелета! Вы хотите, чтобы я исчез?! Вы хотите, чтобы от меня осталась одна роба и защитные очки?!

— Ты не исчезнешь, Грум. Ты пойдёшь с нами. Мне нужен инженер, если механизм в Бездне начнёт перестраивать архитектуру.

— Я не пойду в Бездну! Я сухопутный...

— Болотный тролль, я знаю, — оборвал его Каэль. Его голос стал холодным, как ледник. Глаза потемнели. Пространство вокруг него на секунду исказилось, воздух уплотнился, запахло озоном. — Грум. Замок начал отсчёт. Если шестерня на дне сделает полный оборот, нам не понадобится ни лифт, ни диета. Нас всех просто сотрёт в пыль. Открывай «Гробовщика».

Грум сглотнул. Он посмотрел на Каэля, затем на Нерису, которая стояла в расслабленной позе, но держала ладонь в миллиметре от рукояти ножа. Тролль обречённо вздохнул, его гигантские плечи опустились.

— Я умру толстым, — пробормотал он. — И в темноте. Прекрасно. Идёмте.

Грум развернулся и зашагал вглубь технического сектора. Каэль и Нериса двинулись следом.

— Твои подчинённые все такие... эмоционально нестабильные? — негромко спросила Нериса.

— Они не подчинённые, — Каэль посмотрел на свою ру-

ку. Кожа уже закрывала красные мышцы, стягиваясь с тихим, влажным звуком. — Они часть этого места. Симптомы. И поверь, Грум — самый стабильный из них.

В подтверждение его слов с верхнего яруса мостиков раздался грохот, за которым последовал скрежет когтей по металлу.

С потолка, проломив ржавую вентиляционную решётку, рухнул Бруно. Огромный мёртвый оборотень тяжело шмякнулся на стальную платформу прямо перед ними, отряхнулся, как собака, разбрызгивая вокруг себя старую кровь и техническую смазку. В пасти он сжимал гигантскую свечу зажигания от какого-то генератора.

За ним, аккуратно спустившись по винтовой лестнице и постукивая металлической челюстью, появился Гаш. В руке он держал чью-то оторванную руку в дорогом шёлковом рукаве.

— Мы слышали слово «Бездна», — булькающим голосом сообщил Гаш, бросая оторванную руку в ближайшую топку. Огонь вспыхнул зелёным. — Бруно интересуется, будут ли там давать закуски. В прошлый раз в Бездне мы ели кого-то очень хрустящего.

— Это был панцирный демон, идиот, — огрызнулся Грум, не оборачиваясь. — Ты потом три недели металлом гадил.

— Хорошее было время, — философски согласился Гаш.

Бруно радостно гавкнул и попытался разжевать свечу зажигания. Раздался громкий хруст ломающейся керамики

и металла. Оборотень поморщился, выплюнул осколки и грустно посмотрел на Каэля.

— Вы идёте с нами, — сказал Каэль. — Если там внизу окажется что-то плотное — вы это едите. Если бесплотное — просто не мешайте.

Бруно заскулил от счастья.

Они подошли к краю гигантской шахты. Она уходила вниз, в абсолютную, непроглядную черноту, из которой поднимался горячий, пахнущий медью воздух.

Над шахтой на цепях толщиной с человеческое туловище висела машина.

«Гробовщик».

Это не было лифтом. Это была кошмарная клетка, сваренная из чёрного чугуна, костей древних чудовищ и деталей, которые выглядели слишком органическими. Клетка была покрыта алхимическими рунами, которые слабо пульсировали тёмно-красным светом. На крыше машины находилась гигантская роторная установка с лопастями, похожими на изогнутые хирургические скальпели.

Она не бурила землю. Она вгрызалась в пространство, разрывая слои реальности, чтобы позволить пассажирам миновать те уровни замка, которые физически невозможно было пройти пешком.

Грум подошёл к массивному рычагу управления на краю шахты.

— Он спал двести лет, Каэль, — тролль погладил ржавый

металл пульта. — Система голодна. Он не поедет, пока не получит дань. И это не электричество.

— Я знаю.

Каэль шагнул к пульту. В центре металлической панели находилось углубление, напоминающее бронзовую чашу с шипом посередине. Вокруг чаши шли желобки, уходящие прямо в провода и трубки машины.

Нериса напряглась, когда Каэль занёс над шипом свою правую руку. Ту самую, которая только что регенерировала. Новая, бледная кожа выглядела тонкой, почти прозрачной.

Он опустил ладонь прямо на бронзовый шип.

Металл с хрустом пробил ладонь насквозь. Каэль даже не моргнул. Он сжал кулак, заставляя кровь течь быстрее.

Алая, густая кровь бессмертного хлынула в чашу.

Как только первая капля коснулась желобков, «Гробовщик» вздрогнул. Алхимические руны на его чугунных рёбрах вспыхнули ослепительным карминовым светом. Из выхлопных труб машины с оглушительным рёвом вырвался чёрный дым. Цепи натянулись, зазвенев так, что у Нерисы заложило уши.

Машина ожила. Она издала звук, похожий на крик огромного, измученного зверя, которого заставили проснуться.

Каэль выдернул руку. Рана немедленно задымилась, стягиваясь. Он стряхнул капли крови и махнул в сторону открытой дверцы клетки.

— Заходим.

Внутри клетки было тесно. Грум занимал почти половину пространства, нервно прижимая к груди свой огромный газовый ключ. Бруно и Гаш уселись на решётчатый пол. Нериса встала в угол, положив ладони на рукояти своих клинков. Она не доверяла этой машине. Она чувствовала, как металл под её ногами мелко, часто вибрирует, словно пытается распробовать их на вкус.

Каэль встал у панели управления внутри клетки и нажал на массивный медный рычаг.

Двери с лязгом захлопнулись.

«Гробовщик» рухнул вниз.

Это не было плавным спуском. Это было падение.

Внутренности подпрыгнули к горлу. Воздух со свистом вырвался из лёгких. Роторная установка над их головами завизжала, раскручиваясь до невозможных скоростей. Изогнутые скальпели начали врезаться не в камень шахты, а в сам воздух.

Пространство вокруг клетки начало рваться.

За прутьями чугунной решётки мелькали уровни. Сначала это был просто серый камень и трубы. Затем темнота.

А потом реальность начала искажаться.

— Третий уровень. Галереи Родов, — прокричал Грум сквозь рёв механизмов, цепляясь за прутья так, что его ко-

стяшки побелели.

За решёткой клетки мелькнули бесконечные коридоры, освещённые тусклым канделябровым светом. Стены были полностью увешаны портретами. Тысячи картин.

Но по мере того как «Гробовщик» проваливался мимо них, Нериса увидела, что это не картины.

Лица на холстах двигались. Они поворачивали головы, провожая падающую клетку немыми, полными отчаяния или древней злобы взглядами. Глаза на портретах светились в темноте. Некоторые фигуры пытались вырваться из рам, вытягивая написанные маслом руки к решётке лифта. Когти царапали холст изнутри.

— Не смотрите им в глаза! — рыкнул Каэль, удерживая рычаг. — Они могут поменяться с вами местами.

Нериса резко отвернулась, уставившись в металлический пол. Гаш тем временем философски помахал рукой какому-то герцогу без нижней челюсти, который бился в своей раме.

Клетка провалилась глубже.

Воздух стал обжигающе горячим. Запах пыли сменился тошнотворным ароматом желчи, желудочного сока и сырого мяса.

— Четвёртый уровень! — Грум закрыл лицо руками. —

Лабиринт Плоти!

За решёткой исчез камень. Его сменили колоссальные, пульсирующие массы органики. Стены шахты дышали. Они сокращались, покрытые слизью и толстыми венами, по которым текли светящиеся кислоты.

Из мясных стен начали вытягиваться длинные, мускулистые щупальца, слепые черви и какие-то зубастые пасти, пытающиеся ухватиться за падающую клетку.

Один из червей, толщиной с фонарный столб, усеянный крючьями, рванулся прямо к решётке.

Бруно даже не встал. Он просто выбросил морду вперёд, клацнул челюстями сквозь прутья и оторвал червю половину головы. Кровь, похожая на кипящую серу, брызнула на чугунную пол, зашипев. Оборотень радостно зачавкал.

— Аккуратнее, Бруно! — заорал Грум. — В нём калорий больше, чем в слоне! Ты лопнешь!

Клетка пробила биологический слой реальности и снова погрузилась в темноту.

Ротор над ними ревел, разрывая ткань пространства. Каэль чувствовал, как сопротивление нарастает. Онтологическое давление Бездны давило на машину, пытаясь вытолкнуть инородный объект.

Внезапно скрежет стал невыносимым.

Искры посыпались с потолка клетки. Руны замерцали и начали гаснуть.

— Движок глохнет! — панически закричал Грум. — Мы упёрлись в мембрану! Шестой уровень! Ядро не пускает нас!

Каэль навалился на рычаг всем весом, его глаза потемнели.

— Пробивай!

Машина издала звук ломающегося хребта. Ротор в последний раз взвыл, вгрызаясь во тьму. Раздался оглушительный хлопок вакуума, от которого у всех заложило уши.

«Гробовщик» дёрнулся, потерял инерцию и со скрежетом остановился.

Моторы заглохли. Руны погасли окончательно.

Наступила абсолютная, звенящая тишина.

Клетка висела в пустоте.

Внутри было темно. Лишь глаза Нерисы слабо светились золотом, а единственный глаз Бруно — тусклым жёлтым светом.

— Мы приехали? — шёпотом спросил Гаш.

— Мы застряли, — выдохнул Грум. Его голос дрожал. — Мы где-то между Чёрным Городом и Ядром. Здесь нет физики, Каэль. Лифт не может двигаться дальше. Замок запечатал проход.

Каэль отпустил рычаг. Он подошёл к решётке и посмотрел во мрак.

Тьма снаружи была плотной, как войлок. Она поглощала даже звуки дыхания. Здесь не было ни запаха, ни температуры. Абсолютное ничто, разделяющее уровни существования.

И вдруг во тьме, метрах в десяти от клетки, зажёгся свет.

Маленький, тусклый огонёк. Похожий на свет масляного фонаря.

Огонёк медленно качнулся. Затем ещё раз. Кто-то шёл к ним сквозь пустоту. Сквозь пространство, где не было пола.

Нериса обнажила клинки. Её дыхание участилось. Она чувствовала опасность такой густоты, что её химерная кровь буквально кипела в венах. Это не было животным. Это не было демоном. Это было нечто, нарушающее правила.

В слабом свете фонаря из темноты выплыл силуэт.

Старуха.

Сгорбленная, одетая в чёрные, истлевшие лохмотья, которые волочились по невидимому полу. Лицо её было скрыто под глубоким капюшоном, но из-под него свисали тонкие, седые пряди волос, похожие на паутину. В костлявой руке она держала фонарь, стекло которого было измазано сажей.

Грум вжался в угол клетки, закрыв лицо своими огромными ладонями.

— Не смотрите на неё... — прошептал тролль, и в его голосе были слёзы чистого, детского ужаса. — Не дайте ей назвать ваше имя... Это Старуха Коридоров.

Старуха остановилась в пяти шагах от клетки.

Её голова медленно, судорожным, кукольным движением повернулась к решётке. Она не подняла лица. Но каждый в клетке почувствовал её взгляд. Тяжёлый, мёртвый, стирающий мысли.

Она приоткрыла сухие, потрескавшиеся губы.

И вместо голоса раздался сухой шелест старой бумаги. Она начала шептать.

Нериса почувствовала, как по её виску скатилась капля холодного пота. Старуха подбирала имена. Она пробовала слоги на вкус. Если она произнесёт имя вслух — человек просто исчезнет из памяти мира. Забудет сам себя, и замок навсегда поглотит его.

Старуха подняла костлявый палец и указала им прямо на Каэля.

Она сделала вдох.

Каэль не отвёл взгляд. Он стоял у решётки, прямой, абсолютно спокойный, держа руки в карманах брюк.

— Попробуй, — тихо, но отчётливо произнёс он. Тон его голоса резал тишину, как лезвие бритвы. — Назови меня. Давай. Скажи мне, кто я такой. Потому что я сам этого не помню.

Старуха замерла.

Её палец дрогнул.

Из-под капюшона раздался звук, похожий на предсмертный хрип. Она отступила на полшага. Затем ещё на один.

Она не могла произнести его имя. Потому что в архивах реальности его имени больше не существовало. Он был ошибкой, которую нельзя было стереть, потому что система уже удалила все файлы о нём.

Старуха опустила фонарь. Она медленно развернулась спиной к клетке и растворилась во мраке, так же бесшумно, как и появилась.

Огонёк погас.

В ту же секунду «Гробовщик» с оглушительным скрежетом дёрнулся. Тьма вокруг них раскололась, как стекло. Пространственная мембрана лопнула, не выдержав парадокса.

Клетка провалилась вниз, в Ядро.

Навстречу звуку гигантского, тикающего механизма.

* * *

Падение оборвалось не ударом, а чудовищным, сминающим кости торможением.

Гравитация, до этого отсутствовавшая, обрушилась на них сверху бетонной плитой. Роторная установка над кры-

шей «Гробовщика» завизжала, высекая снопы ослепительных белых искр из невидимой границы пространства. Машина вгрызлась в физическую реальность Ядра, пробивая её, как пуля пробивает кевлар.

Клеть рухнула на твердую поверхность с грохотом, от которого у Каэля на секунду лопнули барабанные перепонки.

Чугунные прутья прогнулись внутрь. Алхимические руны на каркасе вспыхнули в последний раз, ослепительно ярко, и сгорели, оставив после себя лишь запах жжёного озона и мёртвой крови. Цепи, удерживающие машину, с оглушительным лязгом оборвались, хлестнув по металлической крыше, как гигантские кнуты.

Внутри повисла густая, пропитанная металлической пылью тишина.

Только тяжёлое, хриплое дыхание Грума и тихий скрип переломанных костей Бруно, которые прямо сейчас со щелчками вставали на место.

Каэль медленно выпрямился. Его слух регенерировал за пару секунд, улавливая первый звук этого нового, абсолютно чужого пространства.

Тик.

…

Так.

Это был не звук часов. Это был ритм. Тяжёлый, меха-

нический пульс, который вибрировал в подошвах ботинок, поднимался по костям ног и отдавался в основании черепа. С каждым ударом пространство вокруг них едва заметно вздрагивало.

Дверь клетки заклинило — массивный чугунный засов согнуло дугой.

Каэль подошёл к решётке, просунул пальцы между прутьями, нащупал стык металла. Его мышцы под шёлковой рубашкой вздулись, уплотняясь. Раздался скрежет разрываемого чугуна, и Каэль просто выломал дверь наружу, отшвырнув искорёженный кусок металла во тьму.

Он шагнул за пределы машины.

Нериса вышла следом, её костяные клинки всё ещё были обнажены, золотые глаза хищно сканировали мрак. Гаш аккуратно вынес наружу Бруно, который временно представлял собой бесформенный мешок с переломанными лапами, и положил его на пол. Оборотень тут же начал радостно поскуливать, пытаясь жевать собственную вывихнутую коленную чашечку.

Грум выполз последним. Тролль встал на колени, тяжело дыша, и посмотрел под ноги.

Затем он медленно поднял взгляд. И замер.

Они стояли не в пещере. И не в подземелье.

Они стояли на поверхности металла.

Полированная, иссиня-чёрная сталь уходила во все стороны, насколько хватало глаз. Но она не была гладкой. Вся поверхность была испещрена колоссальными бороздами, траншеями и геометрическими узорами.

Свет давал сам металл. По венам, вырезанным в стали, медленно текла тусклая, пульсирующая золотая энергия.

Каэль поднял голову.

Высоко над ними, километрах в двух или трёх, висел потолок, представляющий собой изнанку гигантской шестерни. Той самой, которую он видел со дна океана. Сквозь микроскопические щели между её зубьями капала сверхплотная чёрная вода. Капли, падая с такой высоты, разбивались о стальной пол Ядра с глухим стуком, мгновенно испаряясь и оставляя после себя облачка едкого тумана.

— Это не архитектура, — прошептал Грум. Его голос дрожал так сильно, что зубы стучали. Инженерный гений внутри тролля бился в истерике. — Это… это нарушает базовые законы термодинамики. Такого объёма металла не может существовать под землёй. Плита бы рухнула. Планета бы сошла с орбиты от одной массы этой шестерни.

— Планета? — тихо хмыкнул Каэль. — Грум, ты всё ещё думаешь, что мы находимся в пределах Земли?

Тролль посмотрел на него с немым ужасом.

Каэль пошёл вперёд, его шаги гулко отдавались в бескрай-

ней пустоте.

Ядро не было просто механизмом. Оно было кладбищем.

Вдоль золотых энергетических артерий лежали останки. Огромные, окаменевшие скелеты существ, которых невозможно было классифицировать. Кости, похожие на обломки космических кораблей; черепа с десятками глазниц; панцири, вросшие в металл. Они выглядели так, словно лежали здесь миллионы лет, постепенно сливаясь с механизмом.

Гаш подошёл к одному из черепов, отковырнул от него окаменевший зуб размером с телегу и задумчиво понюхал.

— Пахнет разочарованием, — резюмировал он, бросая зуб Бруно. Тот радостно поймал его пастью. Раздался хруст ломающихся клыков.

— Кто это построил? — Нериса поравнялась с Каэлем. Её голос был напряжён, клинки слегка подрагивали. — Цитадель? Древние Роды?

— Цитадель — это кучка напуганных бюрократов, которые переписывают историю, потому что боятся темноты, — Каэль смотрел на гигантский центральный пилон, уходящий ввысь и соединяющийся с шестернёй. Пилон был покрыт миллионами вырезанных символов. — А это… Это не было построено. Это выросло. Или было здесь до того, как появилось понятие «до».

Внезапно механический пульс изменился.

Тик.

…

Так.

…

Треск.

Звук был таким громким, что пыль веков поднялась с металлических плит.

Центральный пилон провернулся. Не шестерня над ними, а ось, на которой всё держалось.

Золотая энергия в артериях на полу вспыхнула ярче, меняя цвет на раскалённый, агрессивный багровый.

— Система защиты, — почти простонал Грум, падая на колени и закрывая голову руками. — Она почувствовала органику! Она почувствовала парадокс! Мы для неё — вирусы!

Из багровых траншей начал подниматься туман. Но это был не газ. Это были пиксели реальности, распадающиеся на геометрические фигуры.

Они складывались, стягивались друг к другу с оглушительным скрежетом металла.

Перед ними формировались стражи Ядра.

Они не были монстрами в биологическом смысле. У них не было лиц, глаз или пастей. Это были гуманоидные конструкции, состоящие из парящих в воздухе чёрных металлических осколков. Абсолютно острые углы, невозможная геометрия, которая резала глаза. Внутри каждого парил багровый пульсирующий кристалл.

— Это не нечисть, — Нериса сглотнула, перехватывая рукояти своих клинков. — Это программы.

— Тогда давай их удалим, — Каэль не стал дожидаться, пока геометрические сгустки примут окончательную форму.

Он рванулся вперёд. Воздух взорвался от его ускорения.

Первая фигура подняла руку, состоящую из левитирующих стальных лезвий, пытаясь разрубить Каэля надвое. Но он не стал уворачиваться.

Его тело перестроилось в движении. Левое плечо и грудная клетка уплотнились, покрываясь слоем подкожной костяной брони. Лезвие конструкции со скрежетом врезалось в его плечо, высекая искры, но не пробив защиту.

Каэль схватил конструкцию свободной рукой прямо за невидимый энергетический каркас.

Его пальцы погрузились в пустоту между стальными осколками. Он нащупал багровый кристалл, сжал его и с чу-

довищной силой вырвал наружу.

Конструкция издала звук рвущегося модемного соединения и осыпалась на пол грудой мёртвого, инертного металла.

Но их было много. Из багровых траншей поднимались десятки новых фигур.

Нериса двигалась как танец смерти. Химерная биология позволяла ей игнорировать гравитацию и инерцию. Она оттолкнулась от гигантского окаменевшего черепа, взмыла в воздух и обрушилась на двух стражей сразу.

Её костяные клинки, пропитанные алхимической кровью, резали металл, как бумагу. Там, где клинки соприкасались с геометрическими телами, раздавалось шипение — нестабильная кровь Ордена разрушала холодную логику Ядра.

Бруно, наконец вправивший себе все конечности, с рёвом бросился в гущу врагов. Он не использовал тактику. Он просто прыгнул на ближайшую фигуру, обхватил её лапами и попытался перегрызть ей «горло». Металлические осколки впились в его морду, разрезая плоть до кости, но Бруно только яростнее замотал головой, разбрасывая стальные детали по всему залу.

Гаш стоял рядом с Грумом, задумчиво наблюдая за бойней.

— Как думаешь, — спросил он тролля, уворачиваясь от пролетевшего мимо стального лезвия, которое отрубило ему

половину уха, — если я съем этот красный камушек, у меня будет изжога?

— ТЫ УМРЁШЬ! — завизжал Грум, размахивая газовым ключом. — ЭТО ЧИСТАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ!

— То есть, будет остренько, — удовлетворённо кивнул Гаш и, прихрамывая, побрёл в бой.

Каэль пробивался к центральному пилону.

Эти существа не чувствовали боли, не уставали и действовали с идеальной синхронностью. Их лезвия оставляли на его теле глубокие раны. Кровь Каэля текла по чёрной стали, испаряясь с шипением, но он даже не замедлялся.

Он рвал их голыми руками, ломал их энергетические ядра, превращая своё тело в машину для демонтажа. Кости на его костяшках отросли в острые кастеты, пробивающие броню стражей.

Оставалось пять метров до пилона.

Огромная конструкция, в три раза крупнее остальных, выросла прямо у него на пути. Её осколки вращались с такой скоростью, что создавали вокруг себя вакуумную воронку.

Она ударила.

Удар был такой силы, что Каэля отбросило назад. Он проскользил ботинками по металлу, оставив две глубокие борозды, и едва устоял на ногах. Грудная клетка была проби-

та, чёрная шёлковая рубашка окончательно превратилась в лохмотья.

Страж занёс над ним руки-гильотины для добивающего удара.

Сзади метнулась тень.

Нериса, израненная, с текущей по лицу кровью, запрыгнула стражу на спину. Она вогнала оба своих костяных клинка прямо в стыки его осколков, целясь в багровое ядро.

Страж дёрнулся. Его лезвия развернулись на сто восемьдесят градусов и пробили Нерисе бедро и плечо. Она вскрикнула, но оружия не выпустила, только провернула клинки внутри, заливая ядро своей нестабильной кровью.

Этого было достаточно.

Каэль рванулся вперёд, использовал ногу стража как трамплин, взлетел в воздух и ударил ногой, утяжелённой сжатой костной массой, прямо в багровый кристалл.

Ядро разлетелось в пыль. Страж рухнул, рассыпаясь. Нериса упала вместе с ним, тяжело дыша и зажимая рану на бедре.

Остальные геометрические фигуры замерли.

Они не отступили. Они просто остановились, словно им поступила новая команда.

Каэль стоял у самого основания центрального пилона.

Этот монолит уходил вверх, сливаясь с шестернёй. На уровне его груди в чёрной стали была вырезана панель. Она не имела кнопок или рычагов. Только гладкая поверхность, покрытая странными, нечеловеческими символами.

Каэль тяжело дышал. Чёрная кровь стекала по его подбородку, капала с пальцев на металл Ядра.

— Каэль, — голос Нерисы был хриплым. Она опиралась на один из клинков, пытаясь встать. — Не трогай. Мы не знаем, что это.

— Это выключатель, — пробормотал Грум, подползая ближе. — Или детонатор. В таких системах разница небольшая.

Каэль не слушал.

Его тянуло к панели. Не магией, не гипнозом. Это было чувство абсолютного, физиологического узнавания. Как будто его собственное тело помнило эту текстуру металла.

Он поднял свою окровавленную правую руку. И прижал ладонь к центру гладкой поверхности.

Мгновение ничего не происходило.

Затем кровь Каэля не просто стекла по панели. Она впиталась в неё. Металл выпил её, как губка.

Тиканье прекратилось.

Глобальный механический ритм Ядра, который сводил с ума, остановился. Наступила тишина такой плотности, что в ней слышалось биение собственного сердца.

Багровое свечение в артериях на полу мгновенно сменилось на холодное, спокойное серебряное. Замершие геометрические стражи медленно, без звука, осыпались в траншеи, превратившись в металлическую пыль.

Центральный пилон дрогнул.

Стальная плита перед Каэлем начала медленно разъезжаться в стороны. Никакого скрипа, никакой ржавчины. Идеальная, молекулярная точность механики.

Из открывшейся ниши пахнуло сухим, стерильным холодом.

Нериса подошла ближе, прихрамывая. Грум вытянул шею. Даже Бруно и Гаш перестали жевать металлолом и уставились в проход.

За плитой находилось небольшое пространство. Камера.

В центре камеры стояла монолитная металлическая плита, наклонённая под углом.

Это не был саркофаг. Это не был пульт управления.

Это была форма для отливки. Матрица.

Она была идеально пустой, но углубление в металле повторяло контуры человеческого тела. Высокого, широкоплечего. С точными очертаниями головы, рук, ног.

А к этой форме, прямо в металл, были подведены сотни крошечных трубок, по которым когда-то поступали жидкости, ткани и кровь.

Но не это заставило Каэля застыть, словно его самого превратили в лёд.

Вся стена внутри ниши, за литейной формой, была покрыта царапинами. Вертикальными зарубками на сверхпрочном металле.

Их было не сотни. Их были миллионы.

Миллионы черточек, аккуратно перечёркнутых пятой линией. Счётчик.

А прямо над формой, вплавленные в сталь, слабо светились цифры старого, аналогового циферблата.

Стрелки стояли на 4:44.

Только они не шли вперёд.

Пока Каэль смотрел на них, минутная стрелка дрогнула. Она сдвинулась назад.

4:43.

— Что это? — шёпотом спросила Нериса. Она смотрела на пустую матрицу, и в её глазах впервые читался настоящий, первобытный ужас. — Это могила?

— Нет, — голос Каэля прозвучал так, будто принадлежал кому-то другому. Пустому, выжженному изнутри существу.

Он протянул руку и коснулся края пустой матрицы. Его пальцы идеально совпали с углублениями в металле. Форма была вырезана в точности под его тело.

— Это не могила, — повторил он, глядя на миллионы зарубок на стене. Зарубок, отмечавших циклы. — Это фабрика. И я не родился, Нериса. Меня собрали. Здесь.

Стрелка на циферблате дёрнулась ещё раз.

4:42.

Из глубины матрицы раздался тихий, синтетический щелчок.

И откуда-то снизу, из пустоты под Ядром, начал подниматься новый звук.

Не тиканье.

Стук сердца. И оно было огромным.

* * *

Ть-тух.

Это не было звуком в привычном смысле. Звуковым волнам нужна среда, чтобы распространяться. Этот удар распространялся через саму реальность. Он ударил снизу, из непроглядной, немыслимой глубины под металлическим полом Ядра.

Вибрация прошла через полированную чёрную сталь, вошла в подошвы ботинок, поднялась по костям и ударила прямо в грудную клетку.

Кровь в венах Каэля на долю секунды остановилась, слов-

но подчинившись чужому, более сильному ритму, а затем рванулась в обратную сторону. Он пошатнулся, схватившись левой рукой за край пустой металлической матрицы.

Нериса за спиной издала сдавленный, болезненный хрип. Её химерная биология, собранная из нестабильных генов и алхимии, взбунтовалась. Чёрные вены вздулись на её шее, золотые глаза расширились до предела, зрачки превратились в тончайшие иглы. Она упала на одно колено, вонзив костяной клинок в стальной пол, чтобы не упасть лицом вниз.

Ть-тух.

Второй удар был сильнее. Пыль, оставшаяся от стёртых геометрических стражей, подпрыгнула на полметра вверх, зависнув в воздухе.

Каэль не отрывал взгляда от матрицы.

Форма для отливки. Идеально повторяющая изгиб его плеч. Длину его бедренных костей. Размах рук.

И миллионы, миллионы выцарапанных зарубок на стене.

— Циклы, — прошептал он. Его собственный голос казался ему чужим. Выжженным. — Это не просто время. Если каждая зарубка — это один перезапуск... сколько мне лет?

Он провёл окровавленными пальцами правой руки по холодному металлу формы. В тех местах, где у человека находились бы крупные артерии — на запястьях, шее, внутренней стороне бедра — в матрице зияли круглые отверстия,

из которых торчали тонкие полые иглы из тёмного, матового сплава.

Они не просто создали его здесь. Они подключали его. Как батарею. Или как флешку для форматирования системы.

Стрелка аналогового циферблата, вплавленного в сталь над матрицей, дёрнулась с громким, сухим щелчком.

4:41.

Таймер не просто шёл назад. Он ускорялся.

— Каэль! — крик Нерисы с трудом пробился сквозь звон в ушах. Охотница тяжело поднялась, её лицо было белым, как мел, а дыхание срывалось. — У нас нет времени на экзистенциальный кризис! У этой штуки внизу инфаркт или пробуждение, и я не хочу выяснять, что из этого хуже! Нам нужно уходить!

— Куда?! — истерично взвизгнул Грум.

Тролль стоял на коленях возле разбитой клетки «Гробовщика». Он судорожно ковырялся в панели управления машины своим гигантским газовым ключом, вырывая сгоревшие пучки проводов. Изоляция дымилась.

— Ротор сгорел! Онтологический привод мёртв! Руны выгорели так, что даже пепла не осталось! Мы на дне мира, в металлической коробке, гравитация которой не имеет смысла, и у нас нет лифта!

— Почини его! — рявкнула Нериса.

— Я ТЕБЕ ЧТО, БОГ МАШИН?! — Грум швырнул кусок расплавленного металла в пустоту. — Эта штука жрёт реальность, а реальность здесь закончилась! Двигателю не за что зацепиться! Нам нужна энергия, превосходящая эту среду, а у меня из инструментов только ключ и паническая атака!

Ть-тух.

Третий удар.

В этот раз металл под ногами заскрипел. Огромная трещина, идеально ровная, словно проведённая скальпелем хирурга, побежала по чёрной стали от центрального пилона куда-то во мрак.

Из трещины начал подниматься пар. Но он был не белым. Он был багровым, густым и пах так же, как кровь тех левиафанов в океане над ними — гнилью и старыми монетами.

Гаш подошёл к краю трещины, заглянул в багровый туман и задумчиво постучал пальцем по своему металлическому подбородку.

— Там внизу, — сообщил он с интонацией экскурсовода, — очень много мяса. Большого, сердитого мяса.

Бруно, всё это время скучавший, оживился. Оборотень радостно тявкнул, подбежал к трещине и начал остервенело рыть стальной пол когтями. Искры летели во все стороны, когти стирались до кости, оставляя кровавые следы на полированном металле, но Бруно не сдавался. Он хотел доко-

паться до большого сердца.

— Бруно, не ешь архитектуру, — философски заметил Гаш, присаживаясь рядом на корточки. — Если у него есть такое сердце, значит, есть и печень. Я чур беру печень. С луком.

— ВЫ ИДИОТЫ! — Грум схватился за голову. — МЫ ВСЕ УМРЁМ, А ВЫ ОБСУЖДАЕТЕ КУЛИНАРИЮ ДРЕВНИХ БОГОВ!

Стрелка часов дёрнулась снова.

4:39.

Каэль наконец отвёл взгляд от миллионов зарубок на стене.

Его лицо изменилось. Растерянность исчезла, уступив место тому абсолютному, пугающему спокойствию, которое появлялось у него перед тем, как он собирался совершить что-то непоправимое.

Он посмотрел на свои руки. На кровь, всё ещё сочащуюся из разорванного предплечья. Затем он посмотрел на пол, где багровый пар начал смешиваться с серебряной пылью уничтоженных геометрических стражей.

— Грум, — голос Каэля разрезал панику тролля, заставив того замолчать. — Ты сказал, что системе защиты не понравилась органика. Что мы для неё вирусы.

— Да! Мы нарушили стерильность!

— Тогда почему стражи остановились, когда я приложил руку к панели?

Грум моргнул, его жёлтые глаза лихорадочно забегали.

— Потому что... потому что панель считала твой биометрический код? Твоя кровь... она подошла. Система признала тебя.

— Не просто признала, — Каэль шагнул к выходу из ниши, глядя на трещину в полу. Серебряная пыль стражей не просто лежала. Она начала двигаться. — Система поняла, что цикл не завершён. Ошибка не во вторжении. Ошибка в том, что я хожу снаружи, а должен лежать внутри этой формы.

Пыль на полу начала подниматься.

Она смешивалась с багровым паром и каплями сверхплотной чёрной воды, падающими с колоссальной шестерни под потолком. Металл, пар и жидкость сливались в единую массу. Это больше не были ровные, абстрактные геометрические фигуры.

Масса лепила саму себя, пытаясь имитировать органику.

Из багрово-серой жижи начали формироваться руки. Ноги. Туловища.

С мокрым, отвратительным чавканьем из пола поднимались фигуры. Они были человеческого роста. С широкими плечами. С длинными, когтистыми пальцами.

Когда туман немного рассеялся, Нериса отступила на шаг, и из её груди вырвался непроизвольный звук отвращения.

Фигуры, стоявшие перед ними, были Каэлем.

Или, точнее, его неудачными, черновыми набросками.

У них не было лиц — только гладкие, слепые маски из серого металла и чёрной плоти. Но пропорции, движение, даже длинные волосы, сотканные из чёрных маслянистых нитей — всё это было гротескной пародией на него.

Их были десятки. Десятки дефектных копий, созданных замерзающей, паникующей системой Ядра.

Один из безликих двойников шагнул вперёд. Его правая рука с отвратительным хрустом разошлась, и из неё вырвалось точно такое же костяное лезвие, какое Каэль использовал несколько минут назад. Только лезвие двойника было чёрным и пористым, сочащимся ржавчиной.

— О, — Гаш задумчиво склонил голову набок, разглядывая армию копий. — Хозяин размножился. Нам теперь нужно просить прибавку к зарплате у каждого?

— Это антитела, — прорычал Каэль, его глаза потемнели до абсолютной, непроглядной черноты. — Ядро пытается удалить нас, чтобы запустить форматирование.

4:37.

Безликие сорвались с места.

Они не издавали боевых криков. Они двигались с пугаю-

щей, неестественной скоростью, используя те же биомеханические принципы, что и сам Каэль.

Ближайший двойник прыгнул на Нерису, обрушивая чёрное лезвие сверху вниз.

Охотница ушла в перекат, пропустив удар в миллиметре от своего плеча. Лезвие двойника врезалось в стальной пол, высекая фонтан искр. Нериса развернулась на одном колене и вогнала свой костяной шип прямо под рёбра твари.

Вместо крови из раны брызнула серая, едкая пыль пополам с машинным маслом. Двойник даже не дёрнулся. Он просто развернул сустав руки на сто восемьдесят градусов, не заботясь об анатомии, и наотмашь ударил Нерису по лицу.

Она отлетела на несколько метров, тяжело рухнув на ржавые остатки клетки «Гробовщика».

— Они не живые! — крикнула она, сплёвывая густую красную кровь. — Болевого шока нет!

Бруно радостно вцепился в горло другому двойнику. Челюсти оборотня сомкнулись, но вместо хруста позвонков раздался скрежет зубов о металл. Двойник вонзил свои пористые когти прямо в глаза Бруно, но мёртвому оборотню было абсолютно плевать на глаза — он просто начал бешено мотать головой, отрывая двойнику голову вместе с куском шеи. Из оторванной горловины ударил фонтан багрового пара.

Каэль шагнул в гущу своих копий.

Он не стал отращивать лезвия. Он использовал ту же самую сырую, концентрированную массу, которую применял всегда. Его кулаки уплотнились, покрывшись костяной бронеей.

Первый двойник ударил его в грудь. Лезвие пробило шёлк рубашки, со скрежетом скользнуло по рёбрам Каэля, оставив глубокую борозду, из которой хлынула настоящая, живая кровь.

Каэль даже не поморщился.

Он схватил двойника за горло, сжал пальцы, проламывая металло-плоть, и с чудовищной силой впечатал его голову в стальной пол. Череп твари разлетелся, как перегоревшая лампочка.

Следующий двойник атаковал со спины, пытаясь обхватить шею Каэля. Каэль резко откинулся назад, ударив затылком в безликую маску. Раздался хруст. Не давая копии опомниться, Каэль перехватил её руку, с хрустом выломал её в обратном направлении, оторвал в плечевом суставе и этим же чёрным лезвием проткнул тварь насквозь.

Но их было слишком много.

На место каждого убитого двойника из багрового тумана поднимались двое новых. Ядро генерировало их с ужасающей скоростью. Система работала на пределе, пытаясь очи-

стить поверхность перед циклом.

Ть-тух.

Четвёртый удар снизу.

Пол под ногами пошёл волнами. Металл начал нагреваться. Воздух в Ядре раскалился так, что дышать стало физически больно — кислород выжигался, заменяясь озоном.

Стрелка.

4:34.

— Грум! — заорал Каэль, отшвыривая от себя очередную копию и вырывая ей позвоночник, оказавшийся толстым пучком оптоволоконных кабелей. — Ты сказал, двигателю нужна энергия, превосходящая среду!

— Да! Но у меня её нет! — тролль отбивался газовым ключом от двойника, который пытался задушить его своими маслянистыми волосами. — Кристаллы стражей сгорели! Алхимия мертва!

— У тебя есть я!

Грум замер, едва не пропустив удар чёрным когтем в глаз. Он ударил двойника ключом по колену, отбрасывая его, и уставился на Каэля.

— Что?..

Каэль одним рывком разорвал дистанцию, впечатывая сразу двух безликих в центральный пилон.

— Моя кровь запустила Ядро! Моя кровь заставила систему открыть матрицу! Если машина питается онтологией, то я — её чёртов источник!

Он повернулся к нише.

Матрица ждала. Металлическая форма, вырезанная под его тело. Иглы, жаждущие впиться во плоть.

— Ты не можешь питать лифт напрямую! — закричал Грум, его голос сорвался в фальцет. — Ты не батарейка! Ты не сможешь передать энергию в «Гробовщика», цепи порваны!

— Цепи порваны, — процедил Каэль, его лицо было залито кровью — и своей, и чёрной слизью копий. — Но лифт висит над центральным пилоном. А пилон соединён с матрицей. Если я подключусь к системе... я пущу заряд по всей оси. Пилон сам выстрелит клеткой наверх. Как из рельсотрона.

Нериса, вырывая свои клинки из груди очередного двойника, обернулась. Её глаза расширились.

— Каэль, нет! Если ты ляжешь в эту форму, система запустит форматирование! Она пришьёт тебя к себе!

— У нас три минуты! — он указал на таймер. 4:32. — Если она дойдёт до нуля, мы не умрём. Нас сотрёт так, будто нас никогда не существовало. Морра забудет, кто я. Замок

забудет. Мир забудет.

Двойники наступали. Они сжимали кольцо, оттесняя Нерису, Гаша и Бруно к остаткам клетки «Гробовщика».

Каэль отступил в нишу.

Холодный, стерильный воздух внутри камеры контрастировал с обжигающим адом снаружи.

Он подошёл к наклонённой металлической плите. Миллионы зарубок на стене, казалось, кричали ему в спину.

Вся его суть, весь его инстинкт бессмертного существа вопил о том, что ложиться туда — это смерть хуже смерти. Это возвращение на конвейер. Это признание того, что он вещь. Инструмент.

Он обернулся.

Нериса стояла, прижатая к погнутым прутьям клетки. Два двойника одновременно вонзили свои лезвия ей в живот. Она захрипела, выплёвывая кровь, но не упала, удерживая их за горла своими когтями. Бруно лежал под тремя копиями, которые методично, без эмоций отрывали от него куски плоти. Гаш пытался отбить брата, размахивая оторванной металлической рукой стража.

Грум смотрел на Каэля из-за панели лифта. Тролль плакал. Настоящими, крупными слезами, которые смывали копоть с его щёк.

— Сделай это, босс, — прошептал Грум одними губами.

Каэль отвернулся.

Он снял остатки изодранной шёлковой рубашки, бросив её на пол. Бледная, покрытая шрамами и идеальной мускулатурой спина отразилась в полированном металле матрицы.

Он шагнул назад и прижался спиной к форме.

Металл был ледяным. Идеально повторяющим его контуры. Как костюм, сшитый на заказ лучшим портным из ада.

Как только его затылок коснулся углубления для головы, система отреагировала мгновенно.

С оглушительным, тошнотворным щелчком механические замки вырвались из пазов по краям плиты, защёлкиваясь на его запястьях, лодыжках и шее.

Каэль стиснул зубы.

Иглы — толстые, матовые, полые трубки — с влажным хрустом вонзились в его плоть. Они пробили вены на руках. Вонзились в бедренные артерии. Самая толстая игла, с мерзким жужжанием встроенного сверла, пробила основание черепа, входя прямо в ствол спинного мозга.

Агония была абсолютной.

Это не была боль от пореза или перелома. Это было ощущение того, как чужая, древняя, механическая воля вторгается в его нервную систему.

Его тело выгнулось дугой, мышцы натянулись до предела, сухожилия скрипнули, готовые порваться, но стальные кандалы держали намертво.

В глазах Каэля потемнело.

Сквозь кровавую пелену он услышал, как голос — не из воздуха, а прямо внутри его черепа — произнёс на языке, которого не существовало в человеческой природе, но который он понимал каждой клеткой:

СУБЪЕКТ «ЯКОРЬ» ИНТЕГРИРОВАН.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА ПРИОСТАНОВЛЕНО.

ДИАГНОСТИКА СИСТЕМЫ.

Кровь Каэля — густая, древняя, переполненная онтологической аномалией — хлынула по прозрачным трубкам внутрь матрицы.

Центральный пилон, в котором находилась ниша, содрогнулся.

Ть-тух.

Пятый удар снизу. Но теперь Каэль чувствовал его не ногами. Он чувствовал его *собой*. Потому что теперь он был частью этой шестерни. Частью Ядра.

Снаружи, в зале, багровый туман начал стремительно втягиваться обратно в трещины на полу.

Безликие двойники, готовые разорвать Нерису и Грума, внезапно замерли. Их движения стали дёрганными, ломаными. Спустя секунду они начали распадаться, расплавляясь в чёрную маслянистую лужу, которая тут же испарялась от жара пола.

— Грум! — Нериса рухнула на колени, выдёргивая из своего живота растворяющиеся чёрные лезвия. Её регенерация работала на пределе, кровь хлестала на сталь. Она подняла глаза на гигантский пилон. — Каэль!

Пилон начал трансформироваться.

Гладкая чёрная сталь разошлась сегментами. Из недр монолита вырвались колоссальные металлические манипуляторы, похожие на лапы доисторического насекомого. Они с оглушительным лязгом обхватили остатки чугунной клетки «Гробовщика», внутри которой находились Грум, Нериса и оборотни.

— Держитесь! — заорал Грум, цепляясь за решётку всеми четырьмя конечностями. — Замкните челюсти, иначе откусите себе языки! Он запускает магнитный ускоритель!

Внутри матрицы Каэль тонул.

Его сознание расслаивалось. Он видел миллионы чужих воспоминаний. Города, рассыпающиеся в пыль. Небо, меняющее цвет с синего на ядовито-зелёный. Лица существ, которых больше не существовало в природе. Он видел Архивариусов, которые не стирали мир, а *плакали* под своими фар-

форовыми масками, пытаясь спасти хоть какие-то записи от полного уничтожения.

И он видел таймер.

4:30.

ПРОТОКОЛ ЭКСТРЕННОГО ВЫБРОСА. — голос в голове отдался болью, от которой лопались капилляры в глазах.

Каэль собрал всю свою оставшуюся волю в единый, пульсирующий узел ненависти. Он не был батарейкой. Он был хозяином этого чёртова замка.

ВВЕРХ, — ментально приказал он системе. *Вышвырни их наверх!*

Энергия, вытянутая из его крови, ударила в центральный пилон.

Золотые артерии на полу Ядра ослепительно вспыхнули.

Манипуляторы, удерживающие клетку «Гробовщика», сработали как направляющие рельсотрона. С звуком, похожим на раскат грома внутри железной бочки, чугунная клетка выстрелила вертикально вверх, прямо в непроглядную тьму шахты, пробивая пространственную мембрану в обратном направлении.

Они улетели с такой скоростью, что воздух за ними схлопнулся в вакуумный взрыв.

В нише стало тихо.

Только гудение энергии. И тиканье таймера.

4:29.

Каэль остался один, прикованный к матрице в самом сердце гниющего мира. И огромное сердце внизу ударило в шестой раз.

* * *

Иглы были живыми.

Это было первое, что понял Каэль, когда его сознание рухнуло в тёмный, пульсирующий колодец чужого разума. Матовые трубки, пробившие его вены, артерии и спинной мозг, не просто качали кровь. Они дышали. Они пульсировали в такт его собственному пульсу, сливаясь с его кровеносной системой, прорастая внутрь сосудов крошечными металлическими ворсинками.

Матрица пила его.

И одновременно она впрыскивала в него нечто иное. Жидкий код. Архитектуру самого мира.

Это ощущалось так, словно в его вены заливали расплавленное стекло, смешанное с ледяной кислотой. Холод поднимался от лодыжек к животу, от запястий к плечам, сжимая сердце в тиски абсолютного, математического холода.

Но хуже всего была игла в затылке.

Она вошла прямо в ствол головного мозга. Через неё Система подключалась не к его телу — она подключалась к его памяти. К его личности. К концепции его «я».

Внутри его черепа раздался голос.

Он не имел пола. Не имел интонаций. Это был звук трущихся друг о друга тектонических плит, переведённый в слова, которые раскалывали синапсы.

СУБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. СТАТУС: ЯКОРЬ.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ…

ВНИМАНИЕ. КРИТИЧЕСКОЕ ЗАРАЖЕНИЕ БИОМАССЫ.

Каэль попытался открыть глаза, но его веки налились свинцом. Металлические кандалы держали руки и ноги намертво. Он был распят на операционном столе бога, который решил, что его инструмент слишком заржавел.

ОБНАРУЖЕНЫ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ МУТАЦИИ. СТРУКТУРА ДНК ИЗМЕНЕНА НА 98%. ПРИСУТСТВУЕТ ЧУЖЕРОДНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ МУСОР (ВАМПИРИЗМ, ХИМЕРИЗАЦИЯ, ИСКАЖЕНИЕ ПЛОТИ).

ОБНАРУЖЕНА ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ (ЛИЧНОСТЬ).

ИНИЦИАЦИЯ ПРОТОКОЛА ФОРМАТИРОВАНИЯ.

— Пошла… к чёрту… — прохрипел Каэль. Кровь пузырилась на его губах.

Процесс начался.

Это не было физической болью. Это было нечто гораздо более страшное — экзистенциальная вивисекция. Система начала стирать его воспоминания, чтобы вернуть Якорь к заводским настройкам. К состоянию пустой болванки, способной просто удерживать мир от распада.

Первым исчез вкус. Каэль внезапно понял, что не может вспомнить, какой на вкус джин. Как пахнет жареное мясо, которое так любил готовить Малёк. Концепция еды стёрлась, оставив после себя лишь серый пробел.

УДАЛЕНИЕ БЫТОВЫХ ПАТТЕРНОВ.

Затем система ударила по визуальным образам.

Как выглядит библиотека? Каэль попытался представить зелёную лампу на дубовом столе, но в памяти вспыхнул лишь белый шум. Как выглядит Грум? Он помнил, что у него есть инженер, но не помнил его лица. Лицо тролля растворилось, смылось, как акварель под проливным дождём.

УДАЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ.

Паника — древняя, животная, неконтролируемая — захлестнула его. Он терял себя. Миллиметр за миллиметром машина отрезала от него те куски, которые делали его Каэлем, оставляя лишь функцию.

«Нериса,» — мысленно произнёс он. Он попытался удержать её образ. Запах пороха и крови. Золотые хищные глаза. Порез на скуле.

Но Система нашла этот узел памяти. Машинный алгоритм вонзился в воспоминание о ней, как скальпель. Запах пороха исчез. Цвет глаз выцвел до серого.

ОШИБКА. СОПРОТИВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА.

ПОВЫШЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ.

Игла в затылке провернулась.

Каэль издал звук, который никогда прежде не покидал его горла — сорванный, булькающий крик чистого агонального ужаса. Его выгибало на матрице так, что стальные кандалы врезались в кости, сминая их.

Он забывал Морру. Её чёрные глаза, её токсичный сарказм, её крылья. Всё это превращалось в пепел.

Он был ничем. Просто пустой формой, в которую сейчас зальют новый мир.

И в этот момент, на самом дне стёртого сознания, там, где Система ещё не успела пройтись своим ластиком, вспыхнула ярость.

Не человеческая злость. И не гнев машины.

Это была ярость существа, которое было ошибкой, вы-

жившей вопреки всему. Ярость монстра.

«Я не файл,» — мысль была слабой, но она пульсировала. — «Я — чудовище».

Матрица пыталась его отформатировать. Пыталась заставить его клетки принять идеальный, стерильный код первородного существа.

Но биология Каэля была биологией раковой опухоли в теле реальности. Она не умела быть стерильной. Она умела только адаптироваться. Адаптироваться и жрать.

Каэль перестал сопротивляться вторжению кода. Вместо этого он сделал то, что делал всегда — он позволил своей плоти сойти с ума.

Он приказал своей регенерации работать не на заживление, а на хаос.

Его клетки начали делиться с астрономической скоростью прямо внутри вен. Кровь, которую Система пыталась выкачать, внезапно стала густой, как смола. Она вскипела. Лейкоциты, эритроциты, вампирские ферменты — всё это начало мутировать прямо в прозрачных трубках машины.

ВНИМАНИЕ. ЗАРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ФИЛЬТРАЦИИ.

Тонкие металлические ворсинки внутри его вен, которые должны были считывать ДНК, оказались зажаты. Каэль заставил свою кровь кальцинироваться.

Прямо внутри его собственного тела, в предплечьях и бёд-

рах, жидкая кровь превратилась в острую костную крошку. Это было невыносимо больно — тысячи микроскопических бритв резали вены изнутри, разрывая плоть, но эта же костная шрапнель забила иглы матрицы намертво.

СБОЙ ИНТЕГРАЦИИ. ДАВЛЕНИЕ В МАГИСТРАЛЯХ ПРЕВЫШЕНО.

Матово-чёрные трубки, подходящие к его запястьям, вздулись. Внутри них чёрная, заражённая мутациями кровь Каэля образовала непробиваемые тромбы из живой кости и плоти. Механизм попытался усилить насосы, но биология бессмертного оказалась агрессивнее.

С влажным, резким хлопком трубка на правом запястье лопнула.

Машинное масло, смешанное с его кровью, брызнуло на полированный металл матрицы.

— Моя... память... — прохрипел Каэль, открывая глаза. Они были абсолютно, угольно-чёрными. Ни белков, ни радужки. Две бездны, в которых кипел гнев.

Он сосредоточился на кандалах. Стальные скобы держали его запястья. Металл, выкованный в недрах Ядра. Его не сломать.

Значит, нужно сломать себя.

Каэль напряг мышцы рук. Он не пытался вырвать скобы. Он заставил собственные кости в запястьях стать хрупкими.

Он вымыл из них кальций усилием воли.

С омерзительным, мокрым хрустом его правая кисть сложилась пополам. Лучевая и локтевая кости раздробились, превратившись в кашу, и Каэль просто вытянул деформированный, сочащийся кровью обрубок из-под стального кандала.

Как только рука оказалась на свободе, он запустил обратный процесс. Мясо зашипело, кости со щелчками начали срастаться, выстраивая новую кисть прямо на глазах. Пальцы удлинились, ногти превратились в чёрные, плотные когти.

Левую руку он освободил тем же путём, просто раздробив себе сустав и выдернув конечность из ловушки.

Оставалась главная игла. В затылке.

ОБНАРУЖЕНО ФИЗИЧЕСКОЕ ОТТОРЖЕНИЕ. — голос в голове стал громче, переходя в визг сирены. — *КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА ЯДРУ. АКТИВАЦИЯ СИСТЕМЫ УНИЧТОЖЕНИЯ СУБЪЕКТА.*

Ть-тух.

Седьмой удар сердца снизу. Металлическая ниша содрогнулась. Из потолка камеры начали выдвигаться десятки новых лезвий, нацеленных прямо на него. Ядро решило, что если Якорь не поддаётся форматированию, его нужно ампутировать физически.

Каэль поднял свободные руки, завёл их за голову и нащупал толстый металлический стержень, торчащий из его соб-

ственного затылка.

Стержень уходил глубоко в спинной мозг. Если он вытащит его неправильно, он парализует себя. Бессмертие не спасает от разорванного позвоночника, пока он не срастётся — а это займёт часы.

Но у него не было часов. У него были секунды.

Лезвия сверху с шипением пошли вниз.

Каэль стиснул челюсти так, что треснули клыки. Он обхватил иглу обеими руками, упёрся затылком в металл матрицы и дёрнул.

Раздался влажный, тошнотворный звук всасываемого вакуума.

Игла не хотела выходить — её ворсинки цеплялись за нейроны. Каэль зарычал — низким, утробным звуком дикого зверя. Он рванул сильнее, выдирая металл вместе с куском собственного позвонка.

Чёрная, густая жидкость — смесь спинномозговой жидкости и машинного охладителя — ударила из его затылка фонтаном.

Каэль рухнул с наклонной матрицы на пол ниши ровно в тот момент, когда стальные гильотины с оглушительным лязгом вонзились в то место, где секунду назад лежало его тело.

Он упал на колени, кашляя кровью.

Его нервная система была оголённым проводом, по которому били кувалдой. Каждое движение отдавалось вспышками белого света перед глазами. Он попытался пошевелить ногами — кандалы на лодыжках он вырвал вместе с кусками мяса, когда падал. Ноги слушались, но медленно. Регенерация затылка сжигала все резервы организма. Сзади на шее зияла дыра размером с кулак, которая сейчас дымилась, пытаясь затянуть обнажённый спинной мозг.

Каэль поднял голову.

Стрелка на циферблате.

4:22.

Время. Он потерял семь минут в этой пыточной.

Его память возвращалась урывками. Обрывки лиц, запахов, концепций. Грум. Тролль. Морра. Крылья. Нериса. Охотница. Кровь. Замок. Мой замок.

Он вспомнил.

Ядро очищается, — пронеслось в его голове, но это уже была его собственная мысль, а не голос Системы.

Ть-тух. Восьмой удар.

Каэль тяжело поднялся, цепляясь за гладкий металл центрального пилона. Его тело выглядело как освежёванная туша — без рубашки, покрытое собственной кровью, чёрным машинным маслом и серой пылью. Из спины и плеч торча-

ли куски костей, не успевшие сформироваться в защитную броню.

Он вышел из ниши в главный зал Ядра.

То, что он увидел, заставило даже его древнюю кровь похолодеть.

Центрального зала больше не существовало в том виде, в котором они сюда приземлились. Полированная сталь трескалась, расползаясь колоссальными тектоническими плитами. Из разломов бил багровый, раскалённый свет.

Бездна под Ядром открывалась.

Шестерня наверху начала вращаться быстрее. Скрежет её зубьев перекрывал даже гул разламывающегося металла. С каждым её поворотом гравитация в зале сходила с ума. Огромные окаменевшие черепа древних богов, лежавшие здесь вечность, внезапно отрывались от пола и медленно, как в невесомости, плыли вверх, чтобы быть раздавленными механическими зубьями потолка.

Каэль посмотрел туда, где раньше стояла клетка «Гробовщика».

Металлолом исчез. Грума, Нерисы и оборотней не было. Пилон выполнил его команду — он выстрелил ими наверх, за пределы этого кошмара, прежде чем Ядро начало схлопываться.

Он был один. На дне мира, который прямо сейчас пере-

писывал сам себя.

А прямо перед ним, метрах в пятидесяти, находилась шахта. Гигантская, идеально круглая дыра в своде Ядра, через которую лифт ушёл наверх. Ствол шахты уходил в непроглядную темноту, пробивая слои реальности, возвращаясь к нижним подземельям замка.

Расстояние до неё казалось непреодолимым, потому что пол между Каэлем и шахтой уже превратился в море багрового, кипящего тумана. И из этого тумана на него смотрели сотни безликих масок.

Двойники.

Система не отключила защиту. Она лишь поставила её на паузу, пока он был в матрице. Теперь, когда он вырвался, программа устранения запустилась на полную мощность.

Они стояли плотной стеной. Их руки-лезвия, когти и костяные шипы слабо светились в красном тумане. У них не было инстинкта самосохранения. У них была только задача: не дать Ошибке покинуть Корзину до завершения форматирования.

Стрелка на пульте за его спиной громко щёлкнула.

4:18.

Каэль выпрямился.

Боль в затылке исчезла, сменившись ледяным, химиче-

ским адреналином. Регенерация завершилась, запечатав позвоночник толстым слоем хрящевой ткани.

Он мог бы умереть здесь. Мог бы позволить системе переработать его.

Но мысль о том, что Морра останется одна в пустом, стёртом замке, а Грум будет плакать над его несуществующей могилой, вызывала у него непреодолимое, иррациональное отторжение.

Они были его симптомами. Его болезнью. Его семьёй.

И никто, даже древний бог в виде часового механизма, не имел права отбирать их у него.

— Хочешь форматнуть меня? — прошептал Каэль. Его губы растянулись в саркастичной, окровавленной улыбке. Зрачки затопило абсолютным мраком. — Попробуй.

Он не побежал. Он рухнул вперёд.

Гравитация мигнула, когда гигантская шестерня наверху сделала очередной рывок. Каэль использовал это. Он оттолкнулся от пола в момент невесомости, пролетел над первыми рядами двойников и обрушился прямо в центр их строя.

Приземление было чудовищным. Он упал, придавив коленями сразу двух копий, проломив их грудные клетки.

Толпа сомкнулась.

Десятки лезвий ударили в него со всех сторон.

Но Каэль больше не защищался. Он перестроил своё тело для тотального, неконтролируемого уничтожения.

Из его предплечий, локтей и коленей с влажным хрустом вырвались костяные шипы, закрученные спиралью, как сверла. Его пальцы превратились в длинные, бритвенно-острые когти из чёрной стали его собственной крови.

Он стал эпицентром мясорубки.

Каэль вращался, разрывая безликие маски на куски. Его шипы вспарывали металло-плоть, заливая пол серой жидкостью. Двойник вонзил ему клинок в плечо — Каэль даже не вытащил его, он просто перехватил руку твари, оторвал её и забил этим же обрубком трёх других.

Один из двойников прыгнул сверху, обхватив его шею. Каэль резко присел, пропуская над собой ещё один удар, и с силой впечатал висящую на нём копию в край разлома на полу. Багровый пар мгновенно расплавил тварь, но она успела разодрать Каэлю спину до самых рёбер.

Его тело было сплошной открытой раной. Регенерация не справлялась с таким количеством повреждений, но ему это было не нужно. Ему нужно было только двигаться вперёд.

Пятнадцать метров до шахты.

Ть-тух. Девятый удар.

Пол под ногами начал вставать дыбом. Металлические плиты заворачивались, как бумажные листы в огне. Ядро схлопывалось, превращаясь в сферу.

Каэль прорубался сквозь строй. Он использовал оторванные конечности двойников как оружие. Он пробил грудь одной копии, вырвал её искрящийся оптоволоконный позвоночник и использовал его как кнут, разрезая пополам ещё пятерых.

Десять метров.

Гравитация начала скакать каждую секунду. Вверх-вниз. Тела убитых двойников взлетали и падали, разбиваясь о металл.

Каэль оттолкнулся от падающей плиты, взмыл в воздух, перелетая через последний ряд защитников. Он приземлился на самый край центральной шахты.

Внизу, под шахтой, было жерло Ядра, залитое ослепительным багровым светом. А наверху — километры абсолютной темноты, уходящей к замку.

Он обернулся.

Остатки армии двойников остановились. Пол под ними проваливался в Бездну. Механизм шестерни над ними начал опускаться, готовясь раздавить всё, что осталось на поверхности, и сбросить это в багровую топку.

Стрелка на далёком циферблате, который сейчас проваливался в ад, показала 4:13.

Времени не было.

«Гробовщик» оставил за собой в шахте разряженный вакуумный след — пробитый тоннель в пространстве. Но лифта не было. Ему предстояло преодолеть километры вертикальной шахты без транспорта, без опоры.

Каэль посмотрел вверх.

Его вампирская способность к полёту не была левитацией в классическом смысле. Он не создавал крылья. Он просто… отказывался падать. Игнорировал физику.

Но здесь физика была сломана. Онтологическое давление шахты, которая пыталась затянуться, как рана, давило сверху с силой пресса. Просто взлететь не получится. Шахта выплюнет его обратно. Ему нужно было цепляться за реальность физически.

Каэль закрыл глаза.

Его тело задрожало. Боль от новых мутаций была ослепительной. Из его лопаток с тошнотворным звуком разрываемой плоти вырвались не крылья, а длинные, многосуставчатые костяные отростки, похожие на лапы паука или внутренние рёбра гигантского зверя. Они были покрыты горячей, дымящейся кровью и заканчивались титаново-твёрдыми крючьями.

Его руки ниже локтей трансформировались в массивные, зазубренные лезвия.

Каэль открыл свои чёрные глаза. Он посмотрел на багровый ад, бушующий внизу, и оттолкнулся от края.

Он прыгнул в ствол шахты.

Пространство мгновенно обрушилось на него. Давление было таким, словно на плечи положили океан. Гравитация Ядра пыталась втащить его обратно.

Каэль взревел, взмахнул рукой и с размаху вогнал костяное лезвие в гладкую, покрытую слизью стену шахты. Лезвие пробило камень и металл с оглушительным лязгом, высекая фонтан искр.

Повиснув на одной руке, он изогнулся и вогнал второе лезвие выше.

Костяные отростки на спине двигались синхронно, с силой пробивая стены, фиксируя его тело, подтягивая вверх. Удар, рывок, удар.

Он полз. Лез. Взлетал.

Каждый рывок сопровождался частичным игнорированием гравитации, что позволяло ему преодолевать по десять-пятнадцать метров за секунду, но каждый удар крючьев в стены отдавался болью в разрушающихся костях.

Ть-тух. Десятый удар.

Снизу, из Ядра, ударила волна багрового пламени. Оно неслось по шахте, как по дымоходу, выжигая остатки кислорода.

Жар лизнул пятки Каэля. Его брюки загорелись, ткань начала тлеть, прилипая к коже. Он не обращал внимания.

Удар правой. Удар левой. Рывок спинными отростками. Вверх. В темноту.

Стены шахты менялись. Гладкий металл Ядра сменился пульсирующей органикой Лабиринта Плоти. Мясные стены пытались ухватить его, щупальца тянулись к его ногам, но он просто отрубал их своими лезвиями на ходу, заливая шахту кислотной кровью мутантов.

Он летел вверх, как комета, сотканная из плоти, ненависти и отчаяния.

Органика сменилась камнем. Третий уровень. Галереи.

Из пробитых стен шахты на него смотрели сотни обезумевших лиц на картинах, которые кричали, чувствуя надвигающийся снизу багровый огонь форматирования.

— Горите, — прошипел Каэль, проносясь мимо них.

Его мышцы рвались. Суставы вылетали и вправлялись на ходу. Он чувствовал, что его тело, даже с его аномальной биологией, начинает разваливаться. Он потратил слишком много энергии на регенерацию, на бой, на сопротивление Матрице. Он истощался.

Свет.

Далеко наверху, в конце бесконечной трубы шахты, он увидел бледный, желтоватый свет газовых ламп. Второй уровень. Механическое сердце. Там, где он посадил Грума и остальных в лифт.

Огонь снизу догонял. Багровое зарево уже освещало стены шахты прямо под ним, плавя камень в стекло.

Каэль вложил все оставшиеся силы в последний рывок.

Он напряг спинные костяные лапы, пробил ими камень насквозь и с чудовищной силой оттолкнулся, игнорируя гравитацию на сто процентов.

Его выбросило из шахты, как пулю из ствола.

Каэль вылетел на стальную решётчатую платформу второго уровня, пробив её своим телом. Он прокатился по металлу, сминая ржавые трубы, и с грохотом врезался в массивный чугунный котел, оставив на нём глубокую вмятину.

Костяные отростки на спине рассыпались в прах, не выдержав нагрузки. Лезвия на руках с шипением втянулись обратно, оставив искалеченные, истекающие кровью кисти.

Каэль лежал на спине, тяжело, со свистом втягивая воздух в пробитые лёгкие.

Сверху на него смотрели четыре лица.

Грум, бледный, как мел, сжимающий газовый ключ так, что гнулась сталь.

Нериса, опирающаяся на свой клинок, её лицо было покрыто запёкшейся кровью.

Бруно, у которого не хватало половины челюсти, но который радостно вилял облезлым хвостом.

И Гаш, который задумчиво тыкал в плечо Каэля куском оторванной трубы.

— Живой, — констатировал Гаш. — А мы уже думали, как делить твои ботинки.

Каэль прикрыл глаза. Его тело было сплошной агонией. Запах гари и крови перебивал всё остальное.

Вдруг пол под ними содрогнулся.

Из шахты, откуда он только что вылетел, с оглушительным ревом вырвался багровый столб пламени. Он ударил в потолок технического сектора, плавя сталь.

А затем шахта начала закрываться. Стены сходились, схлопываясь с грохотом землетрясения, запечатывая проход в Ядро навсегда.

Грум бросился к краю платформы, глядя, как пространство затягивается, превращаясь в монолитный камень.

— Он закрылся… — прошептал тролль. — Ядро изолировало себя. Форматирование остановилось.

Каэль с трудом повернул голову. Он посмотрел на большие механические часы, висящие над пультом управления вентиляцией. Стекло на них было треснувшим, но стрелки были видны чётко.

Они не шли назад. Они застыли. Застыли в том самом положении, которое означало либо конец, либо отсрочку.

Время было 4:44.

* * *

Холодный металл решётчатой платформы казался самой удобной кроватью в мире.

Каэль лежал на спине, уставившись в сплетение ржавых труб под потолком второго технического уровня. Его грудная клетка поднималась и опускалась с хриплым, влажным свистом — правое лёгкое всё ещё было пробито в двух местах, и вампирская регенерация методично, слой за слоем, сшивала разорванные альвеолы. Это было больно. Это ощущалось так, словно внутри него ползали тысячи раскалённых игл, стягивая плоть грубыми нитками.

Сверху капал конденсат. Капли, смешанные с машинным маслом, падали на его лицо, смывая серую пыль и чёрную кровь.

— Мой лифт, — раздался где-то сбоку убитый, сиплый голос Грума.

Тролль сидел на корточках возле того места, где ещё

недавно зияла пространственная шахта. Теперь там был монолитный, идеально ровный каменный пол. Никаких швов. Никаких следов того, что здесь когда-то была дыра, уходящая в ад.

— Мой «Гробовщик», — Грум шмыгнул носом, его длинные уши уныло повисли. — Триста килограммов лучшего проклятого чугуна. Восемь километров кабелей из жил мантикор. Я настраивал его онтологический привод пятнадцать лет. Пятнадцать лет, Каэль! А ты использовал его как... как пневмопочту для идиотов!

— Он выполнил свою функцию, — Каэль медленно сел.

Его позвоночник издал серию резких щелчков, похожих на звук ломающихся веток. Мышцы спины, разорванные до самых рёбер во время прорыва сквозь строй двойников, стягивались. Кожа нарастала поверх открытого мяса с тихим шипением, от которого шёл пар.

Каэль опустил взгляд на свои руки. Пальцы были целы, но ногти всё ещё оставались чёрными, уплотнёнными, похожими на обсидиан. Тело слишком медленно выходило из боевого режима. Оно всё ещё ждало угрозы.

— Выполнил функцию? — Грум схватился за голову. — Мы заперты! Замок запечатал нижние уровни! Ядро больше недоступно. Мы даже не знаем, что там сейчас происходит! Вдруг эта шестерня всё-таки сделает оборот?!

— Она не сделает, — раздался хриплый голос Нерисы.

Охотница сидела прислонившись спиной к огромному

медному котлу. Она зажимала рукой рану на бедре, из которой всё ещё сочилась тёмная химерная кровь. Её плащ был изорван в клочья, лицо покрывал слой копоти и запёкшейся крови. Она выглядела так, будто её пропустили через мясорубку, но её серо-золотые глаза оставались ясными. И пугающе холодными.

— Таймер остановился, Грум, — Нериса кивнула на настенные часы над пультом управления вентиляцией. — Мы все это видели. И мы всё ещё существуем. Значит, форматирование отменено.

Она перевела взгляд на Каэля. В этом взгляде не было благодарности. В нём был только профессиональный, хирургический расчёт существа, которое всю жизнь убивало монстров, а теперь сидело рядом с тем, кто оказался опаснее их всех вместе взятых.

— Что это было, Каэль? — тихо спросила она. — Матрица под твоё тело. Система защиты, которая копирует тебя. Зарубки на стене.

Каэль поднялся на ноги. Он покачнулся, но устоял. Босые ступни оставляли на стальной решётке кровавые следы.

— Я не знаю, — его голос был ровным, лишённым всяких эмоций. — И прямо сейчас я не собираюсь об этом думать.

— Ты не знаешь, или ты не хочешь говорить? — Нериса попыталась встать, но её раненая нога подогнулась, и она с шипением осела обратно. Костяные клинки на её предплечьях уже скрылись под кожей, но места их выхода всё ещё

воспалённо пульсировали.

— Оставь его, — философски посоветовал Гаш.

Полумёртвый оборотень стоял у края платформы и задумчиво пытался приделать оторванное ухо на место, используя какую-то липкую техническую смазку. Ухо держалось криво.

— Хозяин только что пытался стать батарейкой для конца света. У него стресс. Ему нужно выпить, убить кого-нибудь не очень важного и поспать. Желательно в такой последовательности.

Рядом Бруно издал звук, похожий на срыгивание. Оборотень напрягся, его живот впал, и он с влажным стуком выплюнул на решётку металлический осколок — кусок багрового кристалла одного из геометрических стражей.

Кристалл задымился, прожег дыру в стальном полу и провалился куда-то в темноту труб.

Бруно печально вздохнул.

— Острое, — констатировал он и лёг мордой на лапы.

— Идём наверх, — сказал Каэль, поворачиваясь к тяжёлой чугунной лестнице, ведущей в служебные катакомбы. — Здесь слишком воняет горелой резиной и истерикой.

Подъём был долгим.

Без лифта им пришлось подниматься по техническим лестницам, проходя сквозь узкие, душные коридоры, переплетённые кабелями и трубами.

Замок вокруг них изменился. Это ощущалось на уровне вестибулярного аппарата. Ступени казались шире, углы — острее. Пространство слегка искривлялось, словно геометрия крепости пыталась адаптироваться к тому, что её Ядро чуть не устроило перезагрузку реальности.

Грум шёл последним, тихо матерясь и подсчитывая вслух сожжённые калории.

— Я истощён. У меня гликогеновое окно закрылось ещё на третьем уровне. Если я сейчас не съем ведро сырого мяса, мои мышцы начнут пожирать сами себя. Я буду весить как фея! Как чёртова анорексичная фея!

— Не льсти себе, Грум, — бросила Нериса, тяжело опираясь на перила. — Ты всё ещё занимаешь половину лестничного пролёта.

Каэль шёл впереди. Каждый шаг отдавался глухой пульсацией в затылке, там, где толстая матовая игла пробила его спинной мозг. Рана затянулась, но фантомное ощущение чужого, синтетического кода, пытавшегося стереть его личность, всё ещё царапало изнутри.

Они толкнули тяжёлые железные двери и вышли на первый уровень. Служебные катакомбы.

Свет газовых рожков здесь был ярче. Воздух — прохладнее. Запах машинного масла сменился привычным ароматом

старого камня, пыли и лёгких ноток гвоздики.

Они прошли мимо прачечной. Дубовая дверь с медной табличкой была плотно закрыта. Из-под неё больше не текла чёрная вода. Никакого запаха левиафанов. Никакого океана. Замок вернул эту комнату в нормальное состояние.

Каэль толкнул следующую дверь, ведущую на винтовую лестницу, поднимающуюся прямо в Главный холл.

Когда они вышли на полированный паркет холла, шаги эхом разнеслись по огромному пространству.

Главный холл замка всегда поражал своей мрачной, готической роскошью. Тяжёлые хрустальные люстры, огромные камины, в которых вечно горел огонь, высокие узкие окна, забранные витражами.

Но сейчас здесь было что-то фундаментально не так.

Каэль остановился.

Сначала он не понял, в чём дело. Тишина? Холл всегда был тихим, если Бруно не пытался сожрать антикварные доспехи. Свет? Люстры горели ровно.

А затем он посмотрел на стены.

Галерея Лиц. Сотни старинных портретов, висевших на стенах от пола до потолка. Графы, бароны, исчезнувшие боги, мутанты, древние охотники — все те, чьи сознания были заключены в холсты. Они всегда перешёптывались, следили за гостями, ругались друг с другом или просто спали.

Сейчас они были пусты.

Каждая картина. Каждая массивная позолоченная рама.

Внутри них не было лиц. Не было пейзажей. Холсты были покрыты ровным, идеальным слоем абсолютно серой, безжизненной краски. Никаких следов мазков. Просто плоское, стерильное «ничто».

— Куда они делись? — прошептала Нериса, останавливаясь рядом с Каэлем. Её рука инстинктивно потянулась к ножу.

— Их стёрло, — раздался тихий, быстрый голос.

С лестницы, ведущей на второй этаж, медленно спускалась Морра.

Её шаги были абсолютно беззвучными. Тёмное кружевное платье шуршало по мраморным ступеням. Крылья за её спиной исчезли, но глаза оставались двумя провалами, в которых не было ничего человеческого. В руках она сжимала свою перламутровую шкатулку.

Морра остановилась на нижней ступени, окинув взглядом их процессию.

Израненный, полуголый Каэль, покрытый кровью. Измождённая охотница. Трясущийся тролль и два грязных оборотня.

Она не стала язвить. Не стала отпускать токсичные шутки про их внешний вид. Это само по себе было страшнее любой

аномалии.

— Минут двадцать назад, — тихо сказала Морра, глядя на пустые холсты. — Воздух в холле стал холодным. Не сквозняк. А тот холод, который бывает, когда умирает пространство. Портреты начали кричать. Все сразу. Они кричали так, что трескалось стекло в люстрах.

Она медленно перевела взгляд на Каэля.

— Они умоляли остановить это. Они кричали, что не хотят забывать. А потом... с холстов начали исчезать краски. Как будто кто-то выливал на них растворитель. Лица просто стирались. Через три минуты всё закончилось.

Грум шумно сглотнул.

— Резонанс, — пробормотал тролль. — Когда ты, Каэль, лёг в матрицу... Система начала процесс форматирования. Она не добралась до мира. Но она ударила по тому, что было ближе всего. По замку. По архивам памяти внутри него.

Морра сжала шкатулку так, что побелели костяшки пальцев.

— Если бы ты остался там ещё на минуту, Каэль... Замок бы забыл и нас.

Каэль молчал. Он смотрел на пустые рамы. Тысячи душ, тысячелетия истории — уничтожены просто потому, что машина внизу готовилась к перезагрузке.

Его взгляд скользнул по стенам и остановился на огромных напольных часах из тёмного дерева, стоявших в углу холла. Их циферблат был покрыт астрономическими символами.

Тяжёлый бронзовый маятник висел неподвижно.

Стрелки замерли.

4:44.

Каэль перевёл взгляд на каминную полку. Там стояли небольшие французские часы с фарфоровым циферблатом.

Стрелки застыли.

4:44.

— Часы, — сухо констатировал Каэль.

Морра кивнула.

— Они остановились. Все часы в замке. Электронные в лаборатории Грума, механические, солнечные в саду. Везде одно и то же время.

Она подошла ближе к Каэлю. Её голос снизился до шёпота, который слышал только он.

— Ты вырвался из Ядра. Но замок не вернулся в нормальное состояние. Он застрял. Мы застряли. В моменте, когда

цикл должен был завершиться.

В этот момент из коридора, ведущего к кухням, раздался грохот кастрюль и бодрый, почти неуместно жизнерадостный голос.

— А вот и вы! — в холл выкатился Малёк.

Карликовый циклоп выглядел абсолютно нетронутым катастрофой. На нём был чистый белый фартук поверх грязного рабочего комбинезона. В руках он держал огромный серебряный поднос, накрытый куполом. Его единственный гигантский глаз радостно блестел.

— Я слышал, как всё тряслось, — прощебетал Малёк, семеня короткими ножками к огромному обеденному столу. — Подумал: «Ну вот, опять кто-то сломал пространство. Значит, гости вернутся голодными». Поэтому я приготовил пирог!

Он с гордостью поставил поднос на стол и эффектно сдёрнул купол.

На подносе лежал огромный, идеально пропечённый пирог с золотистой корочкой. Из-под корочки сочилась густая, тёмно-красная жидкость, удивительно похожая на свежую кровь. Пирог слегка пульсировал, словно дышал.

— Пирог с кровоточащей клюквой и мясом пещерной виверны, — объявил Малёк. — Восстанавливает гемоглобин, лечит переломы, улучшает настроение. Правда, он немного агрессивный, поэтому ешьте быстро, пока он не попытался съесть вас.

Бруно не заставил себя упрашивать. Он радостно рванул к столу, прыгнул на него всеми четырьмя лапами и вгрызся в пирог. Раздался глухой рык — пирог, видимо, попытался сопротивляться, но челюсти мёртвого оборотня не оставили ему шансов.

Грум, забыв про все свои страхи перед Бездной, ринулся следом.

— ОСТАВЬ МНЕ КУСОК, БЛОХАСТЫЙ ТЫ УБЛЮДОК! МНЕ НУЖНЫ БЕЛКИ! — тролль отшвырнул оборотня одной рукой, отломил половину пирога и начал запихивать его в свою огромную пасть, не жуя.

Каэль подошёл к столу. Рядом с подносом стоял графин с тёмно-янтарной жидкостью и несколько стаканов.

Он налил себе, даже не проверяя, что внутри. Выпил залпом. Напиток обожг горло вкусом старого дуба, торфа и лёгким оттенком формалина. Идеально.

Нериса подошла следом. Она смотрела на то, как Грум и Бруно дерутся за кусок живого пирога, как Малёк суетится вокруг, предлагая им соус из толчёных костей фей.

Затем она посмотрела на Каэля.

— Твой дом — это сумасшедший дом, — тихо сказала она.

— Я знаю, — Каэль налил второй стакан и молча протянул

ей. — Выпей. У тебя шок.

Она взяла стакан, её пальцы в окровавленной перчатке дрогнули. Она сделала глоток, поморщилась, но выпила до дна.

— Каэль, — Нериса опустила стакан на стол. — Архивариусы стирают целые районы в городе. Твой замок оказался машиной, которая делает то же самое с целым миром. И ты — ключ от этой машины.

Она подняла на него свои глаза. В них больше не было усталости. В них была стальная, холодная решимость.

— Рано или поздно Цитадель поймёт, что центр аномалии здесь. Они поймут, что 4:44 — это не просто сбой, а таймер, который ты остановил. И тогда они придут сюда. Не исполнители. Не ордена. Они пришлют всех.

Каэль поставил свой стакан на поднос. Он обернулся к пустым рамам картин. К часам, замершим на 4:44.

Затем он посмотрел на Нерису.

Его лицо было спокойным. Абсолютно невозмутимым. Тем самым лицом существа, которое пережило вечность и устало бояться.

— Пусть приходят, — тихо, но так, что эхо разнеслось по всему Главному холлу, произнёс Каэль. — Мы их накормим. Малёк, сколько у нас кровоточащей клюквы?

Малёк радостно моргнул единственным глазом.

— На целую армию, господин Каэль! Она отлично растёт на компосте из убитых врагов!

Каэль кивнул. Он засунул руки в карманы изодранных брюк и повернулся к огромному стрельчатому окну.

За стеклом, скрывающим Кито, висел плотный, непроглядный туман. Город был там. Люди, нечисть, Цитадель, Архивариусы. Все они спали, не зная, что мир только что находился в одной секунде от полного удаления.

И в отражении тёмного стекла Каэль увидел, как его собственные глаза на мгновение вспыхнули ровным, багровым светом Ядра.

Система не стёрла его.

Она его заразила.

* * *

Тишина имела вес.

Обычно тишина — это просто отсутствие звука. Но сейчас, в Главном холле замка, она была физической субстанцией. Густой, как ртуть, давящей на барабанные перепонки, мешающей делать полноценные вдохи.

Время не просто остановилось на отметке 4:44. Оно запеклось.

Каэль стоял у стрельчатого окна. Пылинки, танцующие в

тусклом свете газовых ламп, больше не двигались. Они зависли в воздухе крошечными, неподвижными созвездиями. Дым от сигареты, которую Нериса прикурила пару минут назад от спички, не поднимался к потолку. Он застыл серым, изломанным деревом, чьи ветви повисли в пустоте.

Они двигались, говорили и дышали только потому, что находились внутри замка. Замок, будучи Якорем и древней машиной, создал вокруг них карман искривлённой реальности. Пузырь, сопротивляющийся глобальной остановке. Но даже этот пузырь трещал по швам.

Каэль поднял левую руку и посмотрел на свои пальцы.

Под бледной кожей, там, где просвечивали синеватые вены, слабо, в такт его сердцебиению, пульсировал багровый свет. Это не было оптической иллюзией. Система Ядра не просто подключилась к нему в матрице — она оставила внутри него свой машинный, онтологический код.

Он заразился архитектурой конца света.

Каэль сжал кулак, и багровое свечение медленно угасло, спрятавшись глубже в плоть.

— Мой метаболизм в ужасе, — раздался сдавленный, панический стон Грума.

Тролль сидел на полу, обхватив руками свои гигантские, костлявые колени. Он безотрывно смотрел на напольные часы с замершим маятником.

— Вы понимаете, что происходит с точки зрения термодинамики? Если время за пределами этого холла не движется, значит, энтропия равна нулю. Значит, тепло не передаётся! Если я сейчас съем кусок мяса, он переварится вчера или завтра?! Мой желудок не понимает, в каком направлении по шкале времени выделять кислоту! Я распухну в четырёх измерениях!

— Грум, — не отрывая взгляда от окна, спокойно сказал Каэль. — Если ты продолжишь ныть про углеводы, пока вселенная стоит на паузе, я лично выброшу тебя за дверь, чтобы ты застыл там в позе истерички на ближайшую вечность.

Тролль захлопнул пасть с громким щелчком зубов, но продолжил тихо, ритмично раскачиваться из стороны в сторону, бормоча что-то про квантовый жир.

Морра стояла у стены, задумчиво водя длинным чёрным когтем по абсолютно серому, стёртому холсту одной из картин.

— Они даже не успели закричать до конца, — произнесла она. В её голосе не было жалости, только холодный исследовательский интерес. — Система удалила их так чисто, что даже запах масляной краски пропал. Интересно, если я сейчас нарисую здесь лицо Грума, замок его запомнит или тоже сотрёт?

— Не трогай меня своим искусством! — взвизгнул тролль.

Нериса сидела в глубоком кресле, вытянув раненую ногу. Она не участвовала в их бытовом абсурде. Она методично, с профессиональной холодной яростью, зашивала собственное бедро.

У неё не было хирургической иглы. Она использовала то, что было под рукой — тонкую, острую рыбью кость, которую Малёк услужливо принёс с кухни, и шёлковую нить из разорванной портьеры. Химерная регенерация охотников Вельсайр требовала ровно соединённых краев раны, иначе мясо могло срастись буграми или, что хуже, начать отторгать само себя.

Каждое движение иглы сопровождалось тихим влажным хрустом. Она не издавала ни звука, хотя её лицо было бледным, а на висках блестел пот.

Закончив, Нериса откусила нить зубами, завязала узел и подняла взгляд на Каэля.

— Твои глаза, — произнесла она. Её голос был хриплым, царапающим неподвижный воздух холла.

Каэль обернулся к ней.

— Что с ними?

— Там, в подвале, когда ты вырвался из этой формы. Они светились красным. Таким же цветом, как туман из Ядра.

В холле стало ещё тише. Бруно, который до этого с упоением грыз ножку дубового стула, замер, прислушиваясь.

Гаш, пытавшийся примотать своё оторванное ухо на место с помощью строительного скотча, оторвался от зеркала.

Морра перестала царапать холст. Она медленно повернула голову. Её чёрные провалы глаз недобро сузились.

Каэль встретил взгляд Нерисы. Он не стал лгать, но и не стал вдаваться в подробности.

— Машина пыталась стереть меня, чтобы вернуть систему к нулевой точке. Я отказался. В процессе мы немного... обменялись жидкостями. Ничего такого, с чем бы не справился мой иммунитет.

— Твой иммунитет, Каэль, — медленно, с расстановкой произнесла Нериса, кладя окровавленную рыбью кость на край стола, — это биологическое оружие. Если Ядро оставило в тебе свой код... что произойдёт, когда оно решит обновиться?

Она не успела закончить фразу.

БАМ.

Звук был таким громким, что пыль, висящая в застывшем воздухе, взорвалась облаком.

Это был удар. Тяжёлый, глухой, заставивший содрогнуться мраморный пол под их ногами.

БАМ.

Второй удар. Он пришёл снаружи.

Кто-то стучал в Главные ворота замка. В те самые гигантские, окованные железом створы из чёрного дуба, которые выходили в замковый двор.

Все замерли.

В мире, где время остановилось на 4:44, движение снаружи было физически невозможно. Любое существо, попавшее в зону стазиса, должно было застыть, превратившись в статую. В мире не было ни ветра, ни звука, ни гравитации для падающих предметов.

Но кто-то стоял за их дверью. И этот кто-то обладал достаточной силой, чтобы бить в ворота с такой мощью, что железные петли стонали.

БАМ.

Грум икнул.

— Пожалуйста, скажите мне, что это просто продавец энциклопедий, который не подвержен законам энтропии.

Каэль медленно отошёл от окна.

Его лицо было абсолютно нечитаемым. Он сделал жест рукой, и Гаш с Бруно мгновенно подобрались. Мёртвые оборотни могли быть идиотами в быту, но их рефлексы убийц работали безупречно. Бруно выплюнул кусок стула, с его челюсти закапала густая слюна, смешанная с чёрной кровью левиафанов. Гаш обнажил когти, которые с металлическим лязгом выскользнули из его полусгнивших пальцев.

Нериса, игнорируя боль в наспех зашитом бедре, поднялась с кресла. Она вытащила из-под изодранного плаща ритуальный кинжал.

— Я открою, — коротко бросил Каэль.

Он пересёк холл. Его босые ноги не издавали ни звука на мраморе.

Главные ворота замка были в три раза выше человеческого роста. Они запирались на колоссальный железный засов, который Грум выковал из остатков какого-то осадного орудия.

Каэль подошёл к створам. Он не стал спрашивать «кто там». В этом мире такие вопросы задавали только те, кто собирался умереть в следующую секунду.

Он положил ладонь на тяжёлый металл засова. Чугун был обжигающе холодным.

Каэль сдвинул его. Засов с протяжным, мучительным скрежетом отъехал в сторону.

Он потянул одну из створок на себя.

За дверью был замковый двор. И то, что они увидели, заставило даже Нерису задержать дыхание.

Там шёл дождь. Но он не падал.

Миллионы, миллиарды дождевых капель висели в воздухе, абсолютно неподвижные. Они заполняли всё пространство двора, сверкая в тусклом, мертвенном свете луны, как

гигантская, бесконечная паутина из жидкого хрусталя. Между каплями были видны застывшие в полёте ночные птицы, чьи крылья замерли на полувзмахе. Туман, ползущий с гор, остановился, превратившись в рваные, серые скульптуры из ваты.

Мир был мёртв.

И сквозь это кладбище времени, пробиваясь через висящие в воздухе капли воды, к ним шёл человек.

Каждое его движение сопровождалось звуком ломающегося стекла. Капли дождя, в которые он врезался, не обтекали его. Из-за замороженной кинетики они вели себя как крошечные стеклянные бусины. Они с тихим, хрустальным звоном разбивались о его плечи, осыпаясь на брусчатку мелкой ледяной пылью.

Дзынь. Хрусь. Дзынь.

Это был Курьер Ночи.

Его фигура была закутана в длинный, тяжёлый плащ из прорезиненной ткани, который когда-то был чёрным, но сейчас выглядел выцветшим, серым. На голове — низко надвинутая шляпа с широкими полями.

Но Курьер был неправильным.

Он дёргался. Его тело испытывало колоссальные перегрузки, пытаясь двигаться в среде, где движения не существовало. Правая сторона его тела постоянно смазывалась, как изображение на сломанном мониторе. Рука исчезала в

потоке статического шума и появлялась снова, на пару сантиметров левее.

Он подошёл к порогу замка, останавливаясь на границе, где зона влияния Ядра встречалась со стазисом внешнего мира.

Курьер медленно поднял голову.

Лица у него не было. Под полями шляпы зияла гладкая, ровная пустота, сотканная из телевизионного снега и серой ряби. Это был не шрам и не маска. Это был онтологический распад. Он сгорал заживо от парадокса, но всё равно шёл.

— Доставка, — произнёс Курьер.

Его голос не исходил из пустоты под шляпой. Звук формировался прямо в воздухе между ним и Каэлем, сухой, трескучий, рассинхронизированный со временем.

— Цитадель не работает в 4:44, — холодно ответил Каэль, не убирая руку с края открытой двери. — Никто не работает. Ты не должен сейчас существовать.

— Существование... переоценено, — Курьер дёрнулся. Его левое плечо мигнуло и исчезло навсегда, оставив пустой, обрубленный рукав плаща. Серая рябь поползла по его шее. — Отправитель: Совет Теней. Статус отправления: Критический. Адресат: Аномалия.

Морра, стоявшая за спиной Каэля, тихо фыркнула.

— Они называют тебя аномалией, Каэль. Какое неуваже-

ние к древним кровеносным линиям.

Курьер не обратил на неё внимания. Его уцелевшая правая рука медленно, с хрустом разрывающихся от стазиса мышц, потянулась под плащ.

Бруно зарычал, приседая на задние лапы, готовый к прыжку.

Но Курьер не достал оружие. Он вытащил деревянный ящик.

Небольшой, сколоченный из сырых досок, размером с обувную коробку. Ящик был обмотан толстыми ржавыми цепями, на которых слабо тлели руны удержания.

Но самым странным было то, как вёл себя этот ящик.

Из его щелей сочилась кровь. Но она не капала вниз. Густые, тяжёлые красные капли вытекали из дерева и падали *вверх*. Они струились к небу, разбиваясь о невидимый барьер стазиса и повисая в воздухе над головой Курьера тонкими кровавыми нитями.

— Содержимое... нестабильно, — Курьер протянул ящик Каэлю. Его пальцы, удерживающие дерево, уже начали рассыпаться в серый прах. — Приказ Совета Теней. Вскрыть немедленно.

Каэль смотрел на ящик.

Кровь, падающая вверх. Руны, сдерживающие нечто, что нарушает гравитацию.

В нормальной ситуации он бы просто захлопнул дверь и позволил Курьеру рассыпаться на пороге. Но сейчас нормальности не существовало. Ядро замка остановило время, а Совет Теней умудрился пробить этот стазис, чтобы доставить ему посылку.

Каэль протянул руку и взял ящик.

Дерево было горячим. Не просто тёплым — оно обжигало ладонь, словно внутри лежал кусок доменной печи. Руны на ржавых цепях вспыхнули агрессивным синим светом, как только коснулись его кожи.

В тот момент, когда вес посылки перешёл к Каэлю, Курьер Ночи издал звук, похожий на вздох облегчения.

— Доставка завершена, — прошелестел голос в воздухе.

А затем Курьер лопнул.

Без крови. Без кишок. Его тело просто не выдержало давления замороженного времени. Он рассыпался на миллионы серых, статичных пикселей, которые тут же застыли в воздухе, смешавшись с неподвижными каплями дождя. Шляпа и пустой прорезиненный плащ с глухим шлепком упали на мокрую брусчатку двора.

Каэль медленно закрыл створы ворот и задвинул тяжёлый засов.

Звук бьющихся стеклянных капель дождя исчез. Тишина

холла снова обрушилась на них.

Он повернулся к остальным.

Нериса не сводила глаз с ящика в его руках. Кровь продолжала вытекать из щелей и тянуться вверх. Капли, попадая в поле притяжения замка, на мгновение зависали под потолком, а затем, словно вспомнив о нормальной физике, с чавканьем падали вниз, на персидский ковёр.

— Ты собираешься это открывать? — глухо спросила охотница. — Там внутри что-то, что ломает законы физики сильнее, чем ты.

— Совет Теней не отправляет подарки просто так, — Каэль прошёл к огромному обеденному столу, сдвинул в сторону поднос с недоеденным живым пирогом Малёка и поставил ящик на полированное дерево. — Если они пробили стазис 4:44, значит, они в отчаянии.

— Или они хотят, чтобы эта бомба взорвалась внутри твоего Якоря, — заметила Морра, подходя ближе. Она брезгливо уклонилась от летящей вверх капли крови. — Совет всегда любил решать две проблемы одним ударом.

Грум подошёл к столу, держа газовый ключ наперевес, словно это была винтовка.

— Цепи из хладного железа, — констатировал тролль, прищурив жёлтые глаза. — Руны Ордена Пепла. Они сдерживают что-то инфернальное. Или парадоксальное. Каэль, я как главный инженер настоятельно рекомендую выбросить

это в окно.

— Окна не открываются, — напомнил Гаш, ковыряя в зубах когтем. — Время стоит. Воздух снаружи твёрдый, как бетон. Мы заперты с этой коробочкой.

Каэль положил обе руки на ржавые цепи.

Он не стал искать ключ. Его пальцы вновь уплотнились, кости предплечий заскрипели, увеличивая мышечную массу. Он сжал цепи и с глухим, металлическим рыком просто разорвал их.

Звенья лопнули. Руны на них вспыхнули и погасли, оставив после себя запах серы.

Каэль откинул крышку ящика.

Изнутри не выпрыгнул монстр. Не произошёл взрыв.

В ящике, на подложке из чёрного бархата, который был насквозь пропитан той самой странной, текущей вверх кровью, лежал предмет.

Обычный, казалось бы, предмет.

Это была отрубленная человеческая кисть.

Бледная, с длинными, тонкими пальцами. Срез на запястье был идеально ровным, словно сделанный лазером.

Но кисть была живой.

Она медленно, ритмично сжималась и разжималась, царапая бархат ногтями. Кровь, которая текла из неё, струилась

вверх, к потолку.

А между указательным и большим пальцами отрубленной кисти был зажат маленький, сложенный вдвое клочок плотной архивной бумаги.

Нериса подошла вплотную к столу. Её лицо побелело так, что веснушки стали похожи на капли грязи.

— Каэль, — прошептала она, указывая на кисть дрожащим пальцем. — Это... это невозможно.

— Что это? — Каэль не сводил глаз с бледных пальцев.

— Посмотри на кольцо.

Каэль присмотрелся. На безымянном пальце отрубленной кисти блестел тяжёлый платиновый перстень с печаткой. На печатке был вырезан герб — полумесяц, пронзённый клинком. Символ Ордена Вельсайр. Символ её клана.

Но это было не всё.

Прямо под перстнем, на бледной коже кисти, темнел тонкий, едва заметный белый шрам. В форме идеальной молнии.

Нериса подняла свою левую руку и стянула чёрную тактическую перчатку.

Она положила свою дрожащую ладонь рядом с отрубленной кистью на бархате.

Длина пальцев. Форма ногтей. Платиновый перстень с полумесяцем. И тонкий белый шрам в форме молнии.

Они были абсолютно идентичны.

Это была её рука. Рука Нерисы.

Но обе руки охотницы прямо сейчас находились при ней.

Отрубленная кисть на бархате внезапно перестала сжиматься. Она медленно повернулась, словно у неё было зрение, и указала окровавленным пальцем прямо в лицо Нерисе.

Записка, зажатая между пальцами, выпала на стол.

Каэль протянул руку и развернул плотную бумагу.

На ней аккуратным, каллиграфическим почерком, лишённым всяких эмоций, было написано всего два предложения:

«Замок не может сохранить то, чего никогда не было.

Верните нам её будущее, или мы сотрём ваше прошлое.»

Снизу, вместо подписи, стояла багровая сургучная печать Совета Теней.

* * *

Отрубленная кисть на чёрном бархате шевельнула указательным пальцем.

Звук, с которым влажная, лишённая кровотока плоть ца-

рапнула ткань, был едва слышным. Но в абсолютной, вакуумной тишине застывшего холла он прозвучал как выстрел.

Нериса не отступила. Её тело превратилось в натянутую струну. Золотые хищные глаза были прикованы к тонкому белому шраму на чужом-своём запястье. Химерная биология охотницы взбунтовалась: её собственные руки задрожали, кожа на костяшках треснула, готовая выпустить костяные клинки. Организм не понимал, как реагировать на присутствие куска самого себя, отделённого от тела.

Кровь из ровного среза продолжала вытекать. Густые, тёмно-красные капли отрывались от плоти и с влажным чавканьем устремлялись вверх, к высокому сводчатому потолку.

— Это парадокс, — прохрипел Грум. Тролль отшатнулся от стола так резко, что его гигантская спина врезалась в каминную полку. — Вы понимаете?! Это онтологический нахлёст! Нельзя принести в настоящее объект из будущего, не разорвав причинно-следственную ткань! Вселенная ненавидит такие вещи! Это как съесть сэндвич, который ты ещё не приготовил! Желудок лопнет вместе с пространством!

— Значит ли это, — Гаш задумчиво склонился над ящиком, его жёлтый глаз изучающе блестел, — что если я съем эту руку сейчас... она останется без руки потом?

Он указал металлическим когтем на Нерису.

— Чисто научный интерес. Никакого личного неуваже-

ния.

— Попробуй, — тихо, не поворачивая головы, произнесла Нериса. Голос её был низким, рычащим. — И я скормлю тебе твою собственную печень.

— Справедливо, — кивнул Гаш и отошёл на шаг, уступая место Бруно. Тот просто подошёл, шумно втянул носом воздух над ящиком, чихнул кровавой слизью и потерял к руке всякий интерес.

Каэль всё ещё держал в руке плотную архивную бумагу с багровой сургучной печатью.

«Верните нам её будущее, или мы сотрём ваше прошлое».

Он посмотрел на печать. Совет Теней. Группа древних, гниющих существ, которые сидели в центре бюрократической машины нечисти и делали вид, что управляют реальностью. Они никогда не действовали так открыто. Они любили интриги, тихие убийства, стёртые архивы.

Прямая угроза с доставкой курьером, пробившим временной стазис, означала только одно: Совет был в панике.

— Они не хотят её убивать, — сказал Каэль. Он бросил записку на стол. Бумага легла рядом с шевелящейся кистью. — Если бы хотели, Архивариусы стёрли бы тебя ещё в Сан-Рохе, Нериса. Они просто удалили бы твоё имя из мира, как сделали это с районом. Но они этого не сделали.

— Почему? — Нериса подняла на него взгляд.

— Потому что ты — часть какого-то уравнения, — Каэль

перевёл взгляд на её лицо. На её золотые глаза. На алхимическую кровь Вельсайр, которая текла в её венах. — Они написали: «Верните её будущее». Значит, они уже видели его. И оно им не понравилось.

Морра, стоявшая у стены, тихо и очень ядовито рассмеялась.

Смех Ноктэри был похож на звон бьющегося хрусталя в пустой комнате.

— Какая трогательная драма, — Морра оттолкнулась от стены и плавной, пугающе текучей походкой подошла к столу. Её чёрные глаза сузились. — Охотница стала проблемой для Цитадели. Совет Теней вежливо просит выставить её за дверь. Каэль, давай не будем усложнять. У нас и так замок стоит на паузе, а в подвале спит древний бог-будильник.

Морра изящно указала длинным когтем на Главные ворота.

— Выброси её. Открой дверь, вышвырни охотницу в стазис, и пусть Цитадель разбирается с ней сама. Они сотрут её, мы вернёмся к нашим привычным катастрофам. Все в выигрыше.

Нериса медленно повернулась к Морре.

Её рука легла на рукоять ритуального кинжала. В застывшем воздухе холла запахло статическим электричеством.

— Я могу вырезать тебе язык прямо сейчас, фея, — процедила Нериса. — И замок даже не заметит.

— Попробуй, кусок алхимического мусора, — Морра обнажила зубы. Тень за её спиной внезапно расширилась, превращаясь в две огромные, рваные проекции крыльев. Воздух вокруг неё стал ледяным. — Я ждала повода распотрошить тебя с того дня, как ты впервые попыталась убить Каэля.

— Хватит, — голос Каэля не был громким.

Но он ударил по ушам так, что обе женщины замерли. В его интонации проскользнуло то самое багровое эхо Ядра, которое заразило его в подземелье.

Он даже не посмотрел на них. Его взгляд был прикован к потолку.

— У нас есть проблема посерьёзнее, чем делёж территории, — сказал он.

Все подняли головы.

Капли крови, вылетающие из отрубленной кисти в ящике, не просто падали на потолок. Они разбивались о старинную штукатурку с влажным стуком, но не впитывались в неё и не разлетались брызгами.

Они ползли.

Кровь Нерисы, вытекающая из её «будущей» руки, вела себя как колония разумных муравьёв. Густые алые струйки медленно, преодолевая сопротивление камня, расползались по потолку, сливаясь в идеальные, геометрически правиль-

ные линии.

Они рисовали.

— Это не просто послание, — прошептал Грум, его глаза расширились до предела. — Это маяк! Каэль, это онтологический контур! Они не просто доставили руку, они прислали червь-программу!

Рисунок на потолке расширялся с чудовищной скоростью. Кровь вычерчивала огромный круг, вписывая в него треугольники и алхимические символы сокрытия и взлома. Те самые руны, которые Архивариусы использовали, чтобы стирать реальность.

Воздух в Главном холле задрожал.

Стазис 4:44, который удерживал замок в безопасности, начал трещать. Пространство внутри кровяного круга на потолке стало менять цвет, выцветая до того самого больного, мёртвого серого оттенка, который Нериса видела в Сан-Рохе.

Цитадель пыталась взломать защиту замка изнутри.

— Она открывает портал! — Морра метнулась к столу, её руки окутались чёрным дымом. — Я сожгу эту дрянь!

Она попыталась обрушить на деревянный ящик столб теневого пламени, но как только её магия приблизилась к отрубленной кисти, руны на ржавых цепях вспыхнули синим. Тень Морры отшвырнуло назад с такой силой, что Ноктэри пролетела через весь холл и с грохотом врезалась в каминную полку, сбив часы.

— Орден Пепла, — сквозь зубы процедила Нериса. — Защита от нечисти. Ваша магия её не коснётся.

Рисунок на потолке был почти завершён. Серое пятно внутри круга начало пульсировать. Оттуда, из этого мёртвого вакуума, послышался звук.

Тихий, сухой шелест. Словно кто-то перелистывал страницы огромной книги. Шелест сопровождался глухим, механическим дыханием.

Архивариусы шли.

Они собирались выйти прямо в Главный холл замка, игнорируя стены, двери и парадокс застывшего времени.

Каэль шагнул к столу. Его правая рука, всё ещё покрытая тонкой, полупрозрачной кожей после недавней регенерации, уплотнилась. Он не использовал магию. Он использовал чистую физическую массу.

Он ударил кулаком прямо по отрубленной кисти, намереваясь размозжить её вместе с ящиком.

Удар, способный пробить танковую броню, обрушился на бархат.

Но ящик даже не дрогнул.

Пространство вокруг кисти исказилось. Рука Каэля отскочила с такой силой, что локтевой сустав хрустнул и вылетел из суставной сумки. Каэль стиснул зубы, схватил свою руку и резким рывком вправил локоть обратно.

— Хладное железо и временной парадокс, — прорычал он. — Она закреплена в будущем. Её нельзя уничтожить физической силой в настоящем.

— Если круг замкнётся, — Грум в панике метался по холлу, — они сотрут нас! Замок застрял! Мы не сможем даже убежать!

Серая воронка на потолке начала вытягиваться вниз, образуя подобие воронки торнадо. Внутри этого праха уже угадывались очертания белых фарфоровых масок и длинных пепельных балахонов.

Нериса смотрела на потолок. Затем на отрубленную кисть на столе.

Кисть продолжала ритмично сжиматься, выталкивая кровь вверх.

«Она закреплена в будущем», — сказал Каэль.

Но она была *её* рукой.

— Отойди, — тихо сказала Нериса.

Каэль посмотрел на неё. Охотница подошла вплотную к столу.

Она не стала использовать алхимию Ордена. Не стала использовать химерные клинки, спрятанные в её предплечьях.

Она подняла свой ритуальный нож — кусок обычного, но закалённого в боях и ритуалах металла.

Она занесла его над отрубленной кистью.

Но вместо того, чтобы ударить по мёртвой плоти в ящике, Нериса положила свою собственную, живую левую руку прямо поверх отрубленной.

Ладонь к ладони. Шрам к шраму. Перстень к перстню.

Её живые пальцы переплелись с бледными, мёртвыми пальцами из будущего.

А затем, с нечеловеческой, глухой яростью, она вогнала ритуальный нож себе в тыльную сторону ладони.

Острое лезвие пробило живую плоть, раздробило кости пясти, прошло насквозь и вонзилось в отрубленную кисть под ней, прибивая обе руки к дубовой столешнице.

Раздался звук, которого в природе не существовало.

Это был визг ломающегося времени.

Отрубленная рука под ладонью Нерисы дико дёрнулась, пытаясь вырваться, но нож пригвоздил её намертво, замкнув цепь между настоящим и будущим.

Из раны Нерисы хлынула её настоящая, горячая кровь. Она залила мёртвую кисть, смешиваясь с той кровью, что текла вверх.

Парадокс был нарушен. Две одинаковые точки пространства и времени соединились через боль.

Рисунок на потолке внезапно вскипел.

Алые линии вспыхнули ярким светом и осыпались вниз чёрным, мёртвым пеплом. Серая воронка судорожно сжалась, издав звук, похожий на подавленный крик боли, и лопнула, не оставив после себя даже следа.

Проход был уничтожен.

Нериса тяжело осела, опираясь свободной рукой о стол. Её лицо было серым. Она не кричала, но её дыхание превратилось в серию коротких, судорожных хрипов.

Живая кисть, прибитая к столу, всё ещё была пробита ножом. Отрубленная рука под ней перестала шевелиться. Кровь больше не текла вверх. Она стала просто куском мёртвого мяса.

Каэль стоял рядом.

Он смотрел на неё сверху вниз. В его чёрных, лишённых белков глазах не было жалости. В них было что-то другое. Глубокое, пугающее понимание.

Он протянул руку и аккуратно, но твёрдо обхватил рукоять ножа, торчащего из её ладони.

— Держись, — коротко сказал он.

Он выдернул клинок одним быстрым, точным движением.

Нериса издала глухой стон, её колени подогнулись, но Каэль подхватил её за плечи, не дав упасть. Он удерживал её,

пока её химерная регенерация не запустила процесс восстановления — разорванные мышцы и кости в ладони начали стягиваться, дымясь и шипя от боли.

Морра медленно поднялась с пола у камина, отряхивая кружева. Она смотрела на Нерису уже без прежней ядовитой насмешки. Взгляд Ноктэри был оценивающим.

— Это было... брутально, — уважительно булькнул Гаш, рассматривая лужу крови на бархате. — Самопожертвование через самонакалывание. Очень в стиле ранней готики.

Грум вытер пот со лба.

— Портал разрушен, — выдохнул тролль. — Она замкнула онтологический контур на себе. Блестяще. Безумно, но блестяще.

Каэль отпустил Нерису, убедившись, что она может стоять сама.

Она прижала раненую руку к груди, тяжело дыша.

— Они не остановятся, — произнесла она, глядя на мёртвую кисть в деревянном ящике. Перстень на её пальце потускнел. — Если они пожертвовали Курьером Ночи и куском моего будущего... значит, Совет Теней боится того, что находится здесь, больше, чем самого конца света.

Каэль медленно обошёл стол.

Он посмотрел на остановившиеся напольные часы. На стёртые картины. На застывший туман за окнами.

Замок был Якорем. Но сейчас он был Якорем, который сорвался с цепи и завис над Бездной, удерживаемый лишь тонкой нитью парадокса.

— Пусть боятся, — голос Каэля стал тихим, но в нём звенела та самая сталь, которая вырезала левиафанов. — Они думают, что могут диктовать условия, угрожая стереть моё прошлое.

Он поднял с пола свой пиджак, который бросил там перед тем, как открыть ворота. Встряхнул его, надел поверх изодранной, пропитанной кровью шёлковой рубашки.

— Проблема Цитадели в том, — Каэль повернулся к ним, и в тусклом свете газовых ламп его идеальное лицо показалось маской, скрывающей нечто абсолютно бесчеловечное, — что у меня нет прошлого, которое я боялся бы потерять.

Он подошёл к столу, взял деревянный ящик с отрубленной рукой и захлопнул крышку.

— Грум.

Тролль вытянулся по стойке смирно, газовый ключ звякнул о пол.

— Да, босс!

— Мне нужно, чтобы ты обошёл все внешние периметры. Проверь каждый клапан, каждую руну защиты на окнах и стенах. Если замок застрял в 4:44, значит, мы находимся в слепой зоне для времени, но не для тех, кто умеет ходить

между секундами. Я хочу, чтобы эта крепость стала герметичной.

— Сделаю, — Грум кивнул, его лицо стало серьёзным. — Но, Каэль... если мы закроемся изнутри, мы не сможем получать ресурсы. А Бруно съедает по сто килограммов мяса в день. Мы сожрём друг друга через месяц.

Каэль не улыбнулся.

— Нам не придётся ждать месяц.

Он посмотрел на Нерису.

— Ты сказала, что они придут за тобой. Ты ошиблась. Они не придут за тобой. Они придут за нами обоими.

Нериса выпрямилась. Рана на её руке почти затянулась, оставив только свежий, розовый шрам, идеально повторяющий форму молнии. Тот самый шрам, который был на отрубленной кисти.

Теперь она поняла, откуда он взялся. Будущее только что вписало себя в её плоть.

— Что мы будем делать? — спросила она.

Каэль подошёл к массивному дубовому буфету, где Малёк хранил ключи от самых старых подвалов замка.

Он снял с крючка длинный, чёрный железный ключ, покрытый ржавчиной. Ключ от Оружейной, которая не откры-

валась с тех пор, как мир ещё помнил имена Первородных.

— Мы будем готовиться, — ответил Каэль, взвешивая ключ на ладони. — Если Совет Теней хочет войну за реальность... мы устроим её прямо в этом холле.

* * *

Ключ повернулся в скважине с таким звуком, будто кто-то с влажным хрустом вправил вывихнутую челюсть.

Это не была обычная дверь. Она находилась в самом конце Западного крыла — в коридоре, который появлялся только тогда, когда хозяин замка точно знал, куда идёт. Стены здесь не были покрыты обоями или гобеленами. Только голый, тёмно-серый базальт, покрытый инеем, хотя температура в замке была комфортной.

Каэль упёрся ладонью в тяжёлое кованое полотно и толкнул.

Дверь Оружейной не просто открылась. Она оторвалась от косяка с тягучим, чавкающим звуком, словно столетиями прирастала к камню живой плотью. Из щели пахнуло таким густым, концентрированным запахом насилия, что Нериса инстинктивно перенесла вес на здоровую ногу и положила ладонь на бедро, где всё ещё пульсировала свежезашитая рана.

Пахло ржавчиной. Оружейным маслом. Озоном. И тем сладковатым, медным душком старой крови, который невоз-

можно вымыть даже хлоркой.

— Добро пожаловать в отдел решения экзистенциальных проблем, — сухо произнёс Каэль, переступая порог.

Свет зажигался сам, по мере их продвижения. Это не были газовые рожки или лампы накаливания. Вдоль стен вспыхивали стеклянные колбы, наполненные густой фосфоресцирующей жидкостью, в которой медленно плавали бледные, слепые организмы. Их биолюминесценция заливала Оружейную мертвенно-бледным, зеленоватым светом.

Оружейная замка не была похожа на средневековый арсенал. Никаких аккуратных стоек с рыцарскими мечами или алебардами.

Это был индустриально-готический кошмар, растянувшийся на площадь хорошего авиационного ангара.

Здесь механика сливалась с биологией. Стеллажи из почерневшего чугуна уходили ввысь на три этажа, переплетённые ржавыми цепями и трубками, по которым капал конденсат. На этих стеллажах покоилось оружие, созданное существами, чьи имена давно выскребли из архивов Цитадели.

Грум, шагнувший следом за Нерисой, издал звук, средний между благоговейным вздохом и паническим всхлипом.

Тролль медленно подошёл к ближайшему стеллажу, где на бархатной подставке покоился массивный, шестиствольный пулемёт. Его стволы были выточены не из металла. Это были

пористые, сероватые кости какого-то гигантского существа, скреплённые почерневшими бронзовыми кольцами.

— Каэль... — Грум дрожащим пальцем указал на пулемётную ленту, которая свисала до пола. Вместо патронов в ней были закреплены крошечные, идеально ровные человеческие зубы, покрытые алхимической гравировкой. — Это что, калибр «мудрости»?

— Это зубы пророков, — Каэль прошёл мимо, не останавливаясь. — При попадании пуля не просто пробивает плоть. Она транслирует в мозг жертвы видение конца света. Враг умирает от разрыва сердца раньше, чем от потери крови. Не трогай, у них срок годности истёк веке в восемнадцатом, могут взорваться экзистенциальным кризисом прямо в руках.

Грум отдёрнул руку так быстро, словно кость была раскалённой.

Морра шла по центральному проходу, брезгливо переступая через толстые кабели, змеящиеся по каменному полу. Её чёрное кружевное платье контрастировало с окружающим металлом и ржавчиной. Ноктэри чувствовала себя здесь неуютно — в Оружейной не было эмоций, которые она могла бы пить. Только застывшая, мёртвая ярость.

— Твоя коллекция всегда казалась мне безвкусной, — бросила Морра, останавливаясь возле стеклянной витрины. Внутри лежал изящный, тонкий клинок, по лезвию которого непрерывно текла капля чёрной жидкости, падая в рукоять и возвращаясь обратно. — Слишком много шума. Слишком

много суеты. Настоящее убийство должно быть тихим.

— Настоящее убийство, Морра, должно быть эффективным, — Каэль остановился у развилки. — Если к нам в дверь стучатся Архивариусы, мне плевать на эстетику. Мне нужна плотность огня.

Нериса не слушала их перепалку. Охотница медленно шла вдоль правого ряда стеллажей. Её глаза, всё ещё периодически вспыхивающие золотом, сканировали арсенал.

Орден Вельсайр гордился своим оружием. У них были клинки, способные разрубить тень, и пули, начинённые пеплом святых.

Но то, что она видела здесь, ломало её представление об охоте.

Она остановилась возле тяжёлого, квадратного револьвера. У него не было барабана. Вместо него в центре оружия пульсировал маленький, заспиртованный в стеклянной колбе живой глаз. Глаз бешено вращался, осматривая Оружейную, а когда Нериса подошла ближе, он уставился прямо на неё, и зрачок сузился от ненависти.

— Оружие охотника должно быть мёртвым, — пробормотала она, чувствуя, как по спине ползёт холодок. — Живое оружие может решить, что ты ему не нравишься.

— Истинная правда! — булькнул Гаш откуда-то слева.

Нериса обернулась. Полумёртвый оборотень стоял воз-

ле стойки с древним холодным оружием и держал в руках огромную шипастую булаву. Булава была ржавой, покрытой засохшей кровью.

— Она говорит, что у меня нет перспектив, — пожаловался Гаш, глядя на шипастый шар. — Говорит, что я гниющий неудачник, который работает охранником у вампира с амнезией.

Нериса прищурилась. Булава действительно издавала тихий, вибрирующий звук, похожий на непрерывный шёпот.

— Положи её на место, Гаш, — крикнул Каэль, сворачивая в левый неф Оружейной. — Это Экзистенциальная булава. Если ты будешь слушать её дольше пяти минут, ты пойдёшь и повесишься. Она бьёт по самооценке сильнее, чем по черепу.

Гаш философски пожал плечами.

— У меня нет шеи, чтобы повеситься, — заметил он, но булаву всё-таки вернул на стойку. Булава разочарованно заскрипела.

Бруно тем временем нашёл что-то в углу. Оборотень с энтузиазмом рылся в деревянном ящике, из которого торчали рукояти мечей. Внезапно он вытащил оттуда нечто, похожее на гранату, сделанную из сшитых вместе кусков человеческой кожи. Граната тихо, мерзко хихикала.

Бруно радостно вильнул облезлым хвостом и сунул гра-

нату в пасть.

— ВЫПЛЮНЬ! — хором заорали Грум и Гаш.

Бруно удивлённо моргнул, разжал челюсти, и хихикающая граната с глухим стуком упала на каменный пол. Раздался громкий хлопок. Граната не взорвалась огнём. Она лопнула, выпустив облако густого розового газа.

Бруно вдохнул газ. Он замер. Его единственный жёлтый глаз остекленел.

Затем огромный мёртвый оборотень медленно сел на пол, обхватил голову передними лапами и тихо, безутешно заскулил.

— Что с ним? — Нериса положила руку на кинжал.

— Это граната глубокой меланхолии, — Каэль устало потёр переносицу, наблюдая, как Бруно раскачивается из стороны в сторону, оплакивая бессмысленность бытия. — Использовалась при подавлении бунтов берсерков в пятом веке. Бруно будет плакать часа два. Оставьте его, пусть рефлексирует. Гаш, проследи, чтобы он не съел что-нибудь из секции биологического оружия, пока он в депрессии.

Каэль отвернулся от них и пошёл дальше.

Оружейная становилась всё темнее. Фосфоресцирующие колбы здесь были разбиты или давно пересохли. Свет сюда проникал только из центрального прохода.

Они готовились к осаде. Совет Теней не просто послал

курьера с угрозой — они попытались взломать пространство замка. Это была разведка боем. И когда они поймут, что маяк уничтожен, они придут физически.

«Замок застрял в 4:44», — подумал Каэль, проходя мимо рядов стоек с длинноствольными ружьями, чьи приклады были вырезаны из позвоночников.

Время остановилось. Воздух за окнами был твёрдым.

Но Архивариусы не подчинялись времени. Они были редакторами реальности. Для них стазис был лишь заблокированным файлом, который нужно было взломать. Они найдут трещину. Они просочатся сквозь застывшие капли дождя во дворе.

Он остановился перед огромным железным шкафом в самом тёмном углу Оружейной.

На его дверцах не было ручек. Не было замка. Только гладкий, почерневший от копоти металл, на котором был выдавлен один-единственный символ — круг, внутри которого пересекались три линии.

Каэль поднял правую руку. Его костяшки всё ещё были покрыты тонкой, розоватой кожей после недавней регенерации. Он прижал ладонь к центру круга.

Металл шкафа нагрелся. Не медленно, а мгновенно.

Каэль не убрал руку, хотя кожа зашипела, и запах горелого мяса ударил в ноздри. Шкаф требовал подтверждения личности через боль. Это был примитивный, но абсолютно надёжный замок.

Спустя пять секунд металл с глухим гулом щёлкнул. Дверцы шкафа медленно разъехались в стороны, выпустив облако ледяного пара, пахнущего жидким азотом и мёртвым пеплом.

Нериса подошла к нему. Она заглянула внутрь и нахмурилась.

Внутри шкафа не было стройных рядов оружия. Не было боеприпасов.

Там стояло всего две вещи.

Слева висел длинный, плотный плащ, сшитый из неизвестной матово-чёрной ткани. Ткань не отражала свет. Она поглощала его. Плащ выглядел так, словно его вырезали из ночного неба в той зоне, где нет звёзд.

А справа, на тяжёлых железных крюках, покоилось оружие.

Это не был меч. И не огнестрел.

Это было массивное, тяжелое двуручное орудие, отдалённо напоминающее гибрид огромного траншейного тесака и промышленной пилы. Лезвие длиной в метр было идеально прямым, тупоконечным, шириной с ладонь. Оно было выко-

вано из того же иссиня-чёрного металла, что и пол в Ядре.

Но главным отличием были зубья.

Вдоль режущей кромки шли не заточенные зубцы, а микроскопические, постоянно движущиеся сегменты, которые перекатывались друг по другу с тихим, агрессивным жужжанием, как гусеницы танка. Металл тёрся о металл, создавая звук, от которого вибрировали пломбы в зубах.

— Что это? — тихо спросила Нериса. Её инстинкты охотницы кричали, что эта вещь не просто опасна. Эта вещь была противоестественна.

— Это «Редактор», — ответил Каэль, снимая чёрный плащ с вешалки. Он набросил его на плечи поверх своей изодранной рубашки. Плащ лёг идеально, окутав его фигуру мраком, который словно впитывал свет зелёных колб вокруг. — Архивариусы стирают реальность. Они превращают материю в серый прах. Обычным оружием их не убить, потому что они стирают само понятие клинка или пули до того, как те коснутся их тел.

Каэль протянул руку и снял тяжёлый тесак с железных крюков. Орудие весило не меньше сорока килограммов, но он держал его одной рукой, словно это была трость.

— «Редактор» не режет плоть, Нериса. Он режет причинно-следственные связи. Если я ударю им Архивариуса, он не просто умрёт. Он будет забыт собственной системой.

Он нажал на скрытый рычаг на рукояти.

Жужжание сегментов на кромке лезвия превратилось в оглушительный визг. Металл раскалился докрасна, но не от температуры, а от онтологического трения. Пространство вокруг лезвия исказилось, пошло рябью, как раскалённый воздух над асфальтом.

— Мне нравится, — раздался голос Грума.

Тролль стоял позади них. Он вооружился.

На плече Грума покоилась гигантская, сваренная из труб и компрессоров пушка, соединённая толстым шлангом с баллоном на его спине. Баллон был наполнен густой, булькающей зелёной жижей, внутри которой плавали чьи-то перепончатые крылья.

— Что это, Грум? — Каэль выключил «Редактор», и визг лезвия стих.

— Это алхимический огнемёт на базе концентрированного желудочного сока пустынных химер, — Грум с любовью похлопал по ржавому баллону. — Если я не могу сжечь Архивариусов огнём, я их растворю. И пусть они попробуют стереть кислоту, которая растворяет само понятие стирания! Я читал мануалы!

Нериса покачала головой.

— Твоя кислота не поможет, если они остановят тебе

сердце взглядом. Мне нужно что-то быстрое. Что-то, что не использует магию. У вас есть в этом ангаре нормальное кинетическое оружие, которое не питается слезами сирот?

Каэль повернулся к ней.

— Шестой ряд. Металлические контейнеры. Там лежат «Гвоздодёры».

Нериса вопросительно подняла бровь.

— Охотники Ордена Пепла оставили их здесь после неудачного штурма замка в прошлом веке, — пояснил Каэль, проходя мимо неё к выходу. — Это парные крупнокалиберные пистолеты-пулемёты. Стреляют вольфрамовыми иглами, покрытыми пеплом. Скорострельность две тысячи выстрелов в минуту. Отдача такая, что отрывает человеку руки. Но с твоей химерной биологией ты справишься.

Нериса кивнула. Она развернулась и пошла к шестому ряду, её шаги были быстрыми и чёткими.

Каэль остановился. Он посмотрел на Морру, которая всё это время стояла в тени, не притронувшись ни к одному клинку.

— А ты? — спросил он. — Не хочешь выбрать себе что-нибудь? У нас есть кинжалы из застывшей тени.

Морра подняла на него свои абсолютно чёрные глаза. На её тонких губах заиграла саркастичная, злая улыбка.

— Мне не нужно оружие, Каэль, — она подняла руки.

Воздух вокруг её пальцев мгновенно потемнел, свет начал втягиваться в её ладони, словно в две миниатюрные чёрные дыры. Тонкие, рваные крылья из дыма развернулись за её спиной, царапая чугунные стеллажи. — Если Архивариусы хотят зайти в мой дом и испортить мой ковёр... я буду драться грязными методами. Я выпью их страх, прежде чем ты отрежешь им головы.

Каэль кивнул.

Его правая рука сжимала рукоять «Редактора». Чёрный плащ поглощал свет.

Они были готовы.

Какими бы уставшими, изломанными и сумасшедшими они ни были, это был их замок.

Внезапно замок содрогнулся.

Это был не звук падающей пыли. И не удар снаружи.

Это был глубокий, вибрирующий гул, пришедший сверху. Со стороны Главных ворот.

Каэль резко поднял голову.

— Стазис, — произнёс он.

В следующее мгновение звук повторился. Громче. Отчётливее.

Это был звук ломающегося стекла. Тысячи, миллионы хрустальных осколков сыпались на брусчатку.

Время во дворе замка начало двигаться.

Капли дождя, которые висели в воздухе, рухнули вниз все одновременно.

— Они пробили купол, — процедила Нериса, возвращаясь из шестого ряда. В её руках тяжело блестели два массивных, квадратных пистолета-пулемёта из воронёной стали, к которым тянулись барабанные магазины. Она с лязгом передёрнула затворы. — Они здесь.

Каэль не стал отвечать. Он развернулся и побежал к выходу из Оружейной, тяжело опираясь на инерцию своего нового оружия. Плащ развевался за ним, как крылья демона.

За ними бежали Грум с булькающим огнемётом, Нериса с пушками и Гаш, который тащил за шкирку всё ещё всхлипывающего от экзистенциальной грусти Бруно.

Когда они выскочили на винтовую лестницу и взлетели на первый этаж, в Главный холл, они увидели это.

Тяжёлые, дубовые створы Главных ворот больше не были заперты.

Их не выломали. Не взорвали.

Они просто отсутствовали.

На том месте, где секунду назад были многотонные желез-

ные петли и дубовые доски, теперь зиял идеально ровный, прямоугольный проём, вырезанный из реальности.

А на пороге, под проливным, ледяным дождём, который снова обрушился на замковый двор, стояли они.

Пятеро.

Высокие, неестественно худые фигуры, закутанные в длинные, промокшие серые балахоны. Их лиц не было видно — они были скрыты за абсолютно гладкими, белыми фарфоровыми масками, на которых не было ни прорезей для глаз, ни рта.

Только одна-единственная вертикальная линия, идущая от лба к подбородку. Словно трещина в мироздании.

Архивариусы Цитадели пришли стирать.

* * *

Дождь за порогом был ледяным, настоящим.

Но как только капли пересекали невидимую границу того места, где секунду назад находились дубовые створы ворот, они менялись. Вода теряла свою прозрачность. Она серела, высыхала прямо в полёте и осыпалась на мраморный пол Главного холла невесомым пеплом.

Архивариусы не переступали порог.

Они просто оказались внутри.

Не было ни шага, ни переноса веса. Пространство само скорректировало свои координаты, чтобы пятеро в серых промокших балахонах сместились на три метра вглубь замка. Их идеально гладкие белые маски с одной вертикальной трещиной были обращены к Каэлю. У них не было глаз, но ощущение сканирующего, препарирующего взгляда было физически тошнотворным.

— Они не дышат, — хрипло произнесла Нериса. Её золотые глаза сузились, отслеживая малейшие колебания воздуха вокруг серых фигур.

— Они не живут, — Каэль поудобнее перехватил рукоять «Редактора». Мотор внутри чёрного тесака гудел, передавая вибрацию в искалеченную, покрытую свежей кожей кисть. — Они функции. А функции можно отменить.

Архивариус, стоящий в центре клина, медленно поднял руку.

Из-под широкого серого рукава показалась кисть. Она была обтянута кожей, которая выглядела как старая, пожелтевшая бумага. Длинные, неестественно тонкие пальцы сложились в сложный геометрический жест.

Воздух вокруг него пошёл рябью.

Нериса не стала ждать, пока они закончат загрузку своего онтологического кода.

Она вскинула оба «Гвоздодёра». Оружие Ордена Пепла было слишком тяжёлым для обычного человека, но химерные мышцы в её руках вздулись, удерживая массивные стальные квадраты параллельно полу.

Она нажала на спусковые крючки.

Звук был таким, словно в закрытом помещении включили две промышленные циркулярные пилы. Оглушительный, непрерывный рёв. Гильзы водопадом брызнули на персидский ковёр, звеня по мрамору. Вольфрамовые иглы, покрытые серым пеплом, вылетали из стволов со скоростью две тысячи в минуту. Обычного монстра такой шквал разорвал бы на кровавый туман за две секунды.

Иглы летели прямо в грудь центральному Архивариусу.

Но они не долетали.

В метре от серого балахона иглы просто исчезали. Не отскакивали, не расплющивались о невидимый щит. Они переставали существовать. Траектория их полёта обрывалась в пустоту. Звук попадания стирался.

Но Архивариусы не учли одного. Иглы были физическими объектами, но пепел Ордена Пепла на них нёс в себе фанатичную веру тысяч сожжённых существ. Вера — это концепция. А стирать чужие концепции сложнее, чем металл.

Серая аура вокруг Архивариуса вспыхнула тусклыми искрами. Стирание каждой иглы требовало от него микросе-

кунды вычислительной мощности. Шквал из тысяч пуль перегрузил зону его защиты.

Воздух перед ним почернел, как перегретая киноплёнка. Архивариус дёрнулся. Его рука опустилась, жест был прерван.

— ЖРИТЕ КИСЛОТНОСТЬ! — заорал Грум.

Тролль выскочил из-за спины Нерисы. Он нажал на гашетку своей трубы, упираясь гигантскими ногами в пол.

Толстый шланг на его спине дернулся. Из раструба алхимического огнемёта с омерзительным бульканьем вырвалась струя густой, кипящей зелёной жижи. Запахло так, будто кто-то вскрыл гниющий желудок химеры и поджёг его.

Струя ударила в крайнего левого Архивариуса.

Произошёл парадокс.

Система Архивариуса попыталась стереть жидкость, переводя её в серый прах. Но кислота Грума была создана для того, чтобы растворять саму реальность.

Две невозможные силы столкнулись. Воздух в месте контакта взорвался калейдоскопом битых пикселей. Пространство начало мигать ядовито-розовым, чёрным и зелёным цветом, издавая звук, похожий на крик модема.

Архивариус зашатался. Зелёная слизь пробила брешь в его защите и попала прямо на белую фарфоровую маску.

Фарфор зашипел. Он не начал плавиться, как пластик. Он начал расплываться, как мокрый текст на странице.

Архивариус поднял руки к лицу. Из-под растворяющейся маски не показалось черепа или плоти. Там была лишь слепящая, пульсирующая белизна пустого листа. Тварь издала тихий шелест и рухнула на колени, пытаясь собрать своё лицо обратно руками, но её пальцы тоже начали растворяться в кислоте.

— МИНУС ОДИН КАНЦЕЛЯРСКИЙ УБЛЮДОК! — торжествующе взревел Грум.

Но его радость была недолгой.

Оставшиеся четверо сменили тактику. Они поняли, что дальний бой и прямое противостояние с нестабильной материей работают против них. Они шагнули вперёд.

Они двигались с пугающей, механической синхронностью.

Каэль нажал на рычаг рукояти «Редактора».

Гусеница из микроскопических сегментов на лезвии взвыла, размываясь от скорости. Металл раскалился до тусклого вишнёвого цвета.

Он рванулся навстречу ближайшему Архивариусу.

Чёрный плащ взметнулся за его спиной. Каэль не пытался

быть изящным. Он вложил в удар весь вес своего тела, усилив мышцы спины и плеча дополнительной костной массой.

Он обрушил «Редактор» сверху вниз, целясь в плечо серой фигуры.

Архивариус даже не попытался уклониться. Он просто повернулся к Каэлю и выставил навстречу удару открытую ладонь.

«Редактор» врезался в ладонь.

Раздался звук, от которого у Нерисы лопнул капилляр в глазу, а Грум с визгом зажал длинные уши. Это был скрежет онтологического трения.

Лезвие, режущее реальность, пыталось пробиться сквозь барьер существа, которое эту реальность стирало.

Искры, вылетающие из-под лезвия, не были огненными. Они были кусками воспоминаний.

В воздухе на долю секунды вспыхивали чужие голоса, обрывки исчезнувших городов, крики тех, кого Цитадель давно стёрла из истории.

Каэль почувствовал, как отдача бьёт ему в плечо с силой несущегося поезда. Кости предплечья заскрипели, готовые снова сломаться.

Но страшнее была не физическая отдача.

Холод.

Серый прах с ладони Архивариуса начал ползти вверх по лезвию «Редактора». Он перекинулся на чёрный металл, затем на рукоять, и впился в пальцы Каэля.

Плоть на его кисти начала становиться двухмерной. Цвет исчезал. Каэль чувствовал, как кусок его собственной воли просто испаряется. Он начал забывать, зачем держит это оружие. Мысли становились вязкими, серыми.

Сдайся. Тебя нет. — голос прозвучал не в ушах. Он прозвучал в самом фундаменте его разума.

— Я есть, — прохрипел Каэль. Его чёрные глаза вспыхнули ровным, агрессивным багровым светом — светом Ядра, которое заразило его в подземелье.

Он не стал отдёргивать руку. Вместо этого он приказал своей крови атаковать.

Вампирская кровь, густая, как дёготь, смешанная с машинным кодом матрицы, хлынула в отмирающие серые клетки его кисти. Она не просто регенерировала ткань — она начала агрессивно жрать серый прах.

Плоть на его руке вскипела, покрываясь чёрными, пульсирующими язвами, но объём и цвет вернулись.

Каэль издал глухой рык, продавил сопротивление и всем весом навалился на тесак.

«Редактор» прорезал ладонь Архивариуса.

Лезвие со скрежетом вошло в серое плечо, перерубая не ключицу, а саму структуру его существования.

Из разрубленной раны брызнула не кровь. Оттуда ударил поток белого статического шума, похожего на свет сломанного телевизора.

Архивариус забился в конвульсиях. Его фигура начала расслаиваться, раздваиваться на сотни полупрозрачных копий, которые кричали без звука. Спустя секунду серая мантия просто рухнула на пол, пустая.

Каэль выдернул «Редактор», тяжело дыша. Его правая рука до локтя выглядела так, словно её обварили в кислоте, а затем пропустили через мясорубку.

Оставалось трое.

И они поняли, что совершили ошибку.

Архивариусы отступили на шаг. Они больше не пытались атаковать поодиночке.

Они протянули друг другу руки, сплетая свои бумажные, сухие пальцы. Три серые фигуры образовали идеальный треугольник.

— Они синхронизируются! — Нериса выбросила пустые магазины «Гвоздодёров» с лязгом на мрамор и с бешеной скоростью вогнала новые. — Они готовят массовое стирание!

В дальнем углу холла, куда отступили Гаш и Бруно, раздался громкий, протяжный вой.

Это был Бруно.

Газ глубокой меланхолии действовал на его мёртвый мозг с чудовищной силой. Огромный оборотень сидел на задних лапах, раскачиваясь и роняя гигантские слёзы, которые прожигали дыры в ковре.

— Мы все просто куски гниющего мяса! — булькающе завыл Бруно. — Зачем мы дерёмся?! Мы даже не помним, как пахнет солнце! Всё тлен! Мы лишь мусор на обочине вечности!

Гаш стоял рядом, задумчиво почёсывая свою металлическую челюсть.

— У него кризис, — сообщил Гаш в пустоту. — Обычно я даю ему кость, но сейчас он говорит, что кости — это символ неизбежности конца.

Треугольник Архивариусов начал пульсировать.

Пространство внутри треугольника стало абсолютно чёрным. Не тьмой, а полным отсутствием света. Из этого провала начал распространяться звук. Это был не голос. Это была непрерывная, низкочастотная вибрация, которая стирала цвета.

Волна пошла по холлу.

Мраморный пол под ногами начал терять текстуру, становясь просто гладким белым пятном. Картины на стенах, которые уже были стёрты, начали терять даже рамы — позолоченное дерево превращалось в карандашный набросок и исчезало.

Стирание двигалось к ним. Медленно, как прилив.

Грум нажал на гашетку огнемёта, но струя кислоты, едва покинув раструб, просто испарилась, не долетев до треугольника. Нериса открыла шквальный огонь, но её иглы исчезали в метре от зоны поражения.

— Масса недостаточна! — заорал Грум, пятясь назад, к лестнице. — Они вырезают целый кусок реальности! Если мы попадём в волну, нас просто удалит!

Морра, стоявшая ближе всех к зоне стирания, внезапно рассмеялась.

Она не стала отступать. Ноктэри сделала шаг вперёд, прямо навстречу надвигающейся серой волне. Её кружевное платье начало выцветать, края ткани становились плоскими и растворялись в воздухе.

— Вы смеете, — прошипела Морра. Её голос больше не был человеческим. Он звучал, как тысячи шепотков из-под кровати. — Вы смеете приходить в мой дом. И стирать мои вещи.

Её глаза, чёрные провалы, вспыхнули.

Морра не пыталась использовать магию разрушения. Она

использовала свою природу. Она питалась эмоциями. Архивариусы не имели эмоций — у них не было ни страха, ни боли, ни сомнений. Они были пустыми.

И Морра решила, что если в них нет страха, она зальёт его в них насильно.

Она раскинула руки. Её теневые крылья, уже наполовину стёртые, внезапно выросли до колоссальных размеров, закрывая собой половину Главного холла. Тьма хлынула из неё, плотная, липкая, пропитанная тысячелетиями чужих кошмаров, которые замок накопил в своих стенах.

Морра ударила этой тьмой прямо в разум Архивариусов.

Волна чистого, нефильтрованного, концентрированного ужаса врезалась в их идеальную математическую пустоту.

Архивариусы, чьи системы не были рассчитаны на обработку человеческого или монструозного страха, захлебнулись.

Это было похоже на то, как если бы в идеальный вычислительный сервер залили сотни литров гниющей крови. Их треугольник дрогнул.

Серая волна стирания остановилась в полуметре от Нерисы.

Один из Архивариусов издал звук — высокий, дребезжащий визг, похожий на крик принтера, жующего бумагу. Его руки разорвали цепь. Треугольник распался.

Морра рухнула на колени, тяжело дыша. Её крылья исчез-

ли. Она потратила всё, что у неё было, чтобы пробить их щиты.

— Сейчас! — выдохнула она, выплёвывая чёрную кровь на побледневший мрамор.

Каэлю не нужно было повторять дважды.

Он рванулся вперёд, пока их защита была снята. «Редактор» взвыл, его зубья превратились в размытую полосу раскалённого света.

Первый Архивариус, всё ещё дезориентированный чужеродной эмоцией страха, попытался поднять руки. Каэль не стал бить его лезвием. Он с размаху врезался в него плечом, сбивая с ног, и одновременно рубанул второго, перечеркнув его по диагонали от ключицы до бедра.

Второй Архивариус лопнул облаком белого шума, залив пол статикой, которая начала с шипением прожигать мрамор.

Третий, последний из тех, кто держал круг, попытался сбежать. Он не побежал к вырезанному входу. Он просто попытался раствориться в воздухе, активировав протокол экстренного выхода из слоя реальности.

Его ноги уже стали полупрозрачными.

— Куда?! — раздался булькающий вопль с другого конца зала.

Это был Гаш.

Полумёртвый оборотень, которому надоело слушать ны-

тьё брата, решил вмешаться. Он схватил массивный серебряный канделябр, который весил не меньше двадцати килограммов, и метнул его через весь холл с силой осадной катапульты.

Канделябр просвистел в воздухе и врезался точно в спину исчезающего Архивариуса.

Удар кинетической массы нарушил концентрацию серой фигуры. Архивариус споткнулся, его протокол выхода сорвался, выбросив его обратно в физический мир. Он упал на мрамор, раскинув сухие, бумажные руки.

Каэль шагнул к нему.

Он наступил ботинком прямо на спину существа в сером балахоне. Хрустнуло так, словно он наступил на пачку сухих макарон.

Архивариус забился, пытаясь вывернуться. Он повернул к Каэлю свою белую фарфоровую маску с единственной трещиной посередине.

Каэль поднял «Редактор». Жужжание лезвия отражалось от стен холла, напоминая гул голодного роя.

— Вы оставили здесь свою посылку, — холодно произнёс Каэль, глядя в пустую трещину маски. — И испортили мой ковёр.

Он обрушил тесак прямо на белую маску.

Лезвие пробило фарфор, расколов его на две части, и

ушло глубоко в пол, перерубая шею существа.

Визг рвущейся реальности ударил по барабанным перепонкам. Из расколотой маски не брызнула статика. Оттуда хлынул чёрный, густой дым, пахнущий жжёной бумагой и чернилами. Дым извивался, пытаясь сформировать какие-то слова или крики, но Каэль придавил его ногой, пока он полностью не растворился в воздухе.

Последний Архивариус исчез. Стирание было отменено.

В Главном холле повисла тяжёлая, звенящая тишина.

Только тихое шипение кислоты из огнемёта Грума и всхлипывания Бруно, который всё ещё оплакивал тщетность бытия в углу.

Каэль выключил «Редактор». Визг гусеницы стих, металл начал медленно остывать, возвращая свой иссиня-чёрный цвет. Он тяжело опустил тесак на пол. Его измученное тело, перенёсшее матрицу Ядра, онтологическое трение и штурм, начало давать сбои. Мышцы дрожали.

Нериса опустила «Гвоздодёры». От стволов шёл густой дым. Она сделала несколько шагов к центру холла, оглядывая последствия.

Мрамор под ногами во многих местах стал плоским, матово-белым, лишившись текстуры. Треть Главного холла выглядела так, словно её не дорисовали в компьютерной программе.

Морра медленно поднялась с пола, опираясь о стену. Её губы были испачканы чёрной кровью, лицо было бледнее обычного.

Она посмотрела на Каэля, затем на то место, где исчез последний Архивариус.

— Пятеро, — выдохнула Морра. — Они прислали пятерых стирателей высшего уровня. Совет Теней действительно в панике.

— Они не справились, — Грум подошёл ближе, нервно озираясь по сторонам. — Мы убили концепцию! Мы стёрли стирателей! Мы нарушили правила мира! Вы понимаете, что теперь будет?!

— Знаю, — голос Каэля был тихим.

Он подошёл к вырезанному прямоугольнику, где раньше были Главные ворота.

Дождь снаружи всё ещё висел в воздухе. Стазис 4:44 никуда не делся. Остановка времени продолжала удерживать внешний мир, пока Ядро замка находилось в критическом состоянии.

Каэль смотрел на застывшие капли, на серый, неподвижный туман над брусчаткой.

— Они думают, что это они заперли нас здесь, — произнёс Каэль. Он поднял свою искромсанную правую руку и вытер кровь со скулы. — Они думают, что угрозами и курьера-

ми могут заставить нас вернуть Нерису или сдаться.

Он повернулся к ним. В тусклом свете газовых рожков его лицо было маской из крови, копоти и абсолютного, холодного расчёта.

— Грум.

Тролль дёрнулся.

— Да?

— Сколько времени займёт перенастройка внутренней механики замка на автономный режим? Если мы отрежем все внешние физические связи с Кито.

Грум нахмурился, его инженерный мозг начал работать, подавляя панику.

— Если закрыть пространственные шлюзы, перевести котлы на внутреннюю тягу и отключить внешнюю гидросистему... часов десять. Но зачем? Замок станет герметичным карманом. Своего рода осаждённой подлодкой в океане застывшего времени. Мы не сможем выйти.

— Нам не нужно выходить, — Каэль подошёл к столу, на котором всё ещё лежал деревянный ящик с отрубленной рукой, прибитой к столешнице ритуальным ножом Нерисы.

Он посмотрел на Нерису.

— Если Совет Теней хочет вырезать куски мира, чтобы добраться до нас, мы не будем отсиживаться в обороне. Мы

перевернём доску.

— Что ты задумал, Каэль? — Нериса сделала шаг к нему. Её золотые глаза сузились.

Каэль положил руку на рукоять «Редактора».

— Я собираюсь спуститься обратно в Бездну. В Ядро. Но в этот раз я не буду сопротивляться матрице. Я подключусь к ней добровольно. И если моя кровь может питать эту машину... я использую её, чтобы стереть саму Цитадель из реальности, прежде чем они сотрут нас.

В холле стало так тихо, что было слышно, как Гаш уронил кусок трубы.

Бруно перестал плакать, уставившись на Каэля с выражением искреннего, собачьего непонимания.

Морра побледнела ещё сильнее.

— Ты сошёл с ума, — прошептала она. — Ты не сможешь контролировать форматирование. Это уничтожит твой разум. Ты станешь просто шестернёй.

Каэль медленно обвёл их всех взглядом.

— Тогда, — сказал он, и на его губах появилась кривая, пугающая улыбка, — вам придётся убедиться, что я не сойду с ума.

Он поднял тесак на плечо.

— Грум. Готовь лифт. Мы спускаемся. Снова.

* * *

Клац.

Клац.

КЛАЦ.

Звук поворачиваемых механизмов эхом разносился по Главному холлу, забиваясь в углы, отскакивая от стёртых картин и разбитого мрамора.

Грум работал. Тролль больше не паниковал. Истерика уступила место холодному, маниакальному инженерному трансу. Он носился по холлу, срывая гобелены и вскрывая скрытые в каменных стенах панели. За каждой панелью находились рычаги. Огромные, чугунные, покрытые вековой ржавчиной.

— Гидравлика внешнего контура отключена! — проревел Грум, повиснув всем своим гигантским весом на очередном рычаге. Внутри стен раздался звук, похожий на стон умирающего кита. — Отвожу воду из подвалов в резервные цистерны!

Каэль стоял у длинного дубового стола, наблюдая, как его дом превращается в саркофаг.

— Закрывай окна, — приказал он.

Грум подбежал к огромному камину, сунул руку прямо в остывшую золу и дёрнул скрытую цепь.

Замок вздрогнул.

Сверху, из скрытых пазов над высокими стрельчатыми окнами, с оглушительным скрежетом поползли вниз свинцовые плиты. Это были не просто ставни. Это были гермозатворы толщиной в ладонь, испещрённые защитными рунами и алхимическими печатями.

Свинец медленно перекрывал вид на замковый двор. Застывший в воздухе дождь. Серое, мёртвое небо стазиса.

С громким, тяжёлым ударом плиты врезались в подоконники. Замки лязгнули, намертво блокируя засовы.

Последний луч естественного — пусть и мёртвого — света исчез.

Главный холл погрузился в полумрак, освещаемый лишь шипящими газовыми рожками. Воздух мгновенно стал спёртым. Ощущение изоляции обрушилось на плечи физическим весом. Замок перестал быть зданием на вершине горы. Он стал подводной лодкой, опустившейся на дно Марианской впадины, где вместо воды — остановившееся время.

— Герметизация завершена, — Грум вытер грязный лоб тыльной стороной ладони. — Мы отрезаны от Кито. От ми-

ра. От всего. Если Совет Теней захочет войти сейчас, им придётся пробивать свинцовый панцирь, пропитанный кровью троллей и антимагией. Это займёт у них время.

— Времени не существует, — философски заметил Гаш из тёмного угла. Он сидел на полу, полируя свой костяной коготь куском оторванного Архивариусом серого балахона. — Оно стоит на 4:44. Значит, у них есть вечность, чтобы стучаться, а у нас есть вечность, чтобы не открывать. Это идеальный баланс пассивной агрессии.

Бруно, который наконец-то перестал плакать от газа меланхолии, лениво почесал за ухом.

— Я хочу есть, — сообщил он, глядя на Малёка.

Малёк не обратил на него внимания. Карликовый циклоп семенил через зал, прижимая к груди трёхлитровую стеклянную банку.

Он подошёл к дубовому столу, где всё ещё лежал деревянный ящик с отрубленной рукой, прибитой ритуальным ножом.

Нериса стояла рядом. Она баюкала свою собственную, зашитую ладонь, глядя на мёртвую кисть с тошнотворным фатализмом.

Малёк поставил банку на стол. Внутри плескалась мутная желтоватая жидкость.

— Раствор формалина, уксуса и экстракта болотной полыни, — деловито сообщил циклоп, откручивая жестяную крышку. — Если мы оставим её просто так, она протухнет. А гниющее мясо из будущего может привлечь хроно-мух. Вы же не хотите, чтобы у нас по дому летали мухи, которые откладывают личинки во вчерашний день?

Нериса медленно перевела на него взгляд.

— Ты хочешь замариновать кусок меня?

— Я хочу сохранить вещественное доказательство! — Малёк аккуратно, двумя пальцами в резиновых перчатках, взялся за рукоять ножа, торчащего из стола, и выдернул его.

Мёртвая рука даже не дёрнулась.

Циклоп ловко подхватил отрубленную кисть за запястье и опустил её в банку. Жидкость с бульканьем сомкнулась над бледными пальцами. Платиновый перстень с полумесяцем стукнулся о стекло. Малёк плотно закрутил крышку и с удовлетворением похлопал по ней.

— Вот так, — улыбнулся он. — Теперь она может храниться хоть двести лет. Идеально для интерьера.

Нериса закрыла глаза. Она глубоко вдохнула спёртый воздух, пытаясь успокоить сердцебиение.

— Я в сумасшедшем доме, — прошептала она. — Это просто грёбаный сумасшедший дом, который летит в про-

пасть.

Каэль не ответил.

Он отошёл к дальней стене холла, где стоял массивный серебряный таз для умывания, вмонтированный в мраморную чашу.

Он открыл кран. Потекла вода — ржавая, холодная.

Каэль склонился над тазом, подставив под ледяную струю израненные руки. Вода мгновенно окрасилась в чёрный цвет, смывая копоть, машинное масло и пепел стёртых Архивариусов.

Он плеснул водой в лицо.

Холод обжёг кожу, но не принёс ясности. Внутри его головы всё ещё звучал тот самый механический ритм. Ть-тух. Ть-тух. Код матрицы въелся в его нейроны. Он чувствовал, как его вампирская кровь каждую секунду борется с этим машинным вирусом, пытаясь переварить его, адаптировать, сделать частью себя.

Каэль поднял голову и посмотрел в старинное, покрытое патиной зеркало над чашей.

Его лицо было бледным. Черты заострились, став ещё более хищными, нечеловеческими.

Но главное — это глаза.

Они больше не были просто чёрными провалами. Глубоко внутри, на самом дне зрачков, медленно пульсировали багровые искры. Свет Ядра. Он забрал его с собой. Он стал носителем программы форматирования.

Сзади неслышно подошла Морра.

Она не стала отражаться в зеркале — Ноктэри не имели отражений, если сами того не желали. Она просто появилась за его плечом, как тень, отделившаяся от стены.

— Ты изменился, — тихо сказала Морра.

Каэль закрыл кран. Чёрная вода с бульканьем ушла в сток.

— Я инфицирован, Морра. Ядро загрузило в меня базовые протоколы.

— И что они говорят? — она склонила голову набок, её пустые глаза изучающе скользнули по его напряжённой спине.

— Они говорят, что мир неисправен, — Каэль потянулся за льняным полотенцем, вытирая руки. — Они говорят, что аномалии, Архивариусы, Совет Теней — это всё баги. Мусор. И чтобы система работала нормально, мусор нужно удалить.

Он повернулся к ней.

— Знаешь, в чём ирония? Система права.

Морра шагнула к нему вплотную. Она была намного ни-

же его, но сейчас от неё исходило ощущение такой плотной, тяжёлой опасности, что даже воздух вокруг стал морозным.

— Не смей, — прошипела она. Её когтистая рука легла ему на грудь, прямо туда, где билось сердце. Острые ногти прорвали шёлк изорванной рубашки, впиваясь в бледную кожу до крови. — Не смей позволять этой машине думать за тебя. Ты — Каэль. Ты существо, которое пьёт джин, саркастично комментирует конец света и терпит мои истерики. Если ты превратишься в бездушный механизм очистки... я сама вырву твоё сердце.

Каэль посмотрел на её когти, протыкающие его плоть. Боли он почти не чувствовал.

Он накрыл её руку своей.

— Я не собираюсь становиться механизмом, Морра. Я собираюсь стать вирусом, который сожрёт этот механизм изнутри.

Она смотрела на него несколько секунд, не отрываясь. Затем её лицо медленно расслабилось. Когти втянулись, оставив на его груди пять кровоточащих точек.

Морра сунула руку в глубокий карман своего кружевного платья.

Она достала оттуда ту самую перламутровую шкатулку из лунного дерева. Ту самую, из-за которой всё началось. Из-за которой они спустились в океан, нашли Ядро и запустили

этот парадокс.

Она протянула шкатулку ему.

— Возьми, — сухо приказала Морра.

Каэль изогнул бровь.

— Зачем мне твои сушёные фиалки?

— Это якорь, придурок, — она раздражённо всунула деревянную коробку ему в руки. — Там, внизу, когда ты снова подключишься к матрице, эта штука начнёт стирать твою память. Твою личность. Она начнёт удалять всё, что делает тебя тобой. Тебе нужна вещь. Физический, осязаемый предмет, который не имеет никакого математического или логического смысла. Предмет, который существует только ради эмоции. Держи её в руке. Не отпускай. Пока ты помнишь, зачем она тебе нужна, система не сможет тебя отформатировать.

Каэль посмотрел на гладкий перламутр крышки.

Скрытая нежность Морры всегда принимала формы агрессивного диктата.

Он кивнул и убрал шкатулку во внутренний карман своего тяжёлого чёрного плаща.

— Спасибо.

— Если ты потеряешь её, я убью тебя, — буднично пообещала она.

Каэль повернулся к центру зала.

Нериса стояла возле Грума, проверяя обоймы «Гвоздодёров». Тролль нервно подкручивал вентили на своём алхимическом огнемёте.

— Грум, — Каэль пересёк холл. — Лифт.

Тролль вздрогнул.

— Каэль... шахта была запечатана Ядром. Стены схлопнулись. Мы не можем спуститься.

— Ядро запечатало шахту, чтобы изолировать систему, — Каэль поправил воротник плаща. — Но я несу в себе часть её кода. Если я прикоснусь к камню, он откроется. Он пропустит меня.

— И ты собираешься пойти туда один? — Нериса шагнула вперёд. Её глаза горели вызовом.

— Я собираюсь пойти туда один, — ровно ответил он. — Моя кровь — это интерфейс. Если кто-то из вас окажется рядом, когда я замкну цепь, система воспримет вас как биомусор и расщепит на атомы до того, как я смогу взять её под контроль.

— А если ты не сможешь взять её под контроль? — охотница не отступала. — Если она тебя сожрёт? Что тогда?

Каэль остановился напротив неё.

Он был выше. Шире в плечах. Он смотрел на неё сверху вниз, и в этот момент Нериса вдруг остро, до дрожи в костях,

осознала, насколько он чудовищен. Он выглядел как человек, но человеком не был.

— Если она меня сожрёт, Нериса, — тихо произнёс он, — то время за окном снова начнёт двигаться. Замок перестанет быть щитом. И Совет Теней войдёт в эти двери.

Он указал на банку с её замаринованной рукой.

— Но пока я там внизу... у них нет власти над вашим будущим.

Он не стал дожидаться её ответа. Каэль развернулся и направился к служебной лестнице, ведущей в подземелья.

Грум семенил следом, таща на плече моток толстой стальной цепи.

— Раз лифта нет, — бормотал тролль, — я закреплю эту цепь на главной лебёдке второго уровня. Ты спустишься по ней до того места, где начинается Ядро. Это километры, Каэль. Руки сотрёшь до костей.

— Отращу новые, — коротко ответил Каэль, скрываясь во мраке лестничного пролёта.

Спуск на второй технический уровень занял десять минут.

Здесь всё было так же, как они оставили. Ржавые трубы, тяжёлый запах озона и крови. И монолитный, идеально ровный каменный пол на том месте, где раньше зияла шахта «Гробовщика».

Грум подошёл к массивному паровому крану, привязал к нему конец толстой якорной цепи и затянул узел, который мог бы выдержать вес товарного поезда.

Каэль подошёл к каменному монолиту на полу.

Он опустился на одно колено. Снял с руки перчатку, которую Грум дал ему для спуска.

Он прижал голую ладонь к холодному серому камню.

Закрыл глаза.

И позволил багровому свету внутри себя выйти наружу.

Это не было похоже на заклинание. Это был машинный приказ.

Кровь в его венах завибрировала. Камень под его ладонью отозвался.

С оглушительным, скрежещущим звуком, похожим на стон раскалывающейся горы, пол начал расходиться. Камень не ломался — он раздвигался, плавясь по краям, превращаясь в густую, серую слизь, которая втягивалась в стены.

Спустя десять секунд перед ними снова зияла бесконечная, идеально круглая шахта. Из неё тянуло стерильным, ледяным холодом Ядра. И тиканьем.

Тик.

…

Так.

Система ждала.

Грум подошёл к краю, сбросил вниз остатки цепи. Сотни метров металла со звоном улетели во тьму, повиснув над бездной.

— Удачи, босс, — хрипло сказал Грум. Тролль отступил на шаг. Ему было физически плохо от одного присутствия этого разлома.

Каэль подошёл к краю.

Внутри его кармана лежала перламутровая шкатулка. Под его плащом текла кровь, готовая вступить в войну с кодом мироздания.

Он посмотрел вниз. В абсолютную, непроглядную темноту, где спала машина, стирающая миры.

Он обернулся в последний раз.

— Запри за мной дверь, Грум.

Тролль кивнул.

Каэль шагнул в пустоту.

Он ухватился за стальную цепь, обжигая ладони скользящим металлом, и начал стремительно проваливаться во мрак. Звук его скольжения эхом отражался от стен шахты,

становясь всё тише, пока не исчез совсем.

Каменный пол над ним начал медленно сходиться, отрезая свет.

Каэль падал в Ядро.

На его часах, скрытых под рукавом чёрного плаща, секундная стрелка всё так же стояла намертво.

4:44.

Глава 6. Зоопарк нереализованных завтрашних дней

Они спускались так долго, что направление перестало иметь значение. В какой-то момент лестница перестала ощущаться ведущей вниз. Гравитация незаметно сместилась, словно мир осторожно повернули внутри огромного механизма, и последние бетонные ступени вывели их не в подземелье, а наружу.

Каэль остановился первым. Под подошвами тянулась ровная серая поверхность — не асфальт, не камень, не металл. Материал выглядел знакомым, но взгляд отказывался за него цепляться, будто память не могла подобрать правильное определение.

Нериса вышла следом и почти сразу поняла, что её тревожит. Тишина. Не отсутствие звука — это ощущалось бы иначе. Здесь сама среда подавляла шум. Шаги не отражались от поверхности, ткань одежды двигалась без шелеста. Даже дыхание звучало так, будто воздух вокруг намеренно гасил любые колебания.

Нериса машинально коснулась кобуры. Химерные инстинкты уже искали угрозу: запах, температуру, сердцебиение, движение, след чужого присутствия. Ничего. Воздух был пустым настолько, что это начинало раздражать нерв-

ную систему.

— Где мы? — её голос прозвучал непривычно плоско, без эха.

Каэль не ответил. Он медленно поднял голову. Над ними висело неподвижное небо цвета старой крови и мокрого свинца. Ни солнца, ни луны. Свет существовал сам по себе — тусклый, рассеянный, лишённый источника. Он не отбрасывал теней и делал окружающее ещё более мёртвым.

А впереди тянулся комплекс. Сначала Нерисе показалось, что это промышленная зона. Потом — заброшенный исследовательский центр. Потом — какой-то архитектурный макет, построенный существом, никогда не видевшим живых городов. Бетонные монолиты уходили к горизонту ровными геометрическими линиями. Огромные кубические сооружения соединялись переходами, платформами и широкими проспектами. Всё выглядело слишком правильным, слишком неподвижным. И почти в каждом фасаде было стекло. Толстые, мутноватые плиты, утопленные в бетон и сталь. Не окна. Наблюдательные стенки.

Нериса остановилась.

— Это что… тюрьма?

— Нет, — тихо сказал Каэль. Он смотрел вперёд так, словно уже узнал это место. — Зоопарк.

Несколько секунд она молчала, а потом коротко усмехну-

лась.

— Конечно. Почему бы под вашим замком не оказаться метафизическому зоопарку.

Каэль не отреагировал. Они двинулись по широкому серому проспекту между монолитами. Пространство действовало странно: расстояния ощущались неправильными, здания казались одновременно далёкими и слишком близкими, словно перспектива здесь работала с ошибкой.

Возле первого вольера в бетон была вмонтирована табличка из потемневшей латуни. Нериса наклонилась.

«Ностальгия по двадцать пятому веку».

Она перечитала надпись ещё раз.

— Либо кто-то очень старается быть оригинальным, либо я начинаю ненавидеть это место заранее.

Каэль подошёл к стеклу. Внутри находилось пустое помещение размером с городской квартал. Серый пол, серые стены, низкий рассеянный свет. И в центре — пыль. Несколько десятков серых частиц медленно двигались в воздухе по сложным траекториям, будто их вращало слабое, едва заметное поле.

Нериса нахмурилась. Ничего страшного она не увидела. Потом её взгляд задержался на пыли чуть дольше, и что-то

произошло. Это пришло не как мысль, а как воспоминание. Неоновые улицы. Дождь на тёплом стекле. Музыка, которую она никогда не слышала. Чужие руки на её плечах. Город, которого не существовало. Мир, который должен был появиться — и не появился.

Её грудную клетку внезапно сдавило настолько сильной тоской, что стало трудно дышать. Не её тоской. Чужой.

Нериса резко отвернулась от стекла. Воздух вошёл в лёгкие рывком.

— Что за дрянь…

Каэль продолжал смотреть внутрь вольера.

— Не смотри долго.

— Ты знал?

— Предполагал.

Она вытерла ладонью лицо, пытаясь избавиться от ощущения внезапной утраты. Сердце билось слишком быстро.

— Что это вообще такое?

Каэль наконец отвёл взгляд от стекла.

— Похоже на хранилище несостоявшихся вариантов реальности.

— Очень обнадёживающее место для прогулки.

— Сомневаюсь, что оно строилось для посетителей.

Он двинулся дальше. Нериса ещё раз посмотрела на серую пыль внутри вольера. Теперь она уже не вызывала эмоций — просто пыль. Но где-то глубоко внутри всё ещё оставалось странное чувство потери, будто она только что вспомнила человека, которого никогда не встречала.

* * *

Они шли дальше молча. Тишина здесь обладала неприятным свойством: чем дольше она длилась, тем сильнее начинало казаться, будто пространство слушает. Нериса поймала себя на том, что старается ступать аккуратнее. Не из страха издать шум — шума всё равно не было, — а потому что организм инстинктивно пытался не тревожить это место.

Следующий вольер оказался выше остальных. Стекло уходило вверх метров на тридцать, теряясь в сером сумраке. Металлическая рама выглядела старой, но не изношенной — скорее так, словно само понятие времени здесь работало неправильно. Табличка была вмурована прямо в бетон: «Концепция справедливого насилия».

Нериса поморщилась.

— Кто бы ни проектировал этот кошмар, у него были серьёзные проблемы с психикой.

Внутри вольера стояла гильотина. Старая, тяжёлая, покрытая тёмной ржавчиной. Но лезвие выглядело новым. Оно было сделано из прозрачного материала, похожего на стекло или лёд, и даже отсюда Нериса видела, каким оно было тонким.

Каэль остановился рядом с ней.

— Интересно, — тихо сказал он.

— Что именно?

— То, что они поместили её в клетку.

Нериса посмотрела на него.

— Ты сейчас орудие казни жалеешь?

— Нет. Концепцию.

Она фыркнула.

— Иногда я забываю, насколько ты нездоровый.

Но Каэль уже шёл дальше. Следующий вольер они заметили раньше, чем подошли к нему. Свет рядом с ним менялся. Вернее — исчезал. Пространство впереди выглядело так, словно изображение вырезали из мира тупыми ножницами, и серый сумрак проваливался в густую неподвижную черноту.

Нериса замедлила шаг. Табличка гласила: «Тишина между ударами сердца старшего бога».

Она ничего не сказала. Внутри клетки не было видно вообще ничего. Даже стекло различалось только потому, что на него падал тусклый внешний свет. Каэль остановился в нескольких метрах.

— Не подходи близко.

— Почему?

Он чуть повернул голову.

— Ты уже слышишь?

Нериса хотела ответить «нет». И только потом поняла, что действительно что-то слышит. Вернее — не слышит. На одно короткое мгновение мир словно провалился. Исчезло ощущение собственного тела. Исчезло биение сердца. Исчезла дистанция между вдохами.

Пустота длилась меньше секунды. Но этого хватило.

Нериса резко отступила назад и прижала пальцы к переносице. Из носа медленно потекла тёмная кровь.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Теперь меня убивает пауза между космическими сердцебиениями.

Каэль протянул ей платок. Она удивлённо посмотрела на него.

— У тебя есть платок?

— Был.

Нериса взяла ткань и коротко усмехнулась, вытирая кровь. Этот короткий бытовой жест почему-то оказался страшнее окружающих вольеров. Словно нормальность случайно просочилась в место, где ей не полагалось существовать.

Они пошли дальше. Комплекс постепенно менялся. Первые вольеры казались музейными экспонатами — странными, но статичными. Теперь же пространство начинало выглядеть так, будто некоторые клетки медленно разрушались изнутри. На одном стекле тянулись длинные царапины. В другом бетон вокруг рамы был покрыт сетью тонких трещин.

Где-то высоко над ними висел кубический вольер, удерживаемый массивными цепями. Нериса подняла взгляд — и сразу пожалела об этом. Цепи были сделаны не из метал-

ла. Они напоминали спрессованные человеческие силуэты: искажённые лица, открытые рты, вытянутые руки. Всё это срослось в единый чёрный материал, уходящий вверх к висящему монолиту.

Она резко отвела взгляд.

— Мне начинает казаться, что это место строили не архитекторы.

— А кто?

Каэль некоторое время молчал.

— Виноватые.

Через несколько минут она почувствовала изменение воздуха. Сначала лёгкое давление в висках, потом металлический привкус и странную тяжесть за глазами. Она нахмурилась.

— Ты это чувствуешь?

— Да.

— Магия?

— Нет.

Каэль медленно потёр переносицу. Он выглядел по-настоящему напряжённым — редкое, почти невозможное для него состояние.

— Здесь нарушается не материя. Здесь нарушаются сами определения.

Нериса раздражённо посмотрела на него.

— Можешь хоть раз объяснить нормально?

Он остановился и несколько секунд смотрел на бесконечные ряды бетонных клеток.

— Представь радиацию, — сказал он наконец. — Только вместо клеток организма она разрушает связи между смыслами. Слишком долго находишься рядом с такой вещью — и мозг перестаёт понимать базовые концепции. Предметы. Причинность. Время. Собственное имя.

Он перевёл взгляд на неё.

— Это место заражает реальность абстракциями.

Нериса уже собиралась ответить что-нибудь колкое, когда заметила маленький вольер между двумя массивными монолитами. На фоне остального комплекса он выглядел почти нелепо — размером с телефонную будку. Табличка висела

криво: «Адекватность Бруно».

Несколько секунд Нериса просто смотрела на надпись, а потом медленно перевела взгляд внутрь. На полу лежала куриная кость и сломанный кубик Рубика, у которого все стороны были закрашены серым цветом.

Наступила тишина. Потом Нериса закрыла лицо ладонью и коротко, нервно рассмеялась.

— Нет. Нет, это уже слишком.

Каэль стоял рядом с абсолютно серьёзным выражением лица.

— Согласен.

— Кто вообще такой Бруно?

— Не уверен, что хочу знать.

Она снова посмотрела на клетку.

— Думаешь, оно сбежало?

Каэль сунул руки в карманы пальто.

— Нет, — спокойно сказал он. — Скорее всего, никогда

не существовало.

* * *

Они снова двинулись вперёд. После клетки Бруно пространство будто стало тише. Не спокойнее — именно тише, словно зоопарк ненадолго отвлёкся от них. Нериса поймала себя на том, что постоянно оглядывается. Ей не нравилось это место, не нравилось, как оно воздействует на мысли, и особенно не нравилось, что она уже начала воспринимать невозможное как норму. В любой другой ситуации клетка с надписью «Адекватность Бруно» показалась бы абсурдной шуткой, но здесь она ощущалась частью системы. Это пугало сильнее всего.

— Зачем ты вообще сюда полез? — спросила она после долгого молчания.

Каэль не остановился.

— Потому что мир умирает.

— Очень расплывчатый ответ.

— Других у меня нет.

Он говорил спокойно, но Нериса заметила: его взгляд по-

стоянно скользит по архитектуре комплекса. Не как у туриста, а как у человека, который ищет симптомы болезни.

Они свернули в узкий проход между двумя монолитами. Здесь бетонные стены поднимались так высоко, что небо превратилось в тонкую серую полоску наверху, а пространство стало напоминать внутренности гигантского механизма. Именно здесь Нерису накрыл настоящий, глубинный страх. Не вспышка тревоги, не боевой инстинкт, а медленное, холодное понимание того, что некоторые места просто не должны существовать рядом с человеческой психикой.

Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, когда заметила впереди дрожание воздуха. Сначала ей показалось, что это усталость зрения, но потом она увидела, как бетон возле одного из вольеров слегка искажается, будто поверхность реальности нагревается изнутри. Каэль резко остановился. Нериса тоже замерла.

Табличка на клетке была огромной: «Неслучившаяся Мировая Война 1999 года».

Несколько секунд никто не говорил. Воздух здесь пах иначе: озоном, горелым металлом и пылью после взрыва. Нериса почувствовала знакомое напряжение в мышцах — древний инстинкт перед катастрофой.

— Не подходи близко, — тихо сказал Каэль.

Она хотела ответить что-то язвительное, но внезапно забыла. Мысль просто исчезла. Нериса нахмурилась. Что-то

было не так. Она посмотрела вниз: в её руке находился тяжёлый чёрный предмет. Она моргнула. Предмет выглядел очень знакомо, пальцы автоматически сжимали рукоять, будто тело прекрасно знало, как с ним обращаться. Но зачем? Она не понимала.

Холод медленно пополз вдоль позвоночника. Нериса перевернула предмет в ладони. Металл. Механизм. Вес. Никакого смысла. Слово отсутствовало — она не могла вспомнить, что держит. Паника ударила мгновенно и грубо.

— Каэль.

Он не ответил. Стоял слишком близко к стеклу, и воздух вокруг него начинал искажаться. На плечи его пальто медленно оседал серый пепел, возникающий будто из ниоткуда, покрывая ткань маленькими прожжёнными точками.

Нериса сделала шаг вперёд. Из носа сразу потекла кровь — густая, тёмная, слишком горячая. Она вытерла её машинально и увидела, как капли с шипением прожигают бетон. Сердце забилось быстрее. Нет. Не сердце. Сирена. Так реагировала её химерная биология: организм пытался предупредить об угрозе, которую мозг не способен был распознать.

Нериса снова посмотрела на предмет в руке. И вдруг вспомнила.

Пистолет. Оружие. Защита. Выстрел.

Осознание вернулось настолько резко, что её едва не затошнило.

— Каэль, отойди от стекла! — на этот раз голос прозвучал жёстко.

Он медленно сделал шаг назад. Дрожание воздуха стало слабее, пепел перестал падать. Несколько секунд оба просто стояли молча. Нериса тяжело дышала.

— Я забыла, что такое оружие, — тихо сказала она. — На несколько секунд у меня из головы исчез сам смысл.

Каэль смотрел на стекло очень внимательно. Только сейчас Нериса заметила трещину — тонкую белую линию в центре бронированной поверхности. Почти незаметную, но она там была.

— Плохо, — сказал Каэль.

— Не то слово.

— Ты не понимаешь. — Он подошёл чуть ближе, не пересекая опасную границу. — Эта клетка удерживает не событие. Она удерживает возможность события.

Нериса почувствовала, как внутри живота медленно сжимается холодный узел.

— И что?

Каэль некоторое время молчал.

— Если стекло разрушится, — сказал он наконец, — мир не взорвётся.

Он посмотрел на трещину.

— Мир вспомнит, что война всё-таки произошла.

* * *

Нериса долго смотрела на трещину. Чем дольше она на неё смотрела, тем сильнее казалось, будто та медленно растёт. Не физически — скорее концептуально. Словно сама идея катастрофы постепенно продавливает себе путь наружу.

— Пойдём дальше, — сказала она. На этот раз в её голосе не осталось иронии.

Каэль кивнул. Они быстро покинули сектор войны, и только когда искажения воздуха исчезли, Нериса заметила, что всё это время непроизвольно задерживала дыхание.

Коридоры комплекса снова изменились. Колоссальные монолиты остались позади, архитектура стала почти чело-

вческой — ниже потолки, уже проходы, меньше расстояния между клетками. От этого место стало ещё неприятнее. Раньше зоопарк ощущался как что-то нечеловеческое и огромное, теперь же он начал ощущаться личным. Над проходом висела ржавая металлическая табличка: «Аллея Личного».

— Мне уже не нравится название, — пробормотала Нериса.

Здесь свет был другим: не серым, а жёлтым, больничным, уставшим. Некоторые лампы под потолком мигали с редкими, неравномерными интервалами. Воздух перестал быть стерильным — Нериса отчётливо почувствовала запах старой пыли, влажного бетона и чего-то забытого. Вольеры здесь были размером с обычные комнаты, а таблички — маленькими. «Последний разговор, который ты отложил». «Комната человека, который больше не вернулся домой». «Сожаление, возникшее через тридцать лет слишком поздно».

Нериса отвела взгляд.

— Кто вообще всё это собирал?

— Не думаю, что это коллекция, — тихо сказал Каэль.

— Тогда что?

Он некоторое время молчал.

— Архив.

Это слово ей не понравилось ещё сильнее.

Они шли медленно. Даже Каэль теперь двигался осторожнее, словно понимал: местные концепции становятся опаснее не из-за масштаба, а из-за близости к человеческому. Нериса ощущала это физически. В огромных вольерах раньше содержались идеи, здесь же содержались чувства. И они цеплялись за сознание намного легче.

Возле одной из клеток Каэль внезапно остановился. Нериса проследила за его взглядом. Табличка была короткой: «Дети, которые никогда не родятся». Она почувствовала, как внутри всё сжалось ещё до того, как посмотрела внутрь.

Комната казалась пустой. Старые бетонные стены, тусклый свет, ничего больше. А потом Нериса заметила стекло. Изнутри оно было покрыто тонким слоем запотевшего конденсата, и на нём постоянно появлялись отпечатки ладоней. Маленьких. Детских. Они возникали хаотично по всей поверхности: снизу, сбоку, иногда почти под потолком. Некоторые отпечатки были чёткими, другие смазанными, будто невидимые дети скользили по стеклу. Иногда одна ладонь прижималась особенно долго — и медленно исчезала.

Нериса застыла. Никакого шума, никаких голосов. Толь-

ко бесконечное движение маленьких следов на запотевшем стекле. Её начало мутить. Это было хуже всего, что они видели до этого. Хуже войны, хуже радиации отсутствия, хуже клеток с абстракциями. Потому что здесь не было масштаба. Только отсутствие.

— Каэль… — она хотела сказать «Пойдём», но слова прозвучали слишком тихо.

Каэль стоял вплотную к стеклу. Нериса заметила выражение его лица, и ей стало по-настоящему тревожно. Он смотрел не как исследователь и не как хищник. Скорее как существо, столкнувшееся с чем-то, что не способно классифицировать. Один из маленьких отпечатков появился прямо напротив него. Каэль медленно поднял руку.

— Не надо, — сразу сказала Нериса.

Он не отреагировал. Ладонь коснулась стекла.

И мир дрогнул. Не буквально, но Нериса физически почувствовала, как пространство вокруг клетки на мгновение стало другим. Тёплым. Живым. Каэль резко втянул воздух. Его рука менялась: мертвенная бледность уходила прямо на глазах, кожа быстро наполнялась цветом, чёрные вены исчезали под поверхностью, а когти втянулись. Через несколько секунд к стеклу была прижата обычная человеческая ладонь. Живая. Тёплая. Абсолютно нормальная.

Каэль смотрел на неё так, будто видел впервые в жизни. Пальцы дрогнули.

— Значит вот как… — тихо произнёс он. Его голос стал другим: мягче, тише, почти растерянным.

— Что? — осторожно спросила Нериса.

Он медленно сжал человеческую ладонь в кулак.

— Тепло.

На мгновение ей показалось, что Каэль сейчас испугается. Не смерти. Не боли. Жизни.

А потом всё пошло неправильно. Очень быстро. Кожа на его руке начала чернеть — сначала кончики пальцев, потом кисть. Будто организм внезапно осознал ошибку, будто тело поняло, что внутри него появилось что-то чужое. Каэль резко отдёрнул руку, но было слишком поздно. Плоть начала разрушаться прямо у них на глазах. Кожа покрывалась волдырями и лопалась, ткани темнели, расползались, стекали вниз густыми чёрными сгустками.

Нериса невольно отступила. Запах ударил почти сразу: гниение, кровь, что-то химическое, неправильное. Каэль опустился на одно колено, тяжело дыша.

Но страшнее всего было выражение его лица.

Не боль.

Разочарование.

* * *

Несколько секунд он просто смотрел на умирающую руку, будто пытался удержать ощущение, которое уже исчезало. Потом некроз добрался до предплечья. Каэль сдавленно выдохнул сквозь зубы и резко прижал ладонь к груди, словно инстинктивно хотел остановить распространение. Не помогло. Разрушение ускорилось: чёрная паутина распада побежала вверх по венам, кожа отслаивалась влажными лоскутами, а под ней быстро темнело мясо. Нериса видела обнажающиеся сухожилия.

За всё время знакомства с Каэлем она ещё никогда не чувствовала такой растерянности. Обычно он был существом, которое переживёт всё: пули, магические ожоги, голод, разрушение органов. Но сейчас происходило что-то другое. Не ранение. Отторжение. Словно сама его природа пыталась уничтожить всё человеческое внутри себя.

— Каэль…

Он поднял взгляд. На долю секунды маска холодного контроля исчезла полностью, и Нериса увидела страх. Настоящий. Не перед смертью — перед возможностью стать кем-то другим.

Потом лицо снова закрылось. Организм Каэля наконец

включил регенерацию. Это выглядело отвратительно: плоть начала восстанавливаться поверх гниения слишком быстро, слишком агрессивно. Новые ткани прорывались сквозь мёртвые слои, ломая почерневшую кожу изнутри. Раздался влажный хруст. Когти выросли снова, чёрные вены проступили под бледной кожей. Через несколько секунд от человеческой руки не осталось ничего. Только на полу возле стекла медленно растекалась густая тёмная масса — всё, что организм Каэля счёл ошибкой.

Он тяжело поднялся на ноги. Несколько мгновений смотрел вниз, а потом очень спокойно сказал:

— Больше не позволяй мне делать ничего подобного.

Нериса молча кивнула. Ей вдруг стало холодно. Не из-за зоопарка, а из-за того, насколько быстро Каэль снова стал собой. Словно человеческая версия существовала всего несколько секунд — и мир немедленно её уничтожил. Тишина вокруг клетки стала плотнее, ладони на запотевшем стекле больше не появлялись.

Нериса уже собиралась сказать, что им нужно уходить, когда пол под ногами дрогнул. Очень слабо, но бетонный вибрационный отклик она узнала мгновенно. Что-то нарушило стабильность комплекса. Каэль тоже это почувствовал. Он резко повернул голову. Где-то впереди, за рядом бетонных монолитов, прокатился низкий звук. Не грохот, а скорее напряжение огромной конструкции, которая начинает ломать-

ся под собственным весом. А потом раздался второй звук. Треск стекла.

Нериса похолодела.

— Нет.

Каэль уже смотрел в сторону соседнего сектора. Его лицо стало абсолютно неподвижным.

— Бежим.

Они сорвались одновременно. Узкий проход между клетками резко расширился, выводя их обратно к большим вольерам, и именно там Нериса увидела источник звука. Вольер «Абсолютная Утрата». Трещины покрывали всё стекло. Белая паутина расходилась по поверхности с чудовищной скоростью, некоторые участки уже начали проседать внутрь, будто давление в клетке стало слишком большим. Воздух вокруг вольера искажался, свет сгибался, пространство дрожало.

Нериса инстинктивно попятилась.

— Каэль…

Он не ответил, глядя только на стекло. На мгновение всё замерло.

Потом клетка лопнула. Не взорвалась — именно лопну-

ла, как тонкий лёд под слишком большим весом. И мир вокруг мгновенно опустел. Воздух исчез. Нериса почувствовала, как что-то чудовищное тянет её вперёд. Не ветер. Не ударная волна. Отсутствие. Будто сама реальность впереди внезапно перестала хотеть существовать и теперь утаскивала за собой всё остальное. Бетон начал крошиться. Осколки стекла сорвались с места и полетели в сторону разломанной клетки.

Нерису дёрнуло вперёд так резко, что она едва не упала, но в ту же секунду Каэль оказался перед ней. Не эффектно, не героически — просто быстрее, чем должен был двигаться живой организм. Удар пришёлся в него. Первый осколок пробил его плечо насквозь, и Нериса услышала тяжёлый влажный звук. Потом ещё один. И ещё. Шторм из стекла и экзистенциального вакуума обрушился на Каэля с такой силой, что его отбросило на шаг назад, но он удержался. Когти с визгом вошли в бетон.

Нериса смотрела, как пространство буквально сдирает с него плоть. Пальто разорвало в клочья первым. Следом — кожу. Осколки проходили через спину, оставляя рваные дыры, сквозь которые мелькали рёбра и позвоночник. Но хуже всего был сам вакуум. Он не просто разрывал тело, он будто пытался стереть сам факт существования объекта перед собой. Регенерация Каэля сходила с ума: мясо восстанавливалось и тут же исчезало снова, кости оголялись, покрывались новой тканью и ломались повторно. Нериса слышала хруст.

Слишком много хруста.

Каэль схватил её за воротник и буквально вдавил вниз.

— Не поднимайся, — выдохнул он. Его голос звучал так, будто каждое слово проходило через сломанные лёгкие.

Только сейчас Нериса до конца осознала, насколько чудовищно сильным было это существо. Любой человек уже перестал бы существовать.

Каэль продолжал стоять.

* * *

Он продолжал стоять, хотя пространство вокруг уже пыталось доказать, что это невозможно. Нериса лежала под ним, прижатая к бетону, и видела, как его тело постепенно превращается во что-то среднее между раной и механизмом регенерации. Один из крупных осколков вошёл Каэлю под рёбра насквозь. Изо рта у него выплеснулась густая чёрная кровь, но он даже не вздрогнул, только сильнее вогнал когти в бетон.

Вакуум ревел. Но теперь Нериса начала понимать: звук исходил не из воздуха. Это выла сама концепция утраты — не эмоция, не воспоминание, а физический принцип, внезапно получивший свободу. Всё вокруг начинало терять связь с самим собой. Трещины ползли по бетону, свет мерцал, а некоторые осколки стекла зависали в воздухе и мед-

ленно исчезали, словно мир забывал их дорисовывать. Нериса почувствовала, как у неё начинают путаться мысли. На мгновение она забыла лицо матери, потом вспомнила снова, и холод ударил по позвоночнику.

— Каэль…

Он не ответил. Вместо этого медленно сдвинулся вперёд ещё на полметра, таща их обоих через бетон. Каждое движение давалось чудовищно тяжело. Нериса слышала, как ломаются его кости, как регенерация пытается восстановить суставы, и как шторм снова их дробит. Это был не бой, а война двух невозможностей, и Каэль пока проигрывал медленнее, чем должен был.

Ещё рывок. Ещё метр.

В какой-то момент вакуум внезапно ослаб, словно они пересекли невидимую границу карантинной зоны. Давление исчезло мгновенно. Каэль отпустил её воротник и рухнул на колени.

Нериса резко перекатилась в сторону, тяжело хватая воздух. Несколько секунд она вообще не могла смотреть на него, только дышала. Потом всё-таки подняла взгляд. Спина Каэля выглядела так, будто её пропустили через промышленную мясорубку: часть рёбер всё ещё оставалась открытой, позвоночник местами был виден полностью. Куски плоти медленно восстанавливались прямо у неё на глазах. Регенерация работала с пугающей деловитостью. Без магии, без света, без

красоты. Просто организм упрямо отказывался умирать. Каэль сплюнул кровь на бетон вместе с несколькими зубами. Нериса молча смотрела, как новые уже начинают расти на их месте.

— Это было ужасно, — наконец сказала она.

Он тяжело выдохнул.

— Бывало хуже.

— Не хочу знать.

— Правильное решение.

Несколько секунд они сидели молча. Позади них продолжал бушевать разломанный вольер. Внутри цилиндра разрушения всё ещё вращались стекло, пыль и абсолютная пустота, но границы сектора удерживали концепцию внутри. Пока удерживали.

Каэль медленно поднялся. Движения стали чуть осторожнее, и Нериса заметила это сразу. Он был истощён. Не физически — физику он давно научился обманывать. Что-то другое. Будто клетка содрала с него часть внутреннего ресурса, который невозможно восстановить простой регенерацией. Каэль посмотрел на остатки своего пальто, вернее — на несколько окровавленных лоскутов ткани, всё ещё висящих на плечах. Очень долго молчал, а потом с тихой устало-

стью произнёс:

— Это была моя любимая вещь.

Нериса моргнула.

— Серьёзно?

— Ему почти сто лет.

— Тебе несколько сотен.

— Поэтому я умею ценить качественную одежду.

Она неожиданно коротко рассмеялась. Не потому что было смешно — просто нервная система наконец попыталась сбросить напряжение хоть куда-то. И Каэль тоже едва заметно усмехнулся. Очень слабо, но этого хватило, чтобы на секунду всё вокруг снова стало нормальным.

Потом он посмотрел вперёд. Улыбка исчезла сразу.

— Мы близко.

Нериса проследила за его взглядом. Архитектура снова изменилась: клетки закончились, впереди начиналась огромная открытая терраса, похожая одновременно на посадочную площадку и древний амфитеатр. И в самом её центре стояло кресло. Обычное на первый взгляд, слишком обычное для этого места. Но когда они подошли ближе, Нериса

поняла, что кресло тоже было частью зоопарка. Потому что существо в нём не двигалось как живое.

* * *

Существо сидело неподвижно. Слишком неподвижно. Не как человек, замерший в ожидании, а скорее как объект, которому когда-то задали позу — и с тех пор он её не менял. Кресло было бетонным, массивным, будто вырезанным из цельного блока вместе с полом террасы. Серый материал местами растрескался, но само сооружение выглядело абсолютно устойчивым. В отличие от остального зоопарка здесь почти не чувствовалось давления концепций, и это настораживало сильнее всего.

Нериса замедлила шаг.

— Это ещё что?

Каэль смотрел прямо на фигуру.

— Думаю, Смотритель.

Существо выглядело гуманоидным только издалека. На нём действительно был старый костюм — тёмный, пыльный, словно из начала прошлого века. Но ткань двигалась странно, с лёгкими рывками, будто изображение иногда пропускало кадры. А вместо головы… Нериса почувствовала, как по коже проходит неприятный холод. Вместо лица у существа вращалась бобина киноплёнки. Старая, ржавая, бесконечно крутящаяся. Полосы целлулоида медленно сползали

вниз, исчезая где-то внутри воротника. Существо не дышало, но плёнка шелестела — тихо, сухо, почти успокаивающе.

Они подошли ближе. Смотритель никак не отреагировал, только звук плёнки стал чуть громче. Каэль остановился в нескольких шагах от кресла.

— Мне нужен путь к Ядру.

Бобина замерла. Резко. Потом дёрнулась назад, словно кто-то перемотал несколько кадров. Нериса невольно напряглась. И тогда Смотритель заговорил. Звук был ужасен: не голос, а скорее сотни старых радиозаписей, наложенных друг на друга. Обрывки дикторов, шум эфира, трещащие помехи, фрагменты чужих фраз — всё это складывалось в один механический шёпот.

— Путь… к Ядру… закрыт.

Каждое слово звучало так, будто проходило через десятки испорченных динамиков.

Каэль остался неподвижен.

— Что требуется?

Плёнка снова провернулась.

— Плата.

Нериса сразу почувствовала тревогу.

— Каэль.

Он едва заметно качнул головой, не сводя взгляда со Смотрителя.

— Какая плата?

Существо медленно поднялось из кресла. Его движения

были неправильными — не плавными и не дёрганными, а скорее покадровыми, будто между фазами движения выпадали фрагменты времени. Смотритель протянул руку. Пальцы выглядели так, словно были сделаны из скрученной киноплёнки и бумаги.

— Фундаментальная… эмоция.

Нериса сразу шагнула ближе.

— Нет.

Каэль не обернулся.

— У нас нет альтернативы.

— Ты не знаешь, что эта штука сделает.

— Знаю достаточно.

Смотритель ждал. Терпеливо, без давления, как автоматический механизм. Каэль медленно подошёл ближе. В его обычно безупречных, выверенных движениях проскользнуло едва заметное, но настоящее сомнение.

— Бери, — тихо сказал он.

Смотритель коснулся его головы. Нет. Не коснулся. Пальцы просто вошли внутрь черепа. Без сопротивления, без крови, без раны. Как будто плоть Каэля на секунду перестала быть материальной. Нериса дёрнулась вперёд, но замерла. Каэль выгнулся всем телом. Он не закричал, и именно это было страшнее всего. Только резко напряглись мышцы шеи, побелели пальцы и судорожно дрогнуло дыхание. Нериса вдруг поняла: существо не причиняет боль. Оно что-то забирает. Что-то намного хуже боли.

Смотритель медленно вытянул руку обратно. Между его пальцами мерцал слабый золотистый свет — маленькая стеклянная птица. Полупрозрачная, тёплая, пульсирующая. Она едва заметно двигалась, словно живая. И в тот момент, когда Нериса посмотрела на неё, внутри внезапно стало легче. Совсем ненадолго. Как будто где-то в мире всё ещё существовал конец страдания.

Смотритель повернул бобину. Из радиошума донеслось:

— Надежда… на покой.

Каэль опустился на одно колено. Тяжело. Медленно. Нериса почувствовала настоящий страх, потому что выражение его лица стало пугающе незнакомым. Пустота. Не привычная холодность, не усталость, не сарказм. Отсутствие чего-то жизненно важного.

Смотритель сжал пальцы. Стеклянная птица треснула — тихо, как лампочка, перегоревшая в пустой комнате. Золотистый свет исчез, на бетон посыпалась серая пыль. Каэль поднял голову. Нериса встретилась с ним взглядом и сразу поняла: что-то изменилось необратимо.

Он стал тише.

Не внешне.

Внутри.

* * *

Каэль медленно поднялся. Движения остались прежними,

голос — тоже. Даже выражение лица почти не изменилось, но Нериса всё равно почувствовала разницу сразу. Словно из пространства вокруг него исчезла какая-то незаметная температура. Раньше рядом с Каэлем всегда ощущалось странное внутреннее напряжение — будто существо, пережившее слишком многое, всё ещё зачем-то продолжает идти вперёд. Теперь осталась только инерция.

Смотритель отошёл назад к креслу, плёнка на его голове снова начала медленно вращаться. Разговор был закончен.

— Каэль.

Он посмотрел на неё спокойно. Слишком спокойно.

— Мы получили проход.

— Да плевать мне на проход. — Нериса подошла ближе. — Что он у тебя забрал?

Несколько секунд Каэль молчал, будто проверял внутри себя пустое место. Потом ответил:

— Последнюю причину дожить до конца.

У Нерисы перехватило дыхание. Она ожидала чего угодно: память, эмоцию, часть личности, имя. Но не это.

Каэль прошёл мимо неё к дальней части террасы, и только сейчас Нериса заметила, что за креслом Смотрителя открывается длинный чёрный коридор. Абсолютно прямой, без единого источника света, вход в него выглядел как разрез в реальности. Каэль остановился у границы тьмы. Раньше перед неизвестностью он всегда выглядел настороженным, иногда раздражённым, иногда хищно заинтересованным. Те-

перь — никак. И это было страшнее всех клеток зоопарка.

— Не смотри на меня так, — тихо сказал он.

Нериса поняла, что действительно смотрит.

— Как?

Он некоторое время молчал.

— Как на умирающего.

Она хотела возразить, но не смогла. Потому что рядом с ним ей вдруг стало по-настоящему одиноко.

Смотритель за их спинами вдруг заговорил снова. Радиошум заполнил террасу:

— Осторожно… с Ядром…

Каэль не обернулся.

— Почему?

Плёнка на голове существа медленно ускорилась, шелест стал громче.

— Оно… тоже… пытается… выбраться.

Нериса почувствовала, как по коже проходит холод.

— Что именно?

Смотритель замолчал. Потом из помех донеслось:

— Автор.

Тишина. Даже Каэль застыл, поражённый услышанным.

Нериса нахмурилась.

— Это сейчас было максимально крипово даже по местным меркам.

Смотритель не ответил, только продолжал вращать плёнку. Каэль медленно повернул голову к коридору. И в этот мо-

мент где-то глубоко внутри комплекса раздался звук. Очень далёкий, очень тихий, но от него у Нерисы мгновенно сжались внутренности. Детский смех. Один короткий смешок. Потом ещё один.

И сразу после этого взвыла сирена.

Красный свет вспыхнул по всему комплексу одновременно. Мёртвые лампы под потолками ожили, по бетонным стенам побежали аварийные сигналы, а где-то вдали начали закрываться тяжёлые гермоворота. Затем механический голос заполнил весь зоопарк. Старый, искажённый, почти человеческий.

— ВНИМАНИЕ. — Пауза. — Зафиксировано нарушение условий содержания.

Нериса медленно достала пистолет. Где-то далеко впереди послышался глухой удар. Потом ещё один, будто что-то огромное двигалось через сектора комплекса. Голос продолжил:

— Нарушитель покинул вольер.

Красный свет мигнул снова. И только теперь система произнесла название.

— Объект: «Морра».

* * *

Удар повторился. Теперь ближе. Весь комплекс едва заметно вздрогнул, и где-то далеко внизу прокатился глухой

металлический стон — так звучат огромные конструкции, когда на них начинает давить что-то слишком тяжёлое. Красный свет продолжал мигать. Нериса автоматически подняла пистолет, целясь в темноту коридора.

— Пожалуйста, скажи, что ты знаешь, кто такая Морра.

Каэль смотрел вперёд.

— Знаю.

— И?

Он помолчал.

— Это плохая новость.

— Великолепно, — процедила Нериса сквозь зубы, сжимая рукоять пистолета до побеления костяшек. — Я бы очень расстроилась, если бы сегодня хоть что-то оказалось хорошей новостью.

Сирена оборвалась на середине сигнала. Наступила тишина, а потом динамики снова ожили. Но теперь голос системы звучал иначе: тише и с чем-то похожим на страх.

— ВНИМАНИЕ. — Пауза. Помехи. — Объект демонстрирует нестабильное поведение.

Ещё один удар. На этот раз Нериса почувствовала вибрацию уже через подошвы. Что-то двигалось сюда. Медленно, без спешки, как существо, которое знает: убежать всё равно невозможно. Смотритель за их спинами внезапно начал дёргаться, бобина на его голове закрутилась быстрее, от корпуса посыпались тонкие полосы старой киноплёнки. Радиошум прорвался сквозь помехи:

— Уходите… уходите… уходите…

Механический голос потерял свою монотонность. В нём появилась отчётливая, невозможная для машины паника.

Каэль резко шагнул к коридору.

— Быстро.

Они вошли в темноту почти одновременно, и мир сразу изменился. Красный аварийный свет остался позади, звук сирен исчез. Даже воздух здесь ощущался другим — сухим, неподвижным, лишённым запаха. Коридор был огромным, слишком огромным для человеческой архитектуры. Стены уходили вверх на десятки метров, теряясь в густой черноте, а поверхности казались не бетонными, а вырезанными из спрессованного мрака.

Нериса шла рядом с Каэлем, стараясь не смотреть назад. Но всё равно смотрела, потому что ощущение преследования становилось сильнее с каждым шагом. Позади снова раздался удар. Теперь намного ближе. Потом — скрежет, будто что-то огромное и тяжёлое медленно провело когтями по бетонной стене.

Нериса ускорила шаг.

— Насколько всё плохо?

— Если Морра действительно выбралась… — Каэль не договорил.

— Если?

— Это существо невозможно удерживать обычным способом.

— Что значит «обычным»?

Он посмотрел вперёд.

— Её удерживали не стенами.

Нериса почувствовала неприятный холод.

— А чем?

Ответ пришёл не от Каэля. Из темноты впереди раздался детский голос. Тихий, спокойный, почти ласковый.

— Одиночеством.

Нериса резко остановилась. В центре коридора стояла маленькая фигура. Девочка на вид лет восьми, в бледном платье, с тёмными волосами и босыми ногами. Она держала в руках старую деревянную шкатулку. Красный аварийный свет издалека едва касался её силуэта, и от этого кожа девочки казалась почти серой. Нериса медленно подняла оружие. Инстинкты уже кричали: не человек. Но страшнее было другое: химерная биология не чувствовала угрозы. Вообще. Будто перед ними находился пустой объект.

Каэль остановился. Нериса увидела, как он по-настоящему напрягся — не боевой готовностью, а узнаванием. Девочка посмотрела на него и очень вежливо спросила:

— Ты зачем вернулся?

Повисла тишина. Каэль ответил не сразу.

— Я не к тебе.

— Все всегда приходят ко мне.

Голос Морры был абсолютно спокойным. Без злобы, без детской наивности, без эмоций вообще. Как у человека, ко-

торый слишком давно находится один.

Нериса медленно перевела взгляд на шкатулку в её руках. Дерево выглядело старым и потёртым, на крышке были вырезаны странные концентрические узоры. И шкатулка едва заметно дрожала, будто внутри что-то двигалось. Морра заметила её взгляд и улыбнулась — очень мягко, очень по-человечески.

— Хотите посмотреть?

Каэль мгновенно сказал:

— Нет.

Слишком быстро. Слишком жёстко. Морра медленно опустила глаза, и в её лице промелькнуло что-то похожее на настоящую, глубокую обиду.

— Вы всегда боитесь.

— Потому что знаем, что внутри.

Она слегка наклонила голову.

— Неправда.

Тихий щелчок. Шкатулка приоткрылась на несколько миллиметров, и мир вокруг дрогнул. Нериса почувствовала это сразу: как будто вся реальность на секунду потеряла фокус. Стены коридора стали дальше, потом ближе. Свет мигнул, воздух потяжелел. А затем Нериса услышала голос своей матери. Точно такой, каким помнила его в детстве.

— Нериса?

Холод мгновенно прошёл по всему телу. Нет. Этого не могло быть. Голос раздался снова, совсем рядом, слева.

— Нериса, помоги мне.

Она резко повернула голову и увидела открытую дверь, которой секунду назад не существовало. Тёплый свет. Кухня. Запах еды. Её дом. Настоящий. Сердце сорвалось вниз, потому что какая-то часть мозга сразу поверила. Без сомнений. Без логики.

Каэль схватил её за плечо так резко, что стало больно.

— Не смотри.

Она моргнула. Дверь исчезла. Остался только чёрный коридор. Морра всё ещё стояла впереди со слегка приоткрытой шкатулкой и улыбалась уже чуть грустнее.

— Видите? — тихо сказала она. — Там никто не кричит. Там всем хорошо.

* * *

Каэль не отпускал её плечо. Слишком сильно. Нериса чувствовала, как когти почти продавливают ткань куртки, но боль помогала удерживаться в реальности. Потому что дверь всё ещё хотелось открыть — даже сейчас, даже понимая, что это ловушка.

Морра медленно закрыла шкатулку. Щелчок прозвучал удивительно тихо, и вместе с ним исчезло ощущение дома. Запах еды, тёплый свет, голос матери — всё пропало. Осталась только пустота после внезапно отнятого счастья. Нериса судорожно втянула воздух. Её трясло.

— Что… это было?

— Кормление, — спокойно ответила Морра. Она произнесла это так естественно, будто речь шла о чём-то бытовом.

Каэль медленно убрал руку с плеча Нерисы, но взгляд с Морры не сводил.

— Ты открыла шкатулку.

— Немножко.

— Ты не должна была выходить из сектора.

Морра задумалась. По-настоящему задумалась, как ребёнок, пытающийся понять претензию взрослого.

— Мне стало скучно.

Повисла тишина. Где-то далеко за пределами коридора продолжали выть аварийные системы, но здесь, рядом с Моррой, звук будто глох. Нериса внезапно поняла: комплекс боится её не потому, что она сильная, а потому что она меняет правила.

Морра осторожно погладила крышку шкатулки.

— Они начали ломаться.

— Кто?

— Люди. — Она посмотрела на Каэля. — Сначала приходили смотреть. Потом просили открыть. Потом начинали слышать.

Нериса почувствовала холод.

— Слышать что?

Морра улыбнулась. На этот раз без злобы, почти ласково.

— То, чего им не хватало.

Каэль сделал очень медленный вдох.

— Сколько сотрудников комплекса осталось в живых?

Морра ненадолго задумалась.

— Внутри или снаружи?

Нериса почувствовала, как внутри живота что-то неприятно сжимается.

— Каэль…

Но он уже понял, и она увидела это по его глазам.

— Ты не убивала их напрямую, да?

Морра покачала головой.

— Зачем? — Она сказала это с искренним непониманием. — Они сами открывали шкатулку.

В коридоре стало очень тихо. Нериса вдруг представила десятки сотрудников, учёных, охранников, исследователей. Людей, которые просто хотели ещё раз услышать чей-то голос, ещё раз увидеть потерянного ребёнка, ещё раз вернуться туда, где было хорошо. Хотя бы на минуту. И от этой мысли ужас становился почти физическим.

— Что внутри? — тихо спросила она.

Каэль резко повернул голову.

— Не спрашивай.

Но Морра уже посмотрела на Нерису. Очень внимательно, с интересом.

— Хочешь узнать?

Нериса молчала. И именно это было страшнее ответа, потому что какая-то часть её действительно хотела. Морра за-

метила это сразу, её улыбка стала чуть теплее.

— Все хотят.

Она сделала маленький шаг вперёд. Каэль мгновенно встал между ними.

— Стой.

Морра остановилась. Несколько секунд она смотрела на него снизу вверх, а потом тихо спросила:

— А ты почему никогда не просишь?

Вопрос ударил неожиданно сильно. Нериса увидела, как Каэль замер — совсем ненадолго. Морра наклонила голову.

— Ты ведь тоже потерял всё.

Тишина. Даже аварийный свет будто начал мигать медленнее.

— Я помню тебя, — сказала Морра. — Ты приходил раньше.

Нериса резко перевела взгляд на Каэля. Он ничего не ответил, но этого и не требовалось. Морра продолжала смотреть на него спокойно и внимательно.

— Тогда ты тоже хотел открыть шкатулку.

— Это было давно.

— Нет. — Она улыбнулась. — Для меня — недавно.

Что-то изменилось в воздухе. Очень слабо, почти неуловимо, но Нериса почувствовала: Каэль начал терять контроль. Не над телом — над собой. Морра тоже это поняла, и её голос вдруг обрёл по-настоящему мягкие, обволакивающие нотки.

— Хочешь посмотреть ещё раз?

Каэль молчал. Это длилось всего несколько секунд, но Нерисе их хватило, чтобы испугаться сильнее, чем во время шторма Абсолютной Утраты. Потому что сейчас Каэль действительно, по-настоящему колебался.

Морра медленно подняла шкатулку. Щель между крышкой и деревом снова появилась. Тонкая полоска тёплого золотистого света легла на её пальцы.

И Каэль сделал шаг вперёд.

* * *

Нериса среагировала раньше, чем успела подумать. Она ударила Каэля в грудь обеими руками. Не чтобы ранить — чтобы сбить движение. Он пошатнулся на полшага назад и резко повернул голову к ней. В глазах мелькнуло что-то опасное. Не злость. Голод. И это было хуже.

Морра тихо наблюдала за ними, прижимая шкатулку к груди. С интересом, как ребёнок, который смотрит на странное поведение взрослых.

— Не смей, — выдохнула Нериса.

Каэль молчал. Она отчётливо видела, насколько тяжело ему сейчас даётся контроль. Не физический — эмоциональный. После Смотрителя внутри него осталась дыра, и Морра это чувствовала. Может быть, именно поэтому подошла так близко.

— Каэль.

Он медленно закрыл глаза. На несколько секунд. Когда открыл снова, взгляд стал чуть яснее.

— Отойди от неё, — тихо сказал он.

Нериса не двинулась.

— Тогда объясни, что происходит.

Морра слегка качнулась с пятки на носок.

— Он слышит.

Нериса почувствовала холод.

— Что именно?

Морра посмотрела на Каэля, и в её голосе вдруг прорезалось что-то похожее на сочувствие.

— Дом.

Тишина ударила сильнее любого крика. Нериса медленно перевела взгляд на Каэля. Он стоял абсолютно неподвижно, только пальцы едва заметно дрожали.

— У тебя нет дома, — тихо сказала Морра. — Уже очень давно нет.

Каждое слово попадало точно в цель. Без злобы, без давления. Просто констатация факта.

— Но внутри шкатулки он ещё существует.

Каэль резко отвернулся. Слишком резко, будто сам звук её голоса начинал ломать защиту. Нериса вдруг поняла главное: Морра не манипулировала напрямую. Не гипнотизировала, не подчиняла волю. Она просто показывала людям место, где боль заканчивается. И этого оказывалось достаточно.

— Что внутри шкатулки? — снова спросила Нериса.

На этот раз Каэль ответил раньше Морры. Очень тихо:

— Идеальная ложь.

Морра недовольно нахмурилась.

— Неправда.

— Правда. — Он наконец снова посмотрел на неё. — Ты показываешь не реальность. Ты показываешь желание.

— А какая разница?

Вопрос прозвучал почти невинно. Каэль не ответил сразу, и Нериса внезапно поняла: он не знает ответа. Морра осторожно погладила крышку шкатулки.

— Они все были счастливы внутри. Пока не переставали возвращаться. Снаружи всё хуже. — В её голосе проступила настоящая эмоция. Усталость. Очень древняя, очень глубокая. — Здесь всё болит, — тихо сказала Морра. — Люди всё время плачут. Умирают. Теряют друг друга. Почему вам так нравится снаружи?

Нериса открыла рот и не нашлась что ответить. Потому что вопрос был страшно честным.

Красный свет снова мигнул. Где-то далеко позади прогремел взрыв — комплекс продолжал разрушаться. Но Морра будто вообще не замечала этого. Она смотрела только на Каэля.

— Ты ведь почти согласился.

Он усмехнулся. Очень слабо, очень устало.

— Да.

И от этой честности Нерисе стало не по себе сильнее, чем от любого монстра.

Морра подошла ещё на шаг ближе. Теперь их разделяло меньше метра.

— Тогда открой.

Щель шкатулки снова увеличилась. Тёплый золотой свет медленно разлился по коридору, и вместе с ним пришло чувство. Не образ. Не воспоминание. Покой. Абсолютный, невозможный, тотальный. Нериса почувствовала, как напряжение последних часов начинает исчезать. Страх, усталость, боль — всё медленно растворялось, будто их никогда не существовало. Организм почти сразу захотел остаться в этом ощущении навсегда. Она поняла, почему люди открывали шкатулку снова и снова. Поняла мгновенно.

Каэль тоже почувствовал. Нериса увидела, как меняется его лицо, как исчезает вечная внутренняя жёсткость, как ослабевает сопротивление. Ещё немного — и он сломается. Морра заметила это и улыбнулась по-настоящему счастливо.

— Видишь? — тихо сказала она. — Больше ничего не нужно.

Каэль медленно поднял руку к шкатулке. Нериса поняла: ещё секунда — и всё закончится.

* * *

И тогда Каэль ударил. Без замаха, без предупреждения,

без колебаний. Когти прошли сквозь шкатулку по диагонали.

Мир закричал. Это был не звук и не вибрация, а именно ощущение крика — как будто сама реальность внезапно испытала чудовищную боль. Золотой свет взорвался коридором, Нерису отбросило к стене. На долю секунды она увидела невозможное: тысячи комнат, тысячи дверей, миллионы человеческих желаний, чужие жизни, неслучившиеся примирения, мёртвых, которые снова улыбаются, детей, которые возвращаются домой, любимых, которые не уходят, миры без боли, миры без утрат, миры без смерти. И всё это рушилось одновременно.

Шкатулка треснула. Морра застыла, превратившись в абсолютно неподвижную статую. Тонкая трещина медленно прошла через деревянную крышку, и золотой свет начал вытекать наружу длинными мерцающими нитями.

— Нет, — очень тихо сказала Морра.

Это было первое по-настоящему человеческое слово, которое Нериса услышала от неё. Не спокойствие, не философия, не отстранённость. Страх.

Каэль тяжело дышал, чёрная кровь стекала с когтей.

— Нельзя было оставлять её открытой.

Морра смотрела на трещину. И Нериса внезапно поняла: девочка сейчас не опасна. Она испугана. По-настоящему.

— Ты не понимаешь, — прошептала Морра.

Трещина увеличилась. Изнутри шкатулки донёсся звук. Тихий, почти неслышный плач.

Мир снова дрогнул. Коридор вокруг начал меняться: на стенах появились двери. Сотни дверей. Деревянные, металлические, домашние, больничные, детские. Они возникали прямо из бетона, будто пространство внезапно перестало помнить собственную форму. Из некоторых пробивался свет, из других доносились голоса. Нериса услышала смех, музыку, чей-то шёпот, слова любви, запах дождя, шум кухни, мурлыканье старого телевизора. Настоящие воспоминания. Идеальные версии жизни. Слишком идеальные.

— Каэль…

Он уже понял.

— Бежим.

Но Морра вдруг подняла голову и посмотрела не на них. Куда-то вверх. В темноту над коридором. Её лицо медленно изменилось: страх исчез, осталось только потрясение.

— О нет.

Нериса почувствовала, как всё внутри сжимается.

— Что?

Морра отступила на шаг назад, прижимая треснувшую шкатулку к груди. В её голосе прозвучал настоящий, первобытный ужас.

— Оно услышало.

Тишина. Потом — звук. Очень далёкий. Будто где-то в глубине комплекса огромный лист бумаги медленно сминают гигантскими руками.

Коридор вздрогнул. Все двери одновременно начали от-

крываться. Нериса увидела тысячи чужих жизней, вспыхивающих фрагментами и обрывками. Мужчина обнимает сына. Женщина просыпается рядом с любимым человеком. Старик снова слышит голос умершей жены. Кто-то выходит из больницы здоровым. Кто-то успевает сказать «прости». Кто-то остаётся жить. Слишком много счастья. Человеческий мозг не был рассчитан на такую концентрацию желания. Из носа Нерисы пошла кровь.

Каэль схватил её за руку и потащил вперёд. Но пространство уже ломалось. Одна из дверей впереди открылась полностью, и из неё вышел человек. Обычный мужчина лет сорока: домашняя одежда, тёплая улыбка, уставшие глаза. Он растерянно огляделся.

— Это не мой дом, — тихо сказал он.

Потом его тело начало распадаться. Медленно. Без крови. Будто сама реальность внезапно вспомнила, что этот человек никогда не существовал. Нериса закричала. Мужчина исчез, на его месте осталась только серая пыль.

А потом двери начали открываться одна за другой. И кто-то двигался за ними. Не люди. Что-то, что научилось носить человеческие желания как одежду.

Каэль резко остановился. Нериса врезалась в него. Он смотрел вперёд, и на его лице отразился настоящий, невозможный для него ужас. В конце коридора кто-то стоял. Высокая фигура из абсолютной темноты. Без лица, без формы, без чётких границ. Но пространство вокруг неё выглядело

незаконченным, будто реальность не могла решить, как это существо должно выглядеть.

И когда оно шагнуло вперёд, Нериса услышала звук печатающей машинки.

* * *

Звук был тихим. Металлическое: так. Пауза. так. Будто кто-то медленно печатал текст в огромной пустой комнате.

Фигура приближалась, и с каждым её шагом пространство вокруг коридора теряло стабильность всё сильнее. Стены дрожали, двери мерцали, некоторые фрагменты мира просто исчезали на доли секунды, оставляя после себя белые пустоты. Нериса почувствовала, как организм начинает паниковать на биологическом уровне. Не страх. Ошибка. Словно сама нервная система не понимала, как реагировать на объект впереди.

Морра медленно отступала назад, прижимая треснувшую шкатулку к груди.

— Нет… нет… нет…

Теперь она звучала как настоящий, испуганный ребёнок. Каэль смотрел на фигуру неподвижно, и Нериса поняла: он знает. Хотя очень хотел бы не знать.

— Что это такое? — выдохнула она.

Ответ пришёл не сразу. Очень тихо:

— Автор.

Слово повисло в воздухе неправильно, будто само пространство не хотело его принимать.

Фигура остановилась в дальнем конце коридора, и Нериса наконец увидела детали. На ней была одежда — старый тёмный костюм, слишком обычный, слишком человеческий. Но тело под тканью постоянно менялось. Силуэт дёргался между вариантами: мужчина, женщина, старик, ребёнок, что-то бесформенное, снова человек. Реальность не могла зафиксировать его окончательно. А вместо лица… Белый лист бумаги. Абсолютно пустой. И по этому листу медленно проступали слова. Нериса не могла их прочитать: буквы менялись быстрее, чем мозг успевал воспринимать. Печатная машинка снова ударила: так. Одно из слов на лице исчезло, на его месте появилось другое.

Фигура сделала ещё шаг, и где-то рядом мгновенно открылись сразу десятки дверей. Из них начали выходить люди. Сотни. Мужчины, женщины, дети. Некоторые плакали, некоторые смеялись, некоторые звали кого-то по имени. Но Нериса уже понимала: это не люди. Это истории. Незаконченные, несостоявшиеся, выброшенные. Они двигались к фигуре так, словно она была их центром тяжести.

— Оно не должно было проснуться… — дрожала Морра.

Каэль не сводил взгляда с существа.

— Оно и не спало.

Печатная машинка ударила снова. И один из людей рядом внезапно остановился. Молодая женщина повернула голову

к Нерисе.

— Помоги мне закончиться, — тихо сказала она.

И сразу после этого её лицо исчезло. Просто стёрлось, как текст, удалённый со страницы. Нериса почувствовала тошноту.

Фигура продолжала приближаться. Медленно, неотвратимо. И с каждым шагом мир становился менее определённым: пол под ногами иногда менял материал, бетон превращался в дерево, потом — в воду, потом снова в бетон. Каэль вдруг сделал то, чего Нериса не ожидала. Он отступил. На полшага.

— Охренеть, — прошептала она. — Ты его боишься.

— Да.

Никакой иронии. Никакого сарказма. Честный ответ. И именно это окончательно разрушило остатки самообладания, потому что Каэль не боялся ничего. До этого момента.

Автор остановился примерно в двадцати метрах от них. Печатная машинка замолчала. Наступила абсолютная тишина, а потом на пустом лице начали медленно проявляться слова. На этот раз Нериса смогла их прочитать.

[СЮЖЕТНАЯ АНОМАЛИЯ: ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ЛОКАЦИИ]

Воздух стал тяжелее. Фраза исчезла, новая появилась почти сразу:

[ОБЪЕКТ МОРРА: КРИТИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ СЦЕНАРИЯ]

Морра опустила голову, как ребёнок, которого отчитыва-

ют.

— Я не хотела…

Новая строка:

[ПАТТЕРН ПОВЕДЕНИЯ: ПРЕДСКАЗУЕМЫЙ СБОЙ]

И тут Нерису накрыло чудовищное осознание. Автор не управлял этим местом. Он писал его. Прямо сейчас. В реальном времени.

Печатная машинка снова ударила: так. Каэль внезапно схватился за грудь. Его тело дёрнулось, под кожей что-то задвигалось. Нериса резко повернулась к нему.

— Что происходит?!

Он тяжело дышал, чёрные вены быстро расползались по шее. А на белом лице Автора появлялись новые слова:

[ПЕРСОНАЖ КАЭЛЬ: ОСОЗНАНИЕ МЕТАСТРУКТУРЫ]

— Нет, — хрипло сказал Каэль.

Печатная машинка: так.

[СТАТУС: ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ]

Мир дрогнул. Нериса почувствовала настоящий животный ужас. Потому что сейчас она столкнулась не с монстром, а с существом, для которого они все были просто текстом.

* * *

Каэль согнулся ещё сильнее. Нериса услышала влажный треск под его кожей, будто внутри тела что-то пыталось пере-

писать само себя. Автор стоял неподвижно. Белое лицо медленно очищалось от текста, старые слова исчезали, уступая место новым:

[ОШИБКА: ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ ОСОЗНАНИЕ СЮЖЕТА]

Печатная машинка: так.

Каэль резко поднял голову. И посмотрел не на существо, а куда-то выше. Сквозь стены. Сквозь коридор. Сквозь саму сцену. Нериса почувствовала, как внутри всё леденеет, потому что на одно короткое мгновение ей показалось: он действительно кого-то увидел. Не Автора. Того, кто стоит ещё дальше.

Каэль медленно выпрямился. Кровь текла у него из носа и уголка рта, но лицо стало странно спокойным.

— Мы не персонажи, — тихо сказал он.

На лице Автора мгновенно появились слова:

[КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ОСТАНОВИТЕСЬ]

Печатная машинка ударила быстрее: тактак. Коридор содрогнулся. Двери вокруг начали захлопываться одна за другой. Некоторые из фигур закричали, некоторые просто исчезали вместе с закрывающимися проходами.

Каэль сделал шаг вперёд.

— Ты не создаёшь миры. — Ещё шаг. — Ты создаёшь клетки.

Текст на лице Автора начал меняться рывками, слова на-

кладывались друг на друга:

[СЕМАНТИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО: МИР=КЛЕТКА]

[ОШИБКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ]

[ЦЕЛЬ: СОХРАНЕНИЕ ДАННЫХ—]

Строка оборвалась, будто печатная машинка заклинила.

Морра внезапно подняла голову. Её привычная грусть исчезла, сменившись злой, едва заметной улыбкой.

— Я же говорила, что он услышит.

Автор повернул к ней пустое лицо. Печатная машинка ударила с такой силой, что часть коридора впереди смялась внутрь себя. ТАК. На лице вспыхнула фраза:

[ДИРЕКТИВА: АБСОЛЮТНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ОБЪЕКТА]

Морра вздрогнула. И Нериса наконец поняла. Не карантин. Не содержание. Не исследование. Наказание. Всё это время Морру держали здесь одну специально, потому что её способность была опасна для мира, а одиночество — опасно для неё самой.

Морра медленно опустила взгляд на треснувшую шкатулку.

— Я ненавижу быть одной.

Это прозвучало почти неслышно. Но в тот же момент весь комплекс содрогнулся, словно сама структура зоопарка отреагировала на признание. Где-то далеко начали рушиться сектора. Нериса услышала вой сирен, грохот бетона и треск гигантских стеклянных вольеров.

Автор снова посмотрел на Каэля. На лице появилась новая строка:

[РЕШЕНИЕ: УДАЛЕНИЕ ПЕРСОНАЖА]

Печатная машинка ударила, и мир изменился мгновенно. Каэль исчез. Не переместился, не стал невидимым — просто в следующую секунду его больше не было в коридоре. Нериса почувствовала, как мозг отказывается принимать это. Пустое место слева. Никого. Будто человека там никогда и не существовало.

— Каэль?! — эхо имени прозвучало слишком громко.

Автор сделал шаг вперёд. На лице медленно печаталось:

[ОПТИМИЗАЦИЯ СЮЖЕТА ЗАВЕРШЕНА]

Нериса попятилась. Пистолет в её руке казался чудовищно бессмысленным. Как оружием угрожать существу, которое может удалить тебя из повествования?

Морра вдруг резко подняла голову и посмотрела куда-то вправо. В пустоту. Потом тихо сказала:

— Нет.

Нериса нахмурилась.

— Что?

Морра улыбнулась. Очень медленно. Очень странно.

— Он спрятался между абзацами.

Тишина. А потом рядом с Автором внезапно открылась тонкая вертикальная трещина. Не в пространстве — в самой реальности текста. Будто кто-то ножом разрезал страницу сверху вниз. Из разреза появилась рука Каэля, схватила

Автора за горло и дёрнула наружу.

Мир взорвался помехами. Коридор начал мигать фрагментами: бетон, лес, больница, океан, детская комната, космос, какая-то чужая планета, строки текста, снова бетон. Автор окончательно потерял форму. Белое лицо смялось, буквы рассыпались, а печатная машинка сорвалась на хаотичный металлический треск.

Каэль вывалился из разреза вместе с ним и тяжело рухнул на одно колено. Нериса увидела, что с ним стало. Часть его тела отсутствовала. Не рана — именно отсутствие. Левая сторона груди выглядела так, будто кусок персонажа забыли дописать. Внутри не было органов, только белая пустота, по краям которой медленно дёргались обрывки плоти.

Но Каэль всё ещё держал Автора. И улыбался. Очень устало.

— Ты допустил главную ошибку, — хрипло сказал он.

Белое лицо Автора пыталось сформировать слова, но буквы дрожали и расползались. Каэль наклонился ближе.

— Нельзя давать монстрам понять, что они вымышлены.

* * *

Автор дёрнулся в хватке Каэля, и пространство вокруг них начало разрушаться быстрее. Не как здание — как текст, который одновременно редактируют десятки рук. Коридор мигал рваными фрагментами: слова, образы, обрывки

сцен, чужие реплики, несуществующие главы. Нериса увидела саму себя. На секунду. Другую версию: мёртвую, старую, счастливую, совершенно незнакомую. Все варианты существовали одновременно и тут же исчезали.

Автор пытался вырваться. Белое лицо дёргалось в судорогах текста, на нём хаотично вспыхивали фразы:

[СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОШИБКА]

[НАРУШЕНИЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖА]

[СЮЖЕТНАЯ ВЕТКА: СМЕРТЬ (ПРОПУЩЕНО)]

Печатная машинка уже не печатала — она захлёбывалась. Металлический визг заполнил коридор. Каэль удерживал существо одной рукой, а другой прижимал к боку белую пустоту собственной груди, словно организм всё ещё пытался понять, как регенерировать отсутствие.

— Каэль! — крикнула Нериса.

Он даже не посмотрел на неё. Смотрел только на Автора.

— Ты всё время ошибался, — тихо сказал он.

Буквы на лице Автора начали расползаться быстрее:

[ПРАВА ДОСТУПА: Я СОЗДАЛ ВАС]

— Нет. — Каэль усмехнулся. Кровь стекала у него по подбородку. — Ты создал условия.

Коридор дрогнул. Где-то наверху лопнула сама перспектива пространства, и Нериса увидела чёрное небо, исписанное бесконечными строками текста. Некоторые фразы были перечёркнуты, некоторые горели, некоторые двигались.

Автор внезапно перестал вырываться, и это оказалось страшнее сопротивления. Белое лицо медленно очистилось. Наступила тишина. А потом появилась новая строка. Очень короткая.

[ЗАПРОС ИСТОЧНИКА: КТО СОЗДАЛ МЕНЯ?]

Каэль замолчал. Наступила абсолютная, невозможная для него тишина. Нериса почувствовала, как внутри всё холодеет, потому что вопрос прозвучал не как системная ошибка. Как отчаяние. Настоящее. Морра смотрела на Автора широко раскрытыми глазами, будто никогда раньше не слышала от него ничего настолько человеческого. Текст на лице продолжал появляться. Медленно. Рвано.

[ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ: Я НЕ ПОМНЮ]

Печатная машинка снова издала тихий, одинокий удар: так. И внезапно весь комплекс замер. Сирены оборвались, свет перестал мигать, даже рушащиеся стены остановились на полудвижении, будто зоопарк задержал дыхание.

Автор поднял руку. Очень медленно коснулся груди Каэля — прямо края белой пустоты. Нериса инстинктивно шагнула вперёд, но ничего не произошло. Автор просто смотрел на дыру в персонаже, на отсутствие, на место, где должна была быть плоть. И на лице появилась последняя строка:

[СТАТУС ПЕРСОНАЖА: ТЕПЕРЬ ТЫ ТОЖЕ НЕЗАКОНЧЕН]

Каэль застыл. Белая пустота в его груди дрогнула, а потом внутри неё что-то появилось. Не орган, не кость, не ткань.

Свет. Очень слабый, тёплый, как далёкое окно ночью. Каэль резко втянул воздух.

Морра выронила шкатулку. Та ударилась о бетон и окончательно раскололась. Золотой свет вырвался наружу потоком, и все двери вокруг одновременно распахнулись. Нериса услышала миллионы голосов. Слишком много, слишком человеческих. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то звал домой, кто-то прощал, кто-то просил остаться. Весь этот океан невозможных жизней хлынул в коридор.

Автор медленно повернул голову. Уже не как всемогущее существо, а как человек, который внезапно понял масштаб собственной ошибки. На лице появились слова:

[КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ: Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ ИХ УДЕРЖИВАТЬ]

Потом свет стал невыносимым. Нериса закрыла лицо руками. Мир исчез. На несколько секунд не осталось ничего: ни коридора, ни зоопарка, ни Автора, ни Морры. Только бесконечный белый шум человеческих желаний.

А потом всё оборвалось. Резко. Как выключенный фильм. Наступила темнота, и в этой темноте Нериса услышала дыхание Каэля рядом. Живого. Пока ещё живого.

А затем где-то очень далеко прозвучал голос. Спокойный. Усталый. Совершенно незнакомый.

— Итак… кто из вас теперь будет писать конец?

* * *

Темнота длилась слишком долго. Не секунды, не минуты — Нериса вообще перестала понимать, существует ли ещё время. Она не чувствовала собственного тела, не слышала сирен, не видела света. Только дыхание Каэля рядом: редкое, тяжёлое. И где-то очень далеко — печатающую машинку. так. Пауза. так. Но теперь звук был слабым, почти умирающим.

Нериса открыла глаза. Мир вернулся медленно: сначала серый, мягкий свет, потом формы. Она лежала на полу огромного круглого зала. Зоопарк исчез. Не разрушился, а именно исчез. Никаких клеток, никаких коридоров, никаких вольеров. Только пустое пространство под бесконечно высоким куполом. Пол был покрыт тонким слоем белой бумаги. Тысячи листов: некоторые исписаны текстом, некоторые пустые, некоторые сожжены наполовину. Воздух пах пылью и чернилами.

Нериса медленно поднялась. Тело болело так, будто её нервную систему пропустили через мясорубку. Рядом сидел Каэль. Он выглядел… иначе. Белая пустота в груди исчезла, но на её месте теперь под кожей мерцал слабый свет. Тихий, пульсирующий, как маленькая звезда внутри рёбер. Каэль смотрел перед собой и очень долго молчал.

— Где мы? — голос Нерисы прозвучал хрипло.

Он ответил не сразу.

— Думаю… — Пауза. — За пределом истории.

Нериса оглянулась. В центре зала стоял обычный деревянный стол. А за ним — человек. Совершенно обычный на первый взгляд: седые волосы, свитер, усталое лицо. Он что-то печатал на старой машинке. Спокойно, неторопливо. Каждый удар клавиши отдавался эхом под куполом. так.

Человек поднял взгляд, и Нериса почувствовала настоящий ужас. Потому что его лицо постоянно менялось. Не как у Автора — тоньше, незаметнее. Каждую секунду это был кто-то другой: старик, женщина, ребёнок, солдат, учёный, умирающий, влюблённый. Все человеческие лица понемногу существовали внутри него одновременно.

Он посмотрел на них с тихой усталостью.

— Обычно сюда никто не доходит.

Каэль медленно поднялся.

— Кто ты?

Человек слегка улыбнулся.

— Плохой вопрос.

Печатная машинка: так. На одном из пустых листов сами собой появились слова. Нериса увидела фразу: «ОНИ НАКОНЕЦ ДОБРАЛИСЬ».

Человек заметил её взгляд.

— Не обращай внимания. Бумага всегда нервничает перед концом.

Нериса почувствовала, как мозг начинает протестовать. После всего увиденного именно этот человек казался самым неправильным существом во всей истории. Потому что вы-

глядел слишком нормально.

Каэль подошёл ближе.

— Ты создал Автора?

Человек задумался. По-настоящему.

— Нет. Скорее… он появился, когда история начала писать сама себя.

— А зоопарк?

Печатная машинка: так.

— Попытка удержать вещи, которым нельзя существовать вместе с людьми.

Нериса нахмурилась.

— И как успехи?

Человек тихо рассмеялся. Очень устало.

— Как видишь.

Повисла тишина. Каэль смотрел на него слишком внимательно.

— Почему ты позволил нам дойти сюда?

Ответ пришёл сразу:

— Потому что вы первые, кто перестал вести себя как персонажи.

Печатная машинка снова ударила. И в этот момент Нериса заметила кое-что страшное. На столе лежала толстая стопка исписанных листов. Она подошла ближе и увидела текст. Их разговор. Слово в слово. Вся история, от первого шага в зоопарк до этого момента. Некоторые страницы ещё были влажными от чернил.

Нериса почувствовала, как леденеют руки.

— Нет…

Человек спокойно посмотрел на неё.

— Люди всегда очень тяжело переносят момент, когда узнают про структуру. Это уже было. Да. Но теперь ты понимаешь глубже.

Она резко схватила верхний лист. Текст на бумаге начал меняться прямо у неё в руках. Строки переписывались сами собой, новые слова проступали из пустоты: «НЕРИСА НАЧИНАЕТ ЗЛИТЬСЯ».

И именно в этот момент она по-настоящему разозлилась. Не испугалась. Разозлилась.

— Хватит.

Человек поднял бровь. Нериса скомкала лист.

— Хватит решать за нас.

Печатная машинка остановилась. Абсолютная, звенящая тишина заполнила зал. Каэль медленно повернул голову к Нерисе и улыбнулся по-настоящему. Не устало, не мрачно — живо. Потому что свет внутри его груди стал ярче.

* * *

Свет внутри груди Каэля действительно стал ярче. Не ослепительным, не сверхъестественным — тёплым. Как будто внутри существа, привыкшего существовать вопреки миру, спустя века появилось что-то своё. Человек за столом

внимательно наблюдал за ними. Без тревоги, без злости, с интересом.

— Вот поэтому я и не остановил вас, — тихо сказал он.

Нериса всё ещё держала скомканный лист в руке.

— Потому что мы начали бунтовать против сценария?

— Нет. — Печатная машинка молчала, человек больше не касался клавиш. — Потому что вы начали делать выбор, который ухудшает историю.

Повисла тишина. Нериса нахмурилась.

— Это сейчас прозвучало максимально психопатично.

Он слегка улыбнулся.

— Хорошие персонажи почти всегда выбирают драматургию. Живые выбирают друг друга.

Слова повисли под куполом тяжело и странно. Каэль медленно посмотрел на свет в собственной груди.

— Что ты сделал со мной?

— Ничего. — Человек откинулся на спинку стула. — Это сделал Автор. Он случайно оставил тебе пустое место. А пустота редко остаётся пустой надолго.

Нериса медленно подошла к столу. Страницы всё ещё лежали перед ней: вся их история, все разговоры, все страхи. Она заметила новые строчки, которые медленно проступали на последнем листе: «ОНИ ПЫТАЮТСЯ ПОНЯТЬ». Текст продолжал появляться сам. Без машинки. Без автора. Нериса почувствовала холод.

— История всё ещё пишется.

Человек кивнул.

— Всегда.

— Тогда какая разница?

Он некоторое время молчал, а потом спокойно спросил:

— Ты знаешь, чем живой человек отличается от выдуманного?

Нериса открыла рот и не ответила. Потому что теперь у неё не было уверенности, что разница вообще существует.

Человек поднял один из пустых листов и показал им. Абсолютно белая страница.

— Вот персонаж. У него нет ничего, кроме того, что уже написано. — Потом он положил лист обратно и посмотрел на Каэля. — А вот существо, которое начинает выходить за пределы собственного текста…

Печатная машинка внезапно ударила сама: так. На пустом листе появились слова: «ОН МОЖЕТ ОТКАЗАТЬСЯ».

Каэль долго смотрел на строчку. Потом тихо спросил:

— Отказаться от чего?

Спокойствие человека дало трещину. Совсем немного, но Нериса заметила.

— От финала.

Тишина. Где-то высоко под куполом зашуршали страницы. Тысячи листов медленно двигались сами по себе, словно огромный бумажный океан. Нериса почувствовала, как внутри снова рождается тревога.

— Что случится, если история останется без конца?

Человек посмотрел вверх. Очень долго.

— Обычно? Она начинает пожирать продолжение.

Печатная машинка: так. По полу вокруг них внезапно начали расползаться строки текста. Чёрные буквы появлялись прямо на белой бумаге. Быстро, слишком быстро. Нериса увидела фразы: «ГОРОД ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗООПАРКА», «ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЮТ», «МИР, КОТОРЫЙ ЖДЁТ РАЗВЯЗКУ». Буквы двигались дальше, как инфекция. Человек тяжело выдохнул.

— Вот поэтому концовки важны.

Каэль смотрел на расползающийся текст.

— А если конец будет неправильным?

Ответ прозвучал сразу:

— Любой конец неправильный для кого-то.

Свет внутри груди Каэля снова пульсировал. Теперь ярче. Нериса вдруг заметила, что вместе со светом меняется пространство рядом с ним. Очень слабо, но бумага возле его ног больше не принимала текст. Строки обрывались, будто сама история не могла дописать область вокруг него. Человек тоже это увидел и по-настоящему насторожился.

— Интересно.

Каэль поднял взгляд.

— Что именно?

— Ты начинаешь становиться проблемой.

Нериса нервно усмехнулась.

— Только начинаешь?

Но человек уже смотрел только на Каэля. Печатная машинка медленно сдвинулась сама собой. Ни одна рука её не касалась. так. На листе появилась новая строка: «КАЭЛЬ МОЖЕТ ВЫЙТИ».

Тишина. Даже бумажный шорох под куполом будто затих. Нериса почувствовала, как внутри всё медленно холодеет.

— Выйти куда?

Человек ответил не сразу. Очень тихо:

— Наружу.

И в этот момент что-то ударило с другой стороны реальности. Весь зал содрогнулся. Не физически — будто по самой истории пришёлся чудовищный удар извне. Часть купола треснула. Но за трещиной не было неба.

Там находился глаз. Огромный. Человеческий. Невозможный. Он смотрел прямо внутрь зала.

Нериса перестала дышать. Потому что поняла: кто-то читал их.

Человек за столом медленно закрыл глаза. Очень устало.

— Ох. А вот это уже совсем плохо.

Глаз моргнул.

И миллионы страниц под куполом одновременно начали переворачиваться.

Глава 7. Игрушечный диктатор

Время — тягучая, густая субстанция. Особенно когда до очередного сбоя мироздания остаётся меньше двух минут. На старинных напольных часах, чей маятник раскачивался с тяжестью приговора, было 4:43 утра.

Каэль завтракал.

Огромный обеденный стол из морёного дуба тянулся через весь зал так далеко, словно его проектировали для сатанинских банкетов, династических убийств и крайне неловких семейных разговоров про расчленение. Белая скатерть, серебряные приборы, хрусталь и свечи. И тарелка с мясом, которое нормальный человек отправил бы обратно на кухню с формулировкой: «Простите, оно всё ещё смотрит на меня».

Стейк был прожарки «блю». Снаружи — тонкая корочка, внутри — тёплая, почти живая плоть. Кровь медленно растекалась по белому фарфору, как плохое решение. Каэль аккуратно отрезал кусок. Спокойно. Методично. С той хирургической точностью, с которой некоторые люди вскрывают грудную клетку, а потом жалуются на тупые инструменты.

Вкус был превосходным. Соль, чёрный перец, розмарин и металлическое послевкусие свежей крови. Он запил мясо бордо урожая того года, когда половина Европы выкашливала собственные лёгкие. Вино было тяжёлым, терпким и оставляло на языке вкус ежевики, пепла и коллективной ис-

торической травмы.

Замок молчал. Но это была не тишина пустого дома. Это была тишина огромного хищника, который не спит, а просто лежит с закрытыми глазами и думает, кого сожрать первым. Где-то глубоко внизу медленно проворачивались циклопические шестерни. Скорее всего, Грум опять ругался на механизмы. Или на стены. Или на саму концепцию инженерии. У него не было принципиальной разницы. Сквозь высокие стрельчатые окна пробивался болезненный свет фонарей Кито, утопающего во влажном тумане.

Каэль отрезал ещё один кусок мяса. До 4:44 оставалась минута.

И именно в этот момент гармония готического уединения была зверски изнасилована звуком шагов. Мокрых. Тяжёлых. С хрустом суставов, будто внутри кого-то ломали мебель.

Каэль закрыл глаза.

— Только не они, — тихо произнёс он.

Двери обеденного зала приоткрылись. В щель сначала протиснулась морда Бруно — огромная, мокрая, покрытая клочьями серо-чёрной шерсти. Его единственный жёлтый глаз сиял энтузиазмом существа, которое либо нашло сокровище, либо случайно совершило военное преступление. Следом ввалился Гаш, шаркая задними лапами, сутулясь и оставляя на паркете подозрительные влажные следы. У Гаша не хватало куска щеки. Из дыры поблёскивала металли-

ческая пластина, которую Грум установил после инцидента с «попыткой сожрать музейный экспонат». От обоих несло мокрой псиной, старой кровью, свежей могилой и чужими плохими решениями.

— Мы нашли вещь, — пророкотал Бруно.

С его клыков на персидский ковёр шлёпнулась густая желтоватая слюна. Каэль даже не поднял взгляд.

— Бруно, — спокойно произнёс он. — Если это снова чьято левая нога, я заставлю тебя её съесть.

Гаш задумался.

— Левые мы уже доели.

— Это не нога, — гордо сказал Бруно.

— Это архитектура, — добавил Гаш с видом профессора, читающего лекцию в университете для серийных убийц.

Каэль медленно отложил нож. Это была очень плохая фраза. Когда Гаш называл что-то «архитектурой», обычно потом приходилось либо эвакуировать этаж, либо вызывать Грума, либо хоронить свидетелей.

Бруно вошёл в зал полностью и поставил на стол нечто настолько чудовищное, что даже свечи, кажется, начали светить менее уверенно. Это был кукольный домик. Ярко-розовый, с салатовой крышей, с наклейками ромашек на окнах, с пластиковой горкой и с аурой эстетического преступления федерального масштаба. По залу немедленно расползся запах дешёвой пластмассы и синтетической клубники. Он вступил в ожесточённую схватку с ароматом вина, крови и

старого камня.

И победил.

— Смотри, — гордо сказал Бруно. — У него дверцы открываются.

Он ткнул когтем в пластиковую дверь. Домик ожил. Изнутри раздалась электронная мелодия, звучащая так, словно детскую песню записывали во время экзорцизма на умирающих батарейках.

— МЫ ВЕСЁЛЫЕ ЗВЕРЯТА, МЫ ИГРАЕМ НА ЛУГУ-УУ—

Каэль замер. Нож остановился в миллиметре от тарелки. В зале стало холоднее. Даже тени по углам комнаты словно попытались отползти подальше от домика.

— Где, — очень тихо спросил Каэль, — вы это взяли?

— На рынке в Ла Бока, — ответил Гаш, почёсывая металлическую челюсть. Звук был такой, будто кто-то пытался наточить вилку об кастрюлю. — Один слепой продавец обменял его на банку формалина и два чужих воспоминания о лете.

— Он сказал, что это пространственный артефакт, — добавил Бруно.

Повисла пауза.

— Вы обменяли магические артефакты на розовый пластиковый сарай, который пахнет клубничным сифилисом?

— У него внутри маленький унитаз, — упрямо сказал Бруно.

Гаш важно кивнул.

— Это метафора бренности бытия.

— Нет, — устало ответил Каэль. — Это метафора того, что я вас однажды закопаю.

* * *

Каэль медленно закрыл глаза. Он досчитал до трёх. Потом до пяти. Потом мысленно представил, как сталкивает обоих оборотней в кислотную шахту пятого уровня. Это немного помогло.

Немного.

Он уже собирался приказать немедленно сжечь пластиковое уродство вместе с ковром, столом и, возможно, Бруно, когда температура в зале внезапно упала ещё на несколько градусов. Свечи одновременно вспыхнули чёрным пламенем. Из теней за спиной Каэля, словно соткавшись из сквозняка, мрака и накопленной за века ненависти к человечеству, появилась Морра.

Она была, как всегда, пугающе изящна. Чёрное кружевное платье облегало её хрупкую фигуру так, будто было соткано из паутины, ночных кошмаров и налоговой документации. Абсолютно чёрные глаза скользнули по залу с выражением существа, которое заранее всех презирает и, скорее всего, заслуженно.

Её взгляд остановился на домике. Морра замерла. Воздух

вокруг неё начал дрожать. Из её спины медленно проступили рваные теневые крылья.

— Что, — очень тихо произнесла Морра, — это за херня.

— Это недвижимость, — гордо ответил Бруно.

Это была ошибка.

Колоссальная.

Катастрофическая.

Морра медленно повернула голову к оборотню. Каэль заметил этот взгляд и машинально отодвинул бокал подальше. Не потому что переживал за Бруно. Просто ему нравился бокал.

— Оно стоит на столе, — произнесла Морра голосом человека, у которого прямо сейчас начинается инсульт. — На моём. Готическом. Столе.

— На общем столе, — поправил Гаш.

Морра проигнорировала его с тем величием, с которым аристократ игнорирует плесень. Она подошла ближе. Запах пластика ударил ей в лицо. Морра остановилась. Её глаз дёрнулся.

— Оно воняет так, словно бордель и фабрика детских игрушек умерли в одной канаве.

— У него ещё горка внутри есть, — радостно сообщил Бруно.

Морра медленно повернулась к Каэлю.

— Почему они ещё живы?

— Иногда я задаю себе тот же вопрос, — спокойно отве-

тил Каэль.

Бруно, не чувствуя приближения собственной смерти, ткнул когтем в дверцу ещё раз. Домик снова ожил.

— МЫ ВЕСЁЛЫЕ ЗВЕРЯТА—

— Я СЕЙЧАС СОЖГУ ЭТОТ МИР, — рявкнула Морра.

Стёкла задрожали. Где-то в глубине замка тревожно загудели трубы. Грум, вероятно, уже начал паниковать, даже не понимая причины. Морра наклонилась к домику.

— Бруно, я клянусь всеми мёртвыми богами, если эта дрянь ещё раз издаст звук, я сделаю из твоего позвоночника декоративную вешалку.

Бруно прижал уши.

— Но он красивый.

Морра уставилась на него так, словно впервые в жизни увидела концепцию идиотизма в чистом виде.

— Красивый? Это выглядит так, будто единорог блеванул пластиком.

— Мне нравятся цвета, — упрямо сказал Бруно.

— Ты жрал цемент в детстве.

— Один раз.

— Ты СОЖРАЛ БЕТОННУЮ КОЛОННУ В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ.

— Она первая начала.

Гаш задумчиво почесал металлическую челюсть.

— Если честно, колонна действительно вела себя вызывающе.

Каэль молча сделал глоток вина. Ему очень хотелось, чтобы кто-нибудь уже умер. Морра вытянула руку. Её когти медленно удлинились, превращаясь в тонкие чёрные лезвия.

— Всё, — прошипела она. — Я уничтожаю это архитектурное преступление.

Часы в углу зала щёлкнули. Маятник замер. Стрелка встала на 4:44.

И мир моргнул.

Воздух стал твёрдым. Пламя свечей застыло неподвижными осколками. Капля слюны, падавшая с клыков Бруно, зависла в воздухе. Даже песенка домика оборвалась на половине ноты, превратившись в низкое вибрирующее гудение, от которого начинали ныть зубы.

Каэль почувствовал это сразу.

Сбой. Момент, когда Архивы Цитадели переписывали реальность, проверяя мир на ошибки. Обычно исправления были незаметны: исчезнувший человек, стёртая улица, другая дата войны, новое воспоминание. Но сейчас система наткнулась на Морру. И запаниковала.

Запрещённая концепция. Ноктэри. Древняя теневая аномалия, которую мироздание официально предпочитало не признавать. Реальность попыталась подобрать ближайший аналог. И нашла слово: «фея».

— Какого... — начала Морра.

Её голос сломался. Вместо привычного ядовитого шипения прозвучало:

— Динь-динь?

В зале повисла тишина. Гаш медленно моргнул.

— О нет, — тихо произнёс он с интонацией человека, который только что понял, что наблюдает историческое событие.

Платье Морры начало меняться. Чёрное кружево светлело, сжималось и покрывалось блёстками с такой скоростью, словно сам сатана проиграл судебный процесс компании по производству детских игрушек. Через секунду на Морре было салатовое платьице. Пушистое. С блёстками. С маленькими полупрозрачными рукавами.

Морра посмотрела вниз. Замерла. Потом очень медленно подняла взгляд на Каэля. На её лице была та особая форма ужаса, которая возникает, когда личность человека только что публично убили лопатой.

— Динь-дили-динь?! — в панике прозвенела она.

Бруно открыл пасть.

— Она стала маленькой.

— Бруно, — тихо сказал Каэль, не отрывая взгляда от Морры. — Не говори сейчас вообще ничего.

— Но она реально стала маленькой. Это же очевидное наблюдение.

Морра начала уменьшаться. Её рост стремительно таял. Метр пятьдесят. Метр. Пятьдесят сантиметров. Двадцать. Из её спины с влажным хрустом вырвались прозрачные стрекозиные крылья. По залу посыпалась розовая пыльца.

Гаш вытянул шею вперёд.

— Она теперь помещается в кружку.

Морра зависла в воздухе размером с человеческую ладонь. Крошечная. Сияющая. В салатовом платье. Абсолютно инфернально бешеная. Она открыла рот, явно собираясь выдать многоэтажную угрозу расчленения.

— ДИНЬ-ДИНЬ-ПИУ! — вылетело вместо этого.

В воздухе появилось облачко блёсток в форме сердечка.

Наступила пауза. Очень тяжёлая. Каэль смотрел на Морру. Морра смотрела на Каэля. Бруно смотрел на сердечко.

— Это, — осторожно сказал Гаш, — возможно, худшее, что происходило в этом замке за последние лет сто.

— Сто тридцать два, — автоматически поправил Каэль.

— А что было тогда?

— Бруно нашёл аккордеон.

* * *

В следующую секунду розовый домик отреагировал. Сначала внутри что-то тихо щёлкнуло, а потом маленькие пластиковые дверцы распахнулись настежь. За ними больше не было игрушечной гостиной. Там клубилась плотная неоново-розовая воронка, похожая на чёрную дыру, если бы ту проектировали люди с тяжёлой зависимостью от детских телеканалов.

Воздух в столовой с оглушительным свистом рванул

внутрь домика. Со стола улетели вилки, свечи погасли, а Бруно едва не снесло в стену.

— ОЙ БЛЯ—

Его договорить втянуло обратно ветром. Гаш вцепился когтями в край стола.

— Я знал, что унитаз не может быть бесплатным!

Морра, всё ещё осыпающая зал блёстками ярости, попыталась взлететь. Её стрекозиные крылья заработали с отчаянным жужжанием сломанного вертолёта.

— ДИНЬ-ДИНЬ-ДА ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ?! — прозвенела она.

Её потащило к домику. Морра вцепилась крошечными руками в скатерть. Ткань натянулась. Затрещала. На лице Морры читалась такая концентрированная ненависть ко всему сущему, что даже у Каэля дрогнул уголок глаза.

— Помочь? — осторожно спросил Бруно.

Морра повернула к нему голову.

— ДИНЬ.

Это прозвучало как смертный приговор.

— Понял, не мешаю.

Сила вакуума удвоилась. Скатерть с треском поехала по столу, увлекая посуду внутрь домика. Хрустальный бокал Каэля опасно качнулся. Каэль молниеносно поймал его рукой.

Приоритеты.

Морру оторвало от ткани.

— ДИИИИИНЬ—

Она пролетела мимо морды Бруно, осыпав его блёстками. Бруно чихнул. Теперь блестел ещё и он. Морра ударилась о пластиковый порог и на секунду зависла в воздухе, сохраняя при этом выражение лица человека, который собирается устроить геноцид.

А потом:

ВЖУХ.

Её засосало внутрь.

Дверцы домика захлопнулись. Вакуум исчез, свечи снова загорелись. Зависшая слюна Бруно наконец шлёпнулась на ковёр. Песенка внутри домика как ни в чём не бывало доиграла последние ноты.

— МЫ ВЕСЁЛЫЕ ЗВЕРЯТА—

Щёлк.

Тишина.

Абсолютная.

Мёртвая.

Бруно медленно моргнул. Потом посмотрел на домик. Потом на Каэля.

— Ну… — осторожно начал он. — Технически она теперь владелица недвижимости.

Каэль молчал. Гаш подошёл ближе к столику и задумчиво понюхал пластик.

— Как думаешь, — произнёс он, — она нас убьёт сразу или сначала психологически?

Каэль очень медленно положил нож на тарелку. Звук металла о фарфор прозвучал как выстрел. Он взял бокал, сделал спокойный глоток вина и посмотрел на домик. Домик тихо поскрипывал, словно переваривал добычу.

— Бруно, — наконец произнёс Каэль абсолютно ровным голосом. — Позови Грума.

— Уже бегу.

— И захвати огнетушитель.

— Думаешь, поможет?

— Нет. Но мне станет легче.

Гаш продолжал смотреть на домик.

— А если внутри есть ещё один домик?

Повисла пауза. Каэль медленно повернул голову.

— Гаш.

— Да?

— Ещё одна такая мысль, и я лично проломлю тебе череп стулом.

— Справедливо.

В этот момент внутри домика раздался едва слышный звук:

ПИУ.

Бруно нервно сглотнул. Потом ещё один:

ПИУ.

Потом:

ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИУ.
Гаш наклонился к пластиковому окну.

— О.

— Что? — спросил Каэль.

Гаш помолчал.

— Кажется, она избивает кого-то плюшевого.

* * *

Дверь обеденного зала распахнулась так резко, будто замок сам выплюнул очередную проблему. Внутрь влетел Грум — в грязном брезентовом фартуке, со сварочной маской, задранной на лоб, с газовым резаком в руке и с выражением человека, которого уже достала реальность как явление.

— Я был занят! — раздражённо рявкнул он прямо с порога. — Если вы опять случайно вскрыли межпространственную язву, я клянусь, в этот раз я просто уйду в лес и буду жить в болоте!

Он замолчал. Посмотрел на стол, на розовый домик, на

блёстки на морде Бруно, на мрачного Каэля и потом снова на домик.

— О нет, — очень тихо произнёс Грум.

Из домика донеслось очередное:

ПИУ.

Потом ещё одно.

ПИУ. ПИУ. ПИУ.

Грум побледнел.

— Это звуки насилия, — уверенно сказал Бруно.

— Нет, — прошептал Грум. — Это звуки физики, которая сдалась.

Он подскочил к столу и буквально впечатался лицом в пластиковое окно.

— Это полистирол?! — заорал он. — ВЫ ЗАСУНУЛИ ПРОСТРАНСТВЕННУЮ АНОМАЛИЮ В ДЕШЁВЫЙ ДЕТСКИЙ ПОЛИМЕР?!

— Мы не засовывали, — поправил Гаш. — Её само засосало.

— ЭТО ХУЖЕ!
Грум схватился за голову.

— Вы вообще понимаете, сколько энергии нужно, чтобы удерживать свёрнутое пространство внутри игрушечного домика?! Эта штука должна была взорваться ещё на этапе сборки!

— Но дверцы хорошие, — заметил Бруно.

— Я сейчас тебе дверцы к позвоночнику приварю!
Из домика снова донеслось:

ПИУ!

Потом:

ХРЯСЬ.
Все замолчали. Грум медленно повернулся к окну.

— Что там происходит? — спросил Каэль.

Гаш заглянул внутрь. Его металлическая челюсть задумчиво скрипнула.

— Ну… она душит плюшевого кролика.

Пауза.

— Насмерть? — уточнил Бруно.

— Концептуально.

Каэль поднялся со стула и медленно подошёл к домику. Сквозь мутное пластиковое окно внутри действительно виднелась крошечная гостиная с нарисованными единорогами на стенах. А посреди комнаты находилась Морра. Размером сантиметров пятнадцать, в салатовом платье и с абсолютно безумным выражением лица. Она сидела верхом на плюшевом кролике и пыталась его задушить. Кролик продолжал улыбаться.

— ПИУ! — раздавалось каждый раз, когда Морра вбивала его головой в пол.

— Она там адаптировалась быстрее, чем вы все к нормальной гигиене, — спокойно заметил Каэль.

— Она строит систему, — с уважением сказал Гаш.

Морра внутри домика внезапно вскочила на ноги и пнула второго плюшевого зверя. Тот улетел в картонный шкаф. ПИУ. Потом она развернулась к остальным игрушкам. Даже сквозь пластик было видно, как от неё буквально исходит аура маленького тоталитарного государства. Плюшевые звери в углу комнаты прижались друг к другу.

— Господи, — пробормотал Грум. — Она их терроризирует.

— Она лидер, — поправил Бруно.

— Она пятнадцать сантиметров ростом!

— Великие люди бывают разными.

— ОНА ФЕЯ В БЛЁСТКАХ!

Из домика донеслось яростное:

— ДИНЬ-ДИНЬ-ПИУ-СУКИ!

Грум отшатнулся от окна.

— Ладно. Хорошо. Спокойно. Мы сейчас вскроем домик и…

— Нет, — резко сказал Каэль.

— Почему нет?!

— Ты видел, как сделан этот пластик?

Грум посмотрел на домик, потом снова на Каэля, и вдруг весь его инженерный ужас стал абсолютно искренним.

— О боже… — прошептал он. — Тут даже несущих конструкций нет.

— Именно.

— Он держится на клее и детской лжи.

— Именно.

Грум медленно начал дышать в бумажный пакет, которого у него не было.

— Если я нарушу геометрию корпуса… пространство внутри может схлопнуться.

— Насколько плохо? — спросил Гаш.

Грум посмотрел на него взглядом человека, уставшего объяснять очевидное идиотам.

— Ты когда-нибудь видел, как четыре измерения выворачиваются через пластиковый унитаз?

— Нет.

— Я тоже! И ХОЧУ, ЧТОБЫ ТАК ОСТАЛОСЬ!

Внутри домика Морра тем временем уже построила плю-

шевых зверей в шеренгу. Она ходила перед ними с крошечной пластиковой палкой. Один из зайцев дрожал.

— Она организовала армию, — восхищённо сказал Бруно.

— Нет, — мрачно ответил Каэль. — Пока ещё только бюрократию.

Внутри домика Морра внезапно ударила зайца палкой.

ПИУ.

Заяц заплакал блёстками.

— Это худшее, что я видел за последние годы, — пробормотал Грум.

— А помнишь аккордеон? — спросил Гаш.

Грум побледнел.

— Не напоминай мне про аккордеон.

* * *

Внутри домика Морра тем временем окончательно пере-

шла от «панической жертвы обстоятельств» к стадии «военный диктатор в процессе становления». Она сорвала со стены розовую занавеску с единорогами — теперь это был плащ. Где-то раздобыла пластиковую тиару, ставшую короной. А крошечную палку, которой она избивала плюшевых зверей, судя по выражению её лица, мысленно уже переименовала в «Жезл Абсолютной Власти».

— Это развивается слишком быстро, — тихо сказал Грум.

Каэль продолжал наблюдать за происходящим с абсолютно непроницаемым лицом. Внутри домика Морра ходила перед строем плюшевых зверей так, словно собиралась через пятнадцать минут захватывать Польшу.

— ДИНЬ-ДИНЬ! — рявкнула она.

Звери вздрогнули. Один заяц не успел выпрямиться. Морра ударила его палкой.

ПИУ.

— Она установила дисциплину, — уважительно заметил Гаш.

— Она установила психоз, — ответил Грум.

— Разница условна.

Морра тем временем подтащила к центру комнаты игрушечный столик, запрыгнула на него и начала что-то орать. Судя по жестикуляции — речь была пламенной. Судя по лицам плюшевых зверей — они уже жалели, что родились синтепоном.

— Она их радикализирует, — прошептал Грум.

— Она мотивирует коллектив, — не согласился Бруно.

— Бруно, она только что ударила медведя табуреткой.

— Великие лидеры сложны.

Внутри домика Морра внезапно указала палкой куда-то за окно. Все плюшевые звери синхронно повернулись и по-

смотрели наружу. Прямо на Каэля.

Повисла пауза. Морра медленно подняла крошечную руку. И показала ему средний палец.

Очень маленький.

Очень блестящий.

Но невероятно злой.

Гаш не выдержал.

— ХА!

Каэль молча отпил вина.

— Она держится достойно, — спокойно произнёс он.

— Она там строит Северную Корею, — ответил Грум.

— У каждой женщины должно быть хобби.

Из домика донеслось:

— ДИНЬ-ПИУ-ДИНЬ!

Потом:

ПИУ.

Потом испуганный писк плюшевого зайца.

Грум резко отшатнулся от окна.

— Нет-нет-нет, мне это не нравится. Энергетический фон растёт.

Он вытащил из кармана странный механический прибор, напоминающий смесь компаса, счётчика Гейгера и нервного срыва. Стрелка прибора бешено крутилась. Прибор задымился, а потом тихо взорвался у него в руках.

Грум несколько секунд смотрел на обугленный металл.

— Отлично, — мрачно сказал он. — Пространство внутри игрушки уже начало жрать законы физики.

— Насколько это плохо? — спросил Бруно.

— Помнишь библиотеку?

Бруно задумался.

— Которая исчезла?

— Нет. Которая начала петь.

Бруно побледнел.

— О.

— Вот именно «о».

В этот момент домик тихо задрожал. По его пластиковым стенкам пробежала волна розового света. Изнутри донёсся хор плюшевых голосов:

— МЫ ЛЮБИМ ГОСПОЖУ ФЕЮ—

Потом:

ПИУ.

— Видимо, недостаточно искренне, — заметил Гаш.

Домик задрожал сильнее. Свечи в зале начали мигать, а тень от бокала Каэля вдруг стала нежно-сиреневой. Все замолчали. Каэль первым поднял взгляд.

— Грум.

— Я вижу.

Стены замка тихо загудели. Низко. Недовольно. Так звучит организм, обнаруживший внутри себя опухоль. Паркет под ногами дрогнул, а где-то далеко в глубине замка тяжело

заскрежетали древние механизмы.

А потом в дальнем конце зала кирпичная кладка начала раздвигаться. Медленно. С влажным скрежетом. Из стены показался огромный металлический пресс, покрытый засохшей кровью. Бруно уставился на него.

— Ой.

С потолка над столом с грохотом откинулась деревянная панель. Оттуда начала опускаться массивная плита с длинными ржавыми шипами. Грум побледнел ещё сильнее.

— Замок запускает иммунный ответ.

— Он хочет раздавить домик? — спросил Гаш.

— Он хочет раздавить ВСЁ!

Плита медленно опускалась вниз, шипы блестели в свете свечей. Домик продолжал тихо сиять розовым, а изнутри донеслось:

— ДИНЬ-ДИНЬ, ВПЕРЁД, МОИ ПОДДАННЫЕ!

— Она уже успела создать культ личности, — обречённо прошептал Грум.

Каэль поставил бокал на стол. Очень аккуратно.

— Сколько у нас времени?

Грум посмотрел на дрожащий домик. На шипованную плиту. На сиреневые тени. И сглотнул.

— Если пространственная матрица закрепится… её начнёт переписывать сам карманный мир.

— Говори нормально.

— Через десять минут она искренне захочет печь радужные кексы и дружить с солнцем.

Повисла пауза. Даже Бруно выглядел потрясённым.

— Это хуже смерти, — тихо сказал Гаш.

— Да, — согласился Каэль. — Значительно.

* * *

Грум начал лихорадочно рыться в карманах фартука. Оттуда на стол посыпались ржавые болты, отвёртка, чей-то палец, маленький огнемёт, половина механической крысы и бутерброд, который выглядел как биологическое оружие.

— Где оно… где оно… А, вот!

Он вытащил металлический цилиндр с надписью: «В

СЛУЧАЕ МЕЖПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАТАСТРОФЫ НЕ ТРОГАТЬ». Бруно ткнул когтем в надпись.

— А почему тогда оно у тебя в кармане?

— Потому что КТО-ТО постоянно устраивает межпространственные катастрофы!

Из домика донеслось:

— ДИНЬ-ДИНЬ, СЛАВА ИМПЕРИИ!

Потом:

ПИУ.

Потом приглушённый плач.

Грум нервно вздрогнул.

— Она уже начала экспансию.

— Она избивает плюшевых зверей, — уточнил Гаш.

— Любая империя с чего-то начинает!

Шипованная плита над столом опустилась ещё ниже, теперь её отделяло от домика меньше метра. Металлический пресс в стене с лязгом раскрылся, словно огромная челюсть.

Замок явно решил, что проще уничтожить половину столовой, чем терпеть происходящее. Если честно, Каэль был с ним согласен.

— План? — спросил он.

Грум посмотрел на цилиндр. Потом на домик. Потом снова на цилиндр. В его глазах читалась глубокая инженерная депрессия.

— Теоретически… мы можем принудительно схлопнуть карманную реальность.

— Теоретически? — переспросил Гаш.

— Да.

— А практически?

Грум помолчал.

— Практически нас может размазать по нескольким измерениям одновременно.

Бруно нахмурился.

— Это больно?

— Бруно, тебя будут собирать с потолка ложкой в четырёх параллельных вселенных.

— А. Тогда неприятно.

Внутри домика тем временем Морра уже стояла на игрушечном балконе. На ней теперь был плащ из шторы, а за её спиной маршировали плюшевые звери с зубочистками вместо копий. Один нёс пуговицу как щит.

— Она создала армию, — потрясённо прошептал Гаш.

— Она создала Вермахт Build-A-Bear, — мрачно уточнил Грум.

Морра указала палкой вперёд.

— ДИНЬ-ДИНЬ, ЗАВОЕВАТЬ КУХНЮ!

Плюшевые звери восторженно запищали.

Каэль медленно потёр переносицу.

— Я прожил восемьсот лет, — спокойно произнёс он. — Я видел падение империй. Видел чуму. Видел, как архиепископ однажды пытался жениться на шторме.

Пауза.

— Но это — самая унизительная катастрофа в моей жизни.

В этот момент один из плюшевых зайцев внутри домика попытался сбежать. Морра заметила. Наступила тишина. Очень короткая.

— ДИНЬ.

Заяц замер. Остальные игрушки медленно отступили в стороны. Бруно сглотнул.

— Ой, ему сейчас конец.

Морра подошла к зайцу и положила руку ему на плечо. Даже через пластиковое окно было видно, как бедный синтепоновый ублюдок дрожит от ужаса. Потом Морра медленно указала на крошечную розовую печь в углу кухни.

— Динь, — ласково сказала она.

Гаш выпрямился.

— Она заставляет его печь.

— Монстр, — прошептал Грум.

Заяц начал плакать блёстками. Морра ударила его палкой.

ПИУ.

— Господи, — выдохнул Бруно. — Она реально создала тоталитарное государство за пять минут.

— У эффективных людей плотный график, — заметил Гаш.

Шипованная плита опустилась ещё ниже. Теперь шипы почти касались крыши домика. Розовый пластик начал плавиться, изнутри ударил поток блёсток. Домик задрожал так сильно, что стол заскрипел. Грум резко побледнел.

— Всё. Всё-всё-всё. Поздно. Пространство закрепилось.

— Переведи.

— Домик начал считать себя настоящим миром.

Повисла пауза. Даже Каэль медленно поставил бокал.

— Это проблема?

Грум уставился на него.

— Каэль… если карманная реальность получает стабильность, она начинает расширяться.

Словно подтверждая его слова, розовая трещина медленно поползла по воздуху над столом. Из неё высыпались блёстки, а потом высунулась крошечная радуга. Бруно отшатнулся.

— Фу.

Трещина начала расти. Через секунду половина потолка столовой уже выглядела так, словно детский телеканал переживал демоническое вторжение. По каменным стенам поползли розовые цветы. Из ниоткуда заиграла жизнерадостная музыка. Где-то вдалеке закричал Грум номер два. У замка, к сожалению, было несколько Грумов.

— Оно распространяется, — обречённо сказал инженер.

Из домика раздался торжествующий вопль Морры:

— ДИНЬ-ДИНЬ, МЫ НЕСЁМ ЦИВИЛИЗАЦИЮ!

— Она колонизирует реальность, — прошептал Гаш с восхищением.

— Она колонизирует мои НЕРВЫ! — рявкнул Грум.

Каэль посмотрел на домик. Потом на расширяющуюся розовую трещину. Потом снова на домик. И впервые за весь вечер в его голосе прозвучала усталость человека, которого вселенная целенаправленно травит.

— Хорошо, — тихо произнёс он. — Мы идём внутрь.

Все замолчали. Бруно моргнул.

— В домик?

— Да.

— В розовый домик?

— Да, Бруно. В розовый домик.

Гаш осторожно поднял лапу.

— Чисто теоретически… нас там тоже могут превратить в фей?

Грум медленно посмотрел на него.

— Это лучший сценарий из доступных.

Повисла очень тяжёлая пауза. Потом внутри домика раздалось:

— ДИНЬ-ДИНЬ! ПОДГОТОВИТЬ КЕКСОВУЮ АРТИЛЛЕРИЮ!

Каэль закрыл глаза.

— Конец света наступил удивительно унизительно.

* * *

Грум поставил металлический цилиндр на стол с осторожностью сапёра, которому очень хочется сменить профессию. Цилиндр был размером с термос, а сбоку красовалась ещё одна надпись: «НЕ ВСТРЯХИВАТЬ». Бруно немедленно его потряс. Внутри что-то зловеще забулькало.

Грум побелел так быстро, словно из него одним движением выкачали всю кровь.

— БРУНО!

— Я проверял.

— ЧТО ПРОВЕРЯЛ?!

— Ну… насколько оно «не встряхивать».

Грум несколько секунд молча смотрел в потолок с той глубокой усталостью человека, который однажды мечтал строить мосты.

— Иногда, — тихо произнёс он, — я думаю, что настоящий монстр здесь не Каэль.

— Спасибо, — спокойно сказал Каэль.

— Я не про тебя.

Розовая трещина над столом выросла ещё сильнее. Теперь из неё периодически вылетали блёстки, маленькие сердечки и миниатюрные радуги, которые медленно кружились в воздухе как радиоактивная пыльца. Одна радуга приземлилась Бруно на нос. Он чихнул. Из пасти вылетело облако блёсток.

Повисла пауза.

— О нет, — тихо сказал Грум.

Бруно моргнул. Потом ещё раз.

— Почему у меня лапы сверкают?

— Потому что реальность уже начала тебя заражать.

— Это опасно?

— Ты буквально спрашиваешь меня об этом, блестя как проститутка на детском утреннике.

Гаш наклонился ближе к Бруно.

— Слушай… а ты вкусно пахнешь.

Все резко повернулись к нему. Гаш смущённо почесал

шею.

— Что? Я просто сказал.

Бруно понюхал собственную лапу. И замер.

— О господи.

— Что? — спросил Каэль.

— Она пахнет клубникой…
Тишина. Тяжёлая. Гробовая.

— Всё, — мрачно произнёс Грум. — Мы теряем его.

— Я НЕ ТЕРЯЮСЬ!

Бруно снова понюхал лапу.

— Хотя… довольно приятный запах.
Грум начал быстро раскладывать на столе инструменты: медные катушки, стеклянные ампулы, провод, кусок человеческого позвоночника и почему-то маленькую ложку. Каэль посмотрел на ложку.

— Это зачем?

— Я не знаю. Но каждый раз, когда происходит катастрофа, она каким-то образом оказывается рядом.

— Возможно, ложка проклята, — предположил Гаш.

— Возможно, проклята сама наша жизнь!

Внутри домика Морра тем временем уже стояла на игрушечной кухне перед огромной картой, нарисованной мелками. На карте было написано: «ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ». А под этим: 1. КУХНЯ, 2. ГОСТИНАЯ, 3. ВЕСЬ МИР, 4. УБИТЬ БРУНО.

— О, — сказал Бруно. — Она всё ещё злится.

— Меня поражает, что тебя удивил именно четвёртый пункт, — ответил Каэль.

Морра внутри домика резко развернулась, посмотрела прямо наружу и начала яростно тыкать палкой в сторону Каэля.

— ДИНЬ-ДИНЬ-ПИУ-ДОСТАНЬ МЕНЯ ОТСЮДА!

— Кажется, переводчик начинает работать, — задумчиво сказал Гаш.

— Нет, — ответил Грум. — Мы просто достаточно долго слушаем это дерьмо.

В этот момент шипованная плита наконец коснулась крыши домика. Раздался скрежет. Замок попытался раздавить аномалию. Домик ответил мгновенно: розовый свет ударил вверх, шипы за секунду покрылись блёстками, а потом на них появились маленькие улыбающиеся наклейки с солнышками. Все уставились на это.

— Замок сейчас заплачет, — тихо сказал Гаш.

Из глубины стен донёсся низкий, почти оскорблённый гул, словно древняя живая крепость только что пережила личное унижение. Плита медленно начала отъезжать обратно. Не потому что победила. А потому что ей стало противно.

— Невероятно, — прошептал Грум. — Карманная реальность ассимилирует защитные механизмы.

Бруно смотрел на улыбающийся шип.

— Он стал добрее.

— Он стал РОЗОВЕЕ!

Внезапно в дальнем углу столовой раздалось:

ПИУ.

Все обернулись. Один из доспехов, стоявших у стены последние лет триста, теперь был покрыт блёстками. На шлеме появилась улыбка.

Гаш медленно попятился.

— Каэль.

— Да.

— Замок начинает феминизироваться.

— Это не феминизм, — мёртвым голосом сказал Грум. — Это гораздо хуже. Это брендирование.

Грум медленно снял сварочную маску, потёр лицо руками и посмотрел на улыбающийся доспех. Потом на домик. Потом снова на доспех.

— Я учился пятнадцать лет, — тихо произнёс он. — Пятнадцать. Лет. Чтобы заниматься инженерией пространственных структур.

Он ткнул пальцем в улыбающийся шлем.

— А сейчас я стою посреди готического замка и наблю-

даю, как доспехи становятся эмоционально доступными.

— Возможно, это их личностный рост, — предположил Гаш.

— Я тебя ударю.

В этот момент один из старинных портретов на стене внезапно ожил. Изображённый на нём мрачный герцог с отрубленной головой медленно моргнул, посмотрел по сторонам, а потом широко — слишком широко — улыбнулся.

— УБИВАЙ С УЛЫБКОЙ! — радостно проорал он.

Бруно вздрогнул.

— Ой, мне не нравится новый стиль замка.

— Мне тоже, — признался Каэль. — Раньше здесь хотя бы была профессиональная депрессия.

Розовая трещина над столом продолжала расползаться по потолку. Из неё уже свисали маленькие пластиковые облака, одно из которых начало тихо моросить блёстками. Грум поднял взгляд вверх и застыл.

— Нет.

— Что ещё? — устало спросил Каэль.

Грум медленно указал дрожащим пальцем на люстру. Все посмотрели. Огромная готическая люстра из чёрного железа и костей начала меняться. Свечи становились короче, кости — белее и округлее, а в центре конструкции медленно появилась розовая сердечкообразная подвеска.

— О нет, — выдохнул Гаш.

— Она добралась до декора.

— Если эта штука тронет мою мастерскую, — прошептал Грум, — я лично взорву планету.

Из домика внезапно донёсся оглушительный крик Морры:

— ДИНЬ-ДИНЬ! ПОДГОТОВИТЬ МАШИНУ РАДОСТИ!

Повисла пауза.

— Мне не нравится словосочетание «машина радости», — признался Бруно.

— Нормальному существу и не должно, — ответил Каэль.

Внутри домика началось движение. Плюшевые звери в панике бегали по комнатам, таща кубики, ленточки, игрушечную посуду и почему-то маленькую бетономешалку.

Гаш прищурился.

— Она строит инфраструктуру.

— Она строит концлагерь для здравого смысла! — рявкнул Грум.

В этот момент из домика выехало нечто маленькое, розовое, на колёсиках и с трубой сверху. Все молча уставились.

— Это танк? — осторожно спросил Бруно.

Грум посмотрел внимательнее. Потом закрыл глаза.

— Это кексомёт.

— Что?

— Она построила артиллерию, стреляющую кексами.

Словно подтверждая его слова, из крошечной пушки с хлопком вылетел маленький розовый кекс. Он пролетел через трещину в воздухе и шлёпнулся Каэлю прямо в лицо.

Тишина.

Абсолютная.

Крем медленно сползал по его щеке. На кексе была улыбающаяся клубничка. Бруно начал задыхаться, Гаш отвернулся к стене и затрясся, Грум закрыл рот рукой. Каэль очень медленно снял кекс с лица, посмотрел на него, потом на домик. Из окна игрушечной башни выглядывала Морра — маленькая, яростная, с крошечной подзорной трубой.

— ДИНЬ-ДИНЬ, УБЛЮДОК! — донеслось изнутри.

Гаш не выдержал первым. Он согнулся пополам, из его пасти вырвался хриплый, абсолютно чудовищный ржач.

— ОНА… ХА… ОНА ОБСТРЕЛИВАЕТ ТЕБЯ ВЫПЕЧКОЙ…

Бруно рухнул на колени. Его трясло.

— КЕКСОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ…

Даже у Грума началась истерика.

Только Каэль продолжал стоять неподвижно. С кексом в руке. С кремом на лице. И с тем выражением абсолютной внутренней тьмы, которое бывает у древнего бессмертного существа за секунду до массового убийства. Он медленно вытер щёку салфеткой.

— Грум.

— Д-да?

— Как попасть внутрь?

Все моментально перестали смеяться. Грум сглотнул.

— Нужно синхронизировать размеры пространства.

— Переведи.

— Нам придётся уменьшиться.

Бруно резко выпрямился.

— О нет.

— О да.

— Я не хочу быть маленьким!

— Бруно, тебя сейчас уже побеждает пятнадцатисантиметровая фея с кексомётом.

Пауза.

— Это нечестно, — тихо сказал Бруно.

Грум уже возился с цилиндром. Он открутил боковую крышку, и изнутри выдвинулась сложная конструкция из медных колец, стеклянных трубок, крошечных поршней и детали, подозрительно напоминающей кофеварку.

— Почему это выглядит как самогонный аппарат? — спросил Каэль.

— Потому что гениальность и алкоголизм часто идут рядом.

— Это не ответ.

— Это буквально техническая документация.

Из домика снова выстрелил кекс. На этот раз в Гаша.

ШМЯК.

Крем размазался по его металлической пластине. Повисла пауза. Гаш медленно слизнул крем языком. И замер.

— О нет, — прошептал он.

— Что? — спросил Бруно.

Гаш посмотрел на кекс, потом на домик, потом снова на кекс.

— Он вкусный.

В столовой стало тихо. Даже замок, кажется, перестал скрипеть от ужаса. Грум медленно поднял голову.

— Насколько вкусный?

— Очень.

— Насколько «очень»?

Гаш задумался.

— Я бы убил за рецепт.

— ВСЁ! — заорал Грум. — Пространственная инфекция уже проникла в пищевую цепочку!

Внутри домика Морра услышала это. Даже снаружи было видно, как она расправила плечи, как человек, внезапно осознавший своё превосходство.

— ДИНЬ-ДИНЬ, МЫ ПОБЕЖДАЕМ!

Плюшевые звери радостно запищали.

Кексомёт выстрелил снова. На этот раз сразу тремя кексами. Бруно пригнулся. Один попал в стену, второй — в портрет герцога, а третий угодил прямо в металлический пресс. И произошло страшное. Пресс издал счастливый механический гул.

Все замолчали. Пресс начал покрываться розовой краской, а на боковой панели появилась надпись: «ОБНИМАШКИ».

— Нет, — прошептал Грум. — Нет-нет-нет-нет…

Металлическая конструкция издала радостный ПИНЬ. И вместо того чтобы раздавить стол, пресс медленно раскрыл-

ся, словно хотел кого-то обнять. Бруно отшатнулся.

— Мне страшно.

— МНЕ ТОЖЕ! — рявкнул Грум. — ЭТО ПРЕСС ДЛЯ ПЕРЕМАЛЫВАНИЯ КОСТЕЙ!

Из домика донёсся злорадный смех Морры:

— ДИНЬ-ДИНЬ-ХАХАХА!

Каэль молча смотрел на происходящее. Потом перевёл взгляд на Грума.

— Сколько времени?

Грум посмотрел на прибор. Тот дымился, стрелка вращалась как бешеная, а потом прибор начал играть весёлую мелодию. Грум с ненавистью швырнул его в стену.

— Минут пять до полной ассимиляции замка!

— Что произойдёт потом?

— Всё станет… таким.

Он обвёл рукой комнату. Улыбающийся пресс радостно ПИНЬкнул. С потолка посыпались блёстки. Портрет герцога показал всем большой палец.

Каэль помолчал.

— Ясно.

Он медленно снял перчатки. Это движение заметили все. Даже Бруно.

— Ой, — тихо сказал оборотень.

Потому что все в замке знали: если Каэль снимает перчатки — кто-то очень скоро перестанет существовать. Из-под чёрной ткани показались его руки — бледные, испещрённые тонкими тёмными линиями, похожими на трещины в фарфоре. Воздух в столовой сразу стал тяжелее, свечи начали чадить чёрным дымом, и даже розовая музыка на секунду сбилась.

Из домика выглянула Морра, увидела руки Каэля и замерла.

— Динь?.. — уже не так уверенно прозвучало изнутри.

Каэль подошёл к домику. Медленно. Спокойно. Как человек, который собирается решить проблему самым нездоровым способом из возможных.

— Каэль, — осторожно сказал Грум. — Не надо ломать пространственную структуру голыми руками.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз у нас появилась Австралия!

— Это был несчастный случай.

— ТАМ ДО СИХ ПОР ПАУКИ РАЗМЕРОМ С СОБАКУ!

Каэль проигнорировал его. Он наклонился к пластиковому окну. Морра зависла внутри комнаты посреди своих плюшевых солдат — маленькая, блестящая, в салатовом платье, с крошечной короной и с абсолютно демоническим взглядом. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом Морра медленно подняла кексомёт.

— Динь, — тихо предупредила она.

Каэль даже не моргнул.

— Морра.

— Динь.

— Ты закончила?

Морра прищурилась, потом ткнула палкой в плюшевых зверей. Они синхронно навели зубочистки на Каэля.

— …Динь.

Гаш нервно кашлянул.

— По-моему, это объявление войны.

— По-моему, — спокойно ответил Каэль, — она забыла, кто именно научил её быть чудовищем.

Повисла очень нехорошая пауза. Даже Морра слегка напряглась. А потом Каэль положил ладонь на крышу домика. И пластик начал трещать.

* * *

Тонкие чёрные трещины на руках Каэля медленно засветились тусклым багровым светом. Домик заскрипел — сначала тихо, потом громче, а затем так, будто внутри пластмассового корпуса кто-то пытался ломом вскрыть саму реальность. Розовые стены начали деформироваться, крыша прогнулась, и из окон ударили потоки блёсток.

— ДИНЬ-ДИНЬ-НЕТ! — взвизгнула Морра.

Плюшевые звери в панике заметались по комнате. Кексомёт начал беспорядочно стрелять, и розовые кексы разлетались по столовой, как артиллерийский обстрел для людей с тяжёлой психологической травмой. Один врезался в люстру, заставив её радостно зазвенеть. Второй попал в улыбающийся пресс, и тот возбуждённо ПИНЬкнул. Третий шлёпнулся

прямо Груму в лицо. Грум даже не стал его снимать.

— Каэль! — проорал он сквозь крем. — Если ты продавишь контур слишком резко, пространство внутри может вывернуться наружу!

— Хорошо.

— В смысле «хорошо»?!

— Тогда проблема выйдет ко мне сама.

— ЭТО НЕ ТАК РАБОТАЕТ!

Пластик затрещал ещё сильнее. На стенах домика начали появляться чёрные прожилки, словно сама тьма пыталась задушить розовый кошмар изнутри. Морра зависла в воздухе перед Каэлем — крошечная, яростная, с растрёпанными стрекозиными крыльями.

— ДИНЬ-ДИНЬ, ПРЕКРАТИ!

Каэль слегка наклонил голову.

— О, голос почти вернулся.

— ДИНЬ… сука.

— Уже лучше.

Гаш нервно переводил взгляд с Каэля на домик.

— По-моему, они сейчас либо помирятся, либо уничтожат причинно-следственные связи.

— Ставлю на второе, — мрачно сказал Грум.

Внутри домика тем временем началась гражданская война. Плюшевые звери, видимо, почувствовав ослабление режима, внезапно восстали. Один медведь ударил другого кубиком, заяц опрокинул кексомёт, а игрушечная бетономешалка перевернулась и начала крутиться по комнате как обезумевшая стиральная машина.

— О, — сказал Бруно. — Революция.

— Нет, — ответил Гаш. — Это обычный вторник в маленькой диктатуре.

Морра обернулась, увидела хаос, и у неё дёрнулся глаз.

— ДИНЬ.

Все плюшевые звери мгновенно замерли. Даже бетономешалка будто испугалась. Морра медленно подняла палку и указала на медведя.

— Динь.

Медведь начал плакать блёстками.

— Господи, — прошептал Бруно. — Она реально держит их в страхе.

Каэль смотрел только на Морру. Домик трещал под его ладонью всё сильнее, розовый свет начал мерцать. Реальность внутри сопротивлялась. Именно это бесило Каэля больше всего, потому что мироздание сейчас буквально говорило: «Нет, знаешь что? Мне эта версия Морры нравится больше». Это было оскорбительно.

— Каэль, — напряжённо сказал Грум. — Если будешь давить сильнее, контур лопнет.

— Отлично.

— НЕ ОТЛИЧНО!

Каэль медленно сжал пальцы.

ТРЕСК.

По крыше домика пошла огромная чёрная трещина.

Внутри всё замерло. Морра резко подняла голову, и впервые за всё время на её лице появился настоящий ужас. Потому что она знала этот взгляд. Тот самый. Который у Каэля появлялся только в двух случаях: либо он собирался кого-то убить, либо кто-то его действительно разозлил. И второе бы-

ло намного хуже.

— Динь… — уже совсем тихо сказала Морра.

Каэль посмотрел прямо ей в глаза.

— Ты закончила играть в принцессу?

Повисла пауза. Морра медленно оглянулась на плюшевую армию, разрушенный кексомёт, горящий игрушечный шкаф и зайца, который всё ещё плакал в углу. Потом снова посмотрела на Каэля.

— …Динь.

— Я воспринимаю это как «да».

И в этот момент домик не выдержал.

КРРРАК.

Крыша взорвалась наружу облаком блёсток, щепок и розового света. Столовую затопила ударная волна. Бруно снесло в стену, Гаш опрокинул стол, а Грум заорал что-то очень техническое и очень матерное одновременно.

А посреди взрыва реальности стояла Морра. Уже нормального роста. В разорванном салатовом платье, с перекошенной короной, с бешеными глазами и с крошечным плюшевым медведем, которого она всё ещё держала за шею.

Наступила тишина. Морра медленно посмотрела на мед-

ведя. Потом очень спокойно положила его на стол, разгладила ему шерсть и произнесла с ледяным достоинством:

— Никто. Ничего. Не видел.

Пауза.

— Мы видели всё, — честно сказал Гаш.

Морра повернула голову.

— Гаш.

— Да?

— Я вырежу твою печень и заставлю Бруно играть ею в футбол.

Бруно задумался.

— А можно американский футбол?

— ЗАТКНИСЬ! — рявкнула Морра.

И именно в этот момент улыбающийся пресс за её спиной радостно раскрыл объятия и сказал:

— ОБНИМАШКИ!

Повисла пауза. Очень длинная. Очень опасная. Морра медленно повернула голову. Посмотрела на пресс. Посмотрела на домик, на блёстки, на кексы, на своё платье и на крылья, которые всё ещё торчали у неё за спиной. И Каэль впервые за много лет увидел на её лице выражение человека, который находится ровно в двух секундах от полноценного психотического срыва.

Грум медленно сделал шаг назад, потом ещё один. Инженерный инстинкт подсказывал ему очень важную вещь: когда древняя теневая сущность находится на грани нервного срыва — лучше быть как можно дальше. Желательно в другой стране.

Морра стояла неподвижно. Слишком неподвижно. Это был плохой знак, потому что обычно она орала, угрожала, проклинала поколения или пыталась кого-нибудь зарезать. Но сейчас она молчала, а это уже пахло массовым захоронением. С её крыльев медленно осыпались блёстки, глаза дёргались, пальцы тоже. Улыбающийся пресс за её спиной снова радостно распахнул объятия.

— ОБНИМАШКИ!

Морра закрыла глаза, очень медленно вдохнула, потом выдохнула. Каэль внимательно наблюдал за ней поверх бокала вина.

— Морра, — спокойно произнёс он. — Не ломай замок.

Она открыла глаза.

— Не ломать замок? — тихо переспросила она. Её голос был пугающе спокойным. — После того как меня превратили в летающий кусок сахарного психоза?

— Технически ты сама построила империю.

— Я БЫЛА В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА!

— Ты организовала налоговую систему.

— ЭТО БЫЛО ВРЕМЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕШЕНИЕ!

Гаш осторожно поднял лапу.

— Если честно, экономика у них начала стабилизироваться.

Морра медленно повернулась к нему.

— Гаш.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты понял одну важную вещь.

— Какую?

— Когда я буду убивать тебя… это не будет эмоциональным решением.

Гаш кивнул.

— Уважаю профессиональный подход.
Из стены внезапно донеслось радостное:

— ДРУЖБА!

Все замерли. Потом очень медленно повернулись. Один из каменных горгулий на стене теперь улыбался, а на его шее появился розовый бантик. Повисла тишина. Грум посмотрел на горгулью, потом на Морру, потом снова на горгулью.

— Нам конец.

— Почему? — спросил Бруно.

— Потому что замок начинает принимать изменения как норму.

— А это плохо?

Грум уставился на него так, словно хотел ударить самой концепцией физики.

— Бруно… у нас горгулья говорит про дружбу.

— Может, она просто повзрослела.

— Я сейчас тебе голову гаечным ключом повзрослею!

Морра медленно подошла к улыбающемуся прессу. Тот радостно потянулся к ней металлическими плитами.

— ОБНИМ—

ХРЯСЬ.

Морра ударила его кулаком. Пресс впечатало обратно в стену, из механизма посыпались шестерёнки и блёстки.

— НОРМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НЕ ДОЛЖНЫ ХОТЕТЬ ОБНИМАТЬСЯ! — заорала она.

Замок обиженно загудел, и с потолка грустно осыпалось немного розовой пыли. Каэль едва заметно улыбнулся. Очень едва. Но Гаш заметил.

— О, — сказал он. — Тебе весело.

— Нет.

— Ты улыбаешься.

— Это лицевая судорога.

Морра резко повернулась.

— ТЫ. НЕ. УЛЫБАЕШЬСЯ.

— Уже нет.

— Я ВИДЕЛА.

Гаш снова начал трястись от смеха.

— Она реально построила диктатуру в игрушечном домике…

— Гаш, — предупредил Каэль.

— …с кексовой артиллерией…

— Гаш.

— …и налоговой системой—

Морра метнула в него плюшевого медведя. Медведь ударил Гаша в морду.

ПИУ.

Повисла пауза. Все уставились на игрушку, даже Морра. Медведь продолжал улыбаться. Гаш очень медленно поднял его двумя пальцами.

— Он пищит.

ПИУ.

В этот момент по столовой прокатилась дрожь. Розовая трещина на потолке наконец остановилась. Музыка стихла, блёстки начали медленно растворяться в воздухе. Замок словно тяжело выдохнул. Горгулья перестала улыбаться, бантик исчез. Пресс жалобно скрипнул и снова стал просто прессом для чудовищных средневековых убийств.

Нормальность возвращалась. Ну. Насколько вообще это слово подходило данному месту.

Грум первым заметил проблему. Он посмотрел на Морру, прищурился, потом очень осторожно спросил:

— Эм… а крылья так и должны остаться?

Повисла тишина. Морра медленно застыла, потом очень медленно повернула голову назад. Крылья были на месте —

полупрозрачные, стрекозиные, слегка мерцающие. Из них всё ещё сыпались блёстки.

Пауза.

— О нет, — прошептал Бруно.

Морра посмотрела на Каэля. Каэль посмотрел на крылья. Потом снова на Морру. И впервые за весь вечер не смог сразу подобрать слова. Это было настолько редким событием, что даже Гаш перестал дышать.

— Морра… — осторожно начал Каэль.

Крылья внезапно дёрнулись и распылили ему в лицо облако золотой пыльцы.

Повисла тишина. Каэль моргнул, потом ещё раз. Потом очень медленно посмотрел на свою руку. На пальцах остались блёстки. Грум побледнел.

— Нет.

Каэль поднял взгляд.

— Что «нет»?

— По-моему… — очень тихо произнёс инженер, — оно теперь заразно.

Тишина в столовой стала настолько плотной, что ею можно было душить. Каэль медленно посмотрел на блёстки на своей руке, потом на Морру, потом снова на руку. И впервые за весь вечер в его глазах появилось не раздражение. Не усталость. А настоящий, искренний ужас.

— Нет, — спокойно произнёс он.

Грум нервно сглотнул.

— Каэль…

— Нет.

— Я просто предполагаю—

— Нет.

— Но симптомы совпадают—

— ГРУМ.

Инженер замолчал. Потому что голос Каэля сейчас звучал так, как обычно звучат последние слова перед государственным переворотом.

Бруно осторожно подошёл ближе, понюхал воздух и за-

мер.

— Ой.

Все медленно повернулись к нему.

— Что «ой»?

Бруно нервно ткнул когтем в сторону Каэля.

— От него пахнет клубникой.

Повисла пауза. Гаш сел. Прямо на пол. Просто потому что ноги перестали держать.

— Нет… — простонал Грум. — Нет-нет-нет-нет-нет…

Морра уставилась на Каэля. Потом очень медленно… очень медленно начала улыбаться. Это была страшная улыбка. По-настоящему страшная. Потому что впервые за весь вечер проблема происходила не с ней.

— Каэль, — почти ласково произнесла она. — От тебя пахнет счастьем.

— Я убью вас всех.

— Уже поздно.

Крылья за её спиной радостно дёрнулись, обсыпав Каэля новой порцией пыльцы. Грум схватился за голову.

— Пыльца — переносчик! Пространственная мутация закрепилась в биологическом контуре!

— Переведи, — мрачно сказал Гаш.

— Фея теперь инфекционна!

Бруно снова понюхал воздух. И вдруг у него расширились зрачки.

— О нет…

— Что ещё?! — заорал Грум.

Бруно посмотрел на Каэля. Смущённо.

— Он теперь тоже вкусно пахнет. Ну… как дорогой торт.

Гаш согнулся пополам. Из него вырвался настолько нечеловеческий ржач, что одна из свечей потухла от вибрации воздуха.

— ДРЕВНИЙ ЛОРД ТЬМЫ ПАХНЕТ КАК КОНДИТЕРСКАЯ—

Каэль посмотрел на блёстки на своей ладони. Потёр паль-

цы. Блёстки не исчезли. Наоборот, стали ярче. И в этот момент произошло самое страшное. Очень маленькое. Очень тихое. Но абсолютно чудовищное. Уголок губ Каэля слегка дёрнулся вверх. Буквально на миллиметр. Словно организм самопроизвольно попытался улыбнуться. Все это увидели. Все.

Морра первой медленно открыла рот.

— Нет…

Гаш выглядел так, словно сейчас умрёт от счастья.

— ОН УЛЫБНУЛСЯ.

— Я НЕ УЛЫБАЛСЯ.

— Я ВИЖУ!

— ЭТО БЫЛА СУДОРОГА!

— СУДОРОГА РАДОСТИ!

Бруно начал пятиться назад.

— Мне страшно.

— Мне тоже, — прошептал Грум. — Потому что если Ка-

эль начнёт искренне радоваться жизни… возможно, наступит Апокалипсис.

Каэль медленно встал. Очень медленно. С той жуткой плавностью, которая бывает у хищников перед прыжком. Блёстки продолжали мерцать на его руках. В воздухе едва уловимо пахло клубникой.

— Так, — спокойно сказал он. И все сразу напряглись ещё сильнее, потому что спокойный Каэль был гораздо опаснее злого. — Сейчас вы все очень внимательно меня послушаете.

Снизу снова донеслось:

♪ ОБНИМИ СВОЕГО БЛИЖНЕГО ♪

Где-то в замке истерично закричал ещё один Грум.

Каэль закрыл глаза. Медленно вдохнул. И когда снова открыл их — в них было то самое выражение древнего чудовища, которое только что решило, что миру пора страдать вместе с ним.

— Мы идём в подвал, — произнёс он. — И будем выжигать это дерьмо из реальности.

* * *

Подвал встретил их привычным запахом машинного масла, раскалённого железа, сырости и накопленной за века инженерной ненависти. Это было самое безопасное место в замке. Что, учитывая наличие цепных прессов, автоклавов, демонических генераторов и ямы «НЕ ЗАГЛЯДЫВАТЬ», говорило о многом.

Грум шёл впереди с фонарём. Точнее — с промышленным огнемётом, который он называл фонарём.

— Осторожнее! — рявкнул он, перепрыгивая через толстый кабель. — Не наступайте на красные трубы!

Бруно посмотрел вниз.

— А что будет?

— Не знаю. Но в прошлый раз стены начали лаять.

Все аккуратно переступили трубы. Кроме Гаша. Он наступил сразу на две. Подвал немедленно гавкнул. Громко. Из темноты отозвался ещё один лай. Потом ещё. Повисла пауза.

— Гаш… — очень тихо произнёс Грум.

— Да?

— Ты разбудил котёл.

В глубине подвала что-то тяжело задышало. Каэль даже не повернул головы.

— Не сегодня.

Из темноты разочарованно вздохнули, и подвал успокоился.

Морра шла позади всех — мрачная, злая и всё ещё с крыльями. Они раздражённо подёргивались за её спиной, иногда осыпая пол блёстками. Грум каждый раз болезненно морщился.

— Не сыпь это на оборудование.

— Я НЕ КОНТРОЛИРУЮ БЛЁСТКИ!

— Вот поэтому я и ненавижу магию!

Каэль шёл молча, но воздух вокруг него продолжал пахнуть клубникой, и это нервировало всех. Особенно самого Каэля. Он выглядел как человек, который уже мысленно совершил массовое убийство, но пока ещё выбирает последовательность.

Они остановились у огромной круглой двери. На металле была выцарапана надпись: «КАМЕРА АНТИОНТОЛОГИЧЕСКОГО ОЧИЩЕНИЯ». Ниже кто-то приписал: «И НЕ СУЙТЕ ТУДА ЖИВОТНЫХ». Ещё ниже: «СНОВА». Грум

приложил ладонь к замку, механизмы внутри тяжело провернулись, и дверь медленно открылась.

За ней находился огромный круглый зал. Стены были покрыты медными катушками, цепями и вращающимися кольцами с выгравированными символами. В центре стояло металлическое кресло с ремнями. Бруно сразу остановился.

— О нет.

— О да, — мрачно сказал Грум.

— Это кресло выглядит незаконно.

— Это потому что оно старше большинства законов.

Каэль вошёл первым. Блёстки на его рукаве всё ещё мерцали. Морра смотрела на них с откровенным злорадством.

— Тебе идёт.

— Морра.

— Что?

— Я всё ещё могу тебя убить.

— Не-а.

Она указала на его плечо. Каэль посмотрел. На воротнике сидел крошечный блестящий мотылёк. Розовый. С сердечками на крыльях. Повисла пауза. Мотылёк радостно пискнул:

— ПИУ!

Гаш рухнул на колени от смеха, а Бруно врезался лбом в стену, пытаясь не заржать. Даже Грум отвернулся и начал очень подозрительно кашлять.

Каэль медленно снял мотылька двумя пальцами, посмотрел на него. Мотылёк улыбнулся.

— ПИУ!

Каэль сжал пальцы. Мотылёк исчез в маленьком облаке блёсток.

Тишина.

— Ну всё, — простонал Гаш. — Теперь он убьёт нас точно.

— Нет, — неожиданно спокойно сказал Каэль.

Все замерли. Он посмотрел на остатки блёсток на ладони, а потом очень медленно произнёс:

— Сначала мы решим проблему.

— А потом? — осторожно спросил Бруно.

Каэль перевёл взгляд на него. И улыбнулся. По-настоящему. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило. Потому что в этот момент все в комнате поняли: инфекция прогрессирует.

Бруно побледнел.

— О боже… у него появилась мимика.

Грум быстро начал дёргать рычаги на панели.

— Так! План простой! Мы помещаем Каэля в кресло, запускаем антирезонансное поле и выжигаем из него сказочную заразу!

— Почему это звучит как средневековая казнь? — спросил Гаш.

— Потому что половину оборудования я реально украл у инквизиции!

Из стены внезапно выдвинулись механические манипуляторы. Один держал шлем. Второй — огромную иглу. Третий почему-то нёс музыкальную шкатулку. Грум уставился на неё.

— А ТЫ ТУТ ОТКУДА?!

Шкатулка сама открылась. Заиграла весёлая мелодия, и тоненький механический голосок пропел:

♪ ДРУЖБА ПОБЕЖДАЕТ ВСЁ-О-О ♪

В подвале стало тихо. Очень тихо. Грум медленно достал револьвер. И выстрелил в шкатулку шесть раз подряд.

БАХ. БАХ. БАХ. БАХ. БАХ. БАХ.

Шкатулка замолчала. Потом из дымящихся обломков тихо донеслось:

♪ …кроме налогов… ♪

Грум закричал.

Он орал секунд десять. Не словами. Просто чистым, концентрированным инженерным отчаянием. Потом схватил шкатулку и швырнул её в дальний угол лаборатории. Оттуда донеслось:

♪ АЙ! ♪

Все медленно повернули головы. Повисла пауза.

— Она… — очень тихо начал Бруно. — Она сейчас сказала «ай»?

— НЕ СМОТРИТЕ НА НЕЁ! — заорал Грум. — ОНА ПИТАЕТСЯ ВНИМАНИЕМ!

Все немедленно отвернулись. Из угла обиженно донеслось:

♪ БУКИ… ♪

Каэль сел в кресло. Тяжёлое металлическое сооружение недовольно заскрипело под его весом. Манипуляторы вокруг сразу ожили: один начал надевать ему на голову массивный медный обруч, второй защёлкнул фиксаторы на руках, а третий зачем-то попытался пристегнуть ему плюшевого зайца. Грум с воплем ударил манипулятор гаечным ключом.

— НЕ СЕЙЧАС!

Манипулятор обиженно сложился.

Морра стояла рядом, скрестив руки. Крылья раздражённо жужжали за её спиной.

— Ты выглядишь нелепо.

Каэль поднял на неё взгляд.

— Я это запомню.

— Уже запоминаешь с улыбкой.

— Морра.

— Что?

— Если я переживу этот вечер, я превращу тебя в ковёр.

— А если не переживёшь?

Пауза.

— Тогда ты останешься единственной феей-военной преступницей в истории.

Грум тем временем носился вокруг установки как человек, пытающийся предотвратить конец света отвёрткой и матом. Что, если честно, довольно точно описывало ситуацию.

— Так! — рявкнул он. — Когда я включу поле, возможны побочные эффекты!

— Какие? — спросил Бруно.

— Пространственная рвота.

— Это как обычная?

— Это когда тебя тошнит собственной геометрией!

Бруно побледнел.

— А.

— Ещё вопросы?
Гаш поднял лапу.

— Насколько вероятен взрыв?

Грум посмотрел на шкалу прибора. Шкала дымилась.

— Очень.

— А если всё пойдёт хорошо?

— Тогда взрыв будет контролируемым.
Из угла снова донеслось:

♪ ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ ДРУЖНО-О-О ♪

Грум выстрелил туда ещё раз.

БАХ.

— ЗАТКНИСЬ!

Шкатулка тихо захихикала.

Морра подошла ближе к Каэлю, наклонилась и внимательно посмотрела ему в лицо.

— Хм. У тебя блёстка на реснице.

Повисла тишина. Грум медленно перекрестился. Гаш отвернулся к стене и начал беззвучно умирать от смеха.

Бруно шепнул:

— Он красивый.

— БРУНО! — одновременно рявкнули все.

— Что?! Я образно!

Каэль закрыл глаза. Очень медленно, очень глубоко вдохнул. И именно в этот момент установка включилась.

ВОООООМ.

По залу прокатилась тяжёлая вибрация. Медные кольца вокруг кресла начали вращаться, символы на стенах вспых-

нули багровым светом. Воздух запах озоном, горелым металлом и чем-то очень неправильным. Блёстки на руках Каэля вспыхнули золотом.

— Поле активировано! — заорал Грум сквозь гул механизмов. — Держите реальность стабильной!

— КАК?! — проорал Бруно.

— Я НЕ ЗНАЮ, Я ЭТО ПРИДУМАЛ НА ХОДУ!

Энергия вокруг кресла начала сгущаться, пространство дрожало. У Каэля дёрнулся глаз. Потом второй. Потом он вдруг резко выпрямился. И улыбнулся. Широко. Слишком широко. Повисла мёртвая тишина.

— О нет, — прошептал Грум.

Каэль медленно открыл глаза. Они сияли золотистыми искрами.

— Друзья… — очень ласково произнёс он.

Все отшатнулись. Даже Морра. Потому что это был НЕ голос Каэля. Это был голос человека, который добровольно покупает декоративные свечи с ароматом ванили.

— Каэль? — осторожно спросил Бруно.

Каэль повернул голову. Улыбка стала ещё шире.

— Бруно… ты сегодня прекрасно выглядишь. А твоя шерсть? Такая пушистая.

Гаш рухнул на пол. Он уже не смеялся. Он задыхался. Буквально. Морра выглядела так, словно наблюдала конец цивилизации.

— Грум… — очень тихо сказала она. — Почему он флиртует с оборотнем?

— Я НЕ ЗНАЮ!

Каэль тем временем продолжал улыбаться.

— И знаете что? Я рад, что мы друзья.

Установка заискрила. Одна из катушек взорвалась. Грум завизжал. Потому что все одновременно поняли страшное: аппарат не выжигал заразу. Он усиливал её.

У Грума началась настоящая паника. Не обычная, не инженерная. А та глубокая, первобытная паника, которая возникает у человека, внезапно осознавшего, что он собственными руками превратил древнего лорда тьмы в эмоционально зрелого человека.

— ВЫКЛЮЧАЙСЯ! — заорал он, пиная панель управления.

Панель радостно пропищала:

— ♪ ТЫ СПРАВЛЯЕШЬСЯ! ♪

— Я НЕ СПРАВЛЯЮСЬ!

Каэль медленно повернул голову к Морре. Улыбаясь. И это было настолько противоестественно, что у Бруно шерсть встала дыбом.

— Морра, — мягко произнёс Каэль. — Ты сегодня очень красивая. И крылья тебе идут.

Морра отшатнулась так резко, словно её ударили.

— ГРУМ.

— Я ВИЖУ!

— ПОЧЕМУ ОН ДЕЛАЕТ КОМПЛИМЕНТЫ?!

— ПОТОМУ ЧТО Я, ВОЗМОЖНО, СЛУЧАЙНО ПЕРЕГРУЗИЛ ЕМУ ЦЕНТР ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ!

— У НЕГО ЕСТЬ ЦЕНТР ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОБРА-

БОТКИ?!

— Я ТОЖЕ ДУМАЛ ЧТО НЕТ!

Каэль поднялся с кресла. Ремни сами отстегнулись, потому что даже механизмы установки, похоже, были слишком шокированы, чтобы сопротивляться. От него всё ещё пахло клубникой, на плечах мерцали блёстки, а улыбка становилась всё теплее.

— Друзья мои…

— НЕ НАЗЫВАЙ НАС ТАК! — заорал Грум.

Каэль сделал шаг вперёд и медленно развёл руки.

— Групповые объятия?

Морра издала звук, который обычно издают только чайники перед взрывом.

— НЕТ.

— Но это помогает укреплять эмоциональные связи.

— Я ТЕБЯ УБЬЮ!

— Морра, агрессия — это крик внутренней боли.

Тишина. Потом Морра схватила ближайший стул и с воплем швырнула его в катушки установки.

БАБАХ.

Одна из медных дуг взорвалась. По залу ударил поток энергии. Свет мигнул, воздух перекосило, и на секунду все увидели Каэля таким, каким его видела инфекция. Не древним чудовищем. А высоким мужчиной в светлом свитере. С кружкой какао. И пледом.

— ГОСПОДИ БОЖЕ, — прохрипел Бруно.

— УБЕЙТЕ МЕНЯ, — выдохнул Грум.

Морра смотрела на видение с таким ужасом, будто заглянула в ад. Потом энергия схлопнулась, образ исчез, и Каэль снова стоял посреди лаборатории. Весь в блёстках. Улыбающийся.

— Знаете… — задумчиво сказал он. — А какао — это, наверное, приятно.

Грум начал биться головой о панель управления. Из угла радостно пропела шкатулка:

♪ ЛЮБОВЬ ПОБЕЖДАЕТ ТЬМУ-У-У ♪

БАХ.

Грум выстрелил не глядя.

— НЕ ПОМОГАЕТ! — в отчаянии завопил он. — ОНА СТАНОВИТСЯ СИЛЬНЕЕ ОТ ИРОНИИ!

Каэль тем временем подошёл к Морре. Она медленно отступила, что было настолько ненормально, что Бруно снова начал терять сознание.

— Морра.

— Не подходи.

— Ты расстроена.

— Я СЕЙЧАС ТЕБЯ РАСЧЛЕНЮ!

— И всё же я чувствую за этим эмоциональную уязвимость.

Морра издала нечеловеческий вопль. Крылья за её спиной вспыхнули золотом, по лаборатории прокатилась ударная волна, и лампочки полопались. Гаш очнулся только чтобы снова начать ржать. А потом произошло худшее. Каэль осторожно положил руку Морре на плечо.

И сказал:

— Я рядом.

Мир замолчал. Полностью. Даже шкатулка охренела.

Морра застыла как существо, у которого мозг только что получил критическую ошибку. Каэль держал руку у неё на плече — мягко, осторожно, с искренним сочувствием. Это было настолько неправильно, что сама реальность, кажется, не знала, как реагировать. Где-то в стене тихо лопнула труба. Из угла лаборатории донеслось испуганное:

♪ …бляяяя… ♪

Даже шкатулка была не готова к такому.

Морра медленно подняла взгляд на Каэля. В её глазах впервые за весь вечер не было злости. Только абсолютный, экзистенциальный ужас.

— Убери, — очень тихо сказала она.

— Морра—

— УБЕРИ РУКУ, ПОКА Я НЕ ВЫРВАЛА СЕБЕ ПОЗВОНОЧНИК!

Каэль печально улыбнулся. ПЕЧАЛЬНО.

Грум застонал и сполз по стене на пол.

— Всё… всё… мы потеряли его…

Каэль посмотрел на Морру так, словно действительно переживал за её эмоциональное состояние.

— Ты боишься близости.

— Я БОЮСЬ ТЕБЯ!

— Но ведь это уже шаг к честности.

Морра издала звук, будто внутри неё одновременно умерли гордость, психика и остатки уважения к мирозданию. Гаш снова отключился от смеха. Бруно стоял, держась за сердце.

— Он разговаривает как книга по психологии…

— ХУЖЕ, — простонал Грум. — Как подкаст.

Каэль тем временем продолжал:

— Ваше поведение — это защитная реакция на внутреннюю травму.

— МОЁ ПОВЕДЕНИЕ — ЭТО РЕАКЦИЯ НА ТО, ЧТО ТЫ ПАХНЕШЬ КАК ЙОГУРТ!

— Морра, агрессия не решает—

Она ударила его. Молниеносно. Кулаком в челюсть. Удар был такой силы, что кресло разорвало пополам, одна катушка улетела в потолок, а шкатулка в углу восторженно заорала:

♪ КОНФЛИКТ — ЧАСТЬ РОСТА! ♪

Но Каэль даже не пошатнулся. Он медленно повернул голову обратно. И… всё ещё улыбался. Хотя теперь немного грустно.

— Тебе стало легче?

* * *

Морра замерла. Потом начала медленно пятиться назад.

— Нет.

— Ты уверена?

— ГРУМ.

— Я ДУМАЮ!

— ДУМАЙ БЫСТРЕЕ!

Грум вскочил на ноги и начал лихорадочно крутить вентили на панели.

— Ладно! Ладно! Если инфекция усиливает подавленные эмоциональные паттерны… значит нужно вызвать обратный резонанс!

— Переведи! — крикнул Бруно.

— НУЖНО НАПОМНИТЬ ЕМУ, КТО ОН ТАКОЙ!

Повисла пауза. Все посмотрели на Каэля, который в этот момент помогал Гашу подняться с пола.

— Осторожнее, друг мой.

— АААААААА! — завизжал Гаш.

Грум схватил Бруно за шерсть.

— Быстро! Что Каэль ненавидит больше всего?!

— Людей!

— Это слишком общее!

— Шумных людей!

— ЕЩЁ!

— Налоги?

Каэль резко поднял голову. Улыбка слегка дрогнула. Все замерли. Грум медленно выпрямился.

— О…

Морра поняла первой. И её глаза вспыхнули.

— Налоги.

— Что? — не понял Бруно.

— НАЛОГИ!

Морра подошла ближе к Каэлю. Очень медленно. Очень осторожно. Как сапёр к ядерной бомбе.

— Каэль.

— Да, Морра?

Она скривилась от этого тона.

— Представь… что государство вводит обязательную декларацию доходов для бессмертных существ.

Тишина. Улыбка Каэля чуть померкла.

— Что?

Грум мгновенно подхватил:

— Ежегодную.

— С прогрессивной шкалой, — добавила Морра.

— И обязательной бумажной отчётностью! — крикнул Гаш с пола.

Каэль моргнул. Один раз.

— Нет…

— А ещё проверки каждые три месяца, — вдохновенно продолжал Грум. — И если не подал форму А-38—

— НЕ СУЩЕСТВУЕТ ФОРМЫ А-38.

— БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ!

Блёстки на руках Каэля начали мерцать слабее. Все это заметили.

— Работает… — потрясённо прошептал Бруно.

Морра почувствовала кровь. И пошла добивать.

— И представь… — ласково сказала она. — Что налоговый инспектор приходит к тебе домой.

Улыбка Каэля дрогнула ещё сильнее.

— Нет…

— И говорит: «Нам нужно уточнить происхождение ваших проклятых артефактов».

— Прекрати.

— А потом просит чеки за последние двести лет.

Лицо Каэля начало медленно темнеть. Воздух в лаборатории снова стал холоднее. Грум возбуждённо затрясся.

— ДА! ДА! ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ ПОШЛА!

— И ещё, — добавил Гаш, уже плача от смеха, — тебе нужно стоять в очереди в ведомстве.

— С талончиком, — добил Бруно.

Каэль замер. Абсолютно неподвижно. Блёстки на его ру-

ках начали чернеть, клубничный запах слабел, улыбка исчезала. Морра почувствовала победу, наклонилась к самому его лицу и прошептала:

— А перед тобой в очереди человек, который не умеет пользоваться терминалом.

Тишина.

Потом—

ХРУСТ.

Подлокотник кресла раздавило рукой Каэля. Тени по всей лаборатории одновременно дёрнулись, свечи погасли. И когда Каэль снова поднял голову — в его глазах больше не было тепла. Только древняя, бесконечная ненависть.

— Я убью налоговую службу, — очень спокойно произнёс он.

Грум расплакался от счастья.

— ОН ВЕРНУЛСЯ.

В лаборатории повисла священная тишина. Та самая. Правильная. Комфортная. Тишина, в которой древнее чудовище снова хочет уничтожать цивилизации, а не обсуждать чувства за кружкой какао. Грум вытирал слёзы счастья гряз-

ным рукавом.

— Господи… я думал, мы его потеряли…

Каэль медленно поднялся. От него снова веяло холодом, смертью, древней злобой и лёгким остаточным ароматом клубники. Последнее бесило его особенно сильно. Он посмотрел на свои руки. Чёрные трещины под кожей снова потемнели, блёстки почти исчезли. Почти. Одна всё ещё предательски сверкала на пальце. Каэль мрачно стёр её о стену.

Стена пискнула:

— ♪ ОЙ! ♪

Повисла пауза. Все медленно повернули головы. Участок стены покрылся маленькими розовыми сердечками. Грум начал тихо скулить.

— Почему… почему оно ещё живое…

Из угла радостно донеслось:

♪ ПОТОМУ ЧТО ЛЮБОВЬ ЖИВЁТ ВНУТРИ НАС ♪

БАХ.

Каэль даже не обернулся. Просто щёлкнул пальцами. Шкатулку вдавило в стену с такой силой, что из трещин по-

сыпалась штукатурка. Наступила тишина. Потом из стены очень тихо:

♪ …грубиян… ♪

Морра начала смеяться. Сначала тихо, потом громче, а потом согнулась пополам, держась за живот. Крылья дрожали от истерики.

— О боги… — выдавила она сквозь смех. — Тебя оскорбляет мебель…

— Она не мебель. Она инфекция.

— Она назвала тебя грубияном.

— Морра.

— Да?

— Я всё ещё могу свернуть тебе шею.

— Но уже без эмоциональной поддержки.

Гаш снова начал хрюкать в пол, и даже Бруно тихо поскуливал от смеха. Каэль закрыл глаза. Очень медленно вдохнул. Выдохнул. Когда он снова заговорил, голос был уже почти нормальным. Почти.

— Статус проблемы.

Грум моментально подобрался. Профессиональный рефлекс оказался сильнее нервного срыва.

— Основная инфекция ослабла. Пространственный контур разрушен. Замок перестал ассимилироваться.

— Но?

Грум нервно посмотрел на крылья Морры, блестящую стену и шкатулку, тихо напевающую в штукатурке.

— Остаточное заражение закрепилось в материальной структуре.

— Переведи.

— Теперь это место иногда будет вести себя как детский психоз.

Тишина.

— Иногда? — уточнил Бруно.

Грум посмотрел на улыбающийся гаечный ключ у себя на столе. Ключ подмигнул.

— В лучшем случае.

Морра резко перестала смеяться.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Я не останусь жить в замке, где стены могут начать говорить про дружбу!

Из коридора донеслось:

♪ ДРУЖБА ЭТО МА-А-АГИЯ ♪

Морра побледнела.

— Я сожгу это место.

— Не надо! — завопил Грум. — Я только перестроил северное крыло!

— Оно ПЕЛО!

— ОНО И РАНЬШЕ ИНОГДА ПЕЛО!

Все медленно повернулись к нему. Грум замер.

— …но раньше хотя бы про смерть.

Повисла пауза.

— Это действительно лучше, — признал Гаш.

Каэль подошёл к панели управления. Посмотрел на обгоревшие катушки, на дымящиеся приборы, на шкатулку в стене. Потом перевёл взгляд на Морру. Крылья всё ещё были при ней, и это, судя по выражению его лица, занимало его сильнее всего.

— Почему они не исчезли?

Грум осторожно кашлянул.

— Ну… технически они теперь часть твоей онтологической сигнатуры.

Морра медленно повернулась.

— Чего.

— Ты теперь… эм…

— ГРУМ.

— Частично фея.

Тишина. Абсолютная. Где-то наверху замка рухнуло что-то тяжёлое. Скорее всего, мироздание. Морра смотрела на Грума так, словно решала, что убить первым: его, себя или концепцию природы.

— Нет, — наконец произнесла она.

— Да.

— Нет.

— Морра, я инженер. Я не спорю с физикой.

— А Я СПОРЮ!

Её крылья вспыхнули золотом. По лаборатории разлетелись блёстки. Один мотылёк сел Каэлю на плечо.

ПИУ.

Каэль медленно закрыл глаза.

— Я ненавижу всё.

— Неправда, — злорадно сказала Морра. — Ты любишь Бруно.

— Я ТЕБЯ УБЬЮ.

— Но эмоционально открыто.

Гаш снова умер. На этот раз окончательно, кажется, от смеха. Бруно осторожно поднял лапу.

— А можно вопрос?

Все посмотрели на него.

— Если Морра теперь частично фея… это значит, что у нас официально есть принцесса?

Тишина. Морра медленно повернула голову. Очень медленно. Крылья за её спиной раскрылись, глаза вспыхнули чёрным.

— Бруно.

— Да?

— Беги.

Бруно побежал сразу. Без вопросов. Без сомнений. С чистым, животным инстинктом самосохранения.

— Я ПОШУТИЛ! — заорал он, снося по дороге ящик с инструментами. — Я ПОШУТИЛ ПРО ПРИНЦЕССУ!

Морра сорвалась следом. Крылья вспыхнули золотом, по подвалу ударил поток блёсток и убийственного намерения.

— Я СДЕЛАЮ ИЗ ТЕБЯ КОВЁР ДЛЯ ВАННОЙ!

— ЭТО СЛИШКОМ ЖЕСТОКО ДЛЯ ОДНОЙ ШУТКИ!

— ТЫ НАЗВАЛ МЕНЯ ПРИНЦЕССОЙ!

— ТЕХНИЧЕСКИ ЭТО БЫЛ ТИТУЛ!

Они исчезли за дверью лаборатории. Секундой позже из коридора донеслось: грохот, вопль Бруно, взрыв, звон металла и радостное:

♪ ДРУЖБА ЭТО ПРИКЛЮЧЕ-Е-ЕНИЕ ♪

— Замок её провоцирует, — мрачно заметил Грум.

Каэль молча наблюдал, как из-под двери в лабораторию медленно закатывается плюшевый медведь. Тот самый. Военный преступник. Медведь остановился у его сапога, по-

смотрел вверх и счастливо пискнул: «ПИУ». Каэль уставился на него несколько секунд. Потом очень осторожно пнул в стену. Медведь ударился о камень и радостно пропищал:

— ПИУ!

Грум сел на пол.

— Всё. Я сдаюсь. Мы проиграли.

— Кому? — спросил Гаш.

— Я не знаю! Концепции счастья?! Детству?! Маркетингу?!

Из коридора донеслось:

— БРУНО, СТОЙ СУКА!

— Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ ОТ ФЕИ!

— ТОГДА НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ПРИНЦЕССОЙ!

— НО ТЫ БУКВАЛЬНО СВЕТИШЬСЯ!

БАБАХ.

Что-то тяжёлое проломило потолок этажом выше. Сверху посыпалась пыль и очень недовольный голос:

— Я ВАС НЕНАВИЖУ!

Каэль закрыл лицо рукой.

— Почему я вообще с вами живу…

— Потому что одному тебе было бы скучно, — ответил Гаш.

— Я БУКВАЛЬНО МЕЧТАЮ О СКУКЕ.

Грум тем временем ковырял отвёрткой остатки панели и выглядел как человек, который уже внутренне согласился стать алкоголиком.

— Есть и хорошие новости.

Все посмотрели на него.

— Какие?

— Пространственная инфекция больше не распространяется.

Повисла пауза. Из стены донеслось:

♪ Я БЫ НЕ БЫЛА ТАК УВЕРЕНА-А-А ♪

Грум медленно достал второй револьвер.

— У меня был запасной.

БАХ.

Стена обиженно заискрила:

— ♪ АЙ БЛИН ♪

— Она учится, — прошептал Бруно, внезапно снова появившись в дверях.

Все повернулись. Он выглядел ужасно: шерсть в копоти, один сапог дымится, на голове застрял розовый бантик.

— Где Морра? — спросил Каэль.

Бруно нервно сглотнул.

— Она… эм…

Из коридора медленно выплыл трёхметровый теневой монстр с золотыми крыльями. Повисла тишина. Существо было абсолютно чёрным, сотканным из дыма, теней и чистой ненависти. Только крылья за спиной оставались полупрозрачными, золотыми и слегка посыпали всё вокруг блёст-

ками. Это выглядело так, словно сам ад случайно стал спонсором детского праздника.

Монстр медленно открыл пасть и голосом Морры произнёс:

— Я. ЕЁ. НЕНАВИЖУ.

ПИУ.

Все посмотрели вниз. У ноги чудовища сидел маленький розовый мотылёк. Монстр медленно опустил голову и посмотрел на него. Мотылёк радостно улыбнулся.

— ПИУ!

Повисла пауза. Потом гигантское теневое чудовище очень тихо произнесло:

— Да вы издеваетесь.

Гаш упал лицом в пол и начал биться в конвульсиях от смеха. Каэль молча налил себе вина. Полный бокал. Потом второй. Грум смотрел на теневого монстра с крыльями феи глазами человека, у которого окончательно сломалась психика.

— Это… это вообще возможно?..

— Я СТАЛА ГИБРИДОМ, ГРУМ!

— НО ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ!

— А Я ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖНА БЫЛА СТРОИТЬ КЕКСОВУЮ ДИКТАТУРУ!

Из стены осторожно донеслось:

♪ …но получилось классно… ♪

БАХ.

Грум выстрелил уже автоматически. Не целясь. На уровне рефлексов. Морра тяжело выдохнула дым через зубы, потом посмотрела на Каэля.

— Скажи честно.

— Что.

— Если я сейчас уничтожу весь этот замок… ты сильно расстроишься?

Каэль сделал глоток вина, подумал, посмотрел на говорящую стену, улыбающийся гаечный ключ, блестящего мотылька и теневую фею. Потом очень спокойно ответил:

— Я помогу.

Грум резко поднял голову.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Грум.

— Я знаю этот тон! Это тон человека, который собирается решить проблему путём разрушения всего, что технически ещё можно починить!

Каэль посмотрел на говорящую стену. Стена осторожно пропела:

♪ Я бы обсудила это в кругу доверия… ♪

Каэль медленно повернулся обратно к Груму.

— Починить?

Грум открыл рот, закрыл, посмотрел на стену, потом на

Морру, потом на плюшевого медведя, который снова подполз к сапогу Каэля и счастливо пискнул. Грум тяжело выдохнул.

— Хорошо. Возможно, слово «починить» было оптимистичным.

— Вот именно.

— Но взрывать весь замок нельзя!

— Почему?

— Потому что там моя мастерская!

— Она уже поёт.

— Не вся!

Из коридора донеслось:

♪ ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО КОВАТЬ ПО ПРОСТОРАМ… ♪

Грум побледнел.

— Уже вся.

Морра медленно уменьшилась до нормального роста, хотя тени вокруг неё всё ещё кипели. Крылья остались. Золотые, стрекозиные, до невозможности красивые и до истерики унизительные. Она посмотрела на них через плечо. Крылья ответили лёгким радостным трепетом.

ПИУ.

— Я отрежу их, — сказала Морра.

Грум вздрогнул.

— Не советую.

— Мне не нужен совет существа, которое построило кресло эмоционального уничтожения и превратило Каэля в консультанта по личностному росту.

— Это был побочный эффект!

— Ты чуть не сделал его добрым.

— Я признаю, это был технический перегиб.

Каэль медленно повернул голову.

— Технический перегиб?

Грум сглотнул.

— Катастрофа.

— Лучше.

Морра подошла к зеркальной панели на стене. Панель, к счастью, ещё не улыбалась. Она посмотрела на своё отражение: чёрное платье разорвано, в волосах застряли блёстки, а на плече прилипла крошечная наклейка с улыбающейся клубникой. А за спиной мерцали крылья. Морра очень медленно сняла наклейку двумя пальцами и посмотрела на неё.

Клубника подмигнула.

— Приветик.

Морра завизжала. Не от страха. От оскорбления. Она швырнула наклейку в пол и наступила на неё каблуком так, будто казнила последнего наследника вражеской династии.

— Всё, — сказала она. — Я ухожу жить в склеп.

— В каком? — спросил Бруно.

— В любом, где нет декора.

— А если там будут летучие мыши?

— Летучие мыши не говорят мне «приветик».

Из потолка осторожно донеслось:

♪ Пока не говорят… ♪

Морра подняла руку. Тьма сорвалась с её пальцев и ударила в потолок. Камень треснул, голос умолк. Сверху посыпалась пыль, штукатурка и одна маленькая розовая звёздочка. Она приземлилась Груму на нос.

ПИУ.

Грум просто стоял, смотрел прямо перед собой и медленно, очень медленно начинал принимать тот факт, что его жизнь закончилась ещё утром, просто тело пока продолжало по инерции выполнять инженерные функции.

— Нам нужен источник, — сказал Каэль.

Грум моргнул.

— Что?

— Источник заражения. Остаточная инфекция держится

на чём-то материальном.

Грум моментально ожил и даже выпрямился.

— Да. Да! Верно. Если пространственный контур разрушен, а проявления продолжаются, значит в замке остался якорь. Объект, через который карманная реальность цепляется за нашу.

Все одновременно посмотрели на плюшевого медведя. Медведь сидел у стены. Улыбался.

ПИУ.

Бруно поднял лапу.

— Я не хочу его убивать.

Морра повернулась к нему.

— Бруно.

— Он маленький.

— Он пережил диктатуру.

— Тем более. Ему нужна терапия.

Каэль очень медленно посмотрел на Бруно.

— Ещё одно слово про терапию, и я начну с тебя.

Бруно закрыл пасть.
Гаш осторожно поднял медведя двумя пальцами.

— А что, если он не источник, а свидетель?

Медведь посмотрел на него.

ПИУ.

— Видите? Он согласен.

— Он пищит, потому что в нём дешёвый механизм, — сказал Грум.

— Или потому что он видел вещи, которые не должен был видеть ни один синтепон.
Морра выхватила медведя у Гаша и поднесла к лицу.

— Говори, тварь.

Медведь улыбался.

ПИУ.

— Говори, кому служишь.

ПИУ.

— Морра, — сказал Каэль. — Ты допрашиваешь игрушку.

Она не отрывала взгляда от медведя.

— Я пять минут правила игрушками. Я знаю их методы.

— Какие методы? — спросил Гаш.

— Молчание. Улыбка. Психологическое давление.

ПИУ.

Морра сузила глаза.

— Он крепкий.
Грум забрал медведя и положил на металлический стол.

— Хватит. Сейчас мы проведём нормальную диагностику.

Стол немедленно расправил ремешки, и медведя пристегнуло за лапы. Бруно тихо заскулил.

— Это выглядит неправильно.

— Это выглядит профессионально, — сказал Грум.

— Он такой маленький…

— Это не ребёнок, Бруно. Это плюшевый диверсант.

Грум подкатил к столу аппарат с линзами, иглами и маленькой пилой. Медведь продолжал улыбаться.

ПИУ.

— Первичный разрез по шву живота, — пробормотал Грум.

— Нет! — Бруно кинулся вперёд.

Каэль поймал его за шкирку одной рукой.

— Стоять.

— Но он ничего плохого не сделал!

Все одновременно посмотрели на развороченную лабораторию, обгоревшую стену, блестящие крылья Морры и шкатулку, замурованную в камне. Из стены тихо донеслось:

♪ Я всё ещё верю в нас… ♪

— Почти ничего, — поправился Бруно.

Грум осторожно поднёс лезвие к медведю. И в этот момент медведь перестал улыбаться. Улыбка исчезла. Полностью. Его чёрные пластиковые глаза стали глубокими, слишком глубокими. В лаборатории похолодало, даже крылья Морры перестали мерцать. Медведь медленно повернул голову к Каэлю, пластиковая пасть раскрылась, и из неё раздался чужой, старческий голос:

— Верните домик.

Повисла тишина. Гаш очень медленно отпустил край стола, Бруно перестал дышать, а Грум выронил лезвие. Морра улыбнулась — широко, ядовито, счастливо.

— О, — сказала она. — Наконец-то кто-то, кого можно убить без этических сомнений.

Каэль подошёл ближе.

— Кто ты?

Медведь повернул голову к нему с сухим треском.

— Хозяин комнаты.

— Какой комнаты?

— Розовой.

Грум прошептал:

— Карманная реальность была не пустой.

— Браво, — сказал медведь. — Инженер научился думать после катастрофы. Какая трогательная задержка развития.

Грум побагровел.

— Я сейчас распорю тебя от уха до жопы.

— У меня нет жопы.

— Я сделаю.

Медведь снова улыбнулся. Но теперь это была не игрушечная улыбка. Это была улыбка существа, которое много лет притворялось безобидным и очень наслаждалось моментом разоблачения.

— Домик был тюрьмой, — сказал он. — А вы открыли дверь.

Бруно медленно повернулся к Гашу.

— Кажется, продавец нас обманул.

Гаш кивнул.

— Слепые торговцы на проклятых рынках уже не те.

Каэль смотрел на медведя неподвижно.

— Что ты такое?

Медведь помолчал. Потом произнёс:

— Старая детская молитва, которую слишком часто повторяли перед сном. Страх, завернутый в песенку. Маленький бог хорошего поведения. Меня звали Улыбающийся Папочка.

Грум закрыл глаза.

— Нет. Нет, я отказываюсь работать с этой терминологией.

Морра тихо рассмеялась.

— Улыбающийся Папочка?

Медведь повернулся к ней.

— А ты была чудесной принцессой.

Морра перестала смеяться. Очень быстро. В комнате стало так холодно, что на медных трубах выступил иней.

— Повтори, — попросила она.

Гаш отступил на шаг.

— Не надо.

— Повтори, — сказала Морра.

Медведь улыбнулся.

— Принцесса.

Крылья Морры раскрылись. Золотые, прекрасные, совершенно неподходящие к выражению её лица.

— Каэль, — сказала она.

— Да.

— Можно я?

Каэль посмотрел на медведя, потом на Морру, потом на Грума.

— Только не разрывай якорь. Нам нужно понять, как закрыть остаточный контур.

Морра кивнула.

— То есть пытать можно.

— Аккуратно.

— Я поняла: эстетически.
Медведь впервые перестал выглядеть довольным.

— Вы не понимаете, с чем связались.

— Ошибаешься, — сказала Морра, наклоняясь к нему. — Я пять минут правила игрушками. Я теперь понимаю власть лучше большинства королей.

— Ты была смешной.

Морра улыбнулась.

— А ты сейчас будешь образовательным.

Она щёлкнула пальцами. Тени обвили медведя, тот дёрнулся.

ПИУ.

Но теперь звук был не весёлым. Он был испуганным. Грум медленно достал блокнот.

— Так. Отлично. Психологическое давление работает.

Бруно посмотрел на него с ужасом.

— Ты записываешь?

— Конечно. Когда ещё мне выпадет шанс наблюдать допрос плюшевого демона феей-диктатором?

Каэль перевёл взгляд на Грума. Грум кашлянул.

— Частично феей.

Морра не обернулась.

— Я слышала.

— Простите.
Медведь зашипел, из его швов потекла розовая пыль.

— Домик вернётся. Комната всегда зовёт детей обратно.

— Детей здесь нет, — сказал Каэль.

Медведь повернул голову к Бруно. Все посмотрели на Бруно. Бруно оскорбился.

— Я взрослый. Относительно.
Медведь улыбнулся.

— Не возраст. Простота. Послушание. Желание, чтобы тебя похвалили.

Бруно замер, Гаш перестал улыбаться, а Грум очень медленно опустил блокнот. Морра прищурилась.

— Он цепляется за Бруно.
Медведь тихо засмеялся.

— Большой мальчик хочет быть хорошим. Хочет, чтобы ему сказали: молодец, Бруно. Ты нашёл красивую вещь. Ты

не ошибся. Ты не всё портишь.

Тишина стала тяжёлой. Каэль медленно повернулся к Бруно. Оборотень стоял с опущенными ушами и впервые за всю ночь не выглядел смешным. Он выглядел огромным, мокрым, нелепым существом, которое действительно принесло домой розовый домик не потому, что хотело устроить катастрофу. А потому что хотело показать находку. И чтобы кто-то сказал: неплохо.

Медведь улыбался.

— Вот через него я и войду.

Морра подняла руку для удара, но Каэль остановил её.

— Нет.

Она резко повернулась.

— Что значит «нет»?

Каэль смотрел на Бруно.

— Значит, он ошибся.

Медведь засмеялся.

— Правда?

Каэль подошёл к Бруно. Тот не двигался, только глухо сказал:

— Я правда думал, что домик хороший.

— Я знаю.

— Он был странный. Но красивый.

— Он был мерзкий.

— Да.

— Чудовищно мерзкий.

— Да.

— Эстетически преступный.

— Да.

Каэль остановился перед ним.

— Но ты не всё портишь.

Бруно медленно поднял взгляд. Гаш замер, Грум застыл с

открытым ртом, а Морра смотрела так, будто Каэль снова начал превращаться в консультанта по отношениям. Медведь дёрнулся на столе.

— Не надо.

Каэль не обратил на него внимания.

— Ты портишь многое, — продолжил он. — Часто. Громко. С огромным имущественным ущербом.

— Спасибо?.. — неуверенно сказал Бруно.

— Но не всё. И сегодня ты нашёл не игрушку. Ты нашёл ловушку. Это другое.

Бруно моргнул.

— То есть я не идиот?

Каэль помолчал.

— Не заставляй меня лгать.

Гаш зажал пасть лапой, Грум отвернулся, даже Морра фыркнула. Бруно медленно кивнул.

— Понял.

Медведь на столе начал дымиться. Розовая пыль из его швов стала чёрной.

— Нет, — прошипел он. — Нет-нет-нет…

Каэль наклонился к нему.

— Ты ошибся комнатой.

Медведь заскрипел, его улыбка треснула.

— Вы чудовища.

— Да, — сказал Каэль.

Морра подошла с другой стороны.

— И плохо поддаёмся воспитанию.
Грум поднял лезвие.

— Особенно через дешёвый полистирол.

Гаш добавил:

— И кексы.

Все посмотрели на него. Он пожал плечами.

— Просто хотел участвовать.

Медведь начал раздуваться. Швы натянулись, изнутри пробивался розовый свет. Грум резко побледнел.

— Он сейчас лопнет!

— Насколько плохо? — спросил Бруно.

— Ты когда-нибудь видел, как детская травма детонирует в замкнутом пространстве?

— Нет.

— И опять же, я хочу, чтобы так оставалось!

Каэль вытянул руку. Тени ударили в медведя. Морра добавила свои. Чёрные и золотые потоки сплелись вокруг игрушки, сжимая её, пока та визжала сразу голосом ребёнка, старика, музыкальной шкатулки и маленькой пластиковой свиньи:

ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИУ.

— Грум, — сказал Каэль.

— Да?!

— Закрывай контур.

— Чем?!

Каэль посмотрел на него.

— Ты инженер.

Грум заорал:

— КАК Я НЕНАВИЖУ ЭТУ ФРАЗУ!

Но всё же бросился к панели. Он дёрнул рычаг. Потом второй. Потом ударил кулаком по прибору, который уже давно не показывал ничего, кроме улыбающегося солнышка.

— Давай, скотина! Вспоминай, что ты оборудование, а не эмоциональная поддержка!

Прибор пискнул.

— ♪ Я верю в тебя… ♪

— А Я В ТЕБЯ НЕТ!

Грум ударил его гаечным ключом. Машина взревела. Медные кольца вокруг лаборатории вспыхнули чёрно-крас-

ным светом, розовые сердечки на стенах начали гореть. Стена закричала:

♪ МНЕ БОЛЬНО, НО Я РАСТУ-У-У! ♪

— Замолчи! — рявкнули все одновременно.

Медведь начал сжиматься. Его плюшевая морда втягивалась внутрь. Глаза лопнули, брызнув густой, чёрной, как смола, кровью пополам с синтепоном. Из пасти вылетела последняя розовая искра и попыталась уйти в сторону Бруно. Бруно увидел её, замер, а потом вдруг сам ударил по ней лапой. Искра шлёпнулась на пол.

ПИУ.

Потом погасла. Медведь обмяк.

Крылья Морры перестали светиться. Запах клубники исчез, а где-то в глубине замка оборвалась музыка. Наступила тишина. Настоящая, мрачная, холодная, прекрасная. Грум медленно повернул голову.

— Оно… получилось?

Стена молчала. Шкатулка молчала. Гаечный ключ не улыбался. Плюшевый медведь лежал на столе обычной мёртвой игрушкой. Бруно осторожно ткнул его когтем. Тишина. Никакого ПИУ.

Бруно выдохнул.

— Мне даже немного грустно.

Морра посмотрела на него.

— Бруно.

— Да?

— Не продолжай.

— Понял.

Каэль снял с рукава последнюю блёстку. Она не сопротивлялась — просто упала на пол и исчезла. Грум сел прямо на камни.

— Всё. Я официально беру отпуск.

— У тебя нет отпуска, — сказал Каэль.

— Тогда я официально беру алкоголь.

— Это допустимо.

Морра медленно повернулась к зеркальной панели. Кры-

лья исчезли. Наконец. Она стояла снова в чёрном, без блёсток, без золота, без салатового платья. Только волосы были слегка растрёпаны, а выражение лица обещало смерть всему живому, неживому и особенно декоративному. Она долго смотрела на себя. Потом сказала:

— Никто не узнает.

Гаш открыл рот. Каэль даже не посмотрел на него.

— Гаш.

— Да?

— Не надо.

— Я просто хотел уточнить, что именно никто не узнает: кексовую артиллерию, налоговую систему или то, как она показывала тебе средний палец из окна?

Морра повернулась.

— Беги.

Гаш побежал. Бруно за ним. Морра за ними. Через секунду из коридора донеслись вопли, грохот и звук, подозрительно похожий на удар плюшевым медведем по металлической

кастрюле.

Каэль остался в лаборатории с Грумом. Они молчали. Долго. Потом Грум поднял голову.

— Ты правда сказал Бруно, что он не всё портит.

Каэль медленно посмотрел на него.

— Инфекция ещё действовала.

— Конечно.

— Это был остаточный эффект.

— Разумеется.

— Я угрожаю тебе смертью, если ты повторишь это вслух.

Грум кивнул.

— Записал. В смысле запомнил.

Каэль прищурился. Грум очень осторожно спрятал блокнот за спину. Из коридора донеслось:

— Я ЖЕ СКАЗАЛ, ЧТО ПОШУТИЛ!

— ТЫ СКАЗАЛ «ПРИНЦЕССА» ДВАЖДЫ!

— ВТОРОЙ РАЗ БЫЛ В ПАНИКЕ!

Каэль взял бокал, который каким-то чудом пережил всё происходящее, и сделал глоток. Вино было тёплым, отвратительным, с лёгким привкусом клубники. Он замер. Посмотрел в бокал. И очень медленно поставил его на стол.

Грум заметил.

— Что?

Каэль молчал. Грум побледнел.

— Нет…

Из бокала поднялся маленький пузырёк. Лопнул. И очень тихо сказал:

— Пиу.

Каэль закрыл глаза. В коридоре Морра кого-то убивала, Гаш хохотал, Бруно орал. Грум медленно начал доставать огнемёт. Каэль вздохнул.

— Сегодня ночью мы идём на рынок Ла Бока.

— За продавцом? — спросил Грум.

— За продавцом.

— Сколько брать оружия?

Каэль посмотрел на бокал, потом на дымящийся подвал, потом туда, где вдалеке всё ещё звучали вопли его бессмертной, идиотской, катастрофически неуправляемой семьи.

— Всё.
Грум кивнул.

— Наконец-то нормальный план.

Глава 8. Апорт

Утро в Кито никогда не наступало плавно. Оно приходило как болезнь.

Сначала из-за чёрных хребтов Анд сползала серая влага. Она медленно стекала по склонам, забивалась в старые колониальные кварталы, гасила неон нижнего города и оседала на древней кладке замка плотным, холодным саваном. В такие часы воздух становился густым, почти жевательным. Он пах мокрым базальтом, озоном, ржавчиной и статическим электричеством, будто где-то под землёй старый механизм всю ночь тёр металл о металл и никак не мог остановиться.

Сегодня к этому запаху примешался ещё один.

Свежая артериальная кровь.

Внутренний двор замка был окружён высокими стенами с уродливыми гаргульями, потемневшими от дождей, копоти и времени. За этими стенами нижний город ничего не слышал. Замок умел глотать звук. Для людей за пределами древней ограды это утро осталось бы обычным: туман, сырость, далёкий глухой гром, которого не было в прогнозе.

Но внутри двора кто-то кричал.

Это был не совсем крик. Скорее высокий, сорванный вой на одной ноте, в котором уже не оставалось слов. Так звучит существо, чей разум начал отступать от тела, потому что тело слишком быстро превращалось в доказательство невоз-

можного.

В дальнем углу, прижавшись лопатками к холодной стене, сидел нелегальный курьер. Его звали Эстебан, хотя сейчас имя почти утратило значение. На нём была форменная куртка из толстой чёрной кожи с кевларовыми вставками — стандартная экипировка для тех, кто доставляет посылки после полуночи и не задаёт вопросов о содержимом. Куртка была пробита в трёх местах. На груди зияли глубокие, ровные борозды, словно по нему прошёлся не коготь, а промышленный резак.

Эстебан кричал, потому что у него больше не было правой руки.

Она заканчивалась чуть выше локтя неровным, пульсирующим обрубком. Белый осколок кости торчал из разорванных мышц, а из перебитой артерии толчками выплёскивалась тёмная кровь. Она заливала брусчатку, собиралась в углублениях между камнями и тонкими ручейками стекала к ливневой решётке. Курьер пытался зажать рану левой рукой, но пальцы скользили в горячей слизи. Лицо у него стало меловым, глаза — слишком большими, почти пустыми.

Он не был новичком. Он знал о скрытом мире. Возил запрещённые артефакты, живые органы в термоконтейнерах, документы без происхождения и вещи, которые нельзя было фотографировать даже мёртвыми камерами. Он знал правила. Знал, в какие двери не стучать, какие имена не произносить и почему курьеры после полуночи не смотрят адресатам

в лицо.

Но он ошибся дверью. Или постучал слишком громко. Или просто пришёл в замок Каэля в неудачное утро.

Перед ним, закрывая бледный свет, стояли два существа, которых не должно было существовать даже по меркам мира, где чудовища давно научились платить налоги, вести архивы и жаловаться на качество человеческой крови.

— Отдай, — пророкотал Гаш.

Его голос напоминал гравий, перемалываемый в бетономешалке. Гаш возвышался над двором, опираясь на массивные задние лапы. Он выглядел как огромный, наполовину сгнивший волк, чью анатомию однажды разобрали, а потом собрали заново без инструкции и с плохим чувством юмора. Шерсть на нём сохранилась клочьями: жёсткая, как проволока, она торчала на загривке и вдоль позвоночника. Там, где кожи уже не было, проступали почерневшие мышцы и влажно блестевшие кости. Нижнюю часть челюсти заменял ржавый металлический протез, грубо приклёпанный прямо к черепу.

В левой лапе, увенчанной когтями длиной с охотничьи ножи, Гаш держал оторванную руку Эстебана. Пальцы курьера всё ещё подёргивались, будто пытались ухватиться за воздух. На безымянном пальце тускло блестело обручальное кольцо.

— Моя очередь! — прорычал Бруно.

Он был крупнее Гаша, шире в плечах и тяжелее настолько, что древняя брусчатка под ним вела себя осторожно. Ле-

вого глаза у Бруно не было: на его месте зияла чёрная впадина, заросшая серой грибковой дрянью. Правый глаз светился тусклым жёлтым огнём, больным и радостным одновременно.

Бруно подпрыгивал вокруг Гаша. Две с половиной тонны мёртвой плоти бухали по камням с таким звуком, будто во двор с крыши раз за разом сбрасывали мешки с мокрым цементом. БУХ. БУХ. БУХ. Каждый удар отдавался в стенах, но стены молчали. Замок проглатывал шум и только где-то глубоко под двором отвечал едва слышным металлическим щелчком.

Эстебан услышал этот щелчок. Или решил, что услышал. В его состоянии звук мог оказаться чем угодно: стуком сердца, треском костей, началом смерти.

Из огромной, небрежно зашитой раны на боку Бруно при каждом прыжке вываливалась петля почерневшего кишечника. Оборотень даже не смотрел вниз. Он просто запихивал её обратно свободной лапой, не отрывая фанатичного взгляда от курьерской конечности.

Они не собирались убивать Эстебана. По крайней мере, сейчас.

Они играли.

Это была их утренняя разминка.

— Я кидаю, ты приносишь! Мы так договаривались! — возмутился Гаш голосом, забитым чёрной слюной. Он увернулся от клацнувших челюстей Бруно и отступил на полша-

га, бережно удерживая руку над головой.

— Ты обманываешь! — взвыл Бруно, поднимаясь на дыбы. Его сломанный позвоночник щёлкнул, как сухая ветка. — Ты в прошлый раз кинул почтальона целиком! Я его не донёс!

— Потому что ты его сожрал по дороге, идиот.

— Я был голодный!

— Ты всегда голодный.

— Он пах печеньем!

— Он пах страхом и дешёвым одеколоном. Базовые правила, Бруно. Апорт — это когда ты приносишь вещь, а не перевариваешь её.

Эстебан скулил. Дыхание стало коротким, рваным. Реальность перед глазами плыла, распадалась на пятна тумана, крови и серой каменной стены. Он смотрел на собственную руку, которой два гниющих чудовища размахивали как игрушкой для собак, и мозг отказывался связывать это с ним. Рука была отдельно. Боль отдельно. Кольцо отдельно. Он сам — где-то далеко, за толщей звона в ушах.

Гаш широко размахнулся. Мышцы на его плече натянулись с влажным треском, суставы скрипнули. Бруно мгновенно замер. Его единственный глаз расширился, тело припало к земле, сжавшись в уродливую пружину. Когти прочертили по камню белые царапины.

— Апорт, — сказал Гаш.

И кинул.

* * *

Гаш был мертвецом, а у мертвецов с координацией всегда были сложные отношения. Особенно если нижняя челюсть заменена ржавым металлом, одно плечо держится на сухожилиях сомнительной давности, а в голове вместо дисциплины живёт уверенность, что бросать части курьеров — нормальный способ начать день.

Он кинул криво.

Слишком сильно. Слишком высоко. И совсем не туда, где оставалось свободное пространство двора.

Оторванная рука Эстебана взмыла в туманный воздух. Она вращалась, как кровавый бумеранг, разбрызгивая тёмные капли. Кровь легла на лица гаргулий, на кованые перила, на влажные камни, на стеклянные глаза старых статуй, которые и без того выглядели так, будто давно пожалели о своём участии в архитектуре.

На долю секунды рука зависла в верхней точке дуги.

Не потому, что так работала физика. Физика к этому утру уже начала терять терпение.

Осколки тумана вокруг неё дрогнули, вытянулись тонкими нитями и сложились в почти правильный круг, будто пространство попыталось на мгновение вспомнить какой-то чертёж. Потом всё сорвалось. Рука полетела дальше.

Бруно взвизгнул. Звук получился тонкий, радостный, по-

чти щенячий, и от этого становился вдвое хуже.

Он сорвался с места.

Такой массы не должно было существовать в таком ускорении. Брусчатка под задними лапами взорвалась каменными осколками. Бруно нёсся, задрав морду вверх и не мигая своим единственным жёлтым глазом. В его гниющем мозге осталась одна задача: поймать. Не подумать. Не остановиться. Не заметить стену, скамью, урну, архитектурное наследие, чужую жизнь или последствия.

Он снёс чугунную скамью и даже не понял этого. Скамья разлетелась на три части с сухим металлическим визгом. Потом Бруно плечом ударил каменную урну весом в пару сотен килограммов, и та улетела в сторону, как пустая банка.

Он нёсся прямо к восточной стене двора.

Точнее — к экспериментальной теплице Малёка.

Теплица была одним из немногих мест в замке, куда даже Гаш обычно старался не заходить без необходимости. Не из уважения к растениям. С уважением у Гаша тоже были сложные отношения. Просто однажды он наступил на что-то маленькое, фиолетовое и пушистое, а потом три дня разговаривал только древнешумерскими угрозами и плакал смолой из ушей.

Теплицу пристроили к стене замка несколько веков назад. Почерневший свинцовый каркас держал витражные стёкла, сплавленные по технологии, которую алхимики унесли с собой в могилы, а потом, если верить Морре, унесли ещё

дальше, потому что могилы тоже не выдержали их характера. Внутри теплицы жил отдельный климат. Влажный, тёплый, нервный. Сквозь мутное зеленоватое стекло пульсировал свет аномальной флоры. Там росли вещи, которым не хватало приличия называться растениями и не хватало свободы считаться животными.

Малёк ухаживал за теплицей так, будто это был его ребёнок. Очень опасный ребёнок. С зубами. И корнями.

Никто в замке не подходил к ней ближе чем на десять шагов.

Рука Эстебана перелетела через невысокую кованую ограду, ударилась о центральное стекло, оставила на нём широкий кровавый мазок и с влажным шлепком соскользнула внутрь через приоткрытую створку.

Бруно это не остановило.

В его картине мира препятствий не существовало. Если между ним и игрушкой стояла стена, значит, стена ошибалась.

Две с половиной тонны мёртвой плоти врезались в свинцовый каркас и каменную кладку фундамента. Звук удара был не похож на разбитое стекло. Он был ниже, тяжелее, глубже. Словно в хрустальный собор на полном ходу въехал товарный поезд, гружённый сырым мясом и арматурой.

Свинцовые рамы выгнулись и лопнули. Алхимическое стекло, пережившее землетрясения, войны, три внутренних переворота нечисти и несколько циклов 4:44, разлетелось на

миллионы зелёных искр. На миг осколки не упали. Они повисли в воздухе, дрожа и отражая двор под неправильными углами: в одном отражении Бруно ещё только бежал, в другом уже лежал, в третьем теплица была целой, а в четвёртом за ней открывалась чёрная вертикальная шахта, которой там никогда не было.

Потом замок словно моргнул.

Осколки рухнули разом.

Бруно не удержался на лапах. По инерции он упал на брюхо и въехал прямо в недра теплицы, вспахивая когтями ухоженные грядки. Его туша прошла по центральному сектору как бульдозер. Земля, стекло, зелёная слизь и корни взметнулись в стороны.

А затем раздался звук.

Сначала тихий. Почти обиженный.

Через долю секунды он превратился в акустическое оружие.

Бруно проехался брюхом по грядке с мандрагорами.

Это были не те мандрагоры, о которых писали человеческие травники, рисуя на полях маленьких уродцев с жалкими ножками. Малёк выращивал хищный сорт. Их толстые бледные тела до неприятного напоминали недоношенных младенцев, только с кольцами корневых зубов вместо ртов и тонкими чёрными жилками под прозрачной кожицей.

Под весом Бруно они лопались.

И кричали.

Визг был полон такой древней, концентрированной ненависти, что у Эстебана из носа пошла кровь, хотя крови в нём и так оставалось всё меньше. Зелёный едкий сок брызгал во все стороны, прожигая дыры в остатках шерсти Бруно. Оборотень заскулил, завертелся на месте и попытался стряхнуть с себя прилипшие ошмётки корневищ, которые продолжали орать даже после того, как их раздавили.

Гаш увидел, что Бруно забрал всю игру себе, и счёл это личным оскорблением.

— Эй! Я кидал! — взревел он. — Моя очередь грызть!

Он рванул следом и влетел в пролом, не сбавляя скорости. Металлическая лапа поскользнулась на слизи мандрагор. Гаша занесло. Его длинное тело развернуло боком, и он со всего размаха проехался мордой по соседней, самой тёмной грядке.

Там росли оракул-грибы.

Редчайший вид флоры, который Малёк выращивал в абсолютной темноте семьдесят лет. Грибы были размером с человеческую голову, бледно-синие, с медленно пульсирующими шляпками. Они синхронизировались с сердцебиением замка, чувствовали петли рассветов и, по слухам, знали несколько вариантов конца вселенной. Из-за одного спора оракул-грибов Совет Теней когда-то уничтожил малый Род, три монастыря и библиотеку, которой задним числом перестали приписывать существование.

Грибы знали слишком много.

Но они не знали, что однажды на них приземлится половина гниющего оборотня.

Гаш вмял их в чернозём.

Оракул-грибы с влажным хрустом превратились в сизую светящуюся кашу. Перед окончательным исчезновением их коллективный разум успел выдать последнюю истину. Она прозвучала прямо в мозгу всех присутствующих многоголосым, обиженным писком:

— Мы так и знали-и-и!

И всё затихло.

Двор замер. Стекло перестало звенеть. Пыль, споры и сизая пыльца медленно оседали в тумане. Уцелевшие мандрагоры всхлипывали в земле, издавая влажные, мстительные звуки.

Эстебан уже не кричал. Он сидел в углу с открытым ртом и смотрел на руины теплицы. Его грудь дёргалась. Изо рта выходили маленькие кровавые пузыри.

Бруно сидел посреди уничтоженной работы всей жизни Малёка. Он был перемазан зелёным кислотным соком, землёй, стеклянной крошкой и грибной пыльцой. В огромной слюнявой пасти он осторожно держал оторванную руку курьера. Хвост бил по земле с глухим довольным стуком.

Тук.

Тук.

Тук.

Гаш лежал рядом кверху брюхом и пытался выплюнуть

куски чернозёма, корни и светящиеся останки грибов, намертво прилипшие к его металлической челюсти.

Потом скрипнула дверь.

Очень тихо.

Очень буднично.

Открылась старая, обитая железом деревянная дверь служебного сарая.

* * *

Из сарая вышел Малёк.

На нём был обычный садовый фартук, заляпанный землёй, соком растений и пятнами, происхождение которых в замке Каэля не обсуждали из вежливости. Карманы фартука оттягивали мелкие инструменты, пузырьки, мешочки с семенами и засушенные штуки, очень похожие на пальцы. На ногах у Малёка были тяжёлые резиновые сапоги. В левой руке он держал старый секатор с бурыми следами на лезвиях.

Он выглядел как всегда: крошечный, коренастый циклоп ростом метр с кепкой. Самое безобидное существо в замке, если не считать трёх официально зарегистрированных отравлений, одного незаконного проращивания конечностей и того случая, когда гость из рода крови две недели цвёл изнутри.

Малёк остановился на пороге.

Он не закричал. Не бросился к грядкам. Не начал причи-

тать над разрушенной теплицей, которую собирал, укреплял и выращивал семьдесят лет. Он просто стоял и смотрел.

Тишина во дворе стала плотной. Даже Бруно перестал стучать хвостом. Уцелевшие мандрагоры заткнулись в земле, словно вспомнили, что им тоже есть что терять. Где-то в проломе теплицы медленно стекала по стеклу зелёная слизь. Сизая пыльца оракул-грибов оседала на плечи Гаша, на морду Бруно, на мокрые камни, на пальцы оторванной руки Эстебана.

Малёк сделал один шаг вперёд.

Бруно очень осторожно выплюнул руку.

Она упала на землю с мокрым шлепком.

— Малёк, — сказал Гаш из-под куска свинцовой рамы. — Это не то, чем кажется.

Малёк молчал.

— То есть технически это именно то, чем кажется, — поправился Гаш. — Но с нюансами.

Бруно медленно попятился, оставляя в чернозёме глубокие борозды задними лапами. Его единственный глаз метался между садовником, рукой и дырой в теплице. Внутри мёртвого мозга, под некрозом, голодом и собачьей радостью, с запозданием просыпался древний инстинкт: если маленькое существо молчит после того, как ты уничтожил его гнездо, лучше стать ещё меньше.

Малёк посмотрел на центральную грядку. Потом на раздавленные мандрагоры. Потом на сизую кашу, в которую

превратились оракул-грибы. Его взгляд остановился на месте, где семьдесят лет росла корневая система, синхронизированная с сердцебиением замка.

Глубоко под двором снова щёлкнул металл.

На этот раз звук услышал не только Эстебан.

Гаш приподнял голову. Бруно замер. Даже гаргульи на стенах, казалось, повернули каменные морды чуть ниже.

Малёк медленно моргнул.

Его единственный глаз начал меняться.

Обычно серо-зелёный, живой и беспокойный, сейчас он стремительно темнел. Зрачок расширился, сожрал радужку и занял почти весь глаз. Склера вокруг него налилась багровым, будто изнутри к ней подступила кипящая кровь. Влажный свет теплицы отражался в этом глазу и гас, не находя поверхности.

— Ой, — сказал Бруно.

— Не ой, — прошептал Гаш. — Очень не ой.

Малёк опустил свободную руку в глубокий карман фартука. Движение было медленным, дёрганым и странно неорганическим, как у куклы, которую кто-то ведёт за нитку не с той стороны. Его короткие пальцы, перепачканные чернозёмом, извлекли небольшую чёрную колбу из толстого матового стекла.

На боку колбы был приклеен кусок малярного скотча. На нём кривым, прыгающим почерком Грума значилось:

«Стимулятор роста для мёртвого мха. ОПАСНО. Не пить,

если есть позвоночник. Разрывает к хренам».

Гаш прочитал надпись. Потом посмотрел на Малёка. Потом на Бруно.

— У тебя есть план? — спросил Бруно.

— Да.

— Какой?

— Притвориться ландшафтным элементом.

Малёк поднёс колбу к лицу. Он не стал вытаскивать пробку. Просто откусил горлышко вместе с куском стекла, сплюнул осколки на брусчатку и запрокинул голову.

Чёрная жидкость пошла в него одним густым глотком.

Замок вздрогнул.

Это не было метафорой. Базальтовые плиты под ногами дрогнули, передавая вибрацию в стены, арки и кованые балконы. В глубине замка что-то ответило низким механическим гулом. Не тревогой. Не защитой. Скорее недовольным пробуждением старого устройства, которое много лет никто не должен был трогать.

Тело Малёка застыло на секунду.

Потом начало ломаться.

Сначала хрустнул позвоночник. Коротко, сухо, с таким звуком, будто кто-то переломил толстую ветку прямо у основания. Малёк не закричал. Его челюсть просто отвалилась вниз, выворачивая суставы и растягивая кожу до невозможного. Изо рта вытекла чёрная слюна, упала на камень и тут же пустила тонкий дымящийся корешок.

Плечи разошлись в стороны. Серая кожа затрещала и лопнула. Из-под неё показались не мышцы, а толстые жгуты чёрной древесины, влажные, живые, пульсирующие зелёным светом. Кости пробивали плоть белыми осколками, но не падали. Они темнели на воздухе, покрывались корой и вытягивались в шипастые ветви.

Он рос.

Фартук лопнул на груди, потом на спине, потом разлетелся грязными лоскутами. Карманы раскрылись, рассыпав по двору инструменты, семена, маленькие костяные бирки и баночку с надписью «не открывать, если дорог слух». Резиновые сапоги вздулись, треснули и разорвались, когда ступни Малёка превратились в корневые лапы. Они вонзились в брусчатку, раздвинули камни и ушли вниз.

Три метра.

Пять.

Двор застонал.

Корни прорвались из-под плит. Сначала тонкие, как пальцы. Потом толстые, как канаты. Потом огромные, венозные, с грубой чёрной корой и влажными разрывами, из которых сочился зелёный свет. Они расползались по двору, ломая кладку, поднимая камни, цепляясь за колонны и фундаменты. Один корень метнулся к луже крови под Эстебаном и впился в неё с чавкающим звуком.

Кровь исчезала быстро.

Эстебан дёрнулся, но сил даже на крик у него уже не оста-

лось. Его глаза смотрели на корень с тихим, почти обиженным непониманием.

— Это плохо, — сказал Бруно.

— Спасибо, — ответил Гаш, выбираясь из-под рамы. — Я без тебя не разобрался.

Десять метров.

Пятнадцать.

Малёк больше не был садовником. Над двором поднималась биомасса из чёрной древесины, разорванной плоти, мышечных канатов, слепых моргающих глаз и ветвей, которые росли там, где у существа должны были быть руки. Его старый секатор не выпал. Он врос в кисть, распух, расщепился, вытянулся и превратился в пару огромных искривлённых лезвий.

Туман над двором начал вращаться вокруг его головы.

А где-то под землёй снова щёлкнул механизм.

На этот раз громче.

* * *

На балконе второго этажа стоял Каэль.

Он слегка облокотился на холодные кованые перила и смотрел вниз так спокойно, будто во дворе не рос пятнадцатиметровый растительный кошмар, а садовник всего лишь слишком эмоционально пересаживал розы. На Каэле был идеально сидящий тёмно-синий костюм, белая рубашка без

галстука и ни одной складки, которую можно было бы обвинить в участии в происходящем. В правой руке он держал маленькую фарфоровую чашку с кофе. Пенка была плотной, ореховой и оскорбительно безупречной.

Каэль сделал глоток.

Аромат арабики смешался с запахом озона, мокрого камня, сырого мяса, грибной пыльцы и растительной ярости.

— Морра, — сказал он, не повышая голоса.

Воздух рядом с колонной пошёл рябью. Температура упала. Тень между каменными арками стала гуще, чем должна была быть утром, и из неё вышла Морра.

Она была в ярости.

Её глаза горели фиолетовым огнём, кожа казалась почти белой, а тёмные волосы, обычно собранные идеально, выбились у висков тонкими прядями. За спиной на мгновение дрогнули тени, похожие на крылья, но тут же исчезли, будто Морра усилием воли запретила себе выглядеть слишком драматично.

— Я оставила их без присмотра на восемь минут, — сказала она.

— Девять, — поправил Каэль.

Морра медленно повернула к нему голову.

— Вы считали?

— Сначала нет.

Внизу Малёк ударил корневой лапой по стене. Камень треснул. По двору прокатилась волна пыли и зелёного света.

Бруно попытался отползти задом, запутался в собственных кишках и с грохотом перевернулся на спину. Гаш, наоборот, изобразил мёртвое бревно. Получалось убедительно, потому что технически он и так не был далёк от материала.

Морра посмотрела вниз. Потом закрыла глаза и очень медленно вдохнула.

— Каэль.

— Да?

— Ваши сторожевые оборотни уничтожили экспериментальную теплицу, раздавили семьдесят лет пророческой грибницы, спровоцировали садовника на запрещённую биологическую трансформацию и, кажется, дали корням доступ к крови курьера.

— В общих чертах верно.

— В общих чертах? — Морра открыла глаза. Фиолетовый свет в них стал ярче. — Это внутренний двор, а не репетиция конца света.

Каэль снова отпил кофе.

— Конец света обычно аккуратнее.

Морра посмотрела на чашку.

— Вы серьёзно пьёте кофе?

— Пока он горячий.

— Внизу Малёк пытается убить всех.

— Малёк имеет основания.

— Он сейчас сломает восточную несущую стену.

— Это уже менее обоснованно.

Внизу Малёк издал звук, который не был рёвом. Он больше походил на то, как если бы лес попытался заговорить через мясорубку. Корни взметнулись над двором и обрушились вниз. Бруно завизжал, отпрыгнул в сторону и на этот раз почти увернулся. Почти — потому что один корень всё-таки зацепил его за заднюю лапу и протащил по брусчатке, оставляя широкую полосу гнили, крови и обиды.

— Я же сказал, что притворяемся ландшафтом! — заорал Гаш.

— Я не похож на ландшафт!

— Так стань кустом!

— Я не умею!

Морра сжала переносицу.

— Я не могу так работать.

Каэль хотел ответить, но замолчал.

Под двором снова щёлкнул металл.

Сначала звук утонул бы в грохоте корней, криках Бруно и треске камня. Но Каэль услышал его отчётливо. Щелчок был сухой, точный, механический. Не похожий ни на ломающееся дерево, ни на трескающийся фундамент. Он шёл снизу. Из тех уровней замка, куда не заходили даже те, кто был достаточно стар, чтобы помнить первые названия Кито.

Каэль опустил чашку.

Морра заметила это сразу.

— Что?

Он не ответил.

Его взгляд прошёл по двору: разрушенная теплица, корни, кровь курьера, трещины в брусчатке, восточная стена, старый водосток, под которым в камне проступил тонкий круглый шов. Раньше его там не было. Или был, но замок не хотел, чтобы его видели.

Камни внутри шва дрогнули.

Очень медленно.

На ширину волоса.

Каэль поставил чашку на перила.

Морра проследила за его взглядом. Её раздражение исчезло не полностью, но стало холоднее.

— Это уже не теплица, — сказала она.

— Нет.

— И не Малёк.

— Нет.

Внизу Малёк размахнулся лезвиями, в которые превратился его секатор, и срубил одну из гаргулий с восточной стены. Каменная тварь сорвалась вниз, ударилась о брусчатку и раскололась. Изнутри посыпалась не пыль, а чёрные сухие насекомые, мёртвые уже несколько столетий.

Бруно воспользовался моментом и бросился на Малёка сбоку. Для существа его размеров это было почти изящно. Он вцепился зубами в один из корней и с довольным рычанием начал трясти его, как палку.

Малёк не посмотрел на него.

Корень обвился вокруг шеи Бруно и швырнул его через

двор.

Туша весом в две с половиной тонны пролетела над брусчаткой, снесла две колонны, ударилась о стену и с мокрым хлопком сползла вниз. Стена выдержала. Замок внутри неё что-то переставил, заскрежетал, сжал трещины и заставил камень снова принять форму, которую тот уже не хотел держать.

Каэль нахмурился.

— Он удерживает двор, — сказал он.

— Замок?

— Да.

— Это хорошо?

— Пока не знаю.

Гаш тем временем отполз к руинам скамьи, поднял собственную левую лапу, посмотрел на неё, потом на Бруно, потом снова на лапу.

— У меня вопрос, — сказал он.

— Сейчас не время! — рявкнула Морра сверху.

Гаш поднял морду к балкону.

— Вопрос медицинский.

— Что?!

— Если моя нога сейчас у него в зубах, а его нога всё ещё на нём, можно ли считать, что у нас временный обмен конечностями?

Бруно из-под стены поднял голову. В пасти у него действительно торчала чужая лапа.

— Я нашёл палку, — сообщил он.

Морра закрыла лицо ладонью.

Каэль не улыбнулся.

Потому что под смехом, криками и разрушениями он услышал новый звук.

Не щелчок.

Ход.

Глубоко под двором что-то сдвинулось на один зубец.

* * *

Малёк ударил снова.

На этот раз не по Бруно и не по Гашу. Его корневая лапа врезалась в восточную стену двора, туда, где старый камень соединялся с фундаментом теплицы. Удар получился глухим и неправильным. Не снаружи внутрь, а будто изнутри наружу ответило что-то большое, спящее и раздражённое.

По кладке поползла трещина.

Морра выпрямилась.

— Если он пробьёт эту стену, южное крыло начнёт перестраиваться.

— Уже начало, — сказал Каэль.

За их спинами в глубине балкона тихо сдвинулась дверь. Та самая, которая вела в малую галерею. Ещё минуту назад. Теперь за ней был не коридор, а узкая лестница вниз, с влажными ступенями и слабым зелёным светом в глубине. Морра

бросила на неё короткий взгляд и побледнела не от страха, а от злости.

— Я закрывала этот проход в прошлом веке.

— Видимо, он не согласился.

— Проходы не имеют права соглашаться.

— Объясни это замку.

Внизу Бруно наконец понял, что чужая лапа в пасти — не лучшая боевая позиция, и выплюнул её. Лапа шлёпнулась на брусчатку, несколько раз дёрнулась и поползла обратно к Гашу, цепляясь когтями за щели между камнями.

Гаш посмотрел на неё с оскорблённым достоинством.

— А вот это уже неприятно.

— Она сама идёт! — радостно сообщил Бруно.

— Конечно сама. Она умнее тебя.

Малёк опустил голову. Сотни слепых глаз на его древесном теле моргнули не одновременно. Где-то под чёрной корой двигались мышцы. Из разрывов в древесине сочился зелёный свет, смешанный с тёмной кровью. Он больше не походил на существо, которое злится из-за разрушенной теплицы. Он походил на участок древнего леса, которому слишком долго запрещали помнить, что он когда-то был хищником.

Корни вокруг него начали втягиваться в землю.

— Это хорошо? — спросил Бруно.

— Когда земля ест корни обратно? — Гаш сел, прижал лапу к обрубку и попытался удержать её на месте. — Нет,

Бруно. Обычно это не хорошо.

Корни ушли под брусчатку.

Двор на секунду замер.

Потом плиты взорвались.

Из-под земли вырвались десятки чёрных жгутов. Они били снизу, как копья, пробивали камень, ломали старые водостоки, выворачивали фрагменты кладки. Один корень прошёл в метре от Эстебана и ударил в стену за его головой. Курьер даже не вздрогнул. Он уже сидел слишком тихо, с открытыми глазами и серым лицом. Корень, который пил его кровь, оторвался от лужи и на мгновение замер рядом с ним, будто прислушиваясь к остаткам жизни.

Морра увидела это.

— Курьера потом убрать, — сказала она автоматически.

— Если будет что, — ответил Каэль.

Она повернулась к нему.

— Это не смешно.

— Я не шутил.

Малёк поднял обе руки-лезвия. В тумане над ним проступили тонкие зелёные линии. Они тянулись от его тела к остаткам теплицы, к грядкам, к корням, к камням под двором. На секунду вся ботаническая зона стала похожа на схему кровеносной системы, только вместо сердца в центре был не Малёк.

Каэль увидел это.

Схема уходила вниз.

Круглый шов в брусчатке расширился ещё на волос. Под ним мелькнуло что-то металлическое. Не дверь. Не люк. Скорее край огромного зубчатого кольца.

— Морра, — тихо сказал Каэль.

— Вижу.

— Нет. Ниже.

Она посмотрела внимательнее.

Фиолетовый огонь в её глазах дрогнул.

— Этого не должно быть под двором.

— Много чего не должно быть под моим двором.

— Это другое.

Внизу Гаш наконец прижал лапу к обрубку и несколько раз ударил по ней кулаком, будто прибивал доску. Суставы встали на место с влажным щелчком. Он осторожно пошевелил когтями.

— Жить буду.

— Ты уже не живёшь, — сказал Бруно.

— Вот именно. У меня стабильность.

Бруно поднялся. Его бок был прожжён мандрагорным соком, на голове застрял кусок витража, из пасти свисала чёрная слизь. Но взгляд оставался счастливым. Он снова посмотрел на Малёка так, как собака смотрит на палку, которую ей не разрешают грызть.

— Не надо, — предупредил Гаш.

— А если быстро?

— Особенно если быстро.

— А если я только кусочек?

Малёк ответил за него.

Один из корней хлестнул Бруно поперёк груди. Оборотня оторвало от земли и бросило в центр двора. Он упал на спину, проломив камни, но тут же перевернулся и с рыком прыгнул вперёд. На этот раз он не пытался ловить или играть. В нём проснулась не радость, а древняя звериная злость.

Он вцепился в нижнюю часть древесного тела Малёка и сомкнул челюсти.

Чёрная кора треснула. Из раны ударил зелёный сок. Бруно дёрнул головой, вырывая кусок плоти, дерева и мышечных волокон. Малёк впервые издал звук, похожий на боль. Двор ответил вибрацией. Стёкла в уцелевших окнах замка покрылись тонкими трещинами.

Гаш рванул следом. Его металлическая челюсть раскрылась с лязгом. Он прыгнул на один из крупных корней, впился когтями и начал рвать его, как канат. Корень бился, извивался, пытался сбросить его, но Гаш держался крепко, с мрачной обидой существа, которому только что испортили утреннюю игру.

— Вот теперь нормально! — прорычал он сквозь кору. — Теперь это уже драка!

Малёк развернулся.

Лезвие-секатор ударило сверху.

Гаш успел откатиться. Лезвие вошло в брусчатку там, где секунду назад была его голова, и разрезало камень так чисто,

будто это был мягкий сыр. Второе лезвие пошло следом, но Бруно врезался Малёку в бок, сбивая удар. Две чудовищные массы столкнулись. Двор вздрогнул. Где-то в стенах лопнула старая труба, и на камни хлынула чёрная вода.

Каэль резко поднял руку.

— Достаточно.

Он не крикнул.

Но замок услышал.

Балкон под ним потемнел. Перила покрылись тонким инеем. Тени гаргулий вытянулись по стенам и стали длиннее, чем позволял утренний свет. Внизу Бруно замер на полдвижения. Гаш прижал уши. Даже Малёк повернул к балкону множество слепых глаз.

Морра посмотрела на Каэля.

— Не советую давить на замок сейчас.

— Я не давлю.

— Тогда что вы делаете?

Каэль смотрел на круглый шов в брусчатке. Тот больше не скрывался. Камни внутри него медленно расходились, обнажая старое металлическое кольцо с зубцами и символами, которые не принадлежали ни одному языку Цитадели.

— Пытаюсь понять, почему он сам отвечает.

Под двором раздался новый ход механизма.

Один зубец.

Потом второй.

Потом третий.

И где-то глубоко в замке, ниже катакомб, ниже старых лабораторий, ниже всех уровней, о которых Морра когда-либо составляла описи, что-то начало просыпаться.

* * *

Морра первой поняла, что двор стал слишком тихим.

Не спокойным. Именно тихим. Звуки никуда не исчезли: Бруно всё ещё рычал, Гаш матерился сквозь зубы, Малёк скрипел ветвями, камни трещали, вода текла из лопнувшей трубы. Но всё это словно отодвинулось на слой глубже, будто замок накрыл внутренний двор невидимым стеклянным куполом и теперь слушал не снаружи, а изнутри.

Каэль убрал руку с перил.

Тени не вернулись на место. Они продолжали тянуться по стенам, ложась против света. Гаргульи больше не выглядели просто каменными. Их морды вытянулись, глаза углубились, когти на лапах стали длиннее. Возможно, это был обман зрения. Возможно, замок просто вспоминал форму, в которой ему когда-то было удобнее защищаться.

— Каэль, — сказала Морра осторожно. — Отойдите от перил.

Он не двинулся.

— Замок слышит вас слишком хорошо.

— Я знаю.

— Нет. Сегодня — слишком хорошо.

Внизу Бруно встряхнул головой, сбрасывая с морды зелёный сок. Его единственный глаз заметался между Малёком и балконом. Даже он, при всей своей счастливой неспособности к выводам, почувствовал перемену.

— Гаш, — шёпотом сказал он.

— Что?

— Дом злится?

Гаш медленно повернул голову к стенам.

— Если дом злится, я официально спал.

— Ты стоишь.

— Мёртвые могут спать стоя. Не перебивай алиби.

Малёк не шевелился. Его колоссальное тело застыло посреди двора, но корни под брусчаткой продолжали работать. Они ползли ниже, туда, где не было земли в обычном смысле, а были старые пустоты, забытые каналы, каменные шахты и металл, которого не касался воздух. С каждым их движением круглое зубчатое кольцо в центре двора открывалось всё шире.

Морра подошла к Каэлю ближе. Фиолетовый огонь в её глазах стал тоньше, холоднее.

— Это не просто механизм.

— Да.

— Вы знали, что он существует?

Каэль посмотрел на неё.

Морра поняла ответ раньше, чем он произнёс его.

— Нет, — сказал он.

Впервые за всё утро её лицо изменилось по-настоящему. Не злость, не раздражение, не усталость управляющей, которая снова вынуждена объяснять древним тварям элементарные правила совместного проживания. На миг в выражении Морры появилось нечто гораздо более старое.

Страх.

Она тут же убрала его.

— Тогда это плохо, — сказала она.

— Ты всегда говоришь это так, будто бывает хороший вариант.

— Бывает. Например, когда Гаш съедает гостя до десерта. Это плохо, но понятно. Когда под вашим двором открывается устройство, о котором не знает даже домоправительница, прожившая здесь дольше некоторых Родов, это не «плохо». Это повод написать завещание на случай, если завещания после этого всё ещё будут иметь юридический смысл.

Снизу донёсся голос Гаша:

— Я слышал про гостя до десерта! Это было один раз!

Морра не посмотрела вниз.

— Три.

— Второй сам попросил!

— Он просил бокал воды.

— У него был акцент!

Бруно поднял лапу.

— А третий был десерт?

— Молчать! — одновременно сказали Морра и Гаш.

Каэль не слушал их.

Кольцо в центре двора продолжало открываться. Зубцы двигались медленно, с тяжёлой старой точностью. На каждом был вырезан знак. Не письменность. Не руны. Не язык Цитадели. Знаки были похожи на следы когтей, оставленные на металле до того, как металл научился быть металлом.

Малёк вдруг дёрнулся.

Корни, уходившие под землю, натянулись. Его тело выгнулось назад. Сотни слепых глаз на стволе раскрылись одновременно. Из глубины древесной грудной клетки вырвался низкий гул. Не рёв боли. Не ярость. Скорее отклик.

— Он подключился, — сказала Морра.

— Нет, — Каэль медленно покачал головой. — Его подключили.

Морра посмотрела на него резко.

— Кто?

Каэль не ответил.

Потому что в эту секунду кольцо остановилось.

Двор замер вместе с ним.

Все звуки обрезало.

Не стихли. Не затихли. Их именно обрезало, как ножом. Бруно открыл пасть, но рыка не было. Гаш поднял лапу, но когти не скрежетнули по камню. Чёрная вода из трубы продолжала падать, но без плеска. Даже туман перестал двигаться.

Каэль услышал только часы.

Где-то в замке начали бить старые механизмы. Не одни. Сразу многие. Настенные, башенные, карманные, забытые, сломанные, давно снятые со стен, закопанные в кладовых, спрятанные в ящиках, подаренные мёртвыми гостями, украденные у тех, кто больше не мог пожаловаться. Все часы замка сделали один общий вдох.

Тик.

Потом второй.

Тик.

На брусчатке вокруг кольца проступили тонкие линии. Они расходились от центра двора к стенам, к теплице, к сараю, к восточной арке, к балкону, к тому месту, где стоял Каэль. Линии светились не зелёным, как сок Малёка, и не фиолетовым, как глаза Морры. Свет был белым. Слишком чистым для этого двора.

Эстебан, всё ещё сидевший у стены, вдруг поднял голову.

Он смотрел не на Бруно, не на Малёка и не на свою оторванную руку. Его взгляд был направлен в центр двора.

— Я… — прошептал он.

Звук вернулся только для этого слова.

Каэль повернул голову.

— Я видел это, — сказал курьер.

Морра застыла.

Гаш опустил лапу.

Бруно моргнул.

Эстебан улыбнулся странной, пустой улыбкой человека,

которому наконец стало не больно, потому что боль уже ушла слишком далеко вперёд.

— В посылке.

Каэль больше не был спокоен.

Он исчез с балкона.

Не прыгнул. Не спустился. Просто перестал быть наверху и оказался во дворе рядом с курьером. Воздух хлопнул после него с запозданием. Пыль вокруг его ног поднялась тонким кольцом.

Морра выругалась на языке, который в последний раз официально использовался для объявления войн между вымершими родами, и тоже исчезла в тени.

Каэль присел перед Эстебаном.

— Что было в посылке?

Курьер попытался сфокусировать взгляд. Губы у него посинели. Из обрубка руки кровь уже не била, только лениво вытекала тёмными сгустками.

— Не знаю.

— Ты видел.

— Не должен был.

— Что ты видел?

Эстебан сглотнул. Его глаза снова ушли к кольцу.

— Маленький… механизм. Как сердце. Только… без мяса.

Кольцо в центре двора щёлкнуло.

Один раз.

Очень громко.

Белые линии на брусчатке вспыхнули ярче. Малёк выгнулся, будто его потянули за корни изнутри земли. Бруно заскулил. Гаш отступил на шаг, и впервые за всё утро не сказал ничего.

Каэль медленно поднялся.

— Где посылка?

Эстебан попытался ответить, но изо рта вышла только кровь.

Морра появилась рядом. Она уже смотрела не на курьера, а на его сумку. Та лежала у стены, почти под раздавленной урной. Чёрная курьерская сумка с защитными печатями. Одна печать была сорвана. Вторая расплавилась. Третья пульсировала в такт механизму под двором.

— Бруно, — сказала Морра ледяным голосом.

Оборотень виновато прижал уши.

— Я не ел сумку.

— Это не ответ.

— Я думал о том, чтобы съесть сумку.

— Это тоже не ответ.

— Но не съел.

Каэль подошёл к сумке. Чем ближе он становился, тем холоднее делался воздух. Белые линии на брусчатке тянулись к нему, как трещины во льду. Замок вокруг будто задержал дыхание.

Он наклонился и открыл сумку.

Внутри лежала пустота.

Не отсутствие предмета. Не тень. Именно пустота — аккуратная, чёрная, круглая, размером с человеческое сердце. Она занимала пространство, но не отражала свет и не имела поверхности. На подкладке сумки вокруг неё были вышиты серебряные цифры:

4:44

Морра увидела их и на секунду перестала дышать.

Каэль протянул руку.

Пустота дрогнула.

Глубоко под двором механизм сделал следующий ход.

* * *

— Не трогайте, — сказала Морра.

Каэль замер, не убирая руки.

— Поздно.

Пустота внутри сумки дрогнула ещё раз. Края её стали неровными, как если бы чёрный круг был не предметом, а дырой, прорезанной в самой видимости мира. Ткань вокруг неё покрылась инеем. Серебряные цифры на подкладке вспыхнули и тут же потемнели.

4:44.

Внутри пустоты что-то двигалось. Не форма. Не существо. Скорее память о движении, оставшаяся после того, как сам объект вынули из реальности.

Каэль медленно выпрямился.

— Это не посылка.

— Тогда что это? — спросил Гаш.

Морра посмотрела на него так, что даже Бруно сделал шаг в сторону.

— Молчать.

— Я просто уточняю.

— Ты только что помог открыть под двором неизвестный механизм, уничтожил теплицу и почти спровоцировал перестройку южного крыла.

Гаш поднял палец.

— Технически теплицу уничтожил Бруно.

— А я принёс руку, — виновато сказал Бруно. — Хорошо принёс.

Морра закрыла глаза. Её терпение, очевидно, дошло до той тонкой границы, за которой начинались казни, архитектурные перестановки и новые правила проживания на шести страницах.

— Никто, — произнесла она очень тихо, — больше не говорит слово «апорт» в этом дворе.

Под землёй механизм ответил новым ходом.

Зубцы кольца повернулись. Белые линии на брусчатке вспыхнули и побежали дальше, как трещины по замёрзшей воде. Они добрались до стены, взобрались по камню, пересекли старые гербы, прошли через барельефы и зажглись на мордах гаргулий. Одна из них раскрыла каменную пасть. Из-

нутри посыпалась пыль, а потом донёсся короткий механический вдох.

Замок просыпался неправильно.

Каэль повернулся к центру двора.

— Морра. Всех внутрь.

— Кого именно вы считаете «всеми»?

— Всех, кто ещё способен двигаться.

Гаш посмотрел на Бруно.

— Это про нас?

— Я способен, — сказал Бруно.

— Ты способен в основном разрушать.

— Это тоже движение.

Морра подняла руку. Тени под стенами взметнулись и вытянулись в тонкие чёрные ленты. Они скользнули к слугам, появившимся в арках, к перепуганным мелким тварям на галереях, к двум кухонным некротидам, которые зачем-то вышли посмотреть, почему завтрак пахнет пророческими грибами и судебными последствиями.

— Внутрь, — приказала Морра. — Все. Нижние коридоры не использовать. Восточное крыло закрыть. Если кто-то увидит новую дверь, не открывать. Если дверь уже открыта, не смотреть внутрь. Если внутри кто-то зовёт по имени, считать себя неуслышанным.

Слуги исчезли мгновенно.

Бруно поднял лапу.

— А если дверь зовёт не по имени, а просто «эй»?

— Особенно тогда, — сказала Морра.

Гаш наклонился к Бруно.

— Это она про тебя.

— Почему?

— Ты всегда идёшь на «эй».

— Не всегда.

— Ты однажды пошёл на звук падающей колбасы.

— Она упала убедительно.

Каэль уже не слушал.

Он стоял перед кольцом. Металлические зубцы под брусчаткой медленно поднимались, освобождая всё новые фрагменты конструкции. Это было не устройство в человеческом смысле. Не механизм, который можно было собрать руками. Скорее орган, решивший притвориться машиной. На металле проступали тонкие прожилки, похожие на сосуды. Между зубцами шевелились белые волокна. Внутри кольца открывалась шахта, но темноты там не было. Там был свет.

Белый.

Ровный.

Слишком чистый.

Каэль узнал этот свет до того, как понял, откуда.

Он видел его каждое утро.

В 4:44.

Не глазами. Не полностью. Всегда на границе пробуждения, когда ночь обрывалась слишком резко, тени возвращались на свои места, а мир на мгновение становился пустым

и собранным заново. Он помнил это ощущение, хотя память каждый раз пыталась сделать вид, что ничего не произошло.

— Каэль, — сказала Морра.

Он не обернулся.

— Я знаю.

— Нет. Посмотрите на Малёка.

Малёк больше не атаковал. Его огромное тело стояло в центре двора, корни уходили в раскрывающееся кольцо, а ветви дрожали. Слепые глаза на стволе раскрывались и закрывались в одном ритме. Не хаотично, как раньше. Синхронно.

Тик.

Глаза открылись.

Тик.

Глаза закрылись.

Тик.

Кольцо повернулось.

Малёк был не причиной. Он стал частью механизма.

— Отрезать корни? — спросил Гаш.

Морра резко повернулась к нему.

— Нет.

— Я могу быстро.

— Именно поэтому нет.

Бруно обнюхал один из корней и тут же отдёрнул морду.

— Он пахнет утром.

Каэль медленно посмотрел на него.

— Что?

Бруно смутился.

— Ну… как когда не хочешь вставать, а уже светло. Только внутри носа.

Гаш фыркнул.

— Глубоко. Запиши в семейную хронику.

Но Каэль не усмехнулся.

Бруно, сам того не понимая, сказал точнее всех.

Корни Малёка действительно пахли утром. Не землёй, не кровью, не соком мандрагор. От них шёл запах холодного рассвета, мокрого камня, белого света и того короткого мгновения, когда мир ещё не решил, каким ему быть.

Каэль шагнул ближе к кольцу.

Белые линии на брусчатке потянулись к его обуви. Не как угроза. Как узнавание.

Морра увидела это и побледнела.

— Отойдите.

— Он реагирует на меня.

— Именно поэтому отойдите.

— Нет.

— Каэль.

Он поднял руку.

На этот раз не к замку. К механизму.

Тени на стенах дрогнули. Белый свет в шахте усилился. Где-то высоко над двором, в башне, ударили часы. Один раз. Потом второй. Потом третий. Но не подряд. Каждый удар

звучал из другого места замка, с другой высоты, из другого времени. Старые часы, давно остановленные, включались одно за другим.

Морра сделала шаг к нему, но тень у её ног вдруг легла поперёк дороги, словно замок поставил предупреждающую черту.

— Не смейте, — сказала она не Каэлю. Замку.

Стена за её спиной тихо скрипнула.

Гаш наклонился к Бруно.

— Она ругается с архитектурой.

— Кто выигрывает?

— Архитектура большая.

— Морра страшнее.

— Справедливо.

Каэль опустил ладонь в белый свет.

Мир моргнул.

На мгновение двор исчез.

Не разрушился. Не погас. Просто перестал быть единственной версией себя.

Каэль увидел тот же двор ночью. Теплица была цела, мандрагоры спали под стеклом, Малёк сидел на низкой табуретке и что-то пересаживал при свете зелёной лампы. Потом двор стал пустым, без стен, без замка, только голая чёрная земля под древним небом. Потом — снова двор, но заполненный водой до уровня балкона. Потом — руины, заросшие белыми корнями. Потом — сотни фигур, стоящих

вокруг кольца. Лиц у них не было. Или память отказалась их удерживать.

И в каждой версии в центре было одно и то же.

Кольцо.

Ядро.

Сердце без мяса.

Каэль отдёрнул руку.

Звук вернулся ударом.

Бруно взвыл. Гаш упал на колено. Морра схватилась за ближайшую колонну, и фиолетовый огонь в её глазах на секунду погас. Малёк выгнулся назад, корни хлестнули по двору, но уже не как оружие, а как провода, через которые пустили слишком большой ток.

Белый свет из шахты ударил вверх.

Не столбом. Не лучом. Скорее раскрытием.

На камнях, стенах, перилах, стеклянных осколках и лицах всех присутствующих проступили тонкие цифры.

4:44.

Они исчезли почти сразу.

Почти.

На коже Каэля цифры задержались дольше.

* * *

Цифры на коже Каэля не светились. Они были темнее света.

Тонкие, почти прозрачные, они проступили под кожей на тыльной стороне ладони, на запястье, выше, под манжетом белой рубашки. Не ожог. Не татуировка. Скорее след от прикосновения к чему-то, что не оставляет следов на материи, но оставляет их на причине.

4:44.

Каэль медленно сжал пальцы.

Цифры не исчезли.

Морра увидела это и впервые за всё утро не сказала ничего. Её лицо застыло. Фиолетовый огонь в глазах стал узким и холодным, как лезвие под дверью.

— Это было на вас? — спросила она.

— Нет.

— До того, как вы коснулись света?

— Нет.

— Вы уверены?

Каэль посмотрел на неё.

Морра не отвела взгляд.

Внизу Бруно осторожно приблизился к белым линиям на брусчатке и понюхал одну из них. Тут же отшатнулся, чихнул и ударился затылком о расколотую урну.

— Невкусно, — сообщил он.

— Ты лизал? — спросил Гаш.

— Я исследовал.

— Ртом?

— У меня там основные датчики.

— У тебя там вторичные разрушители.

Морра резко подняла руку, и оба оборотня замолчали. Даже Бруно понял, что сейчас не лучший момент для научной дискуссии.

Малёк стоял в центре двора, но его огромное тело больше не принадлежало ему полностью. Корни, уходившие в раскрытое кольцо, натягивались и расслаблялись в такт невидимому ритму. Сотни слепых глаз на древесном стволе открывались синхронно, словно кто-то учил их моргать заново. Из трещин в коре сочился зелёный свет, но внутри него теперь пульсировал белый.

Малёк попытался повернуть голову к Каэлю.

Движение вышло рваным. Не его.

— Хозяин… — прохрипел он.

Голос был почти узнаваемым. Маленький, хриплый голос садовника, зажатый внутри пятнадцати метров древесины, плоти и чужого механического дыхания.

Бруно прижал уши.

— Он говорит.

— Удивительно, — процедил Гаш. — Обычно существа с головой так делают.

— Нет, он говорит грустно.

Гаш хотел ответить, но не стал.

Малёк снова дёрнулся. Корни потянули его вниз, к кольцу. Брусчатка под ним треснула. Старый металл под двором сделал ещё один ход, и белый свет на мгновение стал ярче.

Воздух запах рассветом так резко, что Каэль ощутил во рту холодный привкус мокрого камня.

— Его затягивает, — сказала Морра.

— Не его, — ответил Каэль.

Она быстро посмотрела на него.

— Что?

Каэль смотрел на Ядро. На зубчатое кольцо. На белый свет, который не освещал двор, а будто вырезал из него всё лишнее. В видении он видел этот механизм в других версиях замка. В пустом дворе. В затопленном. В разрушенном. В том, где вокруг кольца стояли безликие фигуры.

И во всех версиях Ядро было не под замком.

Скорее замок был вокруг него.

— Оно тянет не Малёка, — сказал Каэль. — Оно тянет то, через что может дотянуться.

Морра поняла.

— Корни.

— Да.

— Тогда их нужно отсечь.

— Нельзя, — сказал Каэль.

Гаш поднял лапу.

— Я обычно за «нельзя», но если речь о корнях, я могу сделать вид, что не услышал.

— Если отрубить их сейчас, механизм получит удар напрямую, — сказала Морра, уже не для него, а для себя. — Или замок получит. Или мы все.

— Или всё сразу, — добавил Каэль.

Бруно посмотрел на Малёка.

— А если попросить его перестать быть деревом?

Гаш медленно повернулся к нему.

— Бруно.

— Что?

— Иногда я завидую тому, насколько тебе легко жить.

Малёк издал низкий хрип. Его руки-лезвия поднялись, но не для удара. Они дрожали, будто он пытался удержать их на месте. Слепые глаза на стволе вдруг раскрылись шире. Несколько из них налились зелёным, обычным Малёковым цветом.

— Не… трогайте… грядку… — прошептал он.

Бруно всхлипнул.

— Он всё ещё про теплицу.

— Конечно он про теплицу, — сказал Гаш тише. — Ты видел, что ты сделал?

— Мы.

— Не порти мне моральное превосходство.

Каэль подошёл ближе к кольцу. Белые линии под его ногами гасли, когда он наступал на них, и загорались снова, когда он проходил. Замок реагировал на него не как на хозяина. Не как на чужого. Как на часть старой команды, которую почему-то забыли предупредить о назначении.

— Морра, мне нужно отделить Малёка от ритма.

— Как?

— Не знаю.

— Великолепный план.

— Зато честный.

Морра бросила взгляд на кольцо, на корни, на Малёка и на обугленную сумку Эстебана.

— Если Ядро использует биологический проводник, его можно сбить биологическим шумом.

Каэль посмотрел на неё.

— Что у нас есть?

Морра медленно повернулась к руинам теплицы.

Гаш тоже посмотрел туда. Потом сразу отрицательно замотал головой.

— Нет.

— Да, — сказала Морра.

— Нет. Даже я понимаю, что это плохая идея.

— Значит, идея подходит.

Бруно поднял морду.

— Какая идея?

Гаш указал когтем на уцелевший дальний сектор теплицы. Там, под перевёрнутым стеллажом и куском свинцовой рамы, что-то шевелилось. Влажно. Обиженно. С плохо скрываемым желанием отомстить всему позвоночному миру.

Морра сказала:

— Нам нужны живые мандрагоры.

Бруно сделал шаг назад.

— Они кричат.

— В этом смысл.

— Они очень кричат.

— Бруно, — Каэль наконец повернулся к нему. — Принеси.

Оборотень застыл.

Гаш медленно улыбнулся настолько, насколько позволяла металлическая челюсть.

— Апорт.

Морра посмотрела на него.

Гаш кашлянул.

— Простите. Вырвалось.

Бруно стоял между Каэлем, Малёком, Ядром и руинами

теплицы. В его единственном глазу боролись страх, вина, голод, собачья преданность и смутное понимание, что сейчас от него требуется не разрушить, а спасти.

Это было для Бруно гораздо сложнее.

— Живые? — уточнил он.

— Живые, — сказал Каэль.

— Не есть?

— Не есть.

— Даже если они первые начнут?

— Особенно если они первые начнут.

Бруно тяжело вздохнул, как существо, которому только что поставили невыполнимую моральную задачу, и побежал к руинам теплицы.

Гаш посмотрел ему вслед.

— Мы все умрём из-за ботаники.

— Вы уже мертвы, — сказала Морра.

— Вот именно. Обидно будет испортить статистику.

Бруно влетел в остатки теплицы, на этот раз стараясь быть осторожным. Для двух с половиной тонн мёртвой плоти «осторожно» означало, что он снёс только один стеллаж, две опоры и нечто стеклянное, которое тут же начало плакать синим паром. Он запустил лапы в грядку, взвизгнул, когда несколько мандрагор вцепились зубами в его пальцы, и выдернул из земли целую связку бледных, извивающихся корней.

Теплица снова закричала.

Но теперь этот крик был нужен.

Бруно понёс мандрагоры к центру двора на вытянутых лапах, морщась и отворачивая морду.

— Они ругаются! — пожаловался он.

— На каком языке? — спросил Гаш.

— Не знаю, но я понял про мать.

Морра перехватила связку тенями. Чёрные ленты обвили мандрагоры, удерживая их на расстоянии от всех лиц, ушей и важных артерий. Растения визжали, плевались зелёным соком и пытались укусить саму тень, что было безнадёжно, но достойно уважения.

— Куда? — спросила Морра.

Каэль посмотрел на Малёка.

Слепые глаза на его стволе снова открылись в ритме Ядра.

Тик.

Открылись.

Тик.

Закрылись.

Каэль указал на корни у основания древесного тела.

— Между ним и кольцом.

— Это может его разорвать.

— Или вернуть.

— Или разбудить то, что под нами.

— Оно уже проснулось.

Морра сжала губы, но спорить не стала.

Она швырнула связку мандрагор в белые линии между

Малёком и кольцом.

Крик ударил по двору.

Он был не громче прежнего. Он был шире. Визг мандрагор вошёл в ритм Ядра, сломал его, расщепил на десятки неправильных частот. Белый свет дёрнулся. Кольцо застучало сбивчиво. Слепые глаза на теле Малёка начали моргать вразнобой.

Малёк закричал.

На этот раз своим голосом.

Не громко. Не чудовищно. Просто больно.

Корни, уходившие в механизм, выгнулись дугой и начали отрываться от металла. Зелёный свет вспыхнул, смешался с белым и на миг окрасил весь двор цветом больного рассвета.

— Сейчас! — сказал Каэль.

Гаш и Бруно рванули одновременно.

Они ударили Малёка сбоку не как врага, а как слишком тяжёлую дверь, которую нужно выбить плечом. Бруно врезался в древесное тело всем весом. Гаш зацепил когтями крупный корень и потянул назад. Морра обвила тени вокруг ветвей, удерживая лезвия-секаторы, чтобы Малёк не разрубил их пополам случайным движением.

Каэль шагнул к кольцу.

Белый свет ударил ему в лицо.

На коже под рукавом снова проступили цифры.

4:44.

Он протянул руку не к свету, а к камням вокруг кольца.

— Закройся, — сказал он.

Механизм не послушался.

Каэль сжал пальцы.

— Закройся.

Замок вокруг дрогнул. Где-то в стенах захлопнулись десятки дверей. Лестница за балконом исчезла с сухим каменным выдохом. Гаргульи на стенах повернули головы к центру двора. Тени вытянулись к кольцу, но белый свет прожигал их, не давая приблизиться.

Механизм сделал ещё один ход.

Каэль почувствовал, как что-то отвечает ему снизу.

Не словами.

Узнаванием.

Не «хозяин».

Не «чужой».

Другое.

Старое.

Так могли бы назвать ключ, который слишком долго считал себя человеком.

Каэль побледнел.

Морра увидела это даже сквозь хаос.

— Каэль!

Он резко опустил ладонь на край зубчатого кольца.

Кожа зашипела.

Белый свет врезался в него, прошёл по руке, поднялся к плечу, ударил в грудь. На миг Каэль перестал видеть двор.

Он увидел только цифры, повторяющиеся в пустоте. 4:44. 4:44. 4:44. И между ними — тонкую щель, через которую на мир смотрело что-то огромное, терпеливое и совершенно не похожее на существо.

Потом ритм сломался.

Мандрагоры завизжали последним, особенно мерзким аккордом.

Корни Малёка вырвались из кольца.

Бруно и Гаш отлетели вместе с ним. Морра удержала тени до последней секунды, а затем отпустила, чтобы их не сожгло белым светом. Кольцо провернулось в обратную сторону. Один зубец. Второй. Третий.

Металл ушёл под брусчатку.

Белые линии погасли.

Двор рухнул обратно в звук.

* * *

Звук вернулся сразу всем.

Бруно заорал, потому что приземлился спиной на остатки чугунной скамьи. Гаш выругался, потому что его только что протащило мордой по мандрагоровой слизи. Уцелевшие стёкла в окнах замка треснули с запозданием. Где-то внутри восточной стены рухнула полка. Из трубы снова хлынула чёрная вода. Мандрагоры, использованные в качестве биологического шума, лежали между камнями и тихо, устало

ненавидели всех.

Малёк рухнул.

Не сразу. Сначала его огромное тело попыталось удержаться на корнях, которых уже не было. Ветви дёрнулись, слепые глаза закрылись один за другим, лезвия-секаторы втянулись в древесную массу. Потом весь пятнадцатиметровый кошмар накренился и обрушился на брусчатку с таким грохотом, что внутренний двор подпрыгнул.

Каэль стоял у центра двора, опустив руку.

Кольцо исчезло. Брусчатка снова лежала на месте, мокрая, растрескавшаяся, с белёсыми следами по швам. Если бы кто-то пришёл сейчас и не видел предыдущих минут, он решил бы, что здесь просто неудачно взорвалась теплица, ожил садовник, подрались оборотни и слегка нервничал замок. Для этого места объяснение было почти бытовым.

На ладони Каэля кожа почернела тонким кругом. Не обуглилась. Не сгорела. Именно почернела, будто под ней открылась маленькая ночь. Цифры 4:44 больше не светились, но не исчезли до конца. Они ушли глубже, под кожу, в вены, в память тела.

Морра подошла к нему.

— Покажите руку.

— Позже.

— Сейчас.

Каэль посмотрел на неё.

— Морра.

— Не надо этим голосом. Я пережила три смены Совета, два внутренних раскола Цитадели, семь попыток отравить вас через десерт и один ремонт северного крыла. Ваш голос хозяина замка на меня действует только в тех случаях, когда вы не пытаетесь скрыть повреждение неизвестного происхождения после контакта с древним устройством под фундаментом.

Он протянул руку.

Морра взяла его за запястье осторожно, почти бережно. Её пальцы были холодными. Она осмотрела почерневший круг, задержалась на едва видимых цифрах, и лицо её стало ещё неподвижнее.

— Больно?

— Нет.

— Это хуже.

— Я знаю.

— Вы не знаете.

Она отпустила его руку и посмотрела на центр двора.

— Это не ожог, не метка и не проклятие.

— Тогда что?

Морра помолчала.

— Ответ.

Каэль медленно поднял глаза.

— На вопрос, который я не задавал?

— Возможно, на вопрос, который вы не помните.

За их спинами Бруно попытался подняться, но остатки

скамьи зацепились за швы на его спине. Он дёрнулся, снова упал и жалобно посмотрел на Гаша.

— Помоги.

— Нет.

— Почему?

— Я морально пострадал.

— У тебя нет морали.

— Тем ценнее редкий момент её появления.

Бруно перевернулся на бок, оторвал от спины кусок скамьи вместе с несколькими слоями собственной кожи и с облегчением сел. На голове у него всё ещё торчал витражный осколок. Из пасти свисал корешок мандрагоры, который пытался укусить его за язык.

— Малёк умер? — спросил он.

В центре двора огромная древесная масса зашевелилась.

Гаш резко отполз назад.

— Если да, то очень обиженно.

Чёрная кора треснула. Изнутри вывалился Малёк.

Маленький. Серый. Голый по пояс, весь в грязи, слизи, зелёном соке и остатках собственного фартука. Он упал на брусчатку, сел, поморгал единственным глазом и посмотрел на руины теплицы.

Некоторое время он молчал.

Все молчали вместе с ним.

Даже Бруно понял, что сейчас лучше не дышать слишком выразительно.

Малёк поднял руку. В пальцах у него всё ещё был маленький секатор. Обычный. Ржавый. Чуть погнутый.

Он посмотрел на секатор. Потом на Бруно. Потом на Гаша.

— Вы, — сказал Малёк.

Голос был тихий.

Гаш сглотнул. Получилось металлически.

— В нашу защиту…

— Не надо, — сказал Малёк.

— Согласен, защита слабая.

Бруно виновато поднял лапу.

— Я принёс руку.

Малёк посмотрел на него.

— Я видел.

— Хорошо принёс.

— Я видел.

— Потом я принёс мандрагоры.

— Я тоже видел.

Бруно опустил лапу.

— Я больше не буду приносить.

— Будешь, — сказал Малёк. — Но теперь только навоз. Месяц.

Бруно моргнул.

— Это наказание?

— Это милость.

Гаш осторожно кашлянул.

— А мне?

Малёк повернул к нему глаз.

— Ты будешь пересаживать оракул-грибы.

— Они умерли.

— Значит, будешь извиняться перед грибницей, пока она не передумает.

— Грибница может передумать?

— Узнаешь.

Морра медленно выдохнула.

— Прекрасно. У нас есть план восстановления, два наказанных идиота, один полумёртвый курьер, уничтоженная теплица, пробуждённый механизм неизвестной природы и хозяин замка с цифрами 4:44 под кожей. Утро удалось.

Эстебан тихо закашлялся у стены.

О нём на несколько секунд все забыли. Это было грубо, но в замке Каэля человек с оторванной рукой не всегда попадал в первую тройку срочных проблем.

Каэль подошёл к нему.

Курьер был жив. Плохо, но жив. Лицо стало серым, губы посинели, глаза уже не фокусировались нормально. Оторванная рука лежала в трёх метрах от него, вся в слюне Бруно, зелёном соке и грибной пыльце.

— Он видел посылку, — сказала Морра.

— И доставил её сюда, — ответил Каэль.

— Или его доставили вместе с ней.

Каэль посмотрел на сумку. Чёрная пустота внутри исчез-

ла. Осталась только подкладка с выжженными цифрами и расплавленные печати. Серебряная нить, которой были вышиты 4:44, почернела.

— Кто отправитель? — спросил он.

Морра подняла сумку двумя пальцами, будто та была заразной. На внешнем клапане сохранился фрагмент курьерской бирки. Большая часть текста сгорела, но одно поле осталось читаемым.

Получатель: Каэль.

Отправитель: Каэль.

Бруно наклонил голову.

— Ты сам себе прислал пустую штуку?

Гаш ударил его по затылку.

— Не задавай вопросы, от которых умнеют стены.

Каэль взял бирку.

Бумага была настоящей. Печать доставки — настоящей. Подпись — его. По крайней мере, она выглядела как его подпись. Такой же наклон, такая же резкая последняя линия, та же привычка не дописывать последнюю букву, потому что рука всегда уходила быстрее терпения.

Но он не подписывал эту посылку.

Не сегодня. Не вчера. Никогда.

И всё же где-то в глубине памяти что-то дрогнуло. Не воспоминание. След от воспоминания. Как пустое место на стене, где долго висела картина.

Морра смотрела на него внимательно.

— Вы помните?

— Нет.

— Это тоже хуже.

Каэль сжал бирку в пальцах.

Замок вокруг был тих. Слишком тих. После любого крупного разрушения он обычно жил: скрипел, переставлял двери, шептал трубами, выпускал из стен недовольный холод. Сейчас он молчал так, будто слушал не двор, а что-то за ним.

Малёк поднялся на ноги. Его качнуло, но он удержался. Потом сделал шаг к остаткам теплицы и остановился перед раздавленной грядкой оракул-грибов.

— Они сказали, что знали, — тихо произнёс он.

— Кто? — спросила Морра.

— Грибы.

Гаш осторожно поднял палец.

— В их защиту, они всегда так говорят.

Малёк не повернулся.

— Нет. В этот раз они знали не про себя.

Каэль посмотрел на него.

— А про что?

Малёк медленно обернулся. Его единственный глаз ещё не до конца вернулся к обычному серо-зелёному цвету. В глубине радужки оставалась тонкая белая точка.

— Про минуту.

Никто не ответил.

Где-то в замке ударили часы.

Один раз.

Очень далеко.

Морра резко подняла голову.

— Который час?

На этот вопрос в замке Каэля никогда не отвечали одни часы. В разных коридорах, башнях и комнатах время часто расходилось на секунды, минуты, иногда на годы, если верить северной кладовой, которая упорно жила в прошлом четверге. Но сейчас все механизмы ответили вместе.

Сначала башенные часы.

Потом каминные в малой гостиной.

Потом старые напольные в библиотеке.

Потом карманные часы мёртвого посла, запертые в ящике письменного стола.

Потом те, которые давно сняли со стены, потому что они шли только тогда, когда кто-то в замке умирал.

Все они сделали один общий удар.

И остановились.

Каэль медленно посмотрел на циферблат над восточной аркой.

Стрелки стояли на 4:43.

Морра увидела это следом.

Гаш перестал пришивать лапу.

Бруно перестал пытаться незаметно выплюнуть мандрагору.

Малёк опустил секатор.

Даже Эстебан, уже почти не различавший мир, повернул голову к часам, словно услышал собственный приговор.

До 4:44 оставалась одна минута.

Белые цифры под кожей Каэля снова проступили.

Тише.

Глубже.

Ближе к кости.

Замок вокруг них сделал вдох.

И впервые за двести лет Каэль не был уверен, что хочет услышать, как он выдохнет.

Глава 9. Реквием в калибре 12,7

Музыка была безупречна до тошноты.

Ни один живой оркестр не смог бы играть так ровно. У живых всегда есть лишнее: дыхание, пот, усталость пальцев, микроскопическое опоздание смычка, человеческая жалкая погрешность между двумя нотами. Здесь её не было. Скрипки резали воздух с такой точностью, будто исполняли не вальс, а приговор. Виолончели держали низкий, бархатный тон, похожий на гул закрытой гробницы. Медные духовые вступали без единой трещины, без дрожи, без сомнения.

Вальс Штрауса, очищенный от жизни.

Каэль сидел на возвышении у северной стены бального зала, в кресле с высокой резной спинкой. Когда-то это кресло принадлежало королю, чьё имя давно исчезло из человеческих хроник и архивов Цитадели. Теперь от короля осталась только мебель, тёмное пятно на подлокотнике и серебряная табличка без надписи. Замок не любил хранить чужие имена. Иногда он стирал их сам.

Внизу танцевала высшая нечисть.

Они были красивы так, как бывают красивы ядовитые растения, ритуальные ножи и старые болезни. Аристократы древних Родов кружились под люстрами из костяного стекла. Кровопийцы с пересохшими венами улыбались друг другу слишком тонкими губами. Алхимики плоти, затянутые

в шёлк и парчу, обсуждали последние мутации рынка так же спокойно, как люди обсуждают погоду. У некоторых под манжетами шевелились лишние суставы. У некоторых тени двигались с задержкой. У некоторых лица были настолько идеальны, что становилось ясно: их носили не первые владельцы.

Никого это не смущало.

В мире нечисти уродство давно стало вопросом вкуса.

По мрамору скользили платья, расшитые волосами казнённых пророков. Бокалы звенели тихо, почти нежно. В хрустале темнели вина, которые не росли ни на одной лозе: выдержанная тоска, дистиллят страха, кровь существ, умерших до появления человеческой речи. В одном из бокалов у дальней колонны плавали крошечные светящиеся силуэты. Они то складывались в лица, то распадались на пузырьки, и хозяйка бокала лениво наблюдала за ними с выражением коллекционера, которому достался редкий винтаж.

Каэль держал свой бокал, но не пил.

Жидкость в нём была густой, синеватой, почти чёрной у краёв. Она пахла холодным металлом, мокрым пеплом и чем-то слишком личным, чтобы называть это напитком. Морра уверяла, что такой год больше не повторится. Каэль верил. Не потому что ценил вкус, а потому что всё по-настоящему мерзкое обычно случалось только один раз, а потом веками имитировалось теми, кто опоздал.

Он смотрел на бал и не чувствовал ничего.

Не раздражения. Не удовольствия. Не презрения даже.

Презрение требовало участия.

Скука была глубже. Она лежала под кожей, как слой свинца, и давила изнутри на рёбра. С каждым десятилетием она становилась плотнее, тяжелее, почти материальной. Раньше Каэль мог развлекать себя войнами, охотами, любовниками, редкими книгами, судебными интригами Цитадели, дуэлями с теми, кто считал себя бессмертным достаточно, чтобы проверить это на практике. Потом всё это начало повторяться. Монстры меняли имена, маски, эпохи, фасоны камзолов и способы убийства, но в основании оставались одинаковыми.

Они хотели власти. Они боялись исчезнуть. Они врали о прошлом.

И все рано или поздно приходили к нему в замок — посмотреть на Каэля, как смотрят на опасный экспонат, который пока не запрещён.

Он слегка сжал пальцы на подлокотнике. Дерево под ладонью тихо хрустнуло и осыпалось серой пылью. Не от силы. От состояния. Замок реагировал на него раньше, чем он сам успевал понять, что именно чувствует. Камень в стенах едва заметно напрягся. Тени под колоннами стали длиннее. На одной из фресок святой с выцарапанными глазами повернул голову в сторону хозяина и тут же застыл, будто испугался собственной смелости.

Гости сделали вид, что ничего не заметили. Это тоже было частью хорошего тона.

К помосту приблизилась графиня Вейр. На её лице не было глаз — от лба до скул тянулась гладкая фарфоровая кожа, отполированная до мягкого блеска. Тем не менее она видела всё. Такие, как она, всегда видели больше, чем стоило.

— Вечер великолепен, — сказала графиня. Голос у неё был сухой, как шелест старого письма. — Ваш вкус, Каэль, по-прежнему вызывает у общества зависть и лёгкое желание повеситься.

Каэль не ответил.

Он смотрел сквозь неё — туда, где танцующие пары сходились и расходились в сложном рисунке, заранее обречённом на повторение. Раз-два-три. Раз-два-три. Век за веком. Одни и те же лица, даже когда лица менялись.

Графиня выдержала паузу. Её улыбка осталась на месте, но по краю фарфоровой кожи прошла тонкая трещина.

— Вы сегодня особенно разговорчивы, — добавила она.

Каэль медленно перевёл на неё взгляд. Этого оказалось достаточно.

Графиня поклонилась с безупречной вежливостью и отступила в толпу. Несколько существ рядом с ней сразу сделали вид, что увлечены разговором о старых долговых казнях в Праге. Никто не хотел оказаться следующим объектом внимания хозяина.

Музыка продолжалась. Идеальная. Мёртвая. Невыносимая.

Раз-два-три.

Раз-два-три.

Раз—

Скрипка ошиблась.

Фальшивая нота была крошечной. Почти несуществующей. Живой музыкант не услышал бы её вовсе, а если бы услышал, простил бы. Но этот оркестр не должен был ошибаться. Он был собран из привязанных теней, костяных резонаторов и памяти о музыкантах, умерших с руками на инструментах. Ошибка в нём означала не усталость. Ошибка означала вмешательство.

Каэль поднял глаза.

Танец внизу замедлился. Сначала едва заметно: платье зависло в воздухе на долю секунды дольше, чем позволяла физика, бокал не успел отразить свет, один из кровопийц не закончил улыбку. Потом замедление расползлось по залу, как холод по стеклу. Голоса стихли. Шаги растворились. Даже люстры перестали звенеть.

В центре танцпола воздух натянулся. Звук был похож на рвущийся мокрый шёлк.

Ткань пространства вспучилась, потемнела по краям и начала расходиться неровным вертикальным разрезом. Из щели пахнуло морозом, озоном и сухой пылью архивов. Не старых книг — нет. У Цитадели пыль была другой. Она пахла документами, которые пережили своих владельцев и сами решили, кому позволено существовать.

Разрез расширился. В зал вошёл Курьер Ночи.

Он не шагнул — скорее, был допущен реальностью на минимально необходимое расстояние. Высокий силуэт из чёрного стекла, острых углов и неподвижной власти. У него не было лица, только гладкая обсидиановая плоскость, в которой не отражался зал. В полупрозрачной грудной клетке медленно вращались тонкие зубчатые кольца, вложенные друг в друга. Они не были механизмом. Механизмы можно остановить, сломать, переплавить. Это было изображение закона, которому зачем-то позволили иметь форму.

Иней побежал по мрамору от его ног.

Один из гостей отступил слишком резко и задел локтем столик. Хрустальный бокал упал, разбился, и тёмная жидкость растеклась по полу. Крошечные лица внутри неё беззвучно закричали и тут же испарились. Никто не наклонился убирать осколки. Даже Морра, где бы она сейчас ни находилась, вероятно, почувствовала это оскорбление на расстоянии.

Курьер поднял голову к помосту. Каэль не пошевелился.

Между ними было достаточно пространства для десятка танцующих пар, но все в зале ощутили, как это пространство стало лишним. Замок замолчал глубже обычного. Не затих — именно замолчал, как живое существо, которое внезапно услышало голос того, кого не ожидало услышать у своих дверей.

Курьер не говорил. Цитадель не присылала Курьеров для бесед.

Существо подняло руку. Пальцы его состояли из отдельных осколков чёрного зеркала, державшихся вместе не суставами, а приказом. Осколки разошлись, и в зал вошёл Мандат.

Он появился не в воздухе и не в сознании отдельно. Он возник сразу везде: на сетчатке, в костях, на языке, в памяти. Древние существа застыли, потому что каждый из них узнал структуру приказа раньше, чем понял содержание. Столетний Долг. Формула подчинения. Та самая нить, которой Цитадель привязывала даже тех, кто считал себя выше законов.

Перед помостом соткался плоский светящийся лист. Не пергамент, хотя его форма издевательски напоминала старые указы. Не голограмма, хотя он мерцал холодным синим светом. Это была воля Цитадели, временно разрешившая себе выглядеть как текст.

Глифы выстроились в несколько строк.

Объект устранения: Аделина.

Родственная связь: сестра Нерисы.

Исполнитель: Каэль.

Срок: немедленно.

Зал стал ещё тише.

Тишина изменилась. До этого она была страхом. Теперь в ней появилось любопытство. Нечисть умела чувствовать момент, когда история слегка поворачивает голову. Кто-то у дальней колонны перестал дышать, хотя не нуждался в дыхании уже лет пятьсот. Кто-то очень осторожно поставил бокал

на стол. Кто-то улыбнулся — не от веселья, а от предвкушения катастрофы, которую можно будет потом пересказывать в закрытых салонах, если, конечно, останется кому.

Каэль смотрел на Мандат.

Аделина.

Имя ничего не значило для него само по себе. В мире было слишком много имён. Большинство из них исчезало раньше, чем успевало стать важным. Но второе имя — Нериса — вошло в зал совсем иначе. Не как глиф. Не как приказ. Как рана, о которой Каэль не разрешал себе думать слишком часто.

Он увидел её не полностью, а фрагментами. Резкий взгляд из-под спутанных тёмных волос. Шрам у ключицы. Узкие пальцы, сжимающие рукоять клинка. Усмешку, в которой всегда было чуть больше усталости, чем угрозы. Нериса не пыталась казаться мягче рядом с ним. Не дрожала, когда он входил в комнату. Не называла его чудовищем так, будто это оскорбление. Она смотрела на него как охотник на хищника, который слишком долго был один, и именно поэтому не потерял окончательно способность понимать одиночество.

Она была опасной. Неправильной. Собранной из чужих решений, чужой жестокости и собственной невозможной воли.

И всё же рядом с ней Каэль иногда чувствовал не покой — покой был бы слишком громким словом, — а слабое нарушение пустоты. Тонкую царапину на стекле вечности. До-

казательство, что внутри него ещё есть место, которое может отозваться не скукой.

Аделина была её сестрой. Её кровью. Её уязвимостью. Цитадель знала это. Вот что было действительно оскорбительным.

Не приказ. Приказы Каэль получал и раньше, хотя реже, чем полагалось по архивным нормам. Не угроза. Угрозы были языком старых систем, которые слишком долго прожили без достойного собеседника. Оскорбительной была точность. Цитадель не просто требовала убийства. Она выбрала точку, в которой его можно было проверить. Или сломать. Или, что вероятнее, заставить проявиться.

Каэль медленно поставил бокал на подлокотник кресла. Хрусталь коснулся дерева почти беззвучно. Несколько существ внизу одновременно напряглись. Он поднялся.

В этом движении не было театра. Не было ярости. Не было даже спешки. Именно поэтому зал отреагировал сильнее, чем если бы он ударил Курьера на месте. Каэль просто встал — и древние монстры, пережившие войны Родов, сожжённые города, охоты Цитадели и собственные смерти, вдруг вспомнили, что у страха есть первичная, животная форма.

Он спустился по ступеням.

Раз.

Каблук коснулся мрамора.

Два.

Оркестр не играл, но ритм остался.

Три.

Каэль остановился перед Мандатом. Курьер был рядом, неподвижный и чужой. Его внутренние кольца вращались ровно, без ускорения. Для него всё ещё существовал порядок: приказ предъявлен, исполнитель принимает, система закрывает задачу. В этой логике не было места отказу. Тем более такому.

Каэль поднял руки. Гости отшатнулись ещё до того, как поняли почему. Он коснулся Мандата.

Этого нельзя было сделать. Мандат не имел толщины. Не имел поверхности. Не принадлежал материи в обычном смысле. Он был юридической формой, внедрённой в реальность через волю Цитадели. К нему нельзя было прикоснуться так же, как нельзя схватить за горло статью закона или сломать пальцами собственную дату рождения.

Но пальцы Каэля сомкнулись на светящихся краях. Глифы дрогнули.

Курьер впервые изменился. Едва заметно: одно из зубчатых колец в его груди сбилось с оси и вернулось обратно. Этого было достаточно, чтобы все в зале поняли: происходящее не было предусмотрено.

Мандат попытался сопротивляться. Свет под пальцами Каэля стал плотным, режущим, белым. На коже его ладоней проступили тонкие чёрные линии, будто сам текст пытался вписаться в плоть и заставить её подчиниться. Воздух завизжал. Несколько окон покрылись паутиной трещин. В даль-

нем углу одна из теней сорвалась со стены и исчезла под полом, не выдержав давления.

Каэль развёл руки в стороны. Медленно. Почти бережно.

Звук разрыва был низким и страшным. Не громким — нет. Громкие звуки принадлежат обычному миру. Этот звук прошёл не через уши, а через позвоночник. Так могла бы треснуть несущая балка здания, если бы здание было не из камня, а из причин и следствий. Так мог бы ломаться старый договор, подписанный до появления языка.

Мандат раскололся. Глифы вспыхнули и осыпались чёрным пеплом. На белоснежные манжеты Каэля легла тонкая тёмная пыль. Никто не сказал ни слова.

Даже те, кто пришёл на бал ради интриг, ядов, сделок и чужого унижения, вдруг оказались свидетелями события, для которого не существовало светского комментария. Цитадели не отказывали так. Её обходили, обманывали, задабривали, пытались купить, боялись, ненавидели, но не рвали её волю руками посреди бального зала.

Курьер застыл. В его груди остановилось одно кольцо. Потом второе. Потом все. Каэль опустил руки и стряхнул пепел с пальцев. Только теперь система ответила. Снаружи что-то исчезло. Не взорвалось. Не рухнуло. Не приблизилось. Именно исчезло.

Звук был похож на выдернутый из мира кабель. Глухой, всасывающий хлопок, после которого у каждого существа в зале на мгновение заложило уши. Замок качнулся не физи-

чески, а глубже — на уровне права находиться в этом месте. Люстры мигнули. Стены сжались. Витражи в высоких окнах разом потемнели.

Небо за ними стало серым шумом. Не облаками. Не туманом. Не рассветной мглой. Помехами.

Миллионы мелких чёрно-белых точек бешено дрожали над замком, как экран старого телевизора, которому показывали не изображение, а отсутствие мира. Этот свет просочился в зал, сделал лица гостей плоскими, мёртвыми, чужими. На мраморе зашевелились неправильные отражения.

Каэль повернул голову к окнам.

Там, где минуту назад был внутренний двор, скалы, мокрые кипарисы и туман над Кито, больше не было ничего знакомого. Цитадель не прислала армию. Она поступила грубее и страшнее. Она убрала место, куда армия должна была прийти.

Двор рассыпался крупными тёмными фрагментами, как повреждённая фреска. Камень, фонтаны, статуи, мокрая земля, внешняя стена — всё распалось на квадраты, полосы, слои, стёрлось и провалилось в серую пустоту. На одно мгновение вокруг замка не осталось территории. Только обрезанные края реальности, дрожащие у самых стен.

Потом пустота заполнилась. Из неё вырос легион. Тысячи фигур стояли так плотно, будто их не расставили, а напечатали одним чёрным массивом. Броня, похожая на панцири насекомых и хирургические пластины. Узкие маски без

лиц. Клинки, встроенные в предплечья. Трубки, уходящие под кожу. Мышцы, лишённые кожи и покрытые металлическими скобами. Красные оптические точки загорались рядами, рядами, рядами — до самого горизонта, которого больше не существовало.

Исполнители Тени. Не отряд. Не карательная группа. Полный контур подавления.

Пространство снаружи начало давить на замок. Камень застонал. Где-то в глубине стен проснулись старые механизмы, о которых Каэль не знал или не хотел вспоминать. Замок отвечал не страхом, а раздражением. Низким, древним, почти звериным.

И вот тогда в зале кто-то тихо рассмеялся.

— Великолепно, — сказал лорд в бархатном камзоле, аккуратно поправляя пластрон. — Совершенно безрассудно. Ставлю поместье в Лимбе, что голову ему оторвут до третьей минуты.

— Не соглашусь, — отозвалась высокая женщина с прозрачной кожей, под которой медленно плавали золотые личинки. — Каэль слишком упрям для третьей минуты. Я бы сказала — пятая. Но только если Цитадель пришла всерьёз.

— Цитадель всегда приходит всерьёз, дорогая.

— Именно поэтому с ней так скучно.

Напряжение не исчезло. Оно стало хуже. Высшая нечисть не паниковала не потому, что была храброй. Просто многие из них прожили слишком долго, чтобы кричать красиво.

Они предпочитали уходить с достоинством и по возможности с чужими драгоценностями.

Порталы начали открываться один за другим.

Фиолетовые разрывы. Чёрные овалы. Двери из костяной пыли. Один гость спокойно допил бокал перед тем, как шагнуть в щель, пахнущую морской солью и трупным воском. Другой забрал с собой целую бутылку с ближайшего стола. Графиня Вейр остановилась у выхода из реальности, повернула своё гладкое лицо к Каэлю и вежливо склонила голову.

— Вечер действительно удался, — сказала она. — Жаль, что вы решили закончить его политическим самоубийством.

Каэль не ответил.

Через несколько секунд зал почти опустел.

Остались перевёрнутые стулья, недопитые бокалы, чёрный пепел Мандата на мраморе, Курьер Ночи, застывший в собственной невозможности, и музыка.

Оркестр снова играл. Безупречно. Как будто конец мира был всего лишь новой частью партитуры.

* * *

Первым тишину испортил интерком.

Старый бронзовый динамик у входа в зал захрипел, будто в нём подавился маленький демон. Потом раздался голос Грума — высокий, сорванный, переполненный таким искренним ужасом, будто снаружи стояла не армия Цитадели,

а инспектор санитарной службы.

— Босс! — завопил он из подвала. На заднем плане что-то грохнуло, зашипело, и кто-то, судя по звуку, уронил металлический противень. — У нас нарушение температурного режима! Повторяю: нарушение температурного режима! Ваши гости, ваша армия, ваше политическое самоубийство — мне плевать, но у меня опало суфле!

Каэль даже не повернул головы.

— Три недели, босс! — продолжал Грум уже с надрывом существа, которое пережило войны, голод, мутации и ремонт северного крыла, но не было готово к кулинарной несправедливости. — Три недели выдержки! И всё из-за резонансного давления этой чёртовой карательной конструкции за стенами! Я увольняюсь! Я ухожу в монастырь! Я открою лавку пирогов в человеческом квартале и буду счастлив!

Интерком снова захрипел, затем издал короткий визг и замолчал.

Курьер Ночи всё ещё стоял посреди зала. Его внутренние кольца не вращались. Он выглядел так, словно впервые столкнулся с процессом, который нельзя было ни классифицировать, ни наказать, ни оформить в архивной форме. У Цитадели наверняка существовали протоколы на случай отказа. На случай бегства. На случай вооружённого сопротивления. Возможно, даже на случай оскорбления Совета Старших.

Но Каэль не отказался. Он взял приказ руками и разо-

рвал его, как бумагу. Для закона это было хуже преступления. Преступление признаёт закон, когда нарушает его. Каэль только что обошёлся с законом как с вещью.

Воздух за спиной Курьера вспоролся двумя короткими влажными разрезами. Из них вывалились Бруно и Гаш. Оба приземлились на мрамор с неуклюжей тяжестью существ, которых когда-то собрали из неправильных частей, а потом забыли разобрать обратно. Один ударился плечом о колонну, второй прокатился по полу, зацепил когтями ковёр и тут же откусил от него кусок, скорее по привычке, чем от голода.

— Это моё, — сказал Гаш, поднимаясь на четвереньки и указывая на Курьера.

— С чего вдруг твоё? — Бруно сплюнул нитку ковра и прищурился. — Ты даже не знаешь, съедобное ли оно.

— Всё съедобное, если достаточно долго злиться.

— Философ.

— Пошёл ты.

Они одновременно уставились на Курьера. Существо из чёрного стекла медленно повернуло к ним гладкое лицо. В этом движении не было ни раздражения, ни страха. Только попытка системы понять, почему рядом с Мандатом, легионом и нарушением фундаментальной подчинённости вдруг возникли два полусгнивших идиота с явным намерением попробовать абсолютный закон на зуб.

— Лицо моё, — сказал Бруно.

— У него нет лица.

— Значит, я первый выбираю место, где оно должно было быть.

Гаш задумался, потом кивнул.

— Разумно.

Они начали обходить Курьера с двух сторон, низко, хищно, но при этом продолжая толкаться плечами, как дети у витрины с пирожными. Один из осколков в руке Курьера чуть повернулся в их сторону. На мгновение воздух рядом с Бруно вспыхнул холодным светом, и часть его левого уха исчезла так чисто, будто её вычеркнули.

Бруно потрогал край раны.

— Грубо, — сказал он. — Теперь точно лицо моё.

Двери дальнего прохода распахнулись с такой силой, что одна створка ударилась о стену и треснула.

В зал влетела Морра.

Для существа ростом в двадцать пять сантиметров она умела занимать пространство так, будто входила не фея, а артиллерийская батарея. Её крылья дрожали от ярости, волосы стояли дыбом, глаза горели жёлтым. В руках она держала швабру с серебряным наконечником. На наконечнике было свежее пятно чего-то кислого и явно живого.

— Нет, — сказала она.

Одного этого слова хватило, чтобы Бруно и Гаш синхронно пригнули головы.

Морра зависла над серединой зала, окинула взглядом чёрный пепел на мраморе, разбитый хрусталь, иней от Курьера,

трещины у окон и серый шум за витражами. Её лицо изменилось. Не испугалось — Морра, кажется, вообще не была создана с функцией испуга. Оно стало оскорблённым.

Глубоко. Лично. Почти религиозно.

— Я полировала этот пол с рассвета, — сказала она тихо.

Замок, кажется, напрягся.

— С рассвета, — повторила Морра и медленно повернула голову к окнам, за которыми стояла биомеханическая армия. — Если хоть одна эта консервная падаль пройдёт дальше вестибюля и оставит на моём мраморе масло, слизь, кровь, пепел, радиоактивный песок или что там у них течёт вместо приличного внутреннего содержания, я лично вымою этим легионом внешний двор. В обе стороны.

Бруно поднял палец.

— Двора больше нет.

Морра медленно повернулась к нему.

— Тогда я вымою ими отсутствие двора.

Бруно опустил палец.

Каэль прошёл мимо них.

Он не сказал ни слова. Не посмотрел на Курьера. Не посмотрел на Бруно и Гаша. Даже Морру, которая могла заставить древних чудовищ извиняться за неправильно поставленную чашку, он оставил за краем внимания. Его лицо было спокойным, почти пустым, но замок чувствовал то, чего не видели остальные. Камень под его ногами становился темнее. Не от тени. От ожидания.

Каэль двигался к главным дверям бального зала, за которыми начинался длинный вестибюль и дальше — ворота. С каждым его шагом музыка становилась громче, хотя оркестр не менял силы. Просто всё остальное отступало. Хрипы интеркома, шорох крыльев Морры, влажное дыхание Бруно и Гаша, низкое давление легиона за стенами — всё уходило вниз, под вальс.

Раз-два-три.

Раз-два-три.

Каэль расстегнул правую манжету. Этот жест был настолько будничным, что от него стало страшнее. Он шёл не как герой, выходящий на последнюю битву. Не как безумец, бросающий вызов мирозданию. Он шёл так, будто его вызвали решить неприятный, но давно ожидаемый хозяйственный вопрос. Где-то протекла крыша. Где-то в катакомбах проснулся старый механизм. Где-то Цитадель решила, что имеет право выбирать, кого он должен убить. Его правая рука опустилась вниз. Воздух рядом с пальцами потемнел. Не рассеянно, как тень, а плотно, с внутренним сопротивлением. Пространство сложилось в узкую вертикальную рану. Из неё пахнуло оружейной смазкой, горелым порохом, старым железом и землёй с полей, где когда-то умирали люди, уверенные, что война имеет смысл.

Каэль ввёл руку в темноту. Морра перестала ругаться. Бруно и Гаш перестали спорить. Даже Курьер, кажется, сумел на мгновение выйти из логической петли. Каэль вытянул

из теневого кармана оружие.

Оно появлялось постепенно: сначала массивный ствол, чёрный, матовый, грубый; потом прямоугольная ствольная коробка; потом тяжёлая лента, свисающая почти до пола, где в каждом звене сидел патрон размером с толстый палец мертвеца. Никакой красоты. Никакой аристократической изящности. Это была не шпага, не ритуальный клинок, не древний артефакт с именем и родословной.

Это была машина. Простая, злая, промышленная. Калибр 12,7 миллиметра. Оружие, созданное не для дуэлей, а для того, чтобы объяснять материи её ошибку. Человеческое тело не должно было держать такой пулемёт на весу. Даже большинство нечисти предпочло бы станок, упор, расчёт, подготовленную позицию. Каэль нёс его одной рукой, как трость, и только мрамор под его ногами тихо жаловался на дополнительный вес.

Он прошёл через вестибюль.

Здесь было темнее. Свет серого неба за узкими окнами делал стены плоскими, мёртвыми, похожими на старые кости. Портреты прежних владельцев, которых замок иногда выдумывал для приличия, исчезли из рам. Остались только тёмные прямоугольники и следы пыли. Доспехи у стен повернули шлемы вслед за хозяином, хотя внутри них давно никого не было.

За внешними воротами легион пришёл в движение.

Сначала это был низкий гул. Потом — металлический рёв

тысяч суставов. Потом — удар.

Ворота замка были сделаны из морёного дуба, железа и чего-то ещё, о чём Морра никогда не говорила вслух. Они выдерживали осады, ритуальные шторма, кислотный дождь, попытки Родов прислать убийц через архитектурные щели. На их внутренней стороне остались следы когтей существ, имена которых исчезли вместе с видами.

Первый удар прогнул металл.

Второй расколол дуб.

Третий не понадобился.

Ворота взорвались внутрь.

Щепа размером с копья пролетела через вестибюль. Железные полосы сорвало с петель и закрутило в воздухе, как чёрные ленты. Одна створка ударилась о стену, пробила камень и застряла в нём под углом, дрожа от остаточной силы. В проёме открылся внешний мир, которого больше не было.

Там стоял легион. Бесконечный, плотный, чёрный. Передние ряды уже двигались к входу. Исполнители Тени не кричали. Их маски горели красным, их броня шевелилась на телах, подстраиваясь под давление пространства. Клинки выдвигались из предплечий с влажным металлическим щелчком. В их движении не было злости. Только функция. Устранить. Подавить. Вернуть систему к допустимому состоянию.

Каэль остановился в арке разрушенных ворот. За его спиной, далеко в бальном зале, оркестр играл вальс. Перед ним наступала армия Цитадели. Он поднял пулемёт.

Лента патронов качнулась, тяжело звякнув о мрамор. Каэль перехватил оружие второй рукой, большим пальцем снял предохранитель и отвёл затвор.

Щелчок прозвучал отчётливо. Громче музыки. Громче рёва легиона. Громче серого шума над замком. Первый Исполнитель прыгнул.

Он был быстрее крупной кошки, тяжелее лошади и уже в воздухе раскрылся, как боевой инструмент: четыре клинка, два дополнительных сустава, чёрная пасть под маской, где вместо языка шевелилась тонкая цепь с крючьями. Он должен был преодолеть последние метры за долю секунды.

Каэль нажал на спуск. Первый выстрел ударил не в грудь. В глаз.

Пуля 12,7 миллиметра вошла в красную оптическую точку маски и вышла через затылочную бронепластину вместе с фрагментами черепа, стекла, керамики и серого желе, которое у Исполнителей заменяло часть мозга. Голова существа не взорвалась красиво. Её сорвало небрежно, грубо, как гнилой замок с двери. Тело продолжило лететь вперёд, но уже без команды, ударилось о край арки и переломилось пополам.

Второй выстрел прозвучал почти слитно с первым. Каэль чуть довернул ствол.

Не на глаз. Не интуитивно. Точность его движения была микроскопической, почти скучной. Он уже видел траектории. Не рассчитывал — видел. Скорость цели, угол входа,

прочность брони, давление изменённого пространства, отдачу, вес ленты, расстояние до следующего ряда. Физика раскрылась перед ним не формулами, а открытым мясным кодом.

Вторая пуля прошила локоть Исполнителя, который поднимал встроенный метатель. Руку оторвало вместе с оружием. Обрубок, всё ещё сжимавший заряд, улетел назад и взорвался в третьем ряду, залив броню соседей белым огнём.

Третья пуля ударила ниже. Колено. Не самое защищённое место, если знать точку изгиба.

Керамическая чашечка сустава превратилась в пыль. Исполнитель рухнул под ноги следующему. Тот споткнулся на полном ходу, и четвёртая пуля вошла ему под подбородок, вышла через темя и унесла с собой половину маски. Пятая уже летела в того, кто пытался обойти арку по левой стене.

Пулемёт заговорил очередью.

Звук был не просто громким. Он стал новой архитектурой пространства. Мрамор под ногами Каэля задрожал. Воздух перед стволом раскалился. Вспышки выстрелов резали серый шум короткими бело-жёлтыми ударами. Горячие гильзы сыпались вниз, отскакивали от камня и катились по полу, звеня почти музыкально.

Раз-два-три.

Раз-два-три.

Вальс не остановился. Каэль стрелял в его размере. Не потому, что ему нравилась эта симметрия. Просто так было удобнее.

Каждый короткий разворот ствола закрывал чью-то по-

пытку прорваться. Каждая очередь ломала построение. Пули не просто пробивали броню — они меняли форму наступления. Маски трескались. Клинки отрывало вместе с предплечьями. Чёрная броня лопалась, открывая влажную бледную плоть, в которой шевелились кабели, сухожилия и тонкие паразитические трубки. Там, где человек увидел бы хаос, Каэль видел последовательность слабых мест.

Он не отступал.

Отдача должна была ломать ему плечи. Ствол должен был уводить вверх. Лента должна была тянуть оружие вниз. Но тело Каэля принимало нагрузку без видимого усилия: плечо гасило импульс, локоть корректировал угол, кисть возвращала ствол туда, где через одну десятую секунды должна была оказаться следующая цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.